

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ



S T A N I S Ł A W
L E M

DZIEŁA ZEBRANE

С Т А Н И С Л А В
Л Е М

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ



НЕПОБЕДИМЫЙ *роман*
РАССКАЗЫ

84.4 П

Л 44

**Издание подготовлено совместно
с литературно-издательской студией «РИФ»**

Художники Лариса Денисенко, Валерий Черншевский

Ответственный редактор Александр Мирер

Л $\frac{4703010100 - 034}{93}$ подп.

ISBN 5-87106-056-0

© Ст. Лем, 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1961, 1964, 1972

© «Текста», 1993

НЕПОБЕДИМЫЙ

роман



ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ

«Непобедимый», крейсер второго класса, самое крупное судно, которым располагала База в созвездии Лиры, шел на фотонной тяге через крайний квадрант созвездия. Восемьдесят три человека, составлявшие команду корабля, спали в тоннельном гибернаторе центральной палубы. Рейс был относительно недолгим, поэтому вместо полной гибернации применили углубленный сон, при котором температура тела не падает ниже десяти градусов.

В рулевой работали только автоматы. В их поле зрения, на крестовине визира, лежал диск солнца, которое было немногим горячее обычного красного карлика. Когда диск этот занял половину экрана, аннигиляционная реакция была приостановлена. Некоторое время на всем корабле стояла мертвая тишина. Беззвучно работали климатизаторы и цифровые машины. Прекратилась тончайшая вибрация, сопутствующая эмиссии светового столба, который ранее вырывался из кормы и, как бесконечно длинная шпара пронзая мрак, отдачей двигал корабль. «Непобедимый» шел все на той же субсветовой скорости, беззвучный, глухой, кажущийся пустым.

Потом начали перемигиваться огоньки на пультах, облитых румянцем далекого солнца, пылающего на центральном экране. Ферромагнитные ленты двинулись, программы медленно вползали в недра одного устройства за другим, переключатели высекали искры, и ток устремлялся по

проводам с гудением, которого никто не слышал. Электромоторы включались и, преодолевая сопротивление давным-давно застывшей смазки, с басовых нот переходили на пронзительный стон. Тусклые кадмиевые стержни выдвигались из вспомогательных реакторов, магнитные помпы нагнетали жидкий натрий в змеевики охлаждения, по металлу корабельных палуб пошла дрожь, а тихое, царапающее шуршанье внутри стен — будто там носились стада крохотных зверьков, постукивая коготками о сталь, — означало, что подвижные шупы автоматического ремонта уже начали свой путь длиною в километры, чтобы контролировать каждое скрепление балок, герметичность корпуса, надежность металлических стыков. Весь корабль, пробуждаясь, наполнялся звуками и движением, и лишь его команда еще спала.

Но вот очередной автомат, поглотив свою ленту с программой, послал сигналы центральному управлению гибернатора. К холодному воздуху камер примешался пробуждающий газ. Меж рядами коек из решеток в полу повесило тепло. Однако люди долго еще как бы не хотели просыпаться. Некоторые бессильно пошевеливали руками; пустоту их леденящего сна наполняли кошмары и бред. Наконец кто-то первым открыл глаза. Корабль уже подготовился к этому. Несколько минут назад темнота в длинных палубных коридорах и в шахтах подъемников, в каютах и рулевой рубке, в барокамерах и на рабочих местах сменилась белым сиянием искусственного дня. И пока в гибернаторе слышались вздохи и полубессознательные стоны, корабль, словно не в силах дожидаться, пока очнутся люди, начал предварительный маневр торможения. На центральном экране возникли полосы огня из носовой части. В безжизненное субсветовое движение вторгся толчок: мощная сила, направленная через носовые отражатели, пыталась сплющить восемнадцать тысяч тонн массы покоя «Непобедимого», помноженные на его громадную скорость. В картографических каютах плотно упакованные карты тревожно задрожали на роликах. Там и сям двигались, словно оживая, слабо закрепленные предметы; в камбузах загремела, сталкиваясь, посуда, закачались спинки пустых кресел из пенопласта, заколыхались настенные ремни и тросы на палубах. Грохот металла, звон стекла, треск пластика смешались и волной прошли сквозь ракету от носа до кормы. Тем временем из гибернатора уже послышались голоса; из небытия, длившегося семь месяцев, и короткой дремоты люди вернулись в явь.

Корабль терял скорость. Планета, вся в рыжей шерсти туч, закрыла звезды. Выпуклое зеркало океана с отраженным в нем солнцем все медленней передвигалось по экрану. В поле зрения вливался бурый, испещренный кратерами материк. Но люди на палубах не видели ничего. Под ними, глубоко внизу, в титановом нутре двигателя, нарастал приглушенный рев, неодолимая тяжесть срывала пальцы с рукояток. Туча, попавшая в струю выхлопа, ртутно засеребрилась, распалась и исчезла.

Рев стал неимоверным. Рыжеватый выпуклый диск все заметней распластывался: из планеты всплыл материк. Уже виднелись серповидные дюны, движущиеся под ветром; лавовые потоки, расходящиеся, как спицы колеса, от ближайшего кратера, вспыхнули, отражая пламя ракетных дюз, более яркое, чем здешнее солнце.

— Полная мощность на оси! Статическая тяга.

Стрелки лениво передвинулись в следующий сектор шкалы. Маневр прошел безукоризненно. Корабль, словно опрокинутый вулкан, извергающий пламя, повис на высоте полумили над рябой равниной со скалистыми грядами, тонущими в песках.

— Полная мощность на оси! Уменьшить статическую тягу.

Уже видно было, как пламя выхлопа, вертикально падающее вниз, ударяется о почву. Там взметнулась огненная песчаная буря. Из кормы вылетали фиолетовые молнии, казавшиеся беззвучными, потому что их грохот заглушался ревом выхлопных газов. Разность потенциалов выровнялась, молнии исчезли. Какая-то переборка расстоналась; командир кивком показал на нее инженеру: резонирует, надо это устранить. Но никто не сказал ни слова, двигатели выли, корабль опускался, теперь уже без малейшей вибрации, как стальная гора, висящая на невидимых тросах.

— Половину мощности на оси! Малая статическая тяга.

Концентрическими кругами разбегались во все стороны дымящиеся песчаные волны, словно валы настоящего моря. Центр, в который ветвистое пламя дюз било с небольшой уже высоты, больше не дымился. Песок там превратился в багровые пузыри, в кипящее озеро расплавленного кремнезема, испарявшегося в столбе взрывов. Обнаженный, как кость, старый базальт планеты начал размягчаться.

— Реакторы на холостой ход! Холодная тяга.

Голубой атомный огонь угас. Из дюз хлынули косые

бороводородные лучи, и мгновенно пустыню, скалистые стены кратеров и тучи над ними залил адский зеленый свет. Базальтовая площадка, на которую должна была опуститься широкая корма «Непобедимого», больше не грозила расплавиться.

— Реакторы — ноль! На холодной тяге на посадку.

Все сердца забились живей, глаза устремились к приборам, рукоятки стали влажными в судорожно стиснутых пальцах. Эти традиционные слова означали, что возврата уже нет, что ноги станут на настоящую почву — пусть даже на песок пустынной планеты, но там будет восход и заход солнца, и горизонт, и тучи, и ветер.

— Посадка в точке надира.

Корабль наполнился протажным стоном турбин, нагнетающих горючее вниз. Зеленый конусообразный столб огня соединил его с дымящейся скалой. Со всех сторон взвились тучи песка, ослепили перископ средней палубы, только в рулевой рубке на экранах радаров все так же возникали и гасли, повинувшись водящему лучу, очертания ландшафта, тонущего в хаосе тайфуна.

— Стоп при стыке!

Пламя мятежно клокотало под кормой, миллиметр за миллиметром сдавливаемое оседающей тушей ракеты, зеленый ад стрелял длинными брызгами в глубь колеблющихся песчаных туч. Между кормой и опаленным базальтом скалы зияла уже лишь узкая расщелина, полоска зеленого полыхания.

— Ноль — ноль. Все двигатели стоп!

Звенящий удар. Один-единственный, словно лопнуло исполинское сердце. Ракета остановилась. Главный инженер держал руки на двух рукоятках аварийного старта: скала могла не выдержать. Все ждали. Стрелки секундомеров продолжали свои блошинные скачки. Командир с минуту смотрел на указатель вертикали: его серебристый огонек ни на йоту не отклонялся от красного нуля. Команда молчала. Разогретые до вишневого накала дюзы начинали сжиматься, издавая характерные звуки, похожие на хрипящие стоны. Красноватая туча, взвившаяся на сотни метров, оседала. Из нее возникла тупая верхушка «Непобедимого», его корпус, опаленный трением об атмосферу и потому похожий цветом на древние скалы, его шершавая двойная броня; рыжая пыль все еще клубилась и вилась у кормы, но сам корабль уже прочно замер, будто стал частью планеты, и теперь вращался вместе с ней неторопливым, испокон веков длящимся

вращением под фиолетовым небом, на котором виднелись яркие звезды, исчезающие лишь вблизи красного солнца.

— Процедура нормальная?

Астрогатор выпрямился над бортовым журналом, куда он вписал посреди страницы условный знак посадки и время, и проставил в боковой рубрике название планеты: «Регис III».

— Нет, Роган. Начнем с третьей степени.

Роган старался не высказать изумления.

— Есть. Хотя... — добавил он с фамильярностью, которую Горнах порой ему разрешал. — Не желал бы я быть тем, кто сообщит это команде.

Астрогатор, будто не слыша этих слов офицера, взял его за плечи и подвел к экрану, словно к окну. Песок, отброшенный выхлопами при посадке, образовал нечто вроде неглубокой котловины, увенчанной сыпучими дюнами. С высоты восемнадцати этажей смотрели они сквозь трехцветную плоскость электронных импульсов, воссоздающую точный образ мира за стенами ракеты, на скалистую зубчатую стену кратера, находившегося в трех милях отсюда. На западе ее поглощал горизонт; на востоке под ее обрывами скопились черные непроглядные тени. Застывшие гребни лавы, проступавшие из-под песка, были цвета засохшей крови. Одинокая яркая звезда пылала в небе, у верхнего края экрана. Катаклизм, вызванный сошествием с небес «Непобедимого», миновал, и вихрь пустыни, стремительный поток воздуха, вечно мчащийся от экватора к полюсу планеты, уже вдавливал первые песчаные языки под корму корабля, словно стараясь терпеливо залечить рану, нанесенную выхлопным огнем. Астрогатор включил сеть наружных микрофонов, и злобный отдаленный вой вместе с шуршаньем песка, трущегося о броню, на миг наполнил высокую просторную рубку. Потом Горнах выключил микрофоны, и настала тишина.

— Так это выглядит, — медленно проговорил он. — Но «Кондор» отсюда не вернулся, Роган.

Роган стиснул зубы. Он не мог препираться с командиром. Налетали они вместе немало парсеков, но дружба у них не завязалась. Может, сказывалась большая разница в возрасте. Или пережитые вместе опасности были невелики. До чего же беспощаден этот человек с волосами почти такими же белыми, как его одежда! Без малого сотня людей неподвижно стоит на своих местах, окончив напряженную работу — сближение, триста часов торможения накопленной в каждом атоме «Непобедимого» кинетической энергии, выход на орбиту, посадка. Почти сто человек, целые месяцы не

слышавших шума ветра и научившихся ненавидеть пустоту так, как может ненавидеть ее лишь тот, кто знает, что это такое. Но командир об этом, верно, не думал...

Горпак медленно пересек рулевую рубку и, опершись рукой о спинку кресла, пробормотал:

— Мы не знаем, что это такое, 'Роган.

И вдруг резко спросил:

— Чего вы еще ждете?

Роган быстро подошел к распределительным пультам, включил внутреннюю проводку и голосом, в котором еще дрожало подавленное возмущение, отрывисто заговорил:

— Все отсеки, внимание! Посадка завершена. Наземная процедура третьей степени. Восьмой отсек: готовить энергоботы. Девятый отсек: батареи экранировки — на запуск. Техники прикрытия — на посты. Остальная часть команды — по назначенным рабочим местам. Конец!

Когда он говорил это, глядя на мигающий соответственно модуляциям голоса глаз усилителя, ему казалось, что он видит, как их вспотевшие лица, поднятые к репродукторам, внезапно застывают от удивления и гнева. Теперь лишь они поняли; лишь теперь начинают ругаться.

— К наземной процедуре третьей степени приступили, командир, — сказал он, не глядя на старика.

Тот посмотрел на него и неожиданно усмехнулся уголками губ:

— Это лишь начало, Роган. Может, будут еще долгие прогулки на закате, кто знает...

Он вынул из неглубокого стенного шкафчика узкую тонкую книгу, открыл ее и, положив на оцетинившийся рукоятками белый пульт, спросил:

— Читали вы это?

— Да.

— Последний их сигнал, зарегистрированный седьмым гиперреле, дошел до проксимального буя в зоне Базы год назад.

— Я наизусть знаю его содержание. «Посадка на Регис III завершена. Планета пустынная, типа Субдельта-92. Выходим на сушу согласно второй процедуре в экваториальной зоне континента Эвана».

— Да. Но это был не последний сигнал.

— Знаю, командир. Сорока часами позже гиперреле зарегистрировало серию импульсов — будто бы передачу морзянкой, но лишнюю всякого смысла. А потом — странные, несколько раз повторявшиеся звуки. Гертель назвал их «мяуканьем котов, которых тянут за хвост».

— Да... — произнес астрогатор, но видно было, что он не слушает.

Он опять подошел к экрану. На самом краю поля зрения, вплотную к ракете, выдвинулись звенья пандуса, по которому ровно, как на параде, двигались один за другим энергоботы — тридцатитонные машины, покрытые силиконовой огнеупорной броней. По мере того как они сползали вниз, их колпаки все больше раскрывались и поднимались, просвет между ними все увеличивался; съезжая с пандуса, энергоботы глубоко погружались в песок, но шли уверенно, вспахивая песчаный холм, который уже нанесло ветром вокруг «Непобедимого». Они попеременно расходились то в одну, то в другую сторону, и через десять минут корабль был окружен цепью металлических черепашек. Остановившись, энергоботы начали размеренно зарываться в песок, пока не исчезли, и лишь сверкающие пятнышки, равномерно размещенные на рыжих песчаных скатах, указывали места, из которых выступали купола эмиттеров Дирака. Стальной пол рубки, покрытый пенопластом, дрогнул. Тела людей пронизала дрожь — быстрая, как молния, отчетливая, хоть и еле уловимая, — и исчезла; еще мгновение от нее сводило челюсти и все расплывалось перед глазами. Но это не длилось и полсекунды. Вернулась тишина, ее нарушало лишь отдаленное, плывущее снизу бормотание запускаемых моторов; черно-рыжий хаос скал и вереницы медленно ползущих песчаных волн снова четко обозначились на экранах, и все было как прежде, но над «Непобедимым» распростерся невидимый купол силового поля, закрывая доступ к кораблю.

По пандусу зашагали вниз инфороботы — металлические крабы с вертушками антенн, вращающимися то влево, то вправо. По размерам они значительно превосходили эмиттеры поля — энергоботы; у них было приплюснутое туловище и изогнутые растопыренные металлические ноги. Увязая в песке и словно с отвращением вытаскивая глубоко проваливающиеся конечности, членистоногие разошлись в стороны и заняли места в промежутках цепи энергоботов. По мере того как разворачивалась операция защиты, на центральном пульте рубки выпрыгивали из матового фона контрольные огоньки, а диски импульсных счетчиков наливались зеленоватым светом. Будто десяток больших кошачьих глаз неподвижно смотрел теперь на людей. Стрелки приборов повсюду стояли на нуле, свидетельствуя, что никто не пытается проникнуть сквозь незримую преграду силового

поля. Только указатель распределения мощности продвигался все выше, минуя красные черточки гигаваттов.

— Спускаюсь я теперь вниз, съем что-нибудь. А вы, Роган, пожалуйста, проводите стереотип, — внезапно усталым голосом проговорил Горпах, отрываясь от экрана.

— Дистанционно?

— Если хотите, можете послать кого-нибудь... или сами пойдите.

С этими словами астрогатор раздвинул двери и вышел. Роган еще мгновение видел его профиль в тускло освещенной кабине лифта, беззвучно уплывающей вниз. Он поглядел на щит счетчиков поля. Нуль. «Собственно говоря, следовало начать с фотограмметрии, — подумал он. — Кружить над планетой, пока не наберется полный комплекс снимков. Может, таким образом что-нибудь обнаружилось бы. Потому что визуальные наблюдения с орбиты мало чего стоят; материки — не то, что океан, и наблюдатели — не матросы на марсе. Другое дело, что комплекс снимков удалось бы получить лишь примерно через месяц».

Лифт вернулся. Роган вошел в кабину, спустился на шестой ярус. На большой платформе у барокамеры толпилась масса людей, которым, собственно, нечего было тут делать, тем более что четыре сигнала, возвещающие время главного приема пищи, повторялись уже с четверть часа. Перед Роганом расступились.

— Иордан и Бланк, пойдете со мной на стереотип.

— Скафандры надевать в полном комплекте?

— Нет. Только кислородки. И один робот. Лучше из арктанов, чтобы он у нас не увяз в этом чертовом песке. А вы все чего здесь стоите? Аппетит потеряли?

— Хотелось бы сойти, господин навигатор, на сушу.

— Хоть на пару минут...

Поднялся гомон.

— Спокойно, ребята. Придет еще время для экскурсий. Пока у нас третья степень.

Люди расходились неохотно. Тем временем из грузовой шахты вынырнул подъемник с роботом, который был на голову выше самого рослого человека. Иордан и Бланк возвращались на электрокаре, уже захватив кислородные приборы, — Роган смотрел на них, опершись на поручни коридора, который теперь, когда ракета стояла на корме, превратился в вертикальную шахту, доходящую до первой переборки машинного отделения. Он ощущал, что над ним и под ним раскинулись металлические ярусы; где-то в самом низу работали тихоходные транспортеры, слышалось слабое

чавканье в гидравлических каналах, из почти сорокаметровой глубины шахты мерно плыла струя холодного очищенного воздуха от климатизаторов машинного отделения.

Двое из шлюзовой команды открыли перед ними двери. Роган машинально проверил положение ремней, прилегание маски. Иордан и Бланк вошли вслед за ним; потом металл тяжело заскрежетал под шагами робота. Пронзительный протяжный свист воздуха, всасывающегося внутрь корабля. Открылся наружный люк. Пандус для машин находился четырьмя этажами ниже. Чтобы спуститься вниз, люди воспользовались маленьким подъемником, который заранее выдвинули из брони. Его ферма доставала до верха песчаной дюны. Клетка подъемника была открыта со всех сторон; воздух там был немного холодней, чем внутри «Непобедимого». Они вошли вчетвером, тормозные магниты отключились, и они плавно спустились с одиннадцатизэтажной высоты вдоль корпуса ракеты. Роган машинально проверял, как выглядит обшивка. Не слишком-то часто удается осмотреть корабль снаружи, если он не в доке. «Досталось», — подумал он, глядя на язвы и полосы, прочерченные метеоритами. Местами броня утратила блеск, будто разъеденная крепкой кислотой.

Лифт закончил свой короткий полет, мягко осев на волны нанесенного песка. Они спрыгнули с платформы и сразу провалились по колено. Только робот, предназначенный для исследований на снежных пространствах, шагал смешной, раскачивающейся, но уверенной походкой на своих карикатурно расплющенных ступнях. Роган велел ему остановиться, а сам с людьми внимательно осмотрел все выходные отверстия кормовых дюз, насколько это было возможно снаружи.

— Небольшая шлифовка и продувка пойдут им на пользу, — сказал он.

Только вылезши из-под кормы, он заметил, какую громадную тень отбрасывает корабль. Словно широкая дорога, тянулась она по дюнам, освещенным сильно уже склонившимся солнцем. В регулярности песчаных волн таилось странное спокойствие. Их впадины были заполнены голубой тенью, гребни розовели от заката, и этот тонкий теплый румянец напомнил Рогану цветные картинки детских книжек — такой он был невероятно нежный. Роган медленно переводил взгляд с дюны на дюну, находя все новые оттенки нежно-розового свечения; чем дальше, тем дюны делались все рыжее, их рассекали серпы черных теней, и, наконец, сливаясь в серую желтизну, они окаймляли грозно торчащие

плиты голых вулканических скал. Он стоял так и смотрел, а его помощники без спешки, движениями, ставшими от многолетнего навыка автоматическими, производили обычные измерения, набирали в маленькие резервуары пробы воздуха и песка, определяли радиоактивность почвы при помощи переносного зонда, бур которого поддерживал арктан. Роган не обращал на них никакого внимания.

Маска прикрывала лишь нос и рот, глаза были открыты, и вся голова тоже, потому что он снял неглубокий защитный шлем. Роган чувствовал, как ветер шевелит волосы, как мельчайшие пылинки песка оседают на лице и, щекоча, протискиваются за край пластиковой маски. От беспокойных порывов ветра хлопали штанины комбинезона; огромный, будто распухший, диск солнца, на который можно было смотреть целую секунду безнаказанно, торчал теперь как раз за макушкой ракеты. Ветер протяжно свистел, силовое поле не задерживало движения газов, и поэтому Роган вообще не мог заметить, где встает из песков его незримая стена. Огромное пространство, доступное взгляду, было мертво, словно никогда на него не ступала нога человека, словно это была не та планета, что поглотила звездолет того же, что и «Непобедимый», класса с восьмьюдесятью людьми, гигантский, надежный, не боящийся ни вакуума, ни вещества, способный за долю секунды развить мощность в миллиарды киловатт, преобразовать ее в силовые поля, которые не пробьет никакое материальное тело, или сконцентрировать в губительных лучах звездного накала, способных в прах разрушить горную цепь или иссушить море. И все же здесь погиб стальной организм, созданный на Земле, плод многовекового процветания технологии, исчез неизвестным образом, без следа, без зова о помощи, словно распался в этой рыжей и серой пустоте.

«И весь этот континент выглядит точно так же», — подумал Роган. Он помнил эти места хорошо. Видел с высоты оспины кратеров и облака, что медлительно и неустанно проплывали над ними, влача свои тени по бесконечным рядам дюн.

— Активность? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ноль, ноль два, — ответил Йордан и поднялся с колен. Лицо его покраснело, глаза блестели; маска искажала голос.

«Это значит — меньше, чем ничего, — подумал Роган. — Впрочем, они не погибли бы от такой грубой неосторожности, автоматические индикаторы подняли бы тревогу, даже если б никто не позаботился о стереотипе процедуры».

— Атмосфера?

— Азота 78 процентов, аргона 2 процента, двуокиси углерода ноль, метана 4 процента, остальное — кислород.

— 16 процентов кислорода?! Это точно?

— Точно.

— Радиоактивность воздуха?

— Практически равна нулю.

Это было странно. Столько кислорода! Сообщение как током ударило Рогана. Он подошел к роботу, который немедленно поднес к его глазам кассету с индикаторами. «Может, они попробовали обойтись без кислородных приборов?» — предположил он, хотя заранее знал, что так не могло быть. Правда, случалось иной раз, что кто-нибудь, больше других томившийся жаждой вернуться, вопреки приказу снимал маску, потому что воздух вокруг казался таким чистым, таким свежим, — и отравлялся. Но это могло случиться с кем-то одним, самое большее с двумя...

— У вас уже все? — спросил он.

— Да.

— Возвращайтесь.

— А вы?

— Я еще останусь. Возвращайтесь, — повторил он нетерпеливо: ему уже хотелось остаться одному.

Бланк перебросил через плечо связанные за ручки ремнем контейнеры, Иордан отдал роботу зонд, и они побрели, увязая в песке; арктан, очень похожий сзади на замаскированного человека, шлепал вслед за ними.

Роган подошел к крайней дюне. Вблизи он увидел выступающий из песка раструб эмиттера генератора силового защитного поля. Не столько для того, чтобы проверить наличие поля, сколько из детской прихоти он зачерпнул горсть песку и швырнул ее вперед. Песок полетел, вытянувшись в полоску, и, словно наткнувшись на незримое покатоое стекло, вертикально осыпался вниз.

У него прямо-таки руки чесались снять маску. Он хорошо знал, как это бывает. Выплюнуть пластиковый мундштук, сорвать ремни, наполнить грудь воздухом, затянуться им до самой глубины легких...

«Расклеиваюсь я», — подумал он и медленно пошел к кораблю. Пустая часть подъемника ждала его, платформа слегка углубилась в дюну, и ветер успел за несколько минут покрыть металл тоненьким слоем песка.

Уже в главном коридоре пятого яруса он глянул на стенной информатор. Командир был в звездной кабине. Роган поехал наверх.

— Словом, идеаллия? — подытожил его отчет астронав-

тор. — Ни радиоактивности нет, ни спор, ни бактерий, ни вирусов, ни плесени — только этот самый кислород... Пробы надо, во всяком случае, дать на питательные среды...

— Они уже в лаборатории. Возможно, жизнь тут развивается на других континентах? — без убеждения проговорил Роган.

— Сомневаюсь. Инсоляция за пределами экваториальной зоны тут слабая; вы разве не видели, какова толщина ледовых шапок на полюсах? Ручаюсь, что там самое меньшее восемь, если не все десять километров ледяного покрова. Скорее уж океан, какие-нибудь водоросли, планктон. Но почему жизнь не вышла из воды на сушу?

— Надо будет заглянуть в эту воду, — сказал Роган.

— Спрашивать наших еще слишком рано, однако планета кажется мне старой. Такому гнилому яйцу должно быть миллиардов шесть от роду. Да и здешнее солнце уже давным-давно миновало период своего величия. Это почти что красный карлик. Вообще-то отсутствие жизни на суше заставляет задуматься. Особый вид эволюции, не переносящий сухости... Ну, допустим, этим можно объяснить наличие кислорода, но не историю с «Кондором».

— Какие-то формы жизни, какие-то подводные существа, таящиеся в океане, которые создали там, на дне, цивилизацию, — подал мысль Роган.

Оба они смотрели на большую карту планеты в проекции Меркатора, неточную, так как начерчена она была на основании данных, полученных автоматическими зондами еще в прошлом веке. На ней были отмечены лишь очертания основных континентов и океанов, линии распространения полярных шапок и несколько самых больших кратеров. В сетке пересекающихся меридианов и параллелей под восьмым градусом северной широты виднелась точка, обведенная красным кружком, — место посадки. Астрогатор нетерпеливо передвинул карту.

— Сами вы в это не верите! — накинулся он на Рогана. — Трессор наверняка был не глупее нас с вами, не поддался бы он никаким водяным, чепуха! А кроме того, если б даже и находились под водой разумные существа, то одним из первых их действий было бы завоевание суши. Ну, скажем, хотя бы в скафандрах, наполненных водой... Абсолютная чепуха! — повторил он, не для того чтобы окончательно уничтожить выдумку Рогана, а просто потому, что думал уже о чем-то другом.

— Постоим здесь какое-то время, — заключил он наконец и коснулся нижнего края карты: та с легким шуршанием

свернулась и исчезла в одном из отделений стеллажа для карт. — Подождем и увидим.

— А если нет? — осторожно спросил Роган. — Поищем их?

— Роган, будьте же благоразумны. Шестой звездный год, и такое... — астрогатор поискал подходящее определение, не нашел и заменил его пренебрежительным жестом. — Планета величиной с Марс. Как нам их искать? То есть «Кондора», — поправился он.

— Ну да, почва здесь железистая... — неохотно согласился Роган.

Анализы действительно показывали в песке основательную примесь окислов железа. Значит, ферроиндукционные индикаторы были здесь ни к чему. Не зная, что сказать, Роган замолчал. Он был убежден, что командир в конце концов найдет какой-нибудь выход. Не возвращаться же им с пустыми руками, без всяких результатов. Он ждал, глядя на насупленные брови Горпах.

— По правде говоря, я не верю, чтобы это двухсуточное ожидание что-нибудь нам дало, но правила требуют, — сделал неожиданное признание астрогатор. — Да сядьте вы, Роган. Стоите надо мной, как упрек совести. Регис — самое идиотское место, какое можно себе представить. Верх бестолковости. Непонятно, зачем посылали сюда «Кондора». Впрочем, что толку говорить, раз уж это случилось.

Горпах замолчал. В плохом настроении он всегда становился разговорчивым, легко мог втянуть в спор, даже фамильярный по тону, что было небезопасно — командир мог в любую минуту оборвать разговор какой-нибудь резкостью.

— Словом, так или иначе, а что-то нужно делать. Знаете что? Давайте-ка выведем на экваториальную орбиту пару малых фотонаблюдателей. Но чтобы это была добросовестная круговая орбита. И низкая. Километров этак семьдесят.

— Это еще в пределах ионосферы, — запротестовал Роган. — Они сгорят через несколько десятков витков.

— Пусть сгорят. Но до этого сфотографируют, что удастся. Я вам посоветовал бы рискнуть даже на шестьдесят километров. Они, возможно, сгорят уже на десятом витке, но только снимки, сделанные с такой высоты, могут что-нибудь дать. Вы знаете, как выглядит ракета с высоты ста километров даже через самый лучший телеобъектив? Булавочная головка по сравнению с ней покажется целым горным массивом. Давайте-ка это сразу... Роган!

На этот окрик навигатор обернулся, уже стоя на пороге. Командир швырнул на стол акт с результатами анализов.

— Что это такое?! Что еще за идиотизм? Кто это писал?

— Автомат. А в чем дело? — спросил Роган, стараясь сохранять спокойствие, хотя и его уже разбирала злость.

«Пойдет теперь брюзжать», — подумал он, приближаясь с нарочитой неторопливостью.

— Читайте. Здесь. Вот здесь.

— Метана четыре процента, — прочел Роган. И вдруг остолбенел.

— Метана четыре процента, а? А кислорода — шестнадцать? Вы знаете, что это такое? Гремучая смесь! Может, вы мне объясните, почему вся атмосфера не взорвалась, когда мы садились на бороводороде?

— Действительно... не понимаю... — пробормотал Роган.

Он подбежал к пульту наружного контроля, выбрал извне через зонды эксгаустера немного воздуха и, пока астрогатор в зловещем молчании прогуливался по рубке, смотрел, как анализаторы усердно постукивают стеклянными сосудами.

— Ну и что?!

— То же самое. Метана четыре процента, кислорода — шестнадцать, — сказал Роган.

Правду говоря, он совершенно не понимал, как это возможно, и все же почувствовал удовлетворение — по крайней мере Горпах ни в чем его теперь не сможет упрекнуть.

— Покажите-ка! Гм... Метана — четыре... ну, чтоб меня черти... ладно! Роган, зонды на орбиту, а потом прошу пожаловать в малый лаб. В конце концов для чего же у нас ученые? Пускай они себе головы ломают.

Роган спустился вниз, вызвал двух техников-ракетчиков и передал им распоряжение астрогатора. Потом поднялся на второй ярус. Тут размещались лаборатории и каюты специалистов. Он проходил мимо узких, утопленных в металлические переборки дверей с двухбуквенными табличками: «Г. И.», «Г. Ф.», «Г. Т.», «Г. Б.» и другими точно такими же. Двери малой лаборатории были широко распахнуты; сквозь монотонный говор ученых иногда прорывался бас астрогатора. Роган остановился у порога. Тут собрались все «главные» — главный инженер, биолог, физик, врач и все технологи из машинного отделения. Астрогатор сидел в крайнем кресле, под электронным программником подручной цифровой машины, а оливково-смуглый Модерон говорил, сплетя маленькие, как у девочки, руки:

— Я не специалист по химии газов. Во всяком случае, это, по-видимому, не обычный метан. Иная энергия связей; разница всего лишь в сотых долях, но имеется. Он вступает

в реакцию с кислородом лишь при наличии катализаторов, да и то вяло.

— Какого происхождения этот метан? — спросил Горпах, крутя большими пальцами.

— Углерод в нем, во всяком случае, органического происхождения. Этого мало, но нет сомнений...

— Изотопы имеются? Какого возраста? Сколько ему, этому метану?

— От двух до пятнадцати миллионов лет.

— Ничего себе расхождение!

— Времени у нас было всего полчаса. Ничего больше сказать не могу.

— Доктор Квастлер! Откуда берется этот метан?

— Не знаю.

Горпах поочередно посмотрел на своих специалистов. Можно было ожидать вспышки гнева, но он внезапно усмехнулся.

— Слушайте, вы — люди опытные. Летаем мы вместе не со вчерашнего дня. Я прошу высказать ваше мнение. Что нам теперь следует сделать? С чего начать?

Поскольку никто не торопился высказываться, биолог Иоппе, один из немногих, кто не боялся вспыльчивости Горпах, сказал, спокойно глядя в глаза командиру:

— Это — не обычная планета класса Субдельта-92. Если б она была обычной, «Кондор» не погиб бы. Специалисты «Кондора» были не хуже и не лучше, чем мы, а поэтому единственное, что известно наверняка: их познаний оказалось недостаточно, чтобы предотвратить катастрофу. Из этого следует, что мы должны и дальше проводить процедуру третьей степени и исследовать сушу и океан. Думаю, что надо начать геологические бурения, а одновременно заняться здешней водой. Все остальное базировалось бы на предположениях, а мы не можем позволить себе такую роскошь в данной ситуации.

— Хорошо. — Горпах сжал челюсти. — Бурение в пределах силового поля — не проблема. Займется этим доктор Новик.

Главный геолог кивнул.

— Что касается океана... Роган, на каком расстоянии от нас береговая линия?

— Около двухсот километров, — сказал навигатор, ничуть не удивившись, что командир знает о его присутствии, хотя и не видит его: Роган стоял в нескольких шагах за ним, у дверей.

— Далековато. Но «Непобедимого» мы уж не будем

трогать с места. Вы, Роган, возьмете столько человек, сколько сочтете нужным; включите Фитцпатрика или еще кого-нибудь из океанологов. И шесть резервных энергоботов. Поедете с ними на берег. Действовать будете только под силовой защитой: никаких прогулок по морю, никаких погружений. Автоматами тоже прошу не разбрасываться — у нас их не слишком-то много. Ясно? Значит, можете приступать. Да, еще одно. Здешний воздух пригоден для дыхания?

Врачи пошептались.

— В принципе да, — сказал наконец не вполне уверенно Стормонт.

— Что значит «в принципе»? Можно дышать или нет?

— Такое количество метана не безразлично для организма. Через некоторое время создастся перенасыщение крови, и это может вызвать такие легкие мозговые явления, как расстройства координации, глухоту... но это лишь через час, а то и через несколько часов.

— А может, применить какой-нибудь поглотитель метана?

— Нет. То есть нет смысла делать такие поглотители, потому что их пришлось бы часто менять, а кроме того, процент кислорода все же низковат. Я лично — за кислородные аппараты.

— Хм... Остальные тоже?

Витте и Эльдьярн кивнули. Горпах встал.

— Значит, приступаем. Роган! Как дела с зондами?

— Сейчас будем забрасывать. Можно мне перед выходом проконтролировать орбиты?

— Можно.

Роган вышел, оставив за собой гомон лаборатории. Когда он переступил порог рулевой рубки, солнце как раз заходило. Темный, чуть ли не фиолетовым пурпуром набухший краешек его диска со сверхъестественной отчетливостью чеканил на горизонте зубчатый контур кратера. Небо, которое в этой области Галактики роилось звездами, казалось сейчас каким-то неестественно громадным. Все ниже загорались большие созвездия, словно поглощая тающую во тьме пустыню. Роган вызвал по интеркому людей, обслуживавших носовую катапульту для спутников. Они как раз собирались запустить первую пару фотоспутников. Следующие должны были отправиться вверх через час. Завтра дневные и ночные снимки обоих полушарий планеты должны будут дать изображение всего экваториального пояса.

— Минута тридцать одна... азимут семь. Навожу... — повторял певучий голос в репродукторе.

Роган убавил громкость и повсрнул кресло к контрольному щиту. Никому бы он в этом не признался, но его всегда занимала игра огоньков при запуске зондов на околопланетную орбиту. Сначала вспыхнули рубиновые, белые и голубые контрольки бустера. Потом забормотал стартовый автомат. Когда внезапно оборвалось его тиканье, легкая дрожь прошла по всему корпусу крейсера. Пустыня на экранах тут же озарилась фосфорическим сиянием. С тонким, предельно напряженным гуденьем, обливая корабль потоками пламени, миниатюрный снаряд вылетел из носовой катапульты. Сияние удаляющегося спутника все слабее перебегало по склонам дюн и наконец угасло. Гул ракеты затих, зато жаром световой лихорадки охватило весь контрольный щит. С горячечной поспешностью выскакивали из мрака продолговатые огоньки баллистического контроля, им уверенно поддакивали жемчужные лампочки дистанционного управления, потом появились сигналы о поочередном выбрасывании обгоревших гильз, похожие на разноцветную разукрашенную елочку, и наконец надо всем этим радужным скопищем вспыхнул белый чистый прямоугольник — знак того, что спутник вышел на орбиту. Посреди снежно-белой блестящей поверхности прямоугольника замаячило серое пятнышко и, подрагивая, сложилось в цифру 67. Это была высота полета. Роган еще раз просчитал элементы орбиты; и перигей и апогей уместались в заданных границах. Здесь ему уже нечего было делать. Он посмотрел на ракетные часы, показывавшие восемнадцать ноль-ноль, потом на те часы, что показывали местное время — одиннадцать ночи. На минуту закрыл глаза. Роган был рад этой вылазке на океан: он любил действовать самостоятельно.

Он ощущал сонливость и голод. С минуту раздумывал, не принять ли стимулирующую таблетку. Но решил, что достаточно будет поужинать. Вставая, он почувствовал, до чего измучен, удивился — и это удивление его слегка взбудрило.

Роган спустился вниз, в кают-компанию. Там уже сидели люди из его группы — два водителя вездеходов на воздушной подушке, с ними Ярг, которого он любил за неизменно хорошее настроение, и Фитцпатрик с двумя своими коллегами, Брозой и Кехлином. Они заканчивали ужин, а Роган еще только заказывал горячий суп, вынимал из настенного лифта хлеб и бутылки безалкогольного пива. Он

нес все это на подносе к столу, когда пол легонько дрогнул. «Непобедимый» запустил очередной спутник.

Командир не разрешил ехать ночью. Они отправились в пять часов по местному времени, перед восходом солнца. Двигались строем, который был прозван погребальным шествием — из-за строгого порядка, продиктованного необходимостью, а также из-за тягостной медлительности. Открывали и замыкали строй энергоботы, которые эллипсоидным силовым полем защищали все машины, идущие посредине, — универсальные вездеходы, снабженные рациями и радаром, кухню, транспортер с самоустанавливающимся герметическим жилым баракком и малый лазер ближнего боя на гусеничном ходу, в просторечии именуемый шилом.

Роган уселся вместе с тремя учеными в передний энергобот. Это было, по правде говоря, неудобно, они еле умещались там, но по крайней мере создавалась иллюзия более или менее нормального путешествия. Скорость приходилось приравнивать к самым медленным машинам, то есть именно к энергоботам.

Поездку нельзя было назвать изысканным удовольствием. Гусеничные вездеходы рычали и хрипели в песках, турбинные двигатели ныли, как комары слоновых размеров; прямо за спиной у сидящих рвался из решеток кондиционеров охлаждающий воздух, а энергобот бултыхался, как груженная шлюпка на волнах.

Черный шпиль «Непобедимого» вскоре скрылся из виду. Некоторое время они двигались в горизонтальных лучах солнца, холодного и красного, как кровь, по однообразной пустыне; песка постепенно становилось все меньше, из-под него выступали косо торчащие утесы, их приходилось объезжать. Кислородные маски в сочетании с воем двигателей не располагали к беседе. Все внимательно изучали местность, но пейзаж не менялся — до самого горизонта громоздились скалы, большие выветрившиеся глыбы. Наконец равнина пошла под уклон, и на дне очень пологой котловины показался узкий, полувысохший ручей; в воде его блесело отражение красной зари. Галечные отмели, тянущиеся по обе стороны ручья, свидетельствовали о том, что вода здесь иногда сильно прибывает. Остановились ненадолго, чтобы исследовать воду. Она была абсолютно чистой, но довольно жесткой — с примесью окислов железа и незначительными следами сульфидов. Двинулись дальше, теперь уже несколько быстрее — гусеницы легко шли по каменистому грунту. На западе возникли невысокие обрывистые холмы.

Машина, замыкавшая строй, поддерживала непрерывную связь с «Непобедимым», антенны радаров вращались, локаторщики, то и дело поправляя наушники, корпели у своих экранов, жуя ломтики концентратов. Иногда из-под воздушной струи двигателя с разгону отскакивал камень и прыгал вверх, будто внезапно оживший. Потом дорогу преградили пологие нагие холмы. Не останавливаясь, взяли несколько проб, и Фитцпатрик крикнул Рогану, что в кремнеземе здесь много органических примесей. Наконец, когда черно-синей линией обозначилось впереди водное зеркало, они обнаружили и известняк.

Вездеходы спускались к берегу, грохоча по маленьким плоским камешкам. Горячее дыхание машин, визг гусениц, вой турбин — все это внезапно утихло, когда океан, зеленоватый вблизи и совершенно земной с виду, оказался в ста метрах. Теперь началось сложное маневрирование: чтобы прикрыть рабочую группу полем, пришлось ввести головной энергобот довольно глубоко в воду. Сначала машину герметизировали, и она, управляемая с другого энергобота, пошла в воду, вздымая вспененные волны, и постепенно превратилась в еле заметное темное пятно в глубине; лишь тогда по сигналу, поданному с центрального поста, затопленный гигант выдвинул на поверхность эмиттер Дирака; и когда поле установилось, прикрывая своим невидимым куполом часть берега и прибрежных вод, начались исследования.

Океан был несколько менее солон, чем земной; однако анализы не дали никаких сенсационных результатов. Через два часа они знали примерно столько же, сколько вначале. Поэтому решили выслать в открытое море два телеуправляемых телевизионных зонда и с центрального поста прослеживали на экранах их путь. Но лишь когда зонды удалились за черту горизонта, сигналы принесли первое важное сообщение. В океане существовали какие-то организмы, по форме напоминающие костистых рыб. При появлении зонда они исчезали с невероятной быстротой, ища спасения в глубине. Эхолоты определили глубину моря в этом месте первого контакта — полтора метра.

Броза уперся — нужна ему хоть одна такая рыба. Начали охотиться, зонды гонялись за теньями, стремительно извивающимися в зеленой тьме, стреляли электрическими разрядами, но эти самые рыбы проявляли необычайную способность маневрировать. Лишь после нескольких выстрелов удалось поразить разрядом одну рыбу. Зонд, ухвативший ее в свои клещи, немедленно направили к берегу. Кехлиан и Фитцпат-

рик тем временем манипулировали другим зондом, собирая образцы поднимающихся из глубины волокон, которые сочли здешним видом водорослей. Потом они послали зонд на самое дно, на глубину четверть километра. Сильное придонное течение очень мешало управлять им — зонд все время сносило на груды подводных скал. Наконец удалось перевернуть некоторые из них. Как правильно предполагал Кехлин, под их прикрытием находилась целая колония гибких кистевидных созданий.

Когда оба зонда вернулись в границы поля, биологи принялись за работу в установленном тем временем бараке, где можно было наконец снять осточертевшие кислородные маски. Роган, Яр и пятеро остальных впервые за этот день отведали горячей пищи.

До самого вечера они собирали образцы минералов, исследовали придонную радиоактивность воды, измеряли интенсивность солнечного освещения и делали еще сотню таких же нудных, кропотливых дел, которые надо выполнять добросовестно, даже педантично, если хочешь получить надежные результаты. К сумеркам все, что возможно, было сделано, и, когда Горпах вызвал его с «Непобедимого», Роган мог со спокойной совестью подойти к микрофону.

В океане было полным-полно живых существ, которые, однако, все до одного избегали прибрежной зоны. В организме рыбы при вскрытии не обнаружилось ничего особенного. Эволюция жизни на планете, по предварительным расчетам, продолжалась несколько сот миллионов лет. Обнаружили значительное количество зеленых водорослей, это объяснило наличие кислорода в атмосфере. Деление живых организмов на растительные и животные было типичным; типичными оказались и скелетные структуры позвоночных. Единственное, чему биологи не знали аналогии на Земле, был особый орган чувств у пойманной рыбы, реагирующий на самые ничтожные изменения напряженности магнитного поля.

Горпах велел экспедиции немедленно возвращаться и в конце разговора сказал, что имеются новости: кажется, удалось установить место посадки погибшего «Кондора».

Поэтому, несмотря на протесты биологов, утверждавших, что им и нескольких недель было бы мало для исследований, собрали барак, запустили моторы, и колонна двинулась на северо-запад. Роган не мог сообщить товарищам никаких подробностей о «Кондоре» — он и сам их не знал. Ему хотелось поскорей очутиться на корабле; он предполагал, что командир даст ему очередное задание, сулящее более важные открытия. Конечно, теперь необходимо было прежде всего

обследовать предполагаемое место посадки «Кондора». Поэтому Роган выжимал из машин всю доступную им скорость, и гусеницы совсем уж адски лязгали и скрежетали, размалывая камни.

Наступила тьма, и зажглись большие фары машин; это выглядело необычно — даже грозно: движущиеся снопы света то и дело выхватывали из мрака бесформенные и будто шевелящиеся силуэты великанов, которые оказывались только скалами — свидетелями прошлого, последними остатками выветрившейся горной цепи. Несколько раз пришлось притормаживать у глубоких расщелин, зияющих в базальте. И наконец, далеко уже за полночь, они увидели освещенный со всех сторон, будто на параде, сверкающий издали, как металлическая башня, корпус «Непобедимого». По всему пространству силового поля сновали вереницы машин — выгружались припасы, горючее; группы людей стояли у пандуса в слепящем свете прожекторов. Уже издали слышались отголоски этой неустанной суетни. Над движущимися столбами света вздымался молчаливый, испещренный перебегающими световыми пятнами корпус крейсера. Вспыхнули голубые огни, указывая, где будет открыта дорога сквозь силовую завесу, и машины, покрытые толстым слоем пыли, одна за другой въехали в защищенный круг. Роган, не успев еще спрыгнуть с машины, окликнул одного из стоявших поблизости — он узнал Бланка, — спрашивая, что с «Кондором».

Но боцман ничего особенного не знал, Роган от него мало что услышал. Перед тем как сгореть в плотных слоях атмосферы, четыре спутника доставили одиннадцать тысяч снимков; по мере их поступления снимки наносились на особым образом протравленные пластинки в картографической каюте. Чтобы не терять времени, Роган вызвал к себе техника-картографа Эретта и, принимая душ, расспрашивал его обо всем, что произошло на корабле.

Эретт был одним из тех, кто искал на полученной фотограмме следы «Кондора». Это зернышко стали в океанах песка разыскивало около тридцати человек одновременно: кроме планетологов на это дело мобилизовали картографов, радарных операторов и всех пилотов. Сутки напролет они посменно просматривали поступающие снимки, отмечая координаты каждого подозрительного пункта планеты. Но известие, переданное Рогану командиром, оказалось ошибочным. За корабль приняли редкостно высокий каменный столб, отбрасывающий тень, поразительно похожую на четкую тень

ракеты. Так что о судьбе «Кондора» по-прежнему ничего не знали.

Роган хотел доложить командиру о своем прибытии, но тот уже отправился спать. Роган тоже пошел к себе. Несмотря на усталость, долго не мог уснуть. А когда он встал утром, астрогатор через Балмина, руководителя планетологов, передал распоряжение отправить весь собранный материал в главную лабораторию. В десять утра Роган ощутил такой голод — он еще не завтракал, — что спустился на второй ярус, в малую кают-компанию радарных операторов. И тут, когда он стоя допивал кофе, к нему ринулся Эретт.

— Что, нашли его? — резко спросил Роган, увидев взволнованное лицо картографа.

— Нет. Но нашли нечто большее. Идите скорей, вас вызывает астрогатор...

Рогану казалось, что стеклянный цилиндр подъемника ползет невероятно медленно. В затемненной каюте было тихо, лишь шуршали реле, а из подающего отверстия выплывали все новые и новые влажно блестящие снимки. Два техника выдвинули из стенного люка нечто вроде эпидиаскопа и погасили остальное освещение как раз в тот момент, когда Роган открыл двери. Он успел заметить белеющую среди других голову астрогатора. Потом засеребрился спущенный с потолка экран. Все затаили дыхание. Роган постарался придвинуться поближе к большой светлой плоскости. Снимок был не слишком удачный и вдобавок черно-белый. Посреди мелких, хаотически разбросанных кратеров выделялось голое плоскогорье, с одной стороны обрывающееся по такой прямой линии, словно скалы рассек какой-то гигантский нож: это была береговая линия; остальную часть снимка заполняла однообразная чернота океана. Неподалеку от обрыва распростерлось мозаичное скопище нечетко очерченных форм, в двух местах перекрытое полосами облаков и их тенями. Но все равно не подлежало сомнению, что эта странная, нечетко просматриваемая формация не является геологическим образованием.

«Город...» — взволнованно подумал Роган, но не сказал этого вслух. Все по-прежнему молчали. Техник возился у эпидиаскопа, тщетно пытаясь увеличить четкость изображения.

— Были помехи на приеме? — раздался в тишине спокойный голос астрогатора.

— Нет, — ответил из темноты Балмин. — Прием был чистый, но это один из последних снимков третьего спутника.

Через восемь минут после этого он перестал отвечать на сигналы. Вероятно, снимок сделан через объективы, уже поврежденные высокой температурой.

— Камера находилась над эпицентром не выше семидесяти километров, — добавил кто-то; Рогану показалось, что это говорит один из самых способных планетологов, Мальте. — А по правде говоря, я оценил бы ее в пятьдесят пять — шестьдесят километров... Посмотрите, пожалуйста. — Его силуэт заслонил часть экрана: он приложил к изображению прозрачный пластиковый шаблон с вырезанными кружками и примерил его поочередно к нескольким кратерам на другой половине снимка. — Они заметно больше, чем на предыдущих снимках. Впрочем, — заметил он, — это не имеет особого значения. Так или иначе...

Планетолог не закончил, но все поняли, что он хотел сказать: что вскоре они проверят точность снимка, поскольку исследуют эту область планеты. Некоторое время все продолжали вглядываться в изображение на экране. Роган уже не был так уверен, что на экране — город или, точнее, развалины города. О том, что это геометрически правильное образование давно уже покинуто, свидетельствовали тонкие волнистые линии песчаных заносов, которые со всех сторон обтекали странные строения, — некоторые почти утонули в песчаном разливе пустыни. Кроме того, эти геометрически четкие руины делила на две неравные части черная зигзагообразная линия, расширяющаяся по мере продвижения в глубь материка, — сейсмическая трещина, пополам расколовшая некоторые большие «строения». Одно из них, очевидно рухнувшее, образовало нечто вроде моста, зацепившегося концом за противоположный берег расщелины.

— Дайте свет, — сказал астрогатор. Когда стало светло, он взглянул на стенные часы. — Через два часа стартуем.

Послышались озадаченные возгласы. Особенно энергично протестовали люди главного геолога, которые во время пробных бурений уже углубились в почву на двести метров. Горпах повел рукой, показывая, что никаких дискуссий не будет.

— Все машины возвращаются на корабль. Обеспечьте сохранность полученных материалов. Просмотр снимков и дальнейшие анализы идут своим чередом. Где Роган? А, вы тут? Хорошо. Слышали, что я сказал? Через два часа все должны быть на стартовых местах.

Возвращение выгруженных машин на борт проводилось торопливо, но упорядоченно. Роган был глух к мольбам

Баллмина, который выпрашивал еще хоть четверть часа на бурение.

— Вы же слышали, что сказал командир, — повторял он направо и налево, подгоняя монтажников, которые на самоходных кранах подъезжали к выкопанным рвам.

Буровая аппаратура, временные решетчатые платформы, контейнеры с горючим поочередно отправлялись в грузовые люки. Когда остались лишь скважины и перекопанный грунт, свидетельствовавшие о проделанной работе, Роган и Вестергард, заместитель главного инженера, на всякий случай еще раз обошли места начатых исследований. Потом люди исчезли в люке корабля. Лишь тогда зашевелился песок на дальних обводах защитного поля — вызванные по радио энергоботы возвращались вереницей, укрывались в люках корабля; затем «Непобедимый» втянул внутрь, под бронированные плиты пандус и вертикальную клеть подъемника для экипажа, и на мгновение все стихло. Потом однообразный вой ветра был заглушен металлическим свистом сжатого воздуха, продувающего дюзы. Клубы пыли окутали корму, зеленое зарево замерцало в них, сливаясь с красным солнечным светом, помчались стремительные немолчные громы, сотрясая пустыню и многократным эхом отражаясь в скалистых стенах кратера, — корабль медленно вознесся в воздух, чтобы, оставив за собой выжженный круг на скале, остекленевший песок и туманные ключья конденсации, с нарастающей скоростью исчезнуть в фиолетовом небе.

Много позже, когда последний след его пути, обозначенный белесой струей пара, уже расплылся в воздухе, а движущиеся пески начали прикрывать обнаженную скалу и заполнять опустевшие рытвины и ямы, на западе появилась темная туча. Двигаясь низко, она развернулась, выдвинутым клубящимся крылом окружила место посадки и повисла над ним. Некоторое время она висела неподвижно. Когда солнце уже заметно склонилось к горизонту, из тучи на пустыню начал падать черный дождь.

СРЕДИ РУИН

«Непобедимый» сел на тщательно выбранном месте, почти за шесть километров на север от внешней границы того, что они называли городом. «Город» неплохо просматривался из рубки. Сейчас еще больше, чем при разглядывании фотоснимков, казалось, что это искусственно созданные конструкции. Угловатые, черно-серые, иногда металлически поблескиваю-

щие, обычно более широкие у основания, разные по высоте, они раскинулись на много километров. Но даже самые сильные оптические приборы не помогали различить детали; казалось лишь, что большинство этих строений дыряво, как решето.

На этот раз еще не утих металлический хрип остывающих дюз, а корабль уже выдвинул из своего нутра пандус и клеть подъемника и окружил себя линией энергоботов. И сразу же на границе пространства, защищенного силовым полем, как раз против «города», который нельзя было увидеть с низины за цепью невысоких холмов, собралась группа из пяти вездеходов — к ней присоединился вдвое превышавший их размерами, похожий на чудовищного жука с синеватым панцирем самоходный излучатель антиматерии.

Командиром оперативной группы был Роган. Он стоял, выпрямившись, в первом вездеходе, в его открытой башенке, ожидая, когда по приказу с борта «Непобедимого» откроется проход через силовое поле. Инфороботы на двух ближайших холмах выпустили вереницу негаснущих зеленых ракет, обозначая проход, и, построившись по двое, маленькая колонна во главе с вездеходом Рогана тронулась в путь.

Басовито пели двигатели, фонтаны песка неслись от воздушных подушек исполинских машин; впереди, в двухстах метрах перед головным вездеходом, двигался над землей робот-разведчик, похожий на сплюснутую тарелку, с мелко вибрирующими сяжками, а газовая струя, которую он выбрасывал из-под себя, взметала-верхушки дюн, и казалось, что он попутно зажигает на дюнах незримый огонь. Поднятая пыль долго не оседала в почти неподвижном воздухе, и путь колонны обозначался красноватой клубящейся полосой.

От машин ложились все более длинные тени: близился закат. Колонна обошла лежавший на ее пути почти полностью засыпанный кратер и через двадцать минут добралась до зоны руин. Тут строй ее изменился. Три вездехода-автомата полукругом выдвинулись вперед и включили ярко-голубые огни, сигнализируя, что локальное силовое поле создано. Две машины с людьми шли внутри этого движущегося прикрытия. В пятидесяти метрах за ними шагал на своих двухэтажных сгибающихся ногах исполинский излучатель антиматерии. Перебравшись через засыпанный песком клубок чего-то вроде изодранных металлических тросов или проводов, они задержались: одна нога излучателя сквозь песок провалилась в невидимую щель. Два арктана спрыгнули с вездехода Рогана и освободили увязшего гиганта. Потом колонна двинулась дальше.

То, что они назвали городом, в действительности ничуть не походило на земные поселения. Утонув на неизвестную глубину в движущихся песках, стояли темные массивы с усыпанными шипами, словно бы ощетинившимися поверхностями, не похожие ни на что знакомое людям. Эти сооружения, которым и названия нельзя было подобрать, достигали высоты нескольких этажей. Не было в них ни окон, ни дверей, ни даже стен. Одни походили на собранные в складки и взаимопроникающие в бесконечно многих направлениях сети очень плотной вязки с утолщениями в местах взаимопереходов; другие выглядели как усложненные пространственные арабески, которые могли бы образоваться из взаимопроникающих пчелиных сотов или решет с треугольными и пятиугольными отверстиями. В каждом большом элементе, в каждой видимой плоскости можно было обнаружить своеобразную регулярность, не такую однородную, как в кристалле, но несомненную, повторяющуюся в определенном ритме, хоть его часто и прерывали следы разрушений. Некоторые конструкции, состоящие словно из ограненных и плотно сросшихся ветвей (но эти ветви не росли произвольно, как бывает у деревьев и кустарников, — они представляли собой либо части дуги, либо две закрученные в противоположных направлениях спирали), торчали из песка вертикально; встречались и наклонные конструкции, будто половинки разводного моста. Ветры, дующие чаще всего с севера, нагромодили на всех горизонтальных плоскостях и на неглубоких прогибах летучий песок, — издали многие из этих руин походили на приземистые пирамиды с усеченными вершинами. Однако вблизи эти будто бы гладкие поверхности оказывались системой ветвистых остроконечных прутьев, ресек, кое-где так плотно переплетенных, что в их чаще задерживался песок.

Рогану показалось было, что это какие-то кубические и пирамидальные обломки скал, покрытые омертвелой, иссохшей растительностью. Но через несколько шагов и это впечатление исчезло, ибо сквозь хаос разрушений проступала регулярность, чуждая живому. Руины не были ни монолитными — в металлической чаще зияли просветы, — ни пустыми: переплетения «ветвей» проникали всюду. Роган подумал было об излучателе, но применять силу не имело смысла — вторгаться было некуда.

Порывистый ветер гнал меж высоких бастионов облака едкой пыли. Правильно расположенные чернеющие отверстия были заполнены песком, который все осыпался струйками, образуя у подножий крутые конусы. Его

неустанный шорох сопровождал людей повсюду. Вращающиеся антенны, ультразвуковые микрофоны, индикаторы излучения молчали. Слышались только скрип песка под колесами да прерывистое завывание двигателей, когда машины маневрировали на поворотах. Колонна то утопала в глубокой холодной тени гигантских сооружений, то снова выходила на песок, озаренный пурпурным светом.

Наконец они добрались до тектонической трещины. То была расселина шириной в сотню метров, образовавшая пропасть, с виду бездонную и уж наверняка страшно глубокую, раз ее не заполнили нескончаемые лавины песка, неустанно свергавшегося вниз под порывами ветра. Здесь они сделали остановку. Роган послал на другую сторону летающего робота-разведчика и всматривался на экране в то, что ловил робот своими телеобъективами; но и там картина была все та же. Через час разведчика вызвали обратно, и Роган, посоветовавшись с Балмином и физиком Гралевым, которые сидели в его машине, решил более детально осмотреть несколько руин.

Сначала они попробовали выяснить при помощи ультразвуковых зондов, какова толщина песчаного слоя на «улицах» мертвого «города». Это было весьма канительное занятие. Результаты зондирований не совпадали один с другим, — вероятно, потому, что скалистая подпочва подверглась внутренней декристаллизации во время землетрясения, вызвавшего тектонический разлом. Судя по всему, в этой огромной неглубокой котловине слой песка достигал толщины от семи до двенадцати метров.

Колонна двинулась на восток, к океану, и, проехав одиннадцать километров по дороге, извивавшейся между черными руинами, которые делались все ниже и все меньше выступали из песка, пока не исчезли совсем, добралась до голых скал. Тут они остановились у обрыва, такого высокого, что грохот волн, разбивающихся о его подножие, доходил сюда как еле слышный отголосок. Полоса обнаженного, свободного от песка камня, неестественно гладкого, отмечала линию обрыва; на севере вздымалась вереница горных вершин, которые застывшими уступами спадали к зеркалу океана.

«Город» остался позади — черный ритмичный силуэт, окутанный рыжеватой дымкой. Роган связался с «Непобедимым», передал астрогатору добытую информацию, в сущности равную нулю, и колонна, по-прежнему соблюдая меры предосторожности, вернулась в глубь развалин.

По дороге случилось небольшое происшествие. Крайний

слева энергобот, вероятно вследствие маленькой ошибки в курсе, слишком расширил радиус силового поля, так что оно коснулось края склонившегося над ними остроконечного сотовидного строения. Излучатель антиматерии, который кто-то сориентировал на автоматический удар в случае нападения, был подсоединен к указателям потребления мощности поля; внезапный скачок потребления он истолковал как явный признак того, что кто-то пытается проникнуть в силовое поле, и выстрелил в безвинную развалину.

Вся верхняя секция изогнутого строения величиной с земной небоскреб утратила свою грязно-черную окраску, раскалилась и ослепительно засверкала, чтобы в следующую долю секунды превратиться в ливень кипящего металла. Ни одна капля не попала на едущих — огненные струи соскользнули по поверхности невидимого купола, созданного силовым полем, и, прежде чем достигли земли, испарились от жара термической волны. Однако аннигиляция вызвала скачок радиоактивности, счетчики Гейгера автоматически включили сигнал тревоги, и Роган, в ярости пообещав кости переломать тому, кто так запрограммировал аппаратуру, потратил дорогие минуты на отмену тревоги и на ответ «Непобедимому», который заметил вспышку и немедленно запросил о ее причине.

— Пока мы только всего и знаем, что это металл. Вероятно, сталь с примесью вольфрама и никеля, — сказал Балмин, который, не смущаясь поднявшейся суматохой, воспользовался случаем и проделал спектроскопический анализ пламени, охватившего развалины.

— Можете вы определить их возраст? — спросил Роган, стряхивая мелкий песок, налипший на руках и лице.

Скрюченную от жара уцелевшую часть развалин они уже миновали; она висела теперь над пройденной ими дорогой, как сломанное крыло.

— Нет. Могу только сказать, что они чертовски старые. Чертовски старые, — повторил Балмин.

— Надо исследовать их поближе... И не буду я спрашивать разрешения у старика, — добавил Роган с внезапной решимостью.

Они остановились у сложного объекта, состоящего из перекрещенных посредине ответвлений. Открылась обозначенная двумя ракетами дверца в силовом поле.

Вблизи это совсем уж казалось хаосом. Фронтон постройки состоял из треугольных плит, покрытых проволочными «щетками»; изнутри эти плиты подпирались сплетением стержней толщиной с крупную ветвь; снаружи это

сплетение еще выглядело в какой-то мере упорядоченным, но в глубине, куда они пытались заглянуть, светя сильными рефлекторами, стержни разветвлялись, расходясь в стороны от толстых узлов, снова сплетались, и все это вместе походило на гигантскую проволочную сетку, в которой лежит бесконечное множество свернутых в клубок и перепутанных кабелей. Искали в них следы электрического тока, поляризации, остаточного магнетизма, наконец, радиоактивности — никаких результатов.

Зеленые огни, отмечавшие вход в поле, тревожно мерцали. Свистел ветер, потоки воздуха, врываясь в стальную чашобу, сатанински выли.

— Что могут означать эти проклятые джунгли?!

Роган утирал лицо, счищая песок, прилипший к потной коже. Они вдвоем с Баллмином стояли на окаймленной невысокими перилами плоской верхушке летающего разведчика, который висел на высоте пятнадцати — восемнадцати метров над «улицей», а точнее — над занесенной песком треугольной площадью среди двух сходящихся развалин. Глубоко внизу виднелись машины и маленькие, словно игрушечные, фигурки людей, которые смотрели вверх, запрокинув головы.

Робот медленно парил над строениями. Теперь они находились над поверхностью, из которой густо торчали черные металлические острия; местами ее прикрывали треугольные плиты, но они не лежали в одной плоскости — отклоняясь вверх или в сторону, они позволяли заглянуть в залитое мраком нутро. Переборки, стержни, стенки с сотовидными углублениями переплетались так густо, что туда не мог проникнуть солнечный свет, — в них бессильно вязли даже лучи прожекторов.

— Как вы думаете, Баллмин, что это может означать? — повторил Роган.

Он был зол. Лоб, который непрерывно приходилось вытирать, покраснел, кожа болела, глаза жгло. Через несколько минут нужно было передавать очередной рапорт «Непобедимому», а он даже слов не мог найти, чтобы описать то, что увидел.

— Я не ясновидец, — ответил Баллмин. — Я даже не археолог. Думаю, впрочем, что и археолог ничего бы вам не сказал. Кажется мне... — он замолчал.

— Ну, говорите же!

— По-моему, это не похоже на жилые строения. На развалины жилищ каких угодно созданий, понимаете? Если

это вообще с чем-либо можно сравнить, так разве что с машиной...

— С машиной, да? Но с какой? С хранилищем информации? С каким-то вариантом электронного мозга?

— Вы, должно быть, и сами в это не верите... — флегматично проговорил планетолог.

Робот сдвинулся в сторону, по-прежнему почти касаясь прутьев, беспорядочно торчащих среди погнутых плит.

— Нет. Не было тут никаких электрических цепей. Где вы видите ограждения, изоляцию, экранировку?

— Может, они были из горючего материала. Их мог уничтожить огонь. В конце концов это же развалины, — ответил Роган без особой уверенности.

— Может быть, — неожиданно согласился Балмин.

— Так что же мне сказать астрогатору?

— Лучше всего покажите ему эту абракадабру прямо по телевидению.

— Это был не город... — вдруг сказал Роган, словно подытожив в уме все, что увидел.

— Вероятно, нет, — поддакнул планетолог. — Во всяком случае, не такой город, какой мы можем вообразить. Не обитали тут ни человекоподобные существа, ни хоть сколько-нибудь на них похожие. А обитатели океана весьма сходны с земными. Значит, было бы вполне логично найти и на суше формы жизни, сходные с нашими.

— Да. Я все время об этом думаю. Никто из биологов не хочет об этом говорить. Что думаете вы?

— Биологи не хотят об этом говорить потому, что история эта смахивает на сказку: дело выглядит так, будто что-то не пустило жизнь на сушу... Будто бы помешало ей выйти из воды...

— Такая причина могла когда-то сработать один раз, например в виде очень близкой вспышки Сверхновой. Вы же знаете, что несколько миллионов лет назад дзета Лиры была Новой. Может быть, жесткое излучение истребило жизнь на суше, а организмы в глубинах океана уцелели...

— Если б было такое излучение, о котором вы говорите, то и сейчас удалось бы обнаружить его следы. Между тем поверхностная радиоактивность почвы исключительно низка для этих областей Галактики. А кроме того, за эти миллионы лет эволюция снова продвинулась бы вперед; конечно, не было бы никаких позвоночных, только примитивные прибрежные существа. А вы заметили, что берег абсолютно безжизнен?

— Заметил. А это действительно имеет такое значение?

— Решающее. Жизнь возникает прежде всего на прибрежном мелководье и лишь потом спускается в глубины океана. Тут не могло быть иначе. Что-то ее спихнуло вглубь. И думаю, до сих пор закрывает доступ на сушу.

— Почему?

— Потому, что здешние рыбы боятся зондов. На планетах, которые я знаю, никакие живые существа не боялись аппаратов. Никогда они не боятся того, чего не видели.

— Вы хотите сказать, что они уже видели зонды?

— Не знаю я, что они видели. Но зачем им понадобился орган, воспринимающий магнетизм?

— Что за проклятая история! — пробурчал Роган.

Он смотрел на изодранные металлические фестоны, перегнувшись через перила. Черные кривые концы прутьев вибрировали в струе воздуха, рвущейся из-под робота. Балмин длинными щипцами обламывал один за другим прутья, выступавшие из жерла туннеля.

— Я вам вот что скажу, — произнес он. — Тут даже и не было особенно высокой температуры. Никогда не было, а то металл покрылся бы окалиной. Значит, и ваша гипотеза насчет пожара отпадает.

— Тут никакая гипотеза не устоит, — буркнул Роган. — Да и вообще я не вижу, как можно связать эту идиотскую чашобу с гибелью «Кондора». Ведь это все абсолютно мертво.

— Это не значит, что оно всегда было таким.

— Тысячу лет назад, согласен. Но не восемь... Нечего нам тут больше искать. Вернемся вниз.

Они больше не разговаривали, пока машина не снизилась у зеленых сигнальных огней. Роган велел техникам включить телевизионные камеры и передать «Непобедимому» сведения о ситуации.

Сам он уселся в кабине головного вездехода с учеными. Продув крохотное помещение кислородом, они принялись за бутерброды, концентраты, запивая их кофе из термоса. Над их головами сияла круглая трубка светильника. Рогану был приятен ее белый свет. Его уже раздражал красноватый день этой планеты. Балмин отплевывался — песок, коварно пробравшийся в мундштук маски, во время еды скрипел у него на зубах.

— Это мне кое-что напоминает... — неожиданно проговорил Гралев, завинчивая термос. Его густые черные волосы блестели под светильником. — Я бы вам сказал, но с условием, что вы не примете это слишком всерьез.

— Если это тебе напоминает хоть что-нибудь, и то уже

неплохо, — ответил Роган с набитым ртом. — Говори, что же именно.

— Так прямо — ничего. Но я слышал одну историю... собственно, вроде сказку. О лирянах...

— Это не сказка. Они на самом деле существовали. О них имеется целая монография Ахрамяна, — заметил Роган. За спиной Гралева на щите начал пульсировать огонек — сигнал, что включена прямая связь с «Непобедимым». — Пэйи предполагал, что некоторым из них удалось спастись. Но я почти уверен, что это неправда. Они все погибли при вспышке Новой.

— То есть в шестнадцати световых годах отсюда, — сказал Гралев. — Я этой книги Ахрамяна не знаю. Но слышал, не помню даже где, историю, как они пытались спастись. Будто бы высылали корабли на все планеты других звезд, что поблизости от них. Они уже неплохо знали субсветовую астрогацию.

— А дальше что?

— Да, собственно, это все. Шестнадцать световых лет — не слишком-то большое расстояние. Может, какой-нибудь их корабль сел здесь?

— Ты предполагаешь, что они здесь? То есть их потомки?

— Не знаю. Просто я ассоциировал с ними эти руины. Они могли все это построить...

— Как они, собственно, выглядели? — спросил Роган. — Они были человекоподобными?

— Ахрамян считает, что да, — ответил Баллмин. — Но это лишь предположение. От них осталось меньше, чем от австралопитеков.

— Странно...

— Ничуть не странно. Их планета примерно на полтора десятка тысячелетий окунулась в хромосферу Новой. Были периоды, когда температура на ее поверхности превышала десять тысяч градусов. Даже скалистая подпочва претерпела полнейшую метаморфозу. От океанов и следа не осталось, вся планета прожарилась, как кость в огне. Вы только представьте — сотенка веков в пожаре Новой!

— Лиряне, здесь? Но зачем бы им скрываться? И где?

— Может, они уже вымерли? И вообще вы от меня слишком много не требуйте. Я просто сообщил, что мне пришло в голову.

Настала тишина. На пульте управления вспыхнул сигнал тревоги. Роган вскочил, схватил наушники.

— Роган слушает... Что? Это вы? Да! Да! Слушаю... Сейчас выезжаем! — Он повернул к товарищам побледнев-

шее лицо. — Вторая группа нашла «Кондора»... в трехстах километрах отсюда...

«КОНДОР»

Издали ракета походила на падающую башню. Это впечатление усиливалось от неравномерности песчаных наносов: с запада они были значительно выше, чем с востока; очевидно, тут господствовали западные ветры. Несколько тягачей поблизости от ракеты засыпало почти целиком, и даже недвижимый излучатель с поднятой крышкой наполовину ушел в песчаный холм. Но на корме виднелись отверстия дюз — она находилась во впадине, защищенной от ветра. Поэтому стоило сгрести тонкий слой песка, как открылся доступ к предметам, разбросанным у пандуса.

Люди с «Непобедимого» стояли на краю песчаной воронки. Вездеходы уже опоясали широким кругом всю территорию, и испускаемые эмиттерами пучки энергии слились в защитное поле. Транспортеры смыкались вокруг кормы «Кондора».

Пандус корабля не доходил до поверхности метров на пять, словно что-то внезапно приостановило его спуск. Клеть подъемника, однако, стояла прочно, а пустая кабина с открытой дверцей будто приглашала войти. Рядом с ней торчало из песка несколько кислородных баллонов. Их алюминиевые кожухи сверкали, будто их только что оставили здесь. Чуть подалее из песчаного холма высывался какой-то голубой предмет, — оказалось, что это пластиковый контейнер. И вообще во впадине валялось множество хаотически разбросанных предметов: консервные банки, целые и пустые, теодолиты, фотоаппараты, бинокли, штативы, фляги — одни в целости и сохранности, другие со следами повреждений.

«Ну прямо будто их кто целыми охапками швырял с корабля!» — подумал Роган и, запрокинув голову, посмотрел туда, где темнело отверстие люка: его крышка была приоткрыта.

Маленькая летная разведка под командой Деврие наткнулась на мертвый корабль совершенно случайно. Деврие и не пытался проникнуть внутрь «Кондора», а немедленно уведомил базу. Группа Рогана должна была раскрыть тайну двойника «Непобедимого». Техники уже бежали от своих машин, неся ящики с инструментами.

Роган заметил под тонким слоем песка какую-то

выпуклость, пнул ее носком ботинка, приняв за маленький глобус, и, все еще не понимая, что это такое, вытащил бледно-желтый шар из песка. Он охнул, еле сдержав крик; все обернулись к нему. Роган держал в руках человеческий череп.

Потом они нашли другие кости — их было много, — а также один целый скелет, одетый в комбинезон. Между отвалившейся нижней челюстью и зубами верхней еще лежал мундштук кислородного аппарата, а стрелка манометра остановилась на 46 атмосферах. Став на колени, Ярг отвернул вентиль баллона, и газ хлынул с протяжным шипением. В идеально сухом воздухе пустыни даже след ржавчины не коснулся ни одной из стальных деталей редуктора, и винты вращались совсем легко.

Механизм подъемника можно было пустить в ход с нижней платформы, но, видимо, в сети не было тока: на кнопки нажимали безрезультатно. Карбаться вверх по сорокаметровой ферме лифта было весьма нелегко, и Роган раздумывал, не лучше ли послать вверх несколько человек на летающей тарелке. Но тем временем двое техников, связавшись тросом, полезли по наружному переплету клетки. Остальные молча следили за их восхождением.

«Кондор», звездолет в точности того же класса, что и «Непобедимый», всего несколькими годами раньше сошел со стапеля, и их силуэты были неразличимо похожи. Люди молчали. Хоть никто об этом не говорил, они все же предпочли бы увидеть обломки корабля, разбившегося вследствие какой-то аварии, пускай даже при взрыве реактора. То, что он стоял здесь, утопая в песке пустыни и безжизненно накренившись, словно поверхность поддалась под давлением его кормовых опор, окруженный таким хаосом вещей и человеческих останков и вместе с тем такой с виду целехонький, всех ошеломило.

Техники добрались до люка, без труда откинули клапан и исчезли внутри. Их не было так долго, что Роган начал уже беспокоиться, но тут дрогнул лифт, приподнялся на метр и снова опустился на песок. В отверстии люка появился один из техников: он взмахнул рукой, показывая, что можно ехать. Роган, Балмин, биолог Хагеруп и один из техников, Кралик, вчетвером вошли в кабину. Роган по укоренившейся привычке посмотрел на мощную выпуклость корпуса, проплывающую за переплетом клетки, — и остолбенел. Титаново-молибденовые плиты были все не то насверлены, не то исколоты каким-то ужасающе твердым инструментом; отверстия эти были неглубокие, но до того густо усеивали

наружную оболочку корабля, что вся она стала рябой, словно от оспы. Роган тряхнул за плечо Балмина, но тот и сам уже заметил эту диковину. Оба они уставились на странные отверстия, стараясь получше их разглядеть.

Все дырочки были маленькие, словно выдолбленные острием долота, а Роган знал, что нет такого долота, которое вгрызлось бы в оболочку космического корабля. Этого можно было бы добиться разве что химическим воздействием. Ничего они, однако, выяснить не смогли — кабина остановилась, надо было идти в барокамеру.

Внутри корабль был освещен: техники уже пустили в ход аварийный генератор, работающий на сжатом воздухе. Песок, удивительно мелкий и легкий, лежал толстым слоем лишь у высокого порога: ветер вдул его туда сквозь щель приоткрытого люка. В коридорах его совсем не было. Помещения третьего яруса открывались перед идущими — чистые, опрятные, ярко освещенные; лишь кое-где лежали второпях брошенные вещи: кислородная маска, пластмассовая тарелка, часть комбинезона. Но так было только на третьем ярусе. Ниже, в картографических и звездных кабинах, в каютах экипажа, на радарных постах, в коридорах — всюду господствовал необъяснимый хаос. Совсем ужасное зрелище представляла собой центральная рубка. Там не уцелело прямо-таки ни одного стекла — ни в экранах, ни в часах. К тому же стекла во всех аппаратах состояли из массы, не дающей осколков, и какие-то невероятно мощные удары превратили их в серебристый порошок, который покрывал пульта, кресла, даже проводку и контактные гнезда. По соседству, в библиотеке, будто высыпавшись горой из мешка, валялись развернутые, переплетшиеся в большие скользкие клубки микрофильмы, изодранные книги, изломанные циркули, логарифмические линейки, пленки спектральных анализов вперемешку с кипами больших звездных каталогов Камерона, над которыми кто-то особенно глумился, с яростью, но и с непонятым терпением выдирая один за другим их плотные и твердые пластикатовые листы. В клубе и в прилегающем к нему проекционном зале проходы были забаррикадированы грудями смятой одежды и кусками распоротой обивки кресел. Все это, как сказал боцман Гернер, выглядело так, будто на ракету напало стадо взбесившихся павианов. Люди, онемев при виде этого разрушения, проходили ярус за ярусом. В малой навигационной каюте лежал у стены скорченный труп человека в полотняных брюках и испачканной рубашке. Кто-то из

техников, первым войдя сюда, накрыл труп брезентом. Это была, собственно, мумия с бурой кожей, присохшей к костям.

Роган ушел с «Кондора» одним из последних. Голова у него кружилась, его одолевали приступы тошноты, и он напрягал всю свою волю, чтобы сдержаться. Ему казалось, что он видел кошмарный, невероятный сон. Но лица окружающих убеждали его, что все это было в действительности. Дали краткую радиограмму на «Непобедимый». Часть экипажа осталась на «Кондоре», чтобы навести хоть некоторый порядок. Однако Роган велел сначала детально сфотографировать все помещения корабля и составить точные описания, в каком виде они находились.

Возвращались они с Баллином и Гаарбом, одним из биофизиков. Водителем вездехода был Ярг. Его широкое обычно улыбающееся лицо словно съежилось и потемнело. Многотонная машина двигалась рывками, это было совсем не похоже на обычную плавную езду уравновешенного Ярга: вездеход вилял между дюнами, выбрасывая в стороны гигантские песчаные фонтаны. Впереди шел безлюдный энергобот, обеспечивая силовую защиту. Все молчали; каждый думал о своем. Роган почти боялся встречи с астрогатором — не знал, что, собственно, ему сказать. Одно из самых ужасных открытий — ужасных своей крайней бессмысленностью — Роган затаил. В туалетной восьмого яруса он нашел куски мыла с четкими отпечатками человеческих зубов. А ведь там не могло быть голода; склады были битком набиты почти нетронутыми запасами продовольствия, даже молоко в холодильниках превосходно сохранилось.

На поддороге они приняли радиосигналы какого-то маленького вездехода, мчавшегося им навстречу в облаке пыли. Встретившись, машины притормозили. В маленьком вездеходе ехали двое — немолодой уже техник Магдов и нейрофизиолог Сакс. Выяснилось, что после отъезда Рогана и других с «Кондора» в губернаторе обнаружили замороженное человеческое тело. Человека этого, возможно, еще удастся оживить; так что Сакс вез необходимую аппаратуру с «Непобедимого». Роган решил ехать обратно, мотивируя это тем, что машина ученого не имеет силовой защиты. На деле же он обрадовался, что можно отложить разговор с Горпахом. Машина круто развернулась, и они помчались обратно, вздымая песок.

Вокруг «Кондора» оживленно сновали люди. Из песчаных наносов вытаскивали все новые и новые предметы. В стороне под белыми полотнищами в ряд лежали трупы — их было

уже больше двадцати. Пандус был спущен, даже стояночный реактор «Кондора» давал ток. Их машины заметили издали по облаку пыли и открыли проход в силовом поле. На «Кондор» уже прибыл врач, маленький доктор Нигрен, но он не хотел в одиночку осматривать человека, найденного в гибернаторе.

Роган, пользуясь своими правами — ведь он замещал здесь командира, — пошел вместе с врачами. Обломки мебели и оборудования, которые раньше не давали приблизиться к дверям гибернатора, теперь были убраны. Индикаторы показывали семнадцать градусов холода. Медики, увидев это, переглянулись и ни слова не сказали. Но Роган достаточно знал о гибернации, чтобы понять, что температура эта слишком высока для полной обратимой смерти, а для гипотермического сна, наоборот, слишком низка. Не похоже было, что этого человека в гибернаторе специально подготовили к пребыванию в соответствующим созданным условиям — скорее он попал туда случайно, так же непонятно и бессмысленно, как все, что делалось на «Кондоре». Действительно, когда они оделись в термоскафандры и открыли тяжелую дверь гибернатора, то увидели ничком лежащего на полу человека в одном белье. Роган помог перенести его на маленький мягкий стол под тремя бестеневыми лампами, — это был даже не стол, а кушетка для небольших процедур, которые иной раз приходится проводить в гибернаторе. Роган боялся увидеть лицо этого человека — он ведь знал очень многих из экипажа «Кондора». Но этот был ему незнаком. Если бы его тело не сделалось холодным и твердым, словно лед, могло бы показаться, что он спит. Веки его были сомкнуты, кожа в сухом герметическом помещении даже сохранила естественный цвет, только побледнела. Но подкожную ткань заполняли микроскопические ледяные кристаллы. Врачи опять молча переглянулись. Потом начали готовить свои инструменты. Роган сел на одну из коек. Две длинных их шеренги были аккуратно застланы — в гибернаторе сохранился нормальный безукоризненный порядок.

Несколько раз звякнули инструменты, врачи зашептались, и наконец Сакс, отойдя от стола, сказал:

— Ничего не удастся сделать.

— Умер... — скорее делая единственно возможный вывод из этих слов, чем спрашивая, уронил Роган.

Нигрен тем временем подошел к щиту климатизатора. Вскоре по гибернатору пошла струя теплого воздуха. Роган встал, собираясь уйти, но тут увидел, что Сакс возвращается

к столу. Он поднял с пола и открыл небольшую черную сумку — и там оказался аппарат, о котором Роган не раз слышал, но которого никогда не видел в действии. Сакс весьма спокойно и педантично разматывал провода с плоскими электродами на концах. Приложив шесть электродов к голове умершего, он закрепил их эластичной лентой, потом присел на корточки, вынул из сумки три пары наушников, надел одну из них и, все в той же позе, начал двигать ручку настройки. На его лице с закрытыми глазами появилось выражение предельной сосредоточенности. Вдруг он нахмурился, нагнулся еще ниже, придерживая ручку, потом сорвал наушники.

— Коллега Нигрен, — сказал он каким-то странным голосом.

Маленький доктор взял наушники.

— Что? — задыхаясь, дрожащими губами прошептал Роган.

Аппарат этот на палубном жаргоне называли «замогильный фонендоскоп». Если человек умер недавно или если тело не подверглось разложению — как в данном случае, из-за холода, — можно было этим аппаратом «подслушать» мозг, точнее говоря, то, чем было заполнено сознание в последние минуты.

Аппарат посылал электрические импульсы в глубь человека; они шли по пути наименьшего сопротивления, то есть по тем нервным волокнам, которые в предагональном периоде образовывали функциональное единство. Результаты никогда не были точными и надежными, но ходили слухи, что несколько раз удалось таким образом получить необычайно важную информацию. В этих обстоятельствах, когда так многое зависело от того, приоткроется ли хоть краешек тайны, окутавшей трагедию «Кондора», примснить «замогильный фонендоскоп» было просто необходимо. Роган уже понял, что нейрофизиолог вовсе не рассчитывал на оживление замерзшего человека и приехал, собственно, чтобы поймать передачу из его мозга. Он стоял недвижно, чувствуя странную сухость во рту и тяжелые удары сердца, когда Сакс протянул ему наушники. Если б не простота и натуральность этого жеста, Роган не решился бы их надеть. Но он сделал это под спокойным взглядом темных глаз Сакса, который припал на одно колено у аппарата, осторожно повертывая ручку усилителя.

Сначала он не услышал ничего, кроме слабого гудения токов, и почувствовал облегчение, потому что он ничего и не желал слышать. Он хотел бы, не отдавая себе в этом

отчета, чтобы мозг этого незнакомого ему человека был нем, как камень. Сакс, поднявшись, поправил наушники у него на голове. Тогда сквозь свет, заливающий белую стену губернатора, Роган увидел серую, словно пеплом засыпанную, затуманенную картину, как бы висящую на неопределенном расстоянии. Он невольно закрыл глаза, и изображение стало почти четким. Это было нечто вроде прохода где-то внутри корабля с тянущимися по потолку трубами; всю ширину его загромождали человеческие тела. Казалось, что они движутся, но это мерцало и колыхалось все изображение. Люди лежали полуголые, остатки одежды свисали лохмотьями, а их неестественно белая кожа была покрыта не то черными крапинками, не то какой-то пылью. Возможно, и это было лишь случайным побочным эффектом, потому что таких же черных точек было полным-полно на полу и на стенах. Вся эта картина, будто нечеткий снимок, сделанный сквозь толстый слой текучей воды, колебалась, растягивалась, съеживалась и мерцала. Охваченный ужасом, Роган внезапно раскрыл глаза; изображение побледнело и почти исчезло, лишь смутной тенью заслоняя яркое сияние ламп. Но Сакс снова коснулся ручки аппарата, и Роган услышал — будто внутри своей головы — слабое нашептывание: «...аля...ама...ляля...аля...ма...мама...».

И больше ничего. Ток усиления внезапно мяукнул, зажужжал, наполнил наушники не то кукареканьем, не то диким смехом, язвительным и страшным. Но это был уже только ток; просто гетеродин начал генерировать слишком мощные колебания...

Сакс свертывал провода и укладывал их в сумку, а Нигрен натянул край простыни на лицо мертвеца, сжатые губы которого, возможно под воздействием тепла (в губернаторе было уже почти жарко, по крайней мере у Рогана пот струился по спине), чуть приоткрылись, будто выражая безграничное изумление. Такими они и исчезли под белым саваном.

— Скажите что-нибудь... Почему вы ничего не говорите?! — взорвался Роган.

Сакс затянул ремешки на сумке, встал и приблизился к нему.

— Спокойней, навигатор...

Роган зажмурился, сжал кулаки, напрягся изо всех сил, но безрезультатно. Как всегда в такие минуты, им овладела ярость, и с ней очень трудно было справиться.

— Простите... — пробормотал он. — Так что же, собственно, это значит?

Сакс расстегнул и сбросил на пол слишком свободный скафандр и перестал казаться рослым и крепким — снова стал худым сутулым человеком с узкой грудью, с тонкими нервными руками.

— Я знаю не больше вашего, — сказал он. — А может, и меньше.

Роган ничего не понял, но ухватился за его последние слова:

— То есть почему меньше?

— Потому что меня здесь не было — я не видел ничего, кроме этого трупа. Вы тут были с утра. Это изображение вам ничего не говорит?

— Нет. Они... они шевелились. Они тогда еще были живы? И что на них такое было? Эти пятнышки...

— Они не шевелились. Это оптическая иллюзия. Энграммы фиксируются так же, как фотографии. Иногда получается сдвиг — образы налагаются друг на друга. В данном случае этого не было.

— А эти пятнышки? Тоже оптическая иллюзия?

— Не знаю. Все возможно. Но кажется мне, что нет. Вы как считаете, Нигрен?

Маленький доктор уже освободился от скафандра.

— Не знаю, — сказал он. — Может, это и не был артефакт. На потолке их не было, правда?

— Этих пятнышек? Нет. Только на них... и на полу. И на стенах...

— Если бы накладывалась другая проекция, они, вероятно, покрывали бы все изображение, — сказал Нигрен. — Но это не наверняка. Слишком много случайностей в таких фиксациях...

— А голос? Это... это бормотание? — с отчаянием допытывался Роган.

— Одно слово произносилось отчетливо: «мама». Вы это слышали?

— Да. Но там было еще что-то. «Аля...ляля...» — это повторялось...

— Повторялось потому, что я обшарил всю теменную область коры, — проворчал Сакс. — Это означает: всю зону слуховой памяти, — пояснил он Рогану. — Это и есть самое необычное...

— Эти слова?

— Нет. Не слова. Умиравший может думать о чем угодно; если б он думал о матери, это было бы абсолютно нормально. Но его слуховая память пуста. Совершенно пуста, понимаете?

— Нет. Ничего не понимаю. Как это — пуста?

— Сканирование теменных слоев обычно не дает результатов, — объяснил Нигрен. — Там слишком много энграмм, слишком много зафиксированных слов. Получается так, будто пытаешься читать сто книг сразу. Хаос. А у него, — он поглядел на тело, прикрытое простынкой, — у него там ничего не было. Никаких слов, кроме вот этих нескольких слогов.

— Да. Я проходил от сенсорного центра речи до самой *sulcus Rolandi*^{*}, — сказал Сакс. — Потому эти слоги и повторялись: это были единственные уцелевшие фонетические структуры.

— А остальные? А другие?

— Нету их. — Сакс, будто теряя терпение, рывком поднял тяжелый аппарат — даже кожаная ручка футляра закрипела. — Просто нет их, и все. Не спрашивайте меня, что с ними случилось. Этот человек полностью потерял слуховую память.

— А картина?

— Это дело другое. Он видел это. Мог даже не понимать, что видит, но фотоаппарат тоже ничего не понимает, однако фиксирует то, на что его нацелишь. Впрочем, не знаю, понимал он или нет... Вы мне поможете, коллега?

Врачи ушли, таща аппараты. Дверь закрылась. Роган остался один. И тут его охватило такое отчаяние, что он подошел к столу, отбросил покрывало и, расстегнув рубашку мертвеца — она оттаяла и стала уже совсем мягкой, — внимательно осмотрел его грудь. Он вздрогнул, прикоснувшись к телу, — кожа стала эластичной; ткани оттаивали, мышцы при этом расслаблялись, голова, прежде неестественно приподнятая, безвольно откинулась, словно этот человек и вправду спал.

Роган искал на его теле следов какой-нибудь загадочной эпидемии, отравления, укусов, но не нашел ничего. Два пальца левой руки разомкнулись, открывая маленькую ранку. Ее края слегка зияли; она начала кровоточить. Красные капли падали на белую пенопластовую крышку стола. Это уже оказалось не по силам Рогану. Даже не закрыв мертвеца саваном, он выбежал из гибернатора и кинулся, расталкивая столпившихся в коридоре людей, к выходу, словно его что-то преследовало.

Ярг задержал его у барокамеры, помог надеть кислородный прибор, даже мундштук сунул ему в губы.

* Роландовой борозды (лат.).

— Ничего не известно, навигатор?

— Нет, Ярг. Ничего. Ничего!

Он не замечал, с кем спускается вниз в кабине подъемника. Двигатели машин были на холостом ходу. Ветер усилился, и песчаные вихри неслись, хлеща шершавую, изъязвленную оболочку ракеты. Роган совсем забыл об этой странной истории с оболочкой. Он подошел к корме и, став на цыпочки, коснулся плотного металла кончиками пальцев. Броня была похожа на утес — именно на поверхность очень старого выветрившегося утеса, всю в твердых бугорках, неровную. Он видел между вездеходами высокую фигуру инженера Ганонга, но даже и не попытался спросить, что он думает об этом феномене. Инженер знал не больше, чем он. То есть ничего. Ничего.

Он возвращался вместе с дюжиной людей, сидя в углу кабины на самом большом вездеходе. Словно из далекой дали слышал их голоса. Боцман Тернер заговорил что-то об отравлении, но все на него обрушилось:

— Отравление? Чем? Все фильтры в идеальном состоянии! В резервуарах полно-полно кислорода. Запасы воды нетронуты... Еды вдосталь...

— Видали, как выглядел тот, кого мы нашли в малой навигационной? — спросил Бланк. — Я с ним был знаком... нипочем бы его не узнал, но у него был такой перстень с печаткой...

Никто ему не ответил.

Вернувшись на базу, Роган отправился прямо к Горпаху. Тот уже ориентировался в ситуации благодаря телевизионным передачам и рапортам ранее вернувшейся группы, которая вдобавок привезла несколько сотен снимков. Роган почувствовал невольное облегчение, поняв, что может не отчитываться перед командиром о своих наблюдениях.

Астрогатор внимательно пригляделся к нему, встав из-за стола, где кипы фотографий громоздились на карте окрестностей. Они были одни в большой навигационной каюте.

— Возьмите себя в руки, Роган, — сказал он. — Я понимаю, что вы переживаете, но нам прежде всего необходимо благоразумие. И самообладание. Нам надо добраться до сути этой сумасшедшей истории.

— У них были все средства защиты — энергоботы, лазеры, излучатели. Главный антимагнит стоит у самого корабля. У них было то же, что есть у нас, — бесцветным голосом проговорил Роган. Он вдруг сел. — Извините... — тихо сказал он.

Астрогатор вынул из стенного шкафчика бутылку коньяка.

— Старое средство, иногда годится. Выпейте это, Роган. Раньше его применяли на полях сражений.

Роган молча глотнул жгучую жидкость.

— Я проверил сборные счетчики всех агрегатов мощности, — сказал он, словно бы жалуясь. — На них никто не нападал. Они даже ни разу не стреляли. Просто... просто...

— Они сошли с ума? — спокойно подсказал астрогатор.

— Хотел бы я хоть в этом удостовериться. Но как это возможно?

— Вы видели бортовой журнал?

— Нет. Гаарб его увез. Он у вас?

— Да. После даты посадки там всего четыре записи. Они касаются тех руин, которые вы исследовали, и... «мушек».

— Не понимаю. Каких мушек?

— Этого я не знаю. Дословно эта запись звучит так... — Он взял со стола открытый бортжурнал. — «Никаких признаков жизни на суше. Состав атмосферы...» — ну, это данные анализов... А, вот тут: «В 18.40 второй разведывательный отряд на вездеходах, возвращаясь из развалин, попал в локальную песчаную бурю со значительной активностью атмосферных разрядов. Радиосвязь удалось наладить, несмотря на помехи. Отряд сообщает, что обнаружено значительное количество мушек, появляющихся...».

Астрогатор замолчал и отложил журнал.

— А дальше? Что же вы не дочитываете?

— Это, собственно, и есть конец. На этом обрывается последняя запись.

— И больше ничего нет?

— Остальное можете посмотреть.

Он придвинул к Рогану открытую страницу. Она была исчерчена неразборчивыми каракулями. Роган расширенными глазами вглядывался в хаос пересекающихся линий.

— Тут вроде буква «б»... — сказал он тихо.

— Да. А здесь «Г». Большое «Г». Совсем будто бы маленький ребенок писал... Вам не кажется?

Роган молчал, держа пустой стакан в руке — он забыл его поставить. Он подумал о недавних своих честолюбивых замыслах: ведь он мечтал о том, чтобы командовать «Непобедимым», а сейчас благодарил судьбу, что не ему придется решать дальнейшую участь экспедиции.

— Вызовите руководителей специализированных групп. Роган! Очнитесь!

— Извините. Совещание будет?

— Да. Пускай все собираются в библиотеке.

Через четверть часа все уже сидели в большом квадратном зале с цветными эмалированными стенами, за которыми помещались книги и микрофильмы. Пожалуй, больше всего угнетало это жуткое сходство помещений «Кондора» и «Непобедимого». Все понятно, это были корабли-близнецы, но Роган, в какой бы угол ни глянул, не мог отделаться от сумасшедших картин, въевшихся в память.

У каждого человека тут было свое постоянное место. Биолог, врач, планетолог, инженеры-электронщики и связисты, кибернетики и физики сидели в расставленных полукругом креслах. Эти девятнадцать человек составляли стратегический мозг корабля. Астрогатор отдельно от всех стоял под полуспущенным белым экраном.

— Все присутствующие ознакомились с ситуацией на «Кондоре»?

Все хором ответили утвердительно.

— До сего времени, — сказал Горпах, — группы, работающие возле «Кондора», обнаружили двадцать девять трупов. На самом корабле их обнаружено тридцать четыре, в том числе один идеально сохранившийся благодаря замораживанию в гибернаторе. Доктор Нигрен, который только что вернулся оттуда, доложит нам...

— Я мало что могу сказать, — вставая, произнес маленький доктор и медленно подошел к астрогатору; он был на голову ниже Горпах. — Мы нашли всего девять мумифицированных трупов. Кроме того, о котором упомянул командир и который будет исследоваться особо. Остальные — это скелеты или части скелетов, извлеченные из песка. Мумификация происходила только внутри корабля, где имелись благоприятные для нее условия: очень низкая влажность воздуха, практическое отсутствие гнилостных бактерий и не слишком высокая температура. Тела, находившиеся на открытом пространстве, подверглись разложению, которое усиливалось в периоды дождей, поскольку в здешнем песке содержится значительный процент окислов и сульфидов железа, реагирующих со слабыми кислотами... Впрочем, думаю, что детали несущественны. Если понадобится подробное описание данных реакций, это можно будет поручить коллегам химикам. Во всяком случае, в этих условиях мумификация не могла происходить, тем более что тут присоединялось воздействие воды и растворенных в ней веществ, а также воздействие

песка на протяжении нескольких лет. Последним объясняется отполированность костной поверхности...

— Простите, — прервал его астрогогатор. — Доктор, в данный момент наиболее важна причина гибели этих людей.

— Нет никаких признаков насильственной смерти, по крайней мере на телах, наиболее сохранившихся, — заявил врач; он ни на кого не смотрел и, поднеся руку к глазам, казалось, изучал нечто невидимое. — Картина такова, будто они умерли естественной смертью.

— То есть?

— Без внешних насильственных воздействий. Некоторые длинные кости, найденные отдельно, переломаны, но такие повреждения могли появиться позже. Чтобы уточнить это, нужны длительные исследования. У наиболее сохранившихся трупов не повреждены ни скелеты, ни кожные покровы. Никаких ран, если не считать мелких царапин, которые наверняка не могли быть причиной смерти.

— Так от чего же они погибли?

— Этого я не знаю. Можно подумать, что с голоду или от жажды...

— Запасы воды и продовольствия там не использованы, — с места сказал Гаарб.

— Об этом я знаю.

С минуту все молчали.

— Мумификация представляет собой прежде всего обезвоживание организма, — пояснил Нигрен; он по-прежнему ни на кого не смотрел. — Жировые ткани подвергаются при этом изменениям, но их можно обнаружить. Так вот... у этих людей они практически отсутствовали. Именно как после длительного голодания.

— Но у того, что в губернаторе, они были, — бросил Роган, стоя за последним рядом кресел.

— Это правильно. Но он, вероятно, умер от замерзания. Очевидно, каким-то образом попал в губернатор; может быть, заснул, когда температура снижалась.

— Допускаете вы возможность массового отравления? — спросил Горпах.

— Нет.

— Но, доктор... нельзя же так категорически...

— Могу это объяснить, — ответил врач. — Отравление в планетных условиях возможно либо через легкие при вдыхании газов, либо через пищеварительный тракт, либо через кожу. На одном из наиболее сохранившихся трупов был надет кислородный аппарат. В баллоне имелся кислород. Его хватило бы на несколько часов.

«Это правда», — подумал Роган. Он вспомнил этого человека — клочки побуревшей кожи на черепе и скулах, глазницы, из которых сыпался песок.

— Люди не могли съесть ничего ядовитого, потому что тут вообще нет ничего съедобного. То есть на суше. А никакой ловли в океане они не предпринимали. Катастрофа наступила вскоре после посадки. Они успели всего только послать разведку в руины. И это было все. Впрочем, вот и Мак Минн. Коллега, вы уже закончили?

— Да, — с порога ответил биохимик.

Все повернулись к нему. Он прошел между креслами и стал рядом с Нигреном. На нем был длинный лабораторный фартук.

— Вы проделали анализы?

— Да.

— Доктор Мак Минн исследовал тело человека, найденного в гибернаторе, — пояснил Нигрен. — Может, вы сразу скажете, что обнаружили?

— Ничего, — сказал Мак Минн.

Волосы у него были до того светлые, что их можно было принять за седые, и глаза такие же светлые. Крупные веснушки пестрели у него даже на веках. Но сейчас его длинное лошадиное лицо никому не казалось смешным.

— Никаких ядов, органических или неорганических. Все энзимные группы тканей в нормальном состоянии. Кровь в норме. В желудке — остатки переваренных сухарей и концентратов.

— Так как же он погиб? — спросил Горпах; он был по-прежнему спокоен.

— Попросту замерз, — ответил Мак Минн и лишь теперь заметил, что на нем фартук; он расстегнул пряжки и бросил фартук на пустое кресло — скользкая ткань сползла на пол.

— Каково же ваше мнение? — неотступно допытывался астрогатор.

— Нет у меня никакого мнения, — сказал Мак Минн. — Могу только сказать, что эти люди не подверглись отравлению.

— Может, какое-нибудь быстро распадающееся радиоактивное вещество? Или жесткое излучение?

— Жесткое излучение в смертельных дозах оставляет следы: гематомы, петехии, изменения в картине крови. Здесь таких изменений нет. И не существует в природе такого радиоактивного вещества, смертельная доза которого могла бы через восемь лет бесследно исчезнуть из организма. Здешний уровень радиоактивности ниже земного. Эти люди

не соприкасались ни с каким видом радиации. За это я могу поручиться.

— Но ведь убило же их что-то! — повысил голос Баллмин. Мак Минн молчал. Нигрен тихо сказал ему что-то. Биохимик кивнул и вышел, обходя ряды сидящих. Нигрен тоже сошел с возвышения и уселся на прежнее свое место.

— Дела выглядят не блестяще, — сказал астроготор. — Во всяком случае, от биологов нам помощи ждать нечего. Кто-нибудь хочет высказаться?

— Да.

Встал Сарнер, физик-атомник.

— Объяснение гибели «Кондора» находится в нем самом, — сказал он и посмотрел на всех своими глазами дальнозоркой птицы; при черных волосах глаза у него были светлые, чуть ли не белые. — То есть оно там имеется, но мы пока не можем его заметить и расшифровать. Хаос в помещениях, нетронутые запасы, положение и размещение трупов, повреждения вещей и аппаратуры — все это что-то означает...

— Если вам больше нечего сказать... — неодобрительно бросил Гаарб.

— Терпение. Мы оказались в потемках. Приходится искать какой-то путь. Пока мы знаем очень мало. У меня такое впечатление, что нам просто не хватает мужества припомнить некоторые вещи, замеченные нами на «Кондоре». Поэтому мы так упорно возвращаемся к гипотезе отравления и вызванного им массового помешательства. Однако в своих собственных интересах — и ради тех, на «Кондоре», — мы должны изучить безоговорочно все факты. Прошу, а вернее категорически предлагаю, чтобы каждый из нас рассказал тут же, сейчас, о том, что больше всего потрясло его на «Кондоре». О чем он никому не сказал. О чем подумал, что нужно это забыть.

Сарнер сел. Роган после недолгой внутренней борьбы рассказал о тех кусках мыла, которые заметил в туалете.

Потом встал Гралев: под грудями изодранных карт и книг всюду были засохшие экскременты.

Еще кто-то рассказал о консервной банке с отпечатками зубов — будто пытались разгрызть металл. Гаарба особенно поразили каракули в бортовом журнале и упоминание о «мушках». Он не ограничился этим:

— Допустим, что из этого тектонического разлома в «городе» вырвалась волна ядовитого газа и ветер принес ее к ракете. Если вследствие неосторожности люк остался приоткрытым...

— Приоткрыт был только наружный люк, коллега Гаарб. Об этом говорит песок в барокамере. Внутренний был закрыт.

— Его могли закрыть потом, когда уже начали ощущать отравляющее действие газа...

— Но ведь это невозможно, Гаарб. Внутренний люк не откроется, пока наружный открыт. Они открываются попеременно, это исключает всякую неосторожность или небрежность...

— Но одно не подлежит сомнению — это случилось внезапно. Массовое помешательство... Я уж не говорю о том, что случаи психоза бывают во время полета, в пустоте, а не на планетах, да еще буквально через несколько часов после посадки. А массовое помешательство, охватившее весь экипаж, могло быть только результатом отравления...

— Или того, что они впали в детство, — проговорил Сарнер.

— Как? Что вы говорите? — Гаарб, казалось, остолбенел. — Или это... шутка?

— Я в такой ситуации не стал бы шутить. Я сказал о впадении в детство потому, что никто об этом не говорил. Однако эта пачкотня в бортжурнале, эти изодранные книги, звездные атласы, эти с трудом нацарапанные буквы... ну, вы же их видели!

— Но что это значит? — спросил Нигрен. — Вы думаете, что все это — определенное заболевание?

— Нет. Такого, кажется, и не существует. Верно, доктор?

— Наверняка нет.

Снова наступило молчание. Астрогатор колебался.

— Это может толкнуть нас на неверный путь. Результаты некроптических прослушиваний всегда неопределенны. Но я уж и не знаю, может ли нам теперь что-нибудь еще больше навредить... Доктор Сакс...

Нейрофизиолог описал изображение, полученное из мозга человека в гибернаторе, и, конечно, сказал о слогах, оставшихся в его слуховой памяти. Это вызвало прямо-таки бурю вопросов; их перекрестным огнем задело и Рогана, поскольку он тоже принимал участие в эксперименте. Но все это ни к чему не привело.

— Эти черные крапинки ассоциируются с «мушками»... — сказал Гаарб. — Пойдите-ка. А может, причины смерти были разные? Допустим, на экипаж напали какие-то ядовитые насекомые — в конце концов невозможно обнаружить следы мелких укусов на мумифицированной коже. А тот, кого нашли в гибернаторе, просто постарался укрыться

от этих насекомых, чтобы избежать судьбы товарищей... и замерз.

— Но откуда у него взялась амнезия перед смертью?

— Это потеря памяти, да? А это удалось совершенно точно установить?

— Постольку, поскольку вообще можно считать точными некроптические исследования.

— Так что же вы скажете о гипотезе насчет насекомых?

— По этому вопросу пускай выскажется Лауда.

Лауда был главным палеобиологом корабля; он стоял, ожидая, пока все утихомятятся.

— Мы не случайно вообще не говорили о так называемых «мушках». Каждый, кто хоть немного ориентируется в биологии, знает, что никакие организмы не могут существовать вне определенного биотопа, то есть доминирующего комплекса, который образует среда и все существующие в ней виды живого. Так обстоит во всем исследованном космосе. Жизнь либо создает громадное разнообразие форм, либо вообще не возникает. Насекомые не могли появиться без одновременного развития наземных растений, других организмов, беспозвоночных и так далее. Я вам не буду излагать общую теорию эволюции — думаю, достаточно будет заверить вас, что это невозможно. Нет тут никаких ядовитых мух и никаких иных членистоногих — насекомых, многоножек либо паукообразных. И никаких родственных им форм.

— Но нельзя же утверждать это с такой уверенностью! — закричал Баллмин.

— Будь вы моим учеником, Баллмин, не попали бы вы на этот корабль, потому что провалились бы у меня на экзамене, — невозмутимо произнес палеобиолог, и все невольно усмехнулись. — Не знаю, как у вас насчет планетологии, а по эволюционной биологии — неудовлетворительно!

— Получается типичная распря специалистов... стоит ли время на это тратить? — шепнул кто-то за спиной у Рогана.

— Но ведь, может быть, эти насекомые не здешнего происхождения! — упорствовал Баллмин. — Может, их привезли откуда-нибудь...

— Откуда?

— С планет Новой.

Тут заговорили все вместе. Не сразу удалось водворить спокойствие.

— Коллеги! — сказал Сарнер. — Я знаю, откуда позаимствовал свою идею Баллмин. Из рассказа Гралева о лирианах.

— Что поделаешь — не отрицаю авторства, — бросил физик.

— Отлично. Допустим, что на такую роскошь, как правдоподобные гипотезы, нам уже нечего рассчитывать. Что нам нужны гипотезы сумасшедшие. Пускай даже так. Коллеги биологи! Допустим, какой-то корабль с планет Новой привез сюда тамошних насекомых. Могли бы они приспособиться к местным условиям?

— Если гипотеза должна быть сумасшедшей, то могли бы, — со своего места ответил Лауда. — Но даже сумасшедшая гипотеза должна объяснять все.

— То есть?

— То есть она должна объяснить, что изъело всю наружную оболочку «Кондора» и вдобавок до такой степени, что, как мне говорили инженеры, корабль вообще не сможет лететь, пока его не отремонтируют весьма основательно. Или, может, вы думаете, что какие-то насекомые приспособились к потреблению молибденового сплава? Это одно из самых твердых веществ во всем космосе. Коллега Петерсен, чем можно пробрать такую оболочку?

— Если она соответствует кондициям, то, собственно, ничем, — ответил заместитель главного инженера. — Можно ее слегка надсверлить алмазами, но на это потребуется чуть ли не тонна сверл и тысяча часов времени. Уж скорее кислотами. Но кислотами неорганическими, и они должны были бы действовать при температуре самое меньшее две тысячи градусов и при участии соответствующих катализаторов.

— А что, по-вашему, изъело броню «Кондора»?

— Понятия не имею. Он бы мог так выглядеть, если б сидел в кислотной ванне при соответствующем нагреве. Но как это было сделано без плазменных дуг и без катализаторов, этого я себе не могу представить.

— Вот вам и ваши «мушки», коллега Балмин! — сказал Лауда.

— Думаю, что нет смысла продолжать дискуссию, — заговорил долго молчавший астрогатор. — Может, рано было ее начинать. Ничего нам не остается, кроме как проводить исследования. Разделимся на три группы. Одна займется руинами, другая — «Кондором», а третья совершит несколько вылазок в глубь западной пустыни. Это максимум возможного, потому что, если даже пустят в ход некоторые механизмы «Кондора», я не могу снять с охраны «Непобедимого» больше чем четырнадцать энергоботов, а третья степень по-прежнему необходима...

Гнетущая, скользкая чернота окружала его отовсюду. Он задышался. Отчаянно силился оттолкнуть словно бы невесомые обвивающие его спирали, проваливался все глубже, с криком, завязшим в раздутом горле, напрасно искал оружие. Он был наг и беспомощен, в последний раз напруг все силы, чтобы крикнуть...

Оглушающий звон вырвал его из сна. Роган вскочил с койки, сознавая лишь одно — что его окружает тьма, в которой неумолчно звенит сигнал тревоги. Это уже не был кошмарный сон. Роган включил свет, натянул комбинезон и побежал к лифту. На всех ярусах у дверей лифтов толпились люди. Отовсюду неслись протяжные звуки сигналов, красные надписи «Тревога!» пылали на стенах...

Роган вбежал в рулевую рубку. Астрогатор, аккуратно одетый, словно днем, стоял у центрального экрана.

— Я уже отменил тревогу, — спокойно сказал он. — Это только дождь, Роган, но вы посмотрите. Очень красивое зрелище.

Действительно, экран, на котором видна была верхняя часть ночного неба, сверкал бесчисленными искрами разрядов. Капли дождя, падая с высоты, ударялись о невидимую преграду силового поля, накрывающую «Непобедимый», словно гигантская опрокинутая чаша, и, мгновенно превращаясь в микроскопические огненные взрывы, озаряли все вокруг мерцающим светом, похожим на стократно усиленное северное сияние.

— Надо бы получше запрограммировать автоматы... — тихо сказал Роган, совсем уже очнувшись; спать ему расхотелось. — Придется мне сказать Тернеру, чтобы он не включал аннигиляцию. А то какая-нибудь горстка песка, принесенная ветром, станет будить нас среди ночи...

— Допустим, что это была пробная тревога. Вроде маневров, — возразил астрогатор, который, по-видимому, был в неожиданно хорошем настроении. — Сейчас четыре. Можете вернуться к себе, Роган.

— Правду говоря, неохота. Может, вы?

— Я уже выспался. Мне хватает четырех часов. После шестнадцати лет в космосе ритм сна и бодрствования уже не имеет ничего общего с прежним земным ритмом. Я раздумывал над тем, как получше застраховать исследовательские группы. Это ведь довольно хлопотно — тащить всюду энергоботы и развертывать силовые прикрития. Что вы об этом думаете?

— Можно выдать людям индивидуальные эмиттеры. Но этим тоже всего не решишь. Человек в силовом пузыре ни к чему притронуться не может... Ну, вы знаете, как это бывает. А если слишком сократишь радиус силовой защиты, так и сам рискуешь обгореть. Я уж такое видал.

— Я даже и о том думал, чтобы не пускать людей и пользоваться роботами с дистанционным управлением, — признался астрогатор. — Однако это годится на несколько часов, на один день, а похоже, что мы тут пробудем подольше...

— Так что вы собираетесь делать?

— Каждая группа будет иметь исходную базу, прикрытую силовым полем, но отдельные исследователи должны получить известную свободу действий. Иначе мы так основательно защитим себя от несчастных случаев, что ничего не выясним. Необходимое условие таково: за каждым, кто работает вне силового поля, идет защищенный человек, который наблюдает за его действиями. Не исчезать с глаз — это первое правило на Регис III.

— Куда вы меня назначите?

— Вы хотели бы работать на «Кондоре»?.. Вижу, что нет. Ладно. Остается город либо пустыня. Можете выбирать.

— Я выбираю город. Мне все кажется, что тайна скрыта именно там...

— Возможно. Значит, завтра — собственно, сегодня: ведь уже светает — вы берете свою вчерашнюю команду. Я вам добавлю еще пару арктанов. Ручных лазеров тоже стоит прихватить немного: у меня такое впечатление, что *это* действует на небольшом расстоянии.

— Что «это»?

— Если б я знал... Да! И кухню тоже возьмите, чтобы совершенно от нас не зависеть и в случае надобности работать без постоянной доставки с корабля...

Красное, почти не греющее солнце уходило за черту горизонта. Тени гротескных строений удлинялись и сливались. Ветер все перегонял с места на место песчаные волны среди металлических пирамид. Роган сидел на крыше тяжелого вездехода и в бинокль смотрел на Гралева и Хена, которые за границей силового поля рылись у подножия черноватого «пчелиного сота». Ремень, на котором висел ручной лазер, наминал шею. Роган передвинул его как можно дальше назад, не отводя глаз от товарищей. Плазменная горелка в руке Хена сверкала, как маленький ослепительный бриллиант. Внутри вездехода слышался ритмически

повторяющийся сигнал вызова, но Роган даже головы не повернул. Он слышал, как водитель отвечает базе.

— Навигатор! Приказ командира! Мы должны немедленно возвращаться! — возбужденно крикнул Ярг, высовывая голову из люка башенки.

— Возвращаться? Почему?

— Не знаю. Они все время повторяют сигнал немедленного возвращения и четыре раза ЭВ.

— ЭВ?! Ох, все кости у меня одеревенели! Это означает, что нужно поторопиться. Дай мне сюда микрофон и зажги сигнальные огни.

Через десять минут все работавшие вне поля сидели в машинах. Роган повел свою маленькую колонну с максимальной быстротой, какая была возможна на холмистой местности. Бланк, выполнявший сейчас при нем обязанности связиста, вдруг протянул ему наушники. Роган спустился вниз, в металлическое нутро, пахнущее нагретым пластиком, и, сидя под ветерком из вентилятора, шевелившим ему волосы, слушал, как группа Галлахера, работающая в западной пустыне, обменивается сигналами с «Непобедимым». Похоже было, что надвигается буря. Барометры уже с утра показывали, что давление падает, но лишь сейчас из-за горизонта выползли темно-синие плоские тучи. Над ними небо было чистое. На нехватку атмосферных помех жаловаться не приходилось — в наушниках так трещало, что связь шла только морзянкой. Роган ловил группы условных сигналов. Включился он слишком поздно и не мог понять, о чем идет речь. Понял только, что группа Галлахера тоже полным ходом возвращается на базу, а на корабле объявлена готовность, и всех врачей вызвали на посты.

— Медицинская готовность, — сказал он Баллмину и Гралеву, которые выжидающе глядели на него. — Какой-нибудь несчастный случай. Но, наверно, ничего особенного. Может, обвал случился, кого-нибудь засыпало...

Он говорил так потому, что люди Галлахера должны были заняться геологическими раскопками в месте, установленном предварительной разведкой. По правде говоря, сам он не верил, что произошел просто обыкновенный несчастный случай во время работы.

От базы их отделяло всего шесть километров, но группа Галлахера, видимо, двинулась к базе несколько раньше: в тот момент, когда показался темный вертикальный силуэт корабля, они пересекли совершенно свежие следы гусениц, а при таком ветре следы исчезли бы меньше чем за полчаса. Они приблизились к внешней границе поля и начали

сигнализировать, чтобы открыли проход. Пришлось невероятно долго ждать, прежде чем им ответили. Наконец вспыхнули условные огни, и колонна вошла в зону силового поля.

Группа с «Кондора» была уже здесь. Значит, это ее впустили перед ними, а не геологов Галлахера. Стояли вездеходы — одни у пандуса, другие — поперек дороги, беспорядок был полнейший, бегали люди, по колени увязая в песке, автоматы поблескивали фонариками. Уже смеркалось. С минуту Роган не мог разобраться в этом хаосе. Вдруг в высоте вспыхнул слепяще белый световой столб. Большой прожектор сделал «Непобедимого» похожим на гигантский морской маяк. Он выискивал далеко в пустыне колонну огоньков, колыхавшихся то вверх, то вниз, то в стороны, будто приближалась какая-то флотилия. Снова засверкали огни, указывая проход в силовом поле. Машины еще не успели остановиться, а сидевшие в них люди Галлахера уже спрыгивали в песок, от пандуса катился на колесах другой прожектор, сквозь ряды сгрудившихся машин шла группа людей, окружая носилки, на которых кто-то лежал.

Роган растолкал стоявших перед ним в тот момент, когда носилки проносили мимо него, — и остолбенел. В первое мгновение он еще думал, что действительно произошел несчастный случай, но у человека на носилках были связаны руки и ноги.

Дергаясь всем телом так, что скрипели веревки, которыми он был связан, и широко раскрыв рот, человек издавал какой-то странный скулящий вой. Группа с носилками ушла вперед, продвигаясь в световом пятне прожектора, а до Рогана, стоящего в темноте, все еще доносилось это нечеловеческое скулящее завывание. Белое пятно света сдвигающимися в нем фигурками людей уменьшалось, поднимаясь по пандусу: остановилось на широко зияющем отверстии грузового люка. Роган начал допытываться, что случилось, но кругом были люди из группы «Кондора», которые знали не больше его самого.

Прошло немало времени, прежде чем Роган опомнился и навел хоть некоторый порядок. Вереница машин пошла вверх по пандусу, осветился лифт, толпа, теснящаяся возле него, стала таять; наконец и Роган одним из последних поднялся вверх, вместе с тяжело навьюченными арктанами, спокойствие которых казалось ему коварнейшей насмешкой.

Внутри ракеты протяжно звенели информаторы и внутренние телефоны, на стенах еще горели сигналы, вызывающие врачей по тревоге, но вскоре они погасли. Коридоры постепенно пустели, часть экипажа спускалась

вниз, в кают-компанию. Роган слышал разговоры и шаги в коридорах; какой-то опоздавший арктан тяжело шагал, направляясь к отсеку роботов. Наконец все разошлись, а Роган стоял один, будто парализованный, словно утратив надежду понять, что происходит, и уверившись, что никакого объяснения этому нет и быть не может.

— Роган!

Роган вздрогнул. Этот окрик привел его в себя. Перед ним стоял Гаарб.

— Это вы? Гаарб... вы видели? Кто это был?

— Кертелен.

— Что?! Это невозможно...

— Я видел его почти до самого конца...

— До какого конца?

— Я был с ним вместе, — неестественно спокойно произнес Гаарб.

— Исследовательская группа в пустыне?.. — еле выговорил Роган.

— Да.

— И что же с ним случилось?

— Галлахер избрал это место на основании сейсмических зондирований... Мы попали в лабиринт неглубоких извилистых ущелий, — медленно говорил Гаарб, словно не к нему обращаясь, а просто силясь припомнить очередность событий. — Там мягкие породы органического происхождения, изрытые водой, масса гротов, пещер... вездеходы пришлось оставить наверху... Мы шли, держась вместе, было нас одиннадцать человек. Феррометры показывали наличие железа в большом количестве; мы его искали. Кертелен думал, что там где-то запрятаны какие-то машины.

— Да, мне он тоже говорил нечто подобное... И что же было дальше?

— В одной из пещер, совсем неглубоко, под натеками, — там есть даже сталактиты и сталагмиты, — он нашел что-то вроде автомата.

— В самом деле?

— Нет, это не то, что вы думаете. Совершеннейшая рухлядь, съеден даже не ржавчиной — это какой-то нержавеющий сплав, — но коррозией, полуистлевший, ну попросту обломки.

— Но, может, другие...

— Да ведь этому автомату по меньшей мере триста тысяч лет.

— Почему вы знаете?

— Потому что на нем оседал известняк, по мере того как

испарялась вода, капающая со сталактитов. Галлахер сам проделал примерные расчеты, исходя из скорости испарения, образования осадка и толщины его слоя. Триста тысяч лет — это по самым заниженным расчетам... Да и вообще автомат этот, собственно, знаете, на что похож? На эти самые руины!

— Значит, это никакой не автомат...

— Нет, он, должно быть, двигался, только не на двух ногах. И не как краб... Да вообще-то не успели мы выяснить — сразу вслед за этим...

— Ну, что же было?

— Я время от времени пересчитывал людей. Я был в прикрытии, понимаете, обязан был охранять их... но они ведь все были в кислородных масках, вы же знаете — в масках все становятся похожи друг на друга, а комбинезоны тоже трудно было различить по цвету, очень уж они перепачкались глиной и запылились. Вдруг я одного человека недосчитался. Созвал я всех, и мы начали поиски. Кертелен очень обрадовался своему открытию, вот и продолжал шнырять по ущелью. Я думал, что он просто свернул в какое-нибудь ответвление ущелья... там ведь полно закоулков, но все они короткие, неглубокие, отлично освещенные... И вдруг он вышел навстречу нам из-за поворота. Уже в таком состоянии. С нами был Нигрен, он сначала подумал, что это тепловой удар...

— Так что же с ним, собственно?

— Он без сознания. Хотя вообще-то нет. Он может ходить, двигаться, но только невозможно установить с ним контакт. И речь он потерял. Вы слышали его голос?

— Да.

— Теперь он вроде выдохся немного. Сначала было еще хуже. Никого из нас он не узнавал. В первые минуты это было самым страшным. Я кричу: «Кертелен, куда ж ты запропал?» — а он идет мимо, ну будто оглох, прошел между нами и двинулся вверх по ущелью, но такой походкой, так как-то чудно, что все мы похолодели. Ну прямо будто подменили его. На оклики он не реагировал, мы побежали за ним. Что там делалось! Словом, пришлось его связать, иначе нам бы его сюда не доставить.

— А врачи что говорят?

— Да переговариваются, как положено, по-латыни, а вообще-то ничего не понимают. Нигрен и Сакс пошли к командиру, можешь там их расспросить...

Гаарб ушел тяжелыми шагами, наклонив голову на свой особый манер. Роган на лифте поднялся наверх, в рулевую рубку. Там было пусто, но, проходя мимо картографической

кабины, он услышал сквозь неплотно прикрытую дверь голос Сакса и вошел туда.

— Будто бы абсолютная потеря памяти. Так это выглядит, — говорил нейрофизиолог.

Он стоял спиной к Рогану и разглядывал рентгеновские снимки, поднимая их к свету. За столом над открытым бортжурналом сидел астрогатор; поднятая рука его лежала на стеллаже, битком набитом свернутыми в рулон звездными картами. Он молча слушал Сакса, который неторопливо вкладывал снимки в конверт.

— Амнезия. Но невероятно полная. Он потерял не только память о себе, но и речь, способность писать, читать. Это, собственно говоря, нечто большее, чем амнезия: полнейший распад, уничтожение личности. У него не осталось ничего, кроме примитивнейших рефлексов. Он может ходить и есть, но только если пищу придвигать к его губам. Он тогда ее схватывает, но...

— Он видит и слышит?

— Да. Несомненно. Но не понимает того, что видит. Не отличает людей от движущихся предметов.

— Рефлексы?

— Нормальные. Тут все дело в центре.

— В центре?

— Ну да. В мозге. Будто бы полностью стерты все и всякие следы памяти.

— Так, значит, тот человек с «Кондора»...

— Да. Теперь я в этом уверен. Там было то же самое.

— Видал я однажды нечто подобное... — совсем тихо, почти шепотом сказал астрогатор. Он глядел на Рогана, но будто не видел его. — Это было в пространстве...

— Ах, знаю! И как это мне в голову не пришло! — чуть не крикнул нейрофизиолог. — Амнезия после магнитного удара, так ведь?

— Да.

— Я такого случая никогда не наблюдал. Знаю этот синдром только теоретически. Это ведь случалось много лет назад при прохождении на большой скорости через сильные магнитные поля?

— Да. То есть в особых условиях. Тут существенна не столько сама напряженность магнитного поля, сколько ее градиент и стремительность происходящего изменения. Если в пространстве встречаются большие градиенты, — а бывают и скачкообразные увеличения, — то индикаторы обнаруживают их на расстоянии. Раньше таких приборов не было...

— Правильно.. — повторял врач. — Правильно... Аммер-

хаттен проводил такие эксперименты на обезьянах и кошках. Подвергал их действию мощных магнитных полей, и они теряли память...

— Да, ведь тут есть нечто общее с электрическим стимулированием мозга...

— Но в этом случае, — вслух рассуждал Сакс, — мы, кроме рапорта Гаарба, располагаем показаниями всех людей его группы. Мощное магнитное поле... ведь это ж, наверное, сотни тысяч гаусс?

— Сотен тысяч недостаточно. Нужны миллионы, — безучастно сказал астрогатор. Лишь теперь его взгляд остановился на Рогане. — Войдите и закройте дверь.

— Миллионы?! И наши приборы не обнаружили бы такое поле?

— В одном случае, — сказал Горпах. — Если б оно было сконцентрировано в очень малом пространстве — ну, скажем, величиной с этот глобус — и снаружи было бы экранировано...

— Словом, если бы Кертелен всунул голову между полюсами гигантского электромагнита?..

— Даже этого мало. Поле должно вибрировать с определенной частотой.

— Но там не было никакого магнита и никакой машины, кроме тех проржавевших обломков. Ничего, одни только промытые водой ущелья, гравий да песок...

— И пещеры, — мягко и словно равнодушно заметил Горпах.

— И пещеры... Вы что же думаете, что его кто-то затащил в эту пещеру, где есть магнит... нет, ведь это же...

— А вы как это объясняете? — спросил командир, и казалось, что разговор этот не то надоел ему, не то стал утомлять.

Сакс молчал.

В три сорок ночи весь корабль наполнился протяжным звонком тревоги. Люди вскакивали с постелей и, ругаясь на чем свет стоит, на ходу одеваясь, мчались на свои посты. Роган уже через пять минут после начала тревоги очутился в рулевой. Астрогатора там еще не было. Роган подбежал к центральному экрану. Черная ночь на востоке редела от бесчисленных белых вспышек. Казалось, будто летящий из одного пункта рой метеоритов атакует ракету. Он глянул на контрольные приборы поля. Автоматы он запрограммировал сам: они теперь уже не могли реагировать ни на дождь, ни на песчаную бурю. Из невидимой во тьме пустыни летело

что-то и разбрызгивалось огненными бисеринками. На поверхности поля возникали взрывы, загадочные снаряды отскакивали, уже в огне чертили светящиеся, постепенно меркнущие параболы или стекали по выпуклости силовой оболочки. Вершины дюн возникали на миг из мрака и таяли; стрелки контрольных приборов лениво подрагивали — мощность, которую потребляла система эмиттеров на защиту от загадочной бомбардировки, была относительно невелика. Уже слыша за спиной шаги командира, Роган поглядел на спектроскопические индикаторы.

— Никель, железо, марганец, бериллий, титан, — прочел на ярко освещенном щите астрогогор, став рядом. — Много бы я дал, чтобы посмотреть, что же это такое...

— Дождь металлических частиц, — медленно проговорил Роган. — Судя по разрядам, размеры их невелики...

— Охотно бы я поглядел на них вблизи... — буркнул командир. — Как вы думаете, может, рискнуть?

— То есть выключить поле?

— Да. На долю секунды. Небольшое количество их попадет в зону защиты, а остальных мы отрежем, снова включив поле...

Роган довольно долго не отвечал.

— Что ж, можно бы... — нерешительно сказал он наконец.

Но не успел командир подойти к пульта управления, а светящийся рой уже угас так же внезапно, как и возник, и настала тьма, такая, которую знают лишь планеты, лишённые лун, кружащиеся вдали от центральных звездных скоплений Галактики.

— Не удалась нам охота, — проворчал Горпах.

Он долго стоял, положив руку на главный выключатель, потом, слегка кивнув Рогану, вышел. Стонущий звук сигналов, отменяющих тревогу, наполнял все ярусы корабля. Роган вздохнул, еще раз поглядел на экраны, залитые черной тьмой, и пошел спать.

ТУЧА

Они начинали уже привыкать к планете — к ее неизменному пустынному облику с прозрачными тенями тающих, неестественно светлых облаков, между которыми и днем просвечивали яркие звезды, к шороху песка, оседающего под колесами и под ногами, к багровому грузному солнцу, касания которого неизмеримо нежнее, чем на Земле, и если подставишь ему

спину, то почувствуешь не тепло, а вроде как молчаливое его присутствие.

По утрам исследовательские группы отправлялись на свои участки, энергоботы исчезали среди песчаных холмов, колыхаясь, словно неуклюжие лодки, опадала пыль, и оставшиеся на «Непобедимом» говорили о том, что будет на обед, что сегодня сказал радарный боцман боцману связистов, или пытались припомнить, как звали пилота, который потерял ногу во время аварии на навигационном спутнике Терра-5. Болтали вот так, сидя на пустых канистрах под корпусом, тень которого поворачивалась, словно стрелка гигантских солнечных часов, и все удлинялась, пока не достигала линии энергоботов. Тогда люди вставали и начинали высматривать возвращающихся. Те же, что возвращались, голодные и усталые, разом утрачивали оживление, которое поддерживала в них работа. Даже группа «Кондора» через неделю перестала приносить сенсационные новости, сводившиеся к тому, что в обнаруженных останках удалось распознать кого-то из знакомых. То, что в первые дни было символом ужаса, привезли с «Кондора», тщательно упаковали (ведь как иначе назовешь добросовестное укладывание всех уцелевших человеческих останков в герметические контейнеры, которые потом отправились вниз, на корму), и оно исчезло. И тогда люди, по-прежнему просеивающие песок вокруг кормы «Кондора» и обшаривающие его каюты и коридоры, вместо облегчения, которого, пожалуй, можно было ждать, начали испытывать томящую скуку и, словно забыв о том, что случилось с экипажем «Кондора», занялись коллекционированием дурацких пустячков, неизвестно кому принадлежавших прежде, оставшихся после несуществующих уже владельцев. Так что вместо документов, которые объяснили бы загадку, — за неимением таких документов — они привозили то старую губную гармонику, то китайскую головоломку, и предметы эти, уже лишенные своего мистического зловещего ореола, шли в оборот, становились словно бы общей собственностью команды. Роган, который ничем бы не поверил, что такие вещи возможны, уже через неделю вел себя точно так же, как и остальные. И только по временам, оставаясь один, задавал себе вопрос: зачем он, собственно, здесь? И чувствовал тогда, что вся их деятельность, вся их торопливая суетня, эти бесконечные исследования, просвечивания, собирания образцов, бурение скальных пород, осложненные постоянной необходимостью соблюдать третью степень — открывать и закрывать силовое поле, держать наготове

лазеры, заранее точно рассчитав зону их действия, вести постоянный оптический контроль, непрерывно пересчитывать людей, поддерживать многоканальную связь, — все это сплошной грандиозный самообман. Что по сути дела они только и ждут какого-нибудь нового несчастного случая, новой беды и лишь притворяются, что это не так.

Сначала люди толпились по утрам перед лазаретом «Непобедимого», чтобы узнать новости о состоянии Кертелена. Он казался им не столько жертвой таинственного нападения, сколько неким нечеловеческим существом, совершенно несхожим с людьми; они будто бы целиком поверили в фантастические сказки и считали, что чуждые, враждебные силы этой планеты могут превратить одного из них в загадочное чудовище. А на самом-то деле Кертелен был попросту калекой. Оказалось, впрочем, что его мозг, открытый всему, как у младенца, и такой же пустой, воспринимает сведения, которые сообщают врачи, и Кертелен понемногу учится говорить — именно как ребенок. Уже не слышно было в лазарете ни нечеловеческого скулящего завывания, ни бессмысленного младенческого лепета, такого страшного в устах зрелого мужчины. Через неделю Кертелен начал выговаривать некоторые слоги и стал узнавать врачей, хотя и не мог произнести их имена. С этого времени интерес к нему начал понемногу падать, особенно когда врачи объяснили: он ничего не сможет рассказать о том, что и как с ним произошло, даже когда вернется к норме или, вернее, окончит свое странное, но неизбежное обучение.

А работы шли своим чередом. Накапливались планы «города», уточнялись детали конструкций его «ветвистых пирамид», хотя предназначение их по-прежнему оставалось неясным. Астрогатор счел, что дальнейшие изыскания на «Кондоре» ничего не дадут, и прекратил их. Сам же корабль приходилось бросить — ремонт его оболочки был не под силу инженерам «Непобедимого», а к тому же имелись дела, гораздо более срочные и важные. Забрали только на «Непобедимый» множество энергоботов, транспортеров, вездеходов и всякой аппаратуры, а остов «Кондора» — после такого опустошения он сделался и вправду остовом — наглухо закрыли, теша себя надеждой, что либо они сами, либо какая-то очередная экспедиция отбуксирует все же корабль в родной порт. Горпах перебросил группу с «Кондора», работавшую под руководством Реньяра, на север; там она присоединилась к группе Галлахера. Роган теперь стал главным координатором всех исследований и отлучался с «Непобедимого» лишь ненадолго, да и то не каждый день.

Ведя раскопки в лабиринте ущелий, орошаемых подземными источниками, группы Реньяра и Галлахера сделали странные открытия. Слои осадочных пород перемежались прослойками вещества, имевшего не планетное происхождение. Специалисты мало что могли сказать по этому поводу. Выглядело это так, будто на древний базальтовый щит, глубинный пласт коры, миллионы лет назад легло бесчисленное множество металлических осколков, возможно, попросту частиц металла (была высказана гипотеза, что в атмосфере Регис расплылся гигантский железо-никелевый метеорит и огнистым дождем впаялся в горные породы той древней эпохи), и эти осколки или частицы, медленно окисляясь, вступая в химические реакции с окружающей средой, в конце концов преобразовались в слои буровато-черных, а местами красновато-рыжих отложений. Ранее проводившиеся раскопки затрагивали едва лишь верхние слои коры, геологическая структура которой своей сложностью могла ошарашить и самого опытного планетолога. Когда пробурили скважину до базальта возрастом в миллиард лет, то оказалось, что в лежащих на нем породах, несмотря на значительную их перекристаллизацию, обнаруживается углерод органического происхождения. Сначала подумали, что эта местность ранее находилась на дне океана. Но в слоях уже настоящего каменного угля были найдены отпечатки многих видов растений, которые могли произрастать лишь на суше. Реестр живых существ, обитавших на суше, постепенно дополнялся и разрастался. Стало уже известно, что триста миллионов лет назад в джунглях планеты водились примитивные пресмыкающиеся. Часть позвоночника и обломки роговых челюстей одного из них ученые доставили на корабль с триумфом, которого, однако, не разделил экипаж.

Жизнь на суше словно бы начинала развиваться дважды. Первая катастрофа произошла около ста миллионов лет назад; тогда началось стремительное вымирание животных и растений, вызванное, вероятно, вспышкой Новой. Но впоследствии жизнь здесь возродилась и буйно расцвела, образовав новые формы; ни количество, ни степень сохранности обнаруженных остатков не давали оснований для более точной классификации, но удалось установить, что на планете никогда не было существ, подобных млекопитающим. Еще через девяносто миллионов лет произошла другая вспышка Новой, но теперь уже на большом расстоянии от Регис; удалось обнаружить следы этой вспышки в виде радиоактивных изотопов. По приблизительным подсчетам интенсивность жесткого излучения на поверхности планеты

не была настолько высокой, чтобы вызвать массовое вымирание всего живого. Тем более непонятно было, почему с тех пор остатки животных и растений все реже и реже встречались в геологических наложениях. Зато все больше становилось этих спрессованных «осадков» — сульфидов сурьмы, окислов молибдена, закисей железа, солей никеля, кобальта и титана. В этих металлических слоях, относительно неглубоких, возрастом от шести до восьми миллионов лет, имелись кое-где очаги высокой радиоактивности, но в соизмерении с возрастом планеты эта радиоактивность была кратковременной. В общем получалось, что в ту эпоху по какой-то причине произошел ряд бурных, но сугубо локальных ядерных реакций, продукты которых и содержались в «металлических осадках». Кроме гипотезы насчет «железисторадиоактивного метеорита», высказывались и другие, совсем уж фантастические, связывающие эти необычные очаги «радиоактивного зноя» с катастрофой на планетах Лиры и с гибелью тамошней цивилизации. Предполагали, например, что при попытках колонизовать Регис III произошли ядерные сражения между экипажами посланных сюда кораблей. Но и такая гипотеза не объясняла, откуда взялись эти странные металлические слои такой толщины, а пробные бурения показали, что они имеются и в других, довольно отдаленных районах. Во всяком случае, неизбежно складывалось представление, столь же загадочное, сколь и бесспорное: жизнь на суше погибла в тот же период — продолжавшийся несколько миллионов лет, — когда начали формироваться металлические слои. Причиной этой гибели всего живого не могла быть радиация: общее количество излучения в пересчете на эквивалент ядерных взрывов составляло максимум двадцать — тридцать мегатонн. Такие взрывы (если это вообще были взрывы, а не какие-либо иные ядерные реакции), распределенные на сотни тысячелетий, безусловно, не представляли серьезной опасности для биологической эволюции. Подозревая какую-то связь между металлическими отложениями и руинами «города», ученые настаивали на том, чтобы продолжать исследования. Это было сопряжено с многочисленными трудностями, поскольку вскрышные работы и рытье карьеров требовали переброски больших масс почвы. Единственным выходом было пробивать штольни, но тогда людей, работающих под землей, уже не сможет защитить силовое поле. И все же работы постановили продолжить; решающую роль тут сыграло то, что на глубине двадцати с лишним метров, в пласте, изобиловавшем окислами железа, были

найлены ржавые обломки весьма странной формы, похожие на разъеденные коррозией и распавшиеся элементы каких-то миниатюрных механизмов.

На девятнадцатый день после посадки корабля над районом, где работали горняки, начали собираться гряды туч, невиданно плотных и темных. Около полудня разбушевалась гроза, по силе превышающая земные грозы. В хаосе непрерывно сверкающих молний смешались небо и скалы. Вздувшиеся потоки, мчась по извилинам ущелий, начали заливать штреки, людям пришлось выбраться оттуда и укрыться вместе с автоматами под куполом главного силового поля, в которое били километровые молнии. Тучи постепенно перевалили на запад и черной, исчерченной молниями стеной закрыли весь горизонт над океаном. Возвращаясь на корабль, горняки обнаружили по дороге массу черных металлических зернышек. Решив, что это и есть знаменитые «мушки», тщательно их собрали и привезли на корабль. Ученые ими заинтересовались, но это не были останки насекомых — тут сомневаться не приходилось. Состоялось очередное совещание специалистов, неоднократно переходившее в ожесточенные споры. Наконец решили отправить экспедицию в северо-восточном направлении, дальше района ущелий и металлических пластов, поскольку на гусеницах машин «Кондора» были обнаружены частицы некоторых весьма интересных минералов, не встречавшихся ни на одном из обследованных участков.

Экспедиция в составе двадцати двух человек, превосходно снаряженная, с энергоботами, шагающим излучателем с «Кондора», вездеходами, роботами, в том числе двенадцатью арктанами, снабженная автоматическими экскаваторами и бурами, запасами кислорода, пищи и ядерного топлива, отправилась на следующий день под руководством Реньяра. С ней поддерживали непрерывную радио- и телевизионную связь, пока выпуклость планеты не преградила путь ультракоротким волнам. Тогда вывели на стационарную орбиту автоматический телевизионный ретранслятор, и связь опять наладилась. На второй день пути, около полудня, Реньяр сообщил Рогану, что хочет хорошенько осмотреть почти целиком засыпанные развалины на дне неглубокого кратера. Часом позже качество радиосвязи ухудшилось из-за сильных атмосферных помех. Пришлось перейти на диапазон более коротких волн; прием улучшился. Вскоре вслед за этим, когда начали стихать раскаты дальней грозы, движущейся с севера на восток, то есть в том же направлении, что и экспедиция, радиосвязь внезапно прервалась. Особенно

странным было то, что одновременно ухудшилась и телевизионная связь — ведь она поддерживалась через внеатмосферный спутник и не зависела от состояния ионосферы. К часу дня была потеряна всякая связь с экспедицией. Ни техники, ни даже физики, призванные на помощь, не могли объяснить этого явления. Похоже было на то, что металлическая стена опустилась где-то в пустыне, отрезав экспедицию, находящуюся в ста семидесяти километрах от «Непобедимого».

Роган, все это время не отходивший от астрогатора, заметил, что Горпах встревожен. Вначале ему казалось, что тревога эта необоснованна. Он предполагал, что грозовая туча, оказавшаяся как раз на пути экспедиции, может обладать своеобразными экранирующими свойствами. Однако физики, с которыми посоветовался Роган, усомнились, может ли образоваться такой плотный слой ионизированного воздуха. Около шести, когда гроза утихла, а связь наладить не удалось и на непрерывно повторяемые сигналы не было никакого ответа, Горпах выслал два разведывательных аппарата типа летающих тарелок: один из них летел на высоте нескольких сотен метров над пустыней, а другой двигался четырьмя километрами выше и служил первому телевизионным ретранслятором. Роган, астрогатор и несколько ученых, среди них Балмин и Сакс, стояли перед главным экраном в рулевой рубке, непосредственно наблюдая за всем, что попадало в поле зрения пилота первой машины. За зоной извилистых, залитых глубокой тьмой ущелий простиралась пустыня с нескончаемыми вереницами барханов, уже исполосованных черными тенями, — солнце клонилось к западу. В этом косо падающем свете, который придавал пустыне особенно угрюмый вид, изредка проплывали под машиной небольшие, по края заполненные песком кратеры; некоторые можно было распознать лишь благодаря коническому возвышению в центре, оставшемуся от давно угасшего вулкана. Местность постепенно поднималась и становилась несколько иной. Из песчаных волн возникали гряды высоких скал, переходящие в систему причудливо зубчатых горных цепей. Торчащие кое-где каменные столбы походили то на корпуса искалеченных ракет, то на исполинские фигуры людей. На склонах прорисовывались резкие линии расщелин, у подножия которых громоздились конусы осыпей. Наконец пески исчезли начисто, уступив место суровой стране стремнин и ущелий. Кое-где извивались издали похожие на реки щели тектонических трещин, разрывающих кору планеты. Пейзаж все больше походил на лунный.

И тут впервые ухудшилась телевизионная связь — изображение начало подрагивать, колебаться, нарушалась синхронизация. Увеличили мощность эмиссии, но это помогло лишь ненадолго. Скалы, ранее белесоватые, становились все темнее. Нагромождение их, уходящее в необозримую высь, было бурым, с ядовитым металлическим отблеском; кое-где виднелись пятна бархатной черноты, будто там на голых скалах укоренились густые, но мертвые заросли...

Вдруг заговорил молчавший до тех пор радиотелефон первой летающей тарелки. Пилот крикнул, что слышит сигналы автоматических передатчиков с борта головного вездехода экспедиции. Но люди, стоящие в рулевой рубке, слышали только его голос, слабый и словно замирающий, когда он вызывал группу Реньяра.

Солнце уже совсем опустилось. В его кровавом свете возникла перед машиной черная клубящаяся стена, подобная гигантской туче, взмывшей от подножия гор метров на тысячу вверх. Все, что находилось за ней, было совершенно невидимым. Если бы не мерное, медленное движение внутри этой клубящейся громады, местами чернильно-черной, местами металлически отсвечивающей фиолетовым пурпуром, ее можно было бы принять за невиданную горную формацию. Горизонтальные лучи солнца высвечивали в ней пещеры, заполненные загадочными мелькающими вспышками, будто в них бешено кружились сверкающие рой черных ледяных кристалликов. В первое мгновение всем показалось, что туча движется навстречу летящей машине, но это была иллюзия: наоборот, летающая тарелка на прежней скорости приближалась к странной преграде.

— Говорит ЛТ-4. Должен ли я подняться над тучей? Прием, — послышался приглушенный голос пилота.

Помедлив долю секунды, астронавт ответил:

— Говорит первый. ЛТ-4, остановитесь перед тучей!

— Говорит ЛТ-4. Останавливаюсь, — сразу отозвался пилот, и Рогану показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Лишь несколько сот метров отделяло машину от тучи. Теперь почти весь экран занимала поверхность гигантского, угольно-черного, невероятного вертикального моря. Машина уже остановилась. И вдруг — никто и слова сказать не успел — из тяжело колеблющейся массы вылетели длинные расплывчатые полосы и затемнили изображение, оно тут же преломилось, задрожало и исчезло, прошитое трассами слабеющих разрядов.

— ЛТ-4! ЛТ-4! — кричал радист.

— Говорит ЛТ-8, — внезапно включился пилот второй машины. — База, говорит ЛТ-8. Давать изображение? Прием!

— Говорит база. ЛТ-8, давайте изображение!

Экран заполнился хаосом яростно кружащихся черных струй. Это была та же самая картина, только с высоты четырех километров. Видно было, что туча лежит длинной монолитной полосой вдоль ответвления вздымающейся горной цепи, словно преграждая доступ к ней. Поверхность ее лениво колебалась, словно застывающая масса; но первой машины, которую она только что поглотила, обнаружить не удалось.

— Говорит база. ЛТ-8, слышите ли вы ЛТ-4? Прием.

— Говорит ЛТ-8, не слышу, перехожу на интерференционные волны. ЛТ-4, внимание, говорит ЛТ-8, отвечай, ЛТ-4, ЛТ-4! — слышался голос пилота. — База, ЛТ-4 не отвечает, перехожу на инфракрасные волны. Внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8, отвечай! База, ЛТ-4 не отвечает, пробую зондировать тучу радаром...

В затемненной рубке не слышно было даже дыхания. Все замерли, ожидая. Изображение на экране оставалось прежним, скалистый хребет торчал над разливом черноты, будто остров, погрузившийся в чернильный океан. Высоко в небе догорали перистые, пропитанные золотым светом облака, солнечный диск уже касался горизонта, приближались сумерки.

— База, говорит ЛТ-8, — раздался голос пилота, будто бы изменившийся за несколько секунд молчания. — Радар обнаружил цельнометаллическое экранирование. Прием.

— Говорит база. ЛТ-8, переключите радарное изображение на телеэкран. Прием.

Экран потемнел, погас, на мгновение заполнился белым сверканием, потом позеленел, мерцая миллиардами искр.

— Эта туча состоит из железа, — проговорил или, вернее, выдохнул кто-то за спиной у Рогана.

— Язон! — позвал астрогатор. — Язон, вы здесь?

— Здесь, — физик-ядерник выдвинулся вперед.

— Могу я это подогреть? — спокойно спросил астрогатор, показывая на экран, и все его поняли.

Язон медлил с ответом.

— Надо бы предупредить ЛТ-4, чтобы он максимально увеличил радиус поля...

— Не говорите глупостей, Язон. С ним нет связи...

— До четырех тысяч градусов... с некоторым риском...

— Спасибо. Блаар, дайте микрофон! ЛТ-8, говорит первый, направьте лазеры на тучу, малая мощность, до биллиэрга в центре, непрерывный огонь вдоль азимута!

— ЛТ-8 слушает, непрерывный огонь до биллиэрга, — немедленно отозвался голос пилота.

Через секунду сверкнула вспышка, и центральная часть тучи, заполнившая низ экрана, изменила окраску. Сначала она будто размазалась, потом побагровела и закипела; в ней возникло нечто вроде пылающей воронки, в которую падали, словно всасываясь, ближайшие слои тучи. Это движение внезапно прекратилось, туча разомкнулась гигантским кольцом, в открывшемся окне возникли нагромождения скал, и только мелкая черная пыль, похожая на копоть, витала над ними.

— ЛТ-8, говорит первый. Снижайтесь на дистанцию максимальной эффективности огня!

Пилот повторил приказ. Туча, тревожно вибрирующим кольцом окружая разрыв, пыталась его заполнить, но, как только ее выдвигающиеся отростки охватывал жар пламени, втягивала их обратно. Это длилось уже несколько минут. Астрогатор не решался ударить по туче всей мощностью излучателя — где-то в ее недрах находился ЛТ-4. Роган догадывался, на что рассчитывает Горпах: он надеялся, что машина прорвется в очищенное пространство. Но она все не появлялась. ЛТ-8 почти неподвижно висел над тучей, поражая ослепительными уколами лазеров клубящуюся кромку черного круга. Небо над ним было еще довольно светлым, но скалы внизу медленно тонули в приливе тьмы. Солнце заходило.

Из тьмы, сгущавшейся у подножия гор, внезапно полыхнула зловещая вспышка. Грязновато-красное раскаленное облако, будто жерло вулкана, просвечивающее сквозь дым и пепел, колеблющимся саваном закрыло все поле зрения. Теперь видна была лишь сплошная тьма, в недрах которой кипело и клочотало пламя. Эта туча, что бы она собой ни представляла, ринулась в атаку на захваченную ею машину и сгорала в нестерпимом огне ее силовой защиты.

Роган взглянул на астрогатора — тот стоял, застыв, как мертвец, и его неподвижное лицо озаряли зыбкие отблески зарева. Черное кипение и пылающий в его недрах, по временам словно ветвящийся огненными кустами пожар заполняли центр экрана. Вдалеке виднелся высокий скалистый пик, весь в холодном багрянце последних закатных лучей, сейчас казавшихся невыразимо земными... Тем более невероятным было то, что творилось в недрах тучи. Роган

ждал; лицо астрогатора оставалось неподвижным. Но он должен был принять решение: либо приказать верхней машине, чтобы она пошла на помощь той, первой, либо, оставив ЛТ-4 на волю судьбы, послать разведчика дальше на северо-восток.

И тут опять произошло нечто неожиданное. То ли пилот нижней, увязшей в туче машины потерял голову, то ли там случилась какая-то авария, но только в черном водовороте полыхнула вспышка, ослепительно сверкающая в центре, и туча длинными рваными полосами разлетелась во все стороны. Взрыв был таким мощным, что изображение на экране заколыхалось, вторя скачком ЛТ-8 на ударной волне. Потом чернота вернулась и, кроме нее, не было уже ничего.

Астрогатор наклонился к радисту и сказал что-то так тихо, что его слова не дошли до Рогана, но радист немедленно повторил их, почти крича:

— Готовь антипротоны! Полную мощность на тучу, непрерывный огонь!

Пилот повторил приказ. И сейчас же один из техников, следивший за боковым экраном, который показывал все, что делалось позади машины, закричал:

— Внимание! ЛТ-8! Вверх! Вверх! Вверх!!!

Из свободного ранее пространства на западе с ураганной быстротой летело крутящееся черное облако. Вначале оно было краем тучи, но вдруг оторвалось от нее и, влача за собой вытянувшиеся от стремительного бега отростки, круто двинулось вверх. Пилот, который заметил это на какую-то долю секунды раньше техника, рванулся по вертикали вверх, набирая высоту. Но туча догоняла его, выбрасывая в небо черные клубящиеся столбы. Пилот переносил огонь с одного столба на другой; ближайший из них, получив лобовой удар, свернулся черным клубком, раздвоился, размазался. Внезапно все изображение начало вибрировать.

В этот момент, когда часть тучи уже входила в поток радиоволн, нарушая связь машины с базой, пилот, по-видимому, впервые применил излучатель антиматерии. Казалось, вся атмосфера планеты превратилась в огненный океан от этого удара; пурпурный свет заката исчез, будто его задули; в зигзагах помех еще мгновение мелькала туча, светлели и расплывались дымящиеся над ней столбы, а потом второй, еще более страшный взрыв разбросал яростные огнепады над хаосом скал, тонущим в клубах дыма и пара. Но это было последнее, что удалось увидеть; через секунду изображение судорожно задергалось, пронизанное искрами разрядов, и исчезло. Только пустой белый экран горел в затемненной

рубке, освещая смертельно бледные лица глядящих на него людей.

Горпак велел радистам вызывать обе машины, а сам перешел с Роганом, Язоном и остальными в соседнюю навигационную кабину.

— Что представляет собой, по-вашему, эта туча? — без всяких предисловий спросил он.

— Она состоит из металлических частиц. Нечто вроде взвеси с дистанционным управлением из единого центра, — сказал Язон.

— Гаарб?

— И я того же мнения.

— Есть какие-нибудь предложения? Нет? Тем лучше. Который из суперкоптеров в лучшем состоянии, наш или тот, с «Кондора»?

— Оба они исправны, — ответил главный инженер. — Но я лично предпочел бы наш.

— Ладно. Роган, если я не ошибаюсь, вы хотели выйти из-под силового зонтика... Вам представляется подходящий случай для этого. Получите восемнадцать человек, двойной комплект автоматов, контурные лазеры и антипротоны... есть у нас еще что-нибудь? — Никто не ответил. — Ну да, пока не изобрели ничего более совершенного, чем антимагнетизм... Стартуете в 4.31, то есть на восходе солнца, и попытаетесь разыскать тот карьер на северо-востоке, о котором говорил Реньяр в последнем рапорте. Там сядете в силовом поле. По пути бейте все мало-мальски подозрительное на максимальной дистанции. Ни малейшего выжидания, наблюдения, никаких экспериментов. Никакой экономии на мощности ударов. Если потеряете связь со мной, делайте свое дело дальше. Когда найдете этот кратер, садитесь поосторожней, чтобы не на людей... я предполагаю, что они где-то здесь... — Он указал пункт на карте, занимавшей всю стену. — В этой зоне, заштрихованной красным. Это лишь эскиз, но ничего более точного у меня нет.

— Что я должен делать после посадки? Искать их?

— Предоставляю решать вам. Помните только об одном: вы не имеете права стрелять ни по каким целям уже на расстоянии пятидесяти километров от этого места, потому что внизу могут быть наши люди.

— По наземным целям?

— Вообще ни по каким. До этой вот границы, — астрогогатор одним движением разделил надвое пространство, нанесенное на карту, — вы можете применять свои средства уничтожения в наступательных целях. За этой чертой вы

имеете право только защищаться силовым полем. Язон! Сколько может выдержать поле суперкоптера?

— Даже миллионы атмосфер на квадратный сантиметр.

— Что значит «даже»? Вы продать мне его хотите, что ли? Я спрашиваю: сколько? Пять миллионов? Двадцать?

Горпах говорил совершенно спокойно: именно такого его настроения больше всего опасались на корабле. Язон откашлялся.

— Поле было испытано на два с половиной...

— Это дело другое. Слышите, Роган? Если туча притиснет вас к этой черте, бегите. Лучше всего — вверх. Впрочем, всего я вам не предскажу... — Он посмотрел на часы. — Через восемь часов после старта буду вызывать вас на всех волнах. Если это окажется безрезультатным, попробуем наладить связь либо через спутник, либо оптически. Будем лазировать азбукой Морзе. Я не знаю пока случаев, чтобы и это не дало результата. Но попробуем предвидеть больше того, что мы знаем. Если и лазеры дадут осечку, еще через три часа возвращайтесь. Если меня здесь не будет...

— Вы собираетесь лететь?

— Не перебивайте меня, Роган. Нет. Не собираюсь. Но не все зависит от нас. Если меня здесь не будет, выходите на околопланетную орбиту. Вы уже делали это на суперкоптере?

— Да, два раза, на дельте Лиры.

— Хорошо. Значит, вы знаете, что это несколько сложно, однако вполне осуществимо. Орбита должна быть стационарной; точные расчеты даст вам перед стартом Стром. На этой орбите вы будете ждать меня 36 часов. Если я за это время не дам о себе знать, возвращайтесь на планету. Отправляйтесь на «Кондор» и попробуйте пустить его в ход. Я знаю, как обстоят там дела. Однако никаких других вариантов у вас тогда не будет. Если вам удастся проделать этот номер, возвращайтесь на Базу и рапортуйте обо всем, что произошло. Есть у вас вопросы?

— Да. Можно мне попытаться установить контакт с теми... с тем центром, что управляет тучей, если мне его удастся обнаружить?

— И это я оставляю на ваше усмотрение. Во всяком случае, рисковать следует в разумных пределах. Я, конечно, ничего не знаю, но кажется мне, что этот командный центр не находится на поверхности планеты. И вообще его существование, по-моему, проблематично...

— В каком смысле?

— Да мы ведь непрерывно держим под контролем весь электромагнитный спектр. Если бы кто-нибудь управлял этой

тучей при помощи излучения, мы зарегистрировали бы соответствующие сигналы.

— Этот центр может находиться в самой туче...

— Возможно. Не знаю. Язон, могут существовать какие-либо способы дистанционного управления, не зависящие от электромагнетизма?

— Вы спрашиваете, каково мое мнение? Нет. Таких способов не существует.

— А о чем же еще мнению мог я вас спросить?

— То, что я знаю, не равнозначно тому, что существует. Что может существовать. Мы таких способов не знаем. Вот и все.

— Телепатия... — заметил кто-то из стоящих сзади.

— На эту тему мне нечего сказать, — сухо возразил Язон. — Во всяком случае, в пределах исследованного космоса ничего подобного не обнаружено.

— Мы не можем тратить время на бесплодную дискуссию, — вмешался астрогатор. — Берите своих людей, Роган, и подготавливайте суперкоптер. А вы, Стром, рассчитайте стационарную орбиту с пяти тысячным апогеем.

— Будет сделано, командир.

Астрогатор приоткрыл дверь рулевой рубки.

— Вернер, как там? Ничего не услышали?

— Ничего, командир. То есть трещат разряды. Атмосферные разряды. А больше ничего.

— Никаких следов эмиссионного спектра?

— Никаких следов...

Это означает, что ни одна из летательных машин уже не пользуется своим оружием... что они прекратили борьбу... — подумал Роган. Если б они пускали в ход лазеры или хоть индукционные излучатели, то индикаторы «Непобедимого» обнаружили бы это на расстоянии нескольких сот километров.

Роган был слишком поглощен трагической ситуацией, чтобы его могло тревожить задание, полученное от астрогатора. Впрочем, у него и времени на это не было. В эту ночь он глаз не сомкнул. Нужно было проверить все оборудование коптера, загрузить его дополнительным топливом, взять продовольствие и оружие, так что они еле успели к назначенному сроку.

Едва лишь краешек красного солнечного диска выглянул из-за горизонта, как машина весом в семьдесят тонн и высотой с трехэтажный дом взмыла в воздух, вздымая тучи песка, и двинулась на северо-восток. Роган сразу же набрал высоту пятнадцать километров; в стратосфере он мог развить

максимальную скорость, да и встреча с черной тучей тут была менее вероятна; так по крайней мере он думал. То ли Роган был прав, то ли просто им посчастливилось, но только меньше чем через час они уже снижались в косых лучах солнца над кратером, дно которого еще заливала тьма.

Не успели струи раскаленных газов ударить вниз и взметнуть песчаную тучу, как операторы видеосвязи передали в навигационную кабину экстренное предупреждение: в северной части кратера они замечают нечто подозрительное. Тяжелая летательная машина остановилась, чуть подрагивая, будто на невидимой натянутой пружине, и с высоты пятисот метров все начали тщательно просматривать северный сегмент.

На экране увеличителя виднелись на пепельно-рыжем фоне крохотные прямоугольники, с геометрической точностью размещенные вокруг более крупного, серо-стального. Роган, Гаарб и Балмин, стоявшие у пульта управления, одновременно распознали в них машины экспедиции Реньяра.

Они немедленно сели невдалеке, соблюдая все меры предосторожности. «Ноги» коптера еще продолжали мерно стигаться и приседать, а люди уже спустили трап и выслали две разведывательные машины, защищенные подвижным силовым полем. Углубление кратера походило на плоскую миску с выщербленными краями. Вулканический конус, высившийся в центре, был покрыт черно-коричневой скорлупой лавы.

Полтора километра — таким примерно было расстояние — разведка прошла за несколько минут. Радиосвязь действовала отлично. Роган переговаривался с Гаарбом, который сидел в головном вездеходе.

— Подъем кончается... сейчас мы их увидим! — несколько раз повторил Гаарб. Вдруг он крикнул: — Вот они! Вижу их!!! — И уже спокойней добавил: — Кажется, все в порядке. Раз, два, три, четыре... все машины на местах... только почему они стоят на солнце?

— А люди? Вы их видите? — допытывался Роган и невольно шурил глаза, стоя у микрофона.

— Да. Там что-то движется... два человека... о, еще один... и кто-то лежит в тени... я вижу их, Роган!

Голос его отдалился. Роган слышал, как он что-то говорит своему водителю. Последовал тупой хлопок — это выпустили дымовую ракету. Голос Гаарба опять приблизился:

— Это мы в знак приветствия... дым немного снесло в их сторону... сейчас он развеется... Ярг... что там? Что?! То есть как это... Эй! Слушайте!

Его крик заполнил всю кабину и внезапно оборвался. Роган различал замирающий рокот моторов, слышались быстрые, бегущие шаги, какие-то неясные, приглушенные расстоянием призывы, кто-то вскрикнул один раз, еще одно восклицание — и настала тишина.

— Алло! Гаарб! Гаарб! — повторял он, с трудом шевеля онемевшими губами.

Зашуршали тяжелые шаги по песку, захрипел репродуктор.

— Роган! — послышался изменившийся, задыхающийся голос Гаарба. — Роган! То же самое, что с Кертеленем! Они ничего не воспринимают, нас не узнают, ни слова не говорят... Роган, вы слышите меня?!

— Слышу... И все они вот так?..

— Кажется... я еще не знаю... Ярг и Тернер подходят к каждому, по очереди, выясняют...

— Как же это, а поле?..

— Поле выключено. Нет его. Наверно, они выключили.

— Есть какие-нибудь следы борьбы?

— Нет, ничего такого. Машины стоят целехонькие, без повреждений, а они лежат, сидят, их можно встряхивать, толкать, они... Что? Что там?!

До Рогана донеслись неясные звуки, прерываемые протяжным скулящим завыванием. Он стиснул челюсти, но не мог отделаться от тошноты, спазмами подступающей к горлу.

— Великое небо, это Гралев! — вскрикнул Гаарб. — Гралев! Слушай, Гралев! Ты не узнаешь меня?! — Его тяжелое дыхание словно ворвалось в кабину. — Он тоже... — выдохнул Гаарб и помолчал, будто собираясь с силами. — Роган... я не знаю, справимся ли мы сами... Надо их всех отсюда забрать. Пришлите побольше людей...

— Сюю минуто.

Через час под металлическим корпусом суперкоптера остановилась кошмарная процессия. Из двадцати двух людей, отправившихся в экспедицию, осталось восемнадцать; о судьбе остальных четверых ничего не было известно. Большинство не сопротивлялось, когда их сажали в вездеходы и везли; но пятерых пришлось тащить насильно — они не хотели сдвинуться с того места, на котором их нашли. На носилках их отправили в импровизированный лазарет на нижней палубе коптера. Тринадцать остальных увели в отдельное помещение, где они без сопротивления позволили уложить себя на койки. Пришлось раздевать их, снимать обувь, потому что они были беспомощны, как младенцы. Их

неподвижные, маскообразные лица наводили ужас. Роган, немой свидетель этой сцены, стоя в проходе между рядами постелей, мысленно отметил, что все тринадцать по-прежнему сохраняют пассивность, а те немногие, которых пришлось доставить силой, вопят и завывают нечеловеческими голосами.

Он оставил больных на попечение врача, а сам послал на поиски исчезнувших всю технику, какой располагал. Техники у него теперь было в избытке — он пустил в ход и машины из группы Реньяра. Едва он выслал последний патруль, как радист вызвал его в кабину: установилась связь с «Непобедимым».

Роган даже не удивился, что это удалось, — его как будто ничто уже не могло удивить. Он кратко сообщил Горпаху обо всем, что произошло.

— Кто не найден? — спрашивал астрогатор.

— Сам Реньяр, Беннигсен, Коротка и Мид. Что с пилотами? — в свою очередь спросил Роган.

— Никаких сведений не имею.

— А туча?

— Я утром посылал троих в патруль. Вернулись через час назад. Там даже и следа тучи нет.

— Ничего нет? Вообще ничего?

— Ничего.

— И летающих тарелок тоже?

— Ничего нет.

ГИПОТЕЗА ЛАУДЫ

Доктор Лауда постучал в каюту астрогатора и, войдя, увидел, как тот чертит что-то на фотограмметрической карте.

— Что у вас? — не поднимая головы, спросил Горпах.

— Я хотел вам кое-что сказать.

— Это так срочно? Через пятнадцать минут мы стартуем.

— Не знаю. Кажется, я начинаю понимать, что тут происходит, — сказал Лауда.

Астрогатор отложил циркуль. Глаза их встретились. Биолог был ничуть не моложе командира. Странно было, что ему еще разрешали летать. Видно, очень уж ему этого хотелось. Походил он скорее на старого механика, нежели на ученого.

— Вам так кажется, доктор? Я вас слушаю.

— В океане существует жизнь, — сказал биолог. — В океане она существует, а на суше — нет.

— Почему? На суше тоже была жизнь, Балмин ведь обнаружил следы.

— Да. Но им более пяти миллионов лет. А потом все живое на суше было истреблено. То, что я скажу, звучит фантастично, и, собственно говоря, у меня нет почти никаких доказательств, но... Ну, в общем так. Предположим, что когда-то, а именно миллионы лет назад, сел здесь корабль из другой системы. Возможно, из района Новой. — Теперь он говорил несколько быстрее, но так же спокойно. — Мы знаем, что перед тем, как вспыхнула дзета Лиры, на шестой планете системы обитали разумные существа. У них была высокоразвитая цивилизация технологического типа. Допустим, что здесь совершил посадку разведывательный корабль лирян и что при этом произошла катастрофа. Какой-нибудь несчастный случай, в результате которого погиб весь экипаж. Скажем, взрыв реактора, цепная реакция... в общем корабль, опустившийся на планету Регис, не имел уже на борту ни одного живого существа. Уцелели только автоматы. Не такие, как наши. Не человекоподобные. Лириане, вероятно, тоже не были человекоподобны. Значит, эти автоматы уцелели и покинули корабль. Это были высокоспециализированные гомеостатические механизмы, способные существовать в самых тяжелых условиях. Теперь уже не было никого, кто мог бы давать им приказы. Некоторые из них — те, которые по структуре мышления наиболее походили на лирян, — возможно, пытались отремонтировать корабль, хотя в данной ситуации это не имело смысла. Но вы же знаете, как это бывает. Ремонтный робот будет ремонтировать, что ему положено, независимо от того, пригодится это кому-либо или нет. Однако потом взяли верх другие автоматы. Обособились от тех, лиряноподобных. Возможно, местная фауна пыталась на них нападать. Тут существовали ящероподобные пресмыкающиеся, значит, были и хищники, а хищник определенного типа нападает на все, что движется. Автоматы начали с ними бороться и победили их. К этой борьбе они должны были приспособиться. Они преобразовывались так, чтобы наилучшим образом приспособиться к условиям этой планеты. Определяющим здесь явилось, по-моему, то, что эти автоматы были наделены способностью производить другие автоматы по мере надобности. Ну, скажем, для борьбы против летающих ящеров им понадобились летающие механизмы. Никаких конкретных деталей я, конечно, не знаю. Говорю, представляя себе такую ситуацию в условиях естественной эволюции. А может, тут не было летающих ящеров: может, были подземные пресмыкающиеся, проры-

важные ходы в почве. Не знаю. Важно то, что с течением времени эти механизмы в совершенстве приспособились к условиям и им удалось одолеть и истребить весь животный мир планеты. Растительный — тоже.

— Растительный тоже? Чем же это можно объяснить?

— Этого я толком не знаю. Я мог бы вам предложить несколько различных гипотез, но предпочитаю воздержаться от этого. К тому же я еще не сказал самого важного. В процессе своего существования на Регис эти механизмы через несколько сот поколений перестали походить на те, которые положили им начало, то есть на продукты лирянской цивилизации. Понимаете? Это означает, что началась неживая эволюция. Эволюция механических устройств. Что является главным признаком гомеостата? Умение приспособиться к изменчивым условиям, даже самым враждебным, самым тяжелым. Для последующих видов этой эволюции самоорганизующихся металлических систем главной опасностью являлись вовсе не животные или растения. Им необходимы были источники энергии и материалов, из которых можно делать запасные части и очередные механизмы. Разыскивая месторождения металлов, они создали нечто вроде горной промышленности. Их предки, прибывшие на том гипотетическом корабле, несомненно, работали на лучистой энергии. Но на Регис вообще нет радиоактивных элементов. Значит, этот источник энергии был для них закрыт. Пришлось искать другой. Несомненно, возник жестокий энергетический кризис, и я думаю, что тогда между этими устройствами началась война. Просто — борьба за существование. Ведь на этом и основана эволюция. На отборе. Устройства высокоорганизованные в интеллектуальном смысле, но менее способные примениться к этой новой ситуации — допустим, из-за своего размера, при котором требовалось большое количество энергии, — не смогли выдержать конкуренцию с устройствами, менее развитыми интеллектуально, однако более экономными и с более высоким коэффициентом полезного действия...

— Погодите-ка. Не будем уж говорить о фантастичности вашей гипотезы, но ведь в эволюции, в эволюционной борьбе всегда выигрывает существо с более развитой нервной системой, верно? В данном случае вместо нервной системы была, скажем, какая-то электронная, но принцип все равно тот же.

— Это истинно лишь по отношению к однородным организмам, появившимся на планете в результате естест-

венной биологической эволюции, а не к прибывшим из других систем.

— Не понимаю.

— Ну, просто биохимические условия существования жизни на Земле всегда были и есть почти одинаковы. Водоросли, амёбы, растения, низшие и высшие животные построены почти из идентичных клеток, у них в принципе одинаковый обмен веществ — белковый, а при таком равноценном старте дифференцирующим фактором становится тот, о котором вы говорили. Это не единственный фактор, но, во всяком случае, один из важнейших. Но тут было иначе. Самые высокоразвитые механизмы из тех, что оказались на Регис, питались радиоактивной энергией из собственных ресурсов, но более простые устройства, какие-нибудь небольшие ремонтные системы, допустим, были снабжены батареями, подзаряжающимися от солнечной энергии. Тогда они могли бы иметь громадное преимущество перед теми.

— Но те, более развитые, могли же отобрать у них солнечные батареи... А впрочем, к чему вы клоните? Может, не стоит об этом и спорить, Лауда?

— Нет, это очень существенно, командир, это очень важное обстоятельство, потому что, на мой взгляд, тут речь идет о неживой эволюции весьма своеобразного типа, которая возникла в совершенно необычных условиях, созданных стечением обстоятельств. Короче говоря, я так себе представляю: в этой эволюции победили устройства, во-первых, наиболее эффективно уменьшающиеся, а во-вторых, оседлые, не двигающиеся. Первые положили начало этим вот черным тучам. Я лично думаю, что это очень маленькие псевдонасекомые, которые способны в случае надобности, в общих, так сказать, интересах объединяться в большие системы. А именно вот в эти тучи. Таким путем шла эволюция движущихся механизмов. Оседлые же положили начало тому странному виду металлической растительности, что мы видели, — руины так называемых городов...

— Значит, по-вашему, это не города?

— Безусловно. Никакие не города, а просто большое скопление оседлых механизмов, неживых созданий, способных размножаться и черпающих солнечную энергию при посредстве своеобразных органов... ими, как я предполагаю, являются треугольные пластины...

— Так вы считаете, что «город» и сейчас продолжает существовать?

— Нет. У меня такое впечатление, что по какой-то

неизвестной нам причине этот «город», или скорее этот металлический лес, проиграл в борьбе за существование и теперь представляет собой распадающиеся трупы. Уцелел лишь один вид — движущиеся механизмы, которые завладели всей сушей на планете.

— Почему?

— Не знаю. Я всякие расчеты делал. Возможно, за последние три миллиона лет здешнее солнце начало остывать быстрее, чем раньше, и эти большие оседлые «организмы» уже не могли получать от него достаточное количество энергии. Но это лишь туманное предположение.

— Допустим, так оно и есть, как вы рассказали. Вы считаете, что у этих «туч» имеется какой-то командный центр на поверхности или в недрах планеты?

— Думаю, что ничего такого нет. Возможно, эти микромеханизмы сами становятся таким центром, чем-то вроде «неживого мозга», когда соединяются определенным образом. Разделение для них, может быть, более полезно. Они составляют свободные негустые рои, могут благодаря этому постоянно держаться на солнце или же двигаться вслед за грозowymi тучами; не исключено, что они черпают энергию из атмосферных разрядов. Но в момент опасности или, если взять шире, при внезапной перемене, которая угрожает их существованию, они объединяются...

— Но ведь должно же что-то вызвать эту реакцию объединения. И вообще — где находится во время «роения» невероятно сложная память всей системы? Ведь электронный мозг «умнее» любого из своих элементов. Если бы демонтировали мозг, разве смогли бы эти элементы потом сами вскочить на соответствующие места? Сначала нужно было бы составить план всего мозга...

— Не обязательно. Достаточно было бы, чтобы каждый элемент содержал память о том, с какими другими элементами он непосредственно соединялся. Допустим, элемент номер один должен соприкоснуться определенными поверхностями с шестью другими элементами; каждый из них «знает» то же самое о себе. Таким образом, количество информации, содержащееся в отдельном элементе, может быть ничтожно малым, но кроме нее нужен всего лишь один сигнал, типа «Внимание! Опасность!», по которому все элементы соединяются надлежащим образом и мгновенно возникает «мозг». Но это, разумеется, лишь примитивная схема. Я предполагаю, что дело обстоит куда сложнее, хотя бы потому, что такие элементы наверняка часто гибнут, а это ведь не должно отражаться на деятельности целого...

— Ладно. У нас нет времени, чтобы дальше обсуждать детали. Вы усматриваете в своей гипотезе какие-то конкретные выводы для нас?

— В известном смысле — да. Но негативные. Миллионы лет механической эволюции. Явление, с которым человек еще не встречался в Галактике. Обратите внимание на основную проблему. Все известные нам машины существуют не для самих себя, а для кого-то другого. Так что с человеческой точки зрения кажутся бессмысленными разрастающиеся металлические дебри Регис или ее железные тучи; правда, такими же «бессмысленными» можно назвать, например, земные кактусы, растущие в пустынях. Суть дела в том, что эти механизмы отлично приспособились к борьбе с живыми существами. Мне кажется, что убивали они лишь в самом начале этой борьбы, когда жизнь на суше кипела; выяснилось, что не экономно расходовать энергию на убийства. Поэтому они используют другие методы, которые обусловили и катастрофу на «Кондоре», и несчастный случай с Кертеленом, и, наконец, трагедию группы Реньяра.

— Что же это за методы?

— Я точно не знаю, в чем они состоят. Могу лишь высказать личное суждение. Случай Кертелена — это ведь уничтожение почти всей информации, какую содержит мозг человека. То же, очевидно, они проделывали и с животными. Живые существа, искалеченные таким образом, неминуемо должны погибнуть. Это способ, более простой, быстрый и экономный, чем убийство... Вывод я из этого делаю, к сожалению, пессимистический. Может, это еще слабо сказано... Мы находимся в неизмеримо худшем положении, чем они, по нескольким причинам. Прежде всего, куда легче уничтожить живое существо, чем механизм. Далее — они эволюционировали в таких условиях, что боролись и с живыми существами, и со своими металлическими «братьями» — мыслящими автоматами. Значит, они сражались одновременно на двух фронтах, стараясь уничтожить и адаптационные системы живых существ, и всякое проявление разума у механизмов. В результате этой миллионлетней войны должен был выработаться необычайный универсализм и совершенство истребительных действий. Боюсь, что победить мы смогли бы лишь в том случае, если бы целиком их уничтожили, а это практически невозможно...

— Вы так думаете?

— Да. То есть, конечно, при соответствующей концентрации средств можно было бы уничтожить всю планету... но ведь это же не является нашей задачей, не говоря уж о том,

что у нас и сил на это не хватит. Ситуация действительно единственная в своем роде, поскольку, как я это понимаю, мы вообще-то далеко превосходим их в интеллектуальном смысле. Эти механизмы ни в коем случае не представляют собой никакой разумной силы, просто они в совершенстве приспособились к условиям Регис... к уничтожению всего разумного, а также всего живого. Сами они неживые. Поэтому то, что для них безвредно, для нас может оказаться убийственным.

— Но почему вы уверены, что они не обладают разумом?

— Я мог бы тут уклониться, отговориться незнанием, но скажу вам, что если я вообще в чем-либо уверен, так именно в этом. Почему они не являются разумной силой? Да если б у них был разум, так они давно бы с нами расправились. Если вы мысленно восстановите по очереди все события на Регис с момента нашей посадки, то сами увидите, что они действуют без какого-либо стратегического плана. Нападают от случая к случаю.

— Однако... способ, которым они лишили Реньяра связи с нами, а потом нападение на разведывательные машины...

— Да они попросту делают то же, что тысячелетия назад. Ведь те высшие автоматы, которые они истребили, наверняка общались между собой именно при помощи радиоволн. Уничтожить этот обмен информацией, расколошматить связь — это была одна из первых их задач. Решение прямо-таки само напрашивалось, ведь металлическая туча так надежно экранирует, как ничто другое в мире... И что теперь? Что нам делать дальше? Нам приходится охранять и себя, и свои автоматы, свои машины, без которых мы были бы ничем. А они могут маневрировать абсолютно свободно, имеют практически неисчерпаемые источники воспроизводства, они могут размножиться, если мы уничтожим часть их, и при всем том никакие средства, опасные для живого, не могут им повредить. Неизбежно придется пускать в ход самое разрушительное из наших средств: удары антимаатерией... но их и антимаатерией целиком не уничтожишь. Вы заметили, как они поступают при ударах? Попросту рассыпаются во все стороны... Кроме того, мы должны все время находиться под защитой, что ограничивает наши стратегические планы, а они могут как угодно дробиться, передвигаться с места на место... И если мы их разобьем на этом материке, они перейдут на другие. Да, в конце концов, это же не наша задача — уничтожать их. Считаю, что мы должны улететь отсюда.

— Ах, вот как...

— Да. Потому, что раз нашими противниками являются создания неживой эволюции, наверняка не имеющие психики, мы не можем обсуждать проблему мести, расплаты за «Кондора», за судьбу наших товарищей. Это все равно что пытаться высечь океан, в котором утонул корабль с людьми.

— В том, что вы говорите, было бы много правильного, если б дела в действительности обстояли именно так, — вставая, сказал Горпак. Он оперся руками на исчерченную карту. — Но в конце концов это лишь гипотеза, а мы не можем вернуться с гипотезами. Нужна уверенность. Не мечь, но уверенность. Точный диагноз, установленные факты. Если мы их установим, если я закупорю в контейнерах «Непобедимого» образцы этой... этой летающей механической фауны — если она и вправду существует, — тогда я, конечно, сочту, что нам тут больше нечего делать. Тогда уж пускай База определяет дальнейший образ действий. Кстати говоря, нет никакой гарантии, что эти создания останутся по-прежнему на планете: возможно, они так разовьются, что в конечном счете станут угрожать космической навигации в этом районе Галактики.

— Если даже это и случится, то не раньше чем через сотни тысяч, вернее, через миллионы лет. Боюсь, что вы все же рассуждаете так, будто мы столкнулись с мыслящим противником. То, что некогда было орудием разумных существ, после их исчезновения приобрело самостоятельность и по прошествии миллионов лет сделалось фактически частью природных сил планеты. Жизнь сохранилась в океане, потому что туда механическая эволюция не распространяется, но она и не пускает эту жизнь на сушу. Этим объясняется и то, что в атмосфере есть кислород — его выделяют водоросли, и то, как выглядит поверхность континентов. Здесь сплошная пустыня, потому что эти механизмы ничего не строят, не создают никакой цивилизации, никаких ценностей, не имеют вообще ничего, кроме себя; поэтому мы и должны рассматривать их как явление природы. Природа ведь тоже не знает ни оценок, ни ценностей. Эти создания просто являются самими собой, существуют и действуют так, чтобы это существование продолжать...

— Как вы объясняете гибель летательных аппаратов? Ведь их защищало силовое поле...

— Силовое поле можно подавить другим силовым полем. Да ведь, слушайте, для того, чтобы в какие-то доли секунды уничтожить всю память, заключенную в мозге человека, нужно создать вокруг его головы магнитное поле такой напряженности, какой трудно было бы добиться даже нам

при помощи всех средств, имеющихся на корабле. Понадобились бы гигантские преобразователи, трансформаторы, электромагниты...

— И вы думаете, что у них все это есть?

— Да ничего подобного! Нет у них ничего. Просто они кирпичики, из которых в зависимости от ситуации строится то, что необходимо. Поступает сигнал: «Опасность!» Что-то появилось: это распознается по изменениям среды — например, по изменению электростатического поля. Летящий рой немедленно преобразуется в такой вот «тучемозг», и пробуждается его совместная память: подобные существа уже были, с ними сделали то-то и то-то, и после этого они погибли... И этот образ действий повторяется...

— Ладно, — сказала Горпах, который уже не слушал, что говорит старый биолог. — Старт я откладываю. Сейчас соберем совещание; я не хотел бы этого делать — тут пахнет большой дискуссией, разгорятся страсти ученых, — но другого выхода не вижу. Через полчаса в главной библиотеке, доктор Лауда...

— Пускай меня убедят, что я ошибаюсь, и тогда у вас на корабле появится человек, искренне удовлетворенный... — спокойно проговорил Лауда и исчез из каюты так же тихо, как появился.

Горпах выпрямился, подошел к настенному информатору и, нажав кнопку внутренней связи, вызвал по очереди всех ученых.

Как оказалось, большинство специалистов строило гипотезы того же рода, что и Лауда; он только первым сформулировал все в такой категорической форме. Споры разгорелись лишь вокруг проблемы — существует ли у «тучи» психика. Кибернетики склонны были счесть ее мыслящей системой, наделенной способностью к стратегическим решениям. Лауде возражали очень резко. Горпах понимал: страстность этих возражений вызвана не столько гипотезой Лауды, сколько тем, что биолог сразу пришел к нему, вместо того чтобы раньше обсудить все с коллегами. При всей прочности связей, объединявших их с командой, ученые на корабле все же представляли собой нечто вроде государства в государстве и соблюдали некий неписанный кодекс поведения.

Главный кибернетик Кронотос спрашивал, каким же образом «туча», по мнению Лауды не имеющая разума, научилась атаковать людей.

— Но это же просто, — возразил биолог. — Она миллионы лет только это и делала. Я имею в виду войну с прежними

обитателями Регис. Это были животные, обладавшие центральной нервной системой. «Туча» научилась нападать на них так же, как земные насекомые нападают на жертву. И делает она это с такой же точностью, с какой оса впрыскивает яд в нервную систему кузнечика или майского жука. Это не разум, это инстинкт...

— А почему она знала, как атаковать летательные аппараты? Она же с ними раньше не встречалась...

— Этого мы не можем знать, коллега. Эти механизмы, как я уже говорил, вели войну на двух фронтах. С живыми и с неживыми обитателями Регис. То есть и с другими автоматами. А эти автоматы волей-неволей должны были применять различные виды энергии в целях защиты и нападения...

— Но если среди них не было летающих...

— Я уже догадываюсь, что хочет сказать Лауда, — вмешался заместитель главного кибернетика Заурахан. — Эти большие автоматы, макроавтоматы, переговаривались друг с другом, чтобы объединиться и действовать сообща, и их легче всего было уничтожить, изолировав, разделив; а тут наилучший способ — блокировка связи...

— Речь идет не о том, можно ли объяснить отдельные формы поведения «тучи», не прибегая к гипотезе о наличии у нее разума, — возразил Кронотос, — поскольку нас не ограничивает «брита Оккама». Наша задача, по крайней мере сейчас, состоит в том, чтобы создать не такую гипотезу, которая объяснила бы все наиболее экономно и точно, а такую, которая обеспечит наибольшую безопасность действий. Поэтому, мне кажется, следовало бы признать, что «туча», возможно, наделена разумом; это будет более осмотрительно. Если же мы вслед за Лаудой решим, что разума у нее нет, а на деле окажется, что он есть, то за такую ошибку мы рискуем расплатиться ужасной ценой... Я говорю это не как теоретик, а прежде всего как стратег.

— Не знаю, кого ты хочешь победить: «тучу» или меня, — спокойно ответил Лауда. — Я не сторонник неосторожности, но «туча» не имеет никакого иного разума, нежели тот, какой имеет насекомое, вернее, даже не одиночное насекомое, а, допустим, муравейник. Ведь если бы дело обстояло иначе, нас бы уже в живых не было.

— Докажи это.

— Мы для «тучи» не были первым противником типа homo, она уже имела дело с людьми; ведь до нас здесь был «Кондор». Так вот, чтобы проникнуть внутрь силового поля, этим микроскопическим «мушкам» достаточно было зарыться

в песок. Поле доходит лишь до его поверхности. «Туча» видела силовые поля «Кондора», так что могла додуматься до этого способа. Однако ничего такого она не сделала. Значит, либо «туча» глупа, либо она действует инстинктивно.

Кронотос не собирался сдаваться, но вмешался Горпах и предложил перенести дальнейшую дискуссию на другое время. Он хотел, чтобы давали конкретные предложения, основываясь на том, что установлено с достаточной вероятностью. Нигрен спросил, нельзя ли экранировать людей при помощи металлических шлемов, которые препятствуют воздействию магнитного поля. Физики, однако, пришли к заключению, что это будет бесполезно — мощное магнитное поле создает в металле вихревые токи, которые сильно разогреют шлем, он начнет обжигать голову, и придется его сорвать, а результат понятен.

Уже вечерело. Горпах в одном углу зала разговаривал с Лаудой и врачами; кибернетики образовали отдельную группу.

— Это все же неслыханно, чтобы существа с более развитым интеллектом, эти макроавтоматы, не одержали победы, — сказал один из кибернетиков. — Это было бы исключением из правила, что эволюция идет по пути усложнения, совершенствования гомеостаза...

— Эти автоматы не имели шансов именно потому, что были уже с самого начала так высоко развиты и сложны, — возразил Заурахан. — Ты пойми: они были высокоспециализированы для сотрудничества со своими конструкторами, лирянами, а когда лиряне исчезли, они оказались вроде как искалеченными, потому что лишились руководства. А те механизмы, из которых развились теперешние «мушки» — я вовсе не утверждаю, что они существовали уже тогда, считаю даже, что это исключается, они могли образоваться лишь намного позже, — были относительно примитивными, и поэтому перед ними открывалось много путей развития.

— Возможно, существовал еще более важный фактор, — добавил доктор Сакс, подойдя к кибернетикам. — Речь идет о механизмах, а механизмы никогда не проявляют такой способности регенерировать, как живое существо, живая ткань, которая восстанавливается при повреждении. Макроавтомат, даже если он способен отремонтировать другой автомат, нуждается для этого в инструментах, в целом машинном парке. Поэтому стоило их отрезать от таких инструментов, и они были обезоружены. Сделались почти беззащитной добычей летающих созданий, которые были гораздо менее чувствительными к повреждениям...

— Это невероятно интересно, — сказал вдруг Заурахан. — Из этого следует, что автоматы надо делать совсем по иному принципу, чем сейчас, чтобы они были подлинно универсальными: надо основываться на маленьких элементарных кирпичиках, которые будут взаимозаменяемыми...

— Это не очень-то ново, — усмехнулся Сакс, — ведь эволюция живых форм идет именно таким образом и не случайно... Поэтому и то, что «туча» состоит из таких взаимозаменяемых элементов, наверняка не случайно. Тут все дело в материале. Для поврежденного макроавтомата нужны запасные части, изготовить которые можно лишь при наличии высокоразвитой промышленности. А устройство, состоящее из пары кристалликов, термисторов или других простейших элементов, можно уничтожить, и никакого вреда от этого не будет, его немедленно заменит одно из миллиарда ему подобных...

Видя, что от ученых уже мало чего добьешься, Горпах ушел, а они почти не заметили этого, увлекшись дискуссией. Он направился в рулевую рубку, чтобы сообщить группе Рогана о гипотезе «неживой эволюции».

Было уже темно, когда «Непобедимый» установил связь с суперкоптером, стоящим в кратере. К микрофону подошел Гаарб.

— У меня тут осталось всего семь человек, — сказал он, — в том числе два врача при этих несчастных. Все сейчас спят, кроме радиста, он сидит тут со мной. Да... у нас полная силовая защита. Но Роган еще не вернулся.

— Еще не вернулся?! А когда он выехал?

— Около шести вечера. Взял шесть машин и всех остальных людей, одиннадцать человек... Мы договорились, что он вернется после захода солнца. Солнце зашло десять минут назад.

— Радиосвязь вы с ним имеете?

— Час назад потерял связь.

— Гаарб! Почему вы немедленно не известили меня?!

— Так ведь Роган предупредил, что связь на какой-то срок прервется, потому что они забираются в одно из этих глубоких ущелий. Их склоны поросли этой металлической дрянью, а она так экранирует, что практически нечего и говорить о связи.

— Известите меня немедленно, когда Роган вернется... Он за это ответит... Этак мы всех скоро потеряем...

Астрогатор продолжал говорить, но тут Гаарб закричал:

— Они едут, командир! Я вижу огни на откосе, вверху.

Это Роган... Раз, два... нет, только одна машина... Сейчас я все узнаю...

— Я жду.

Огни фар колыхались низко, над самой землей; они то освещали световыми столбами лагерь, то снова исчезали в неровностях почвы. Гаарб схватил лежащую невдалеке ракетницу и дважды выстрелил вверх. Эффект был замечательный: все спящие вскочили. Тем временем машина описала дугу, радист открыл проход в поле, и по обозначенной голубыми огнями полосе двинулся запыленный вездеход. Гаарб с ужасом узнал маленькую трехместную амфибию командира группы. В скачущем свете фар он побежал навстречу машине. Не успела она толком остановиться, как из нее выпрыгнул человек в изодранном комбинезоне, с лицом, до того измазанным грязью и кровью, что Гаарб не узнал его, пока тот не заговорил.

— Гаарб... — простонал он, уцепившись за плечи ученого; ноги у него подогнулись.

Подбежали и другие, подхватили его, крича:

— Что случилось?! Где все?!

— Нет... уже... их... никого... — прошептал Роган и повис у них на руках, теряя сознание.

Около полуночи врачам удалось привести его в чувство. Лежа в кислородной палатке, он рассказал то, о чем полчаса позже Гаарб сообщил «Непобедимому».

ГРУППА РОГАНА

Колонна, которую повел Роган, состояла из двух больших энергоботов, четырех гусеничных вездеходов и маленькой амфибии — в ней сидел Роган вместе с водителем Яргом и боцманом Тернером. Машины шли строем, в соответствии с инструкцией третьей степени. Впереди двигался энергобот без людей, за ним — амфибия Рогана, дальше шли четыре машины, в каждой из которых было по два человека, а замыкал колонну второй энергобот. Энергоботы прикрывали всю группу куполом силового поля.

Роган отважился на этот поход потому, что в кратере при помощи «электронных ищеек» — ольфактометрических индикаторов — удалось обнаружить следы четверых пропавших. Ясно было, что если их не разыскать, то они погибнут от голода или жажды, более беспомощные, чем дети, среди хаоса скал и расселин.

Первые километры колонна шла, полагаясь на указания

индикаторов. Часам к семи у входа в одно из ущелий, в этом районе широких и неглубоких, в русле пересыхающего ручья были замечены человеческие следы. Они превосходно сохранились в мягком иле, лишь кое-где их размыва тихо струящаяся вода. По характерному узору на отпечатках видно было, что следы эти оставили тяжело обутые люди из группы Реньяра. Следы уходили в глубь ущелья и чуть далее исчезали на каменистом грунте, но это не обескуражило Рогана: он видел, что склоны ущелья вздымаются все круче, и парализованные амнезией люди вряд ли могли на них вскарабкаться. Роган рассчитывал, что вскоре найдет их в глубине ущелья, которое отсюда не просматривалось из-за бесчисленных крутых поворотов.

Посоветовавшись, группа двинулась дальше и добралась до места, где по обоим склонам ущелья росли странные, необычайно густые металлические кусты. Были они приземистые, кистевидные, высотой примерно в метр — полтора. Вырастали из скальных трещин, заполненных черноватым илом. Сначала они гнездились поодиночке, потом слились в сплошные заросли, которые ржавым щетинистым покровом устилали склоны ущелья почти до самого дна, где, почти исчезая под каменными глыбами, сочилась струйка воды. Там и сям среди кустов виднелись отверстия пещер. Из некоторых струились тоненькие ручейки, другие были или казались сухими. В те пещеры, отверстия которых находились низко, товарищи Рогана пробовали заглянуть, подсвечивая прожекторами. В одной из них нашли множество мелких треугольных кристалликов; они лежали в воде, капавшей со сводов. Роган набрал целую горсть их в карман. С полкилометра они двигались в глубь ущелья, все заметней под уклон. Пока что гусеницы машин отлично справлялись с покатостью, а поскольку в двух местах снова удалось заметить следы подошв на берегах ручейка, все были уверены, что идут по правильному пути. За одним из очередных поворотов радиосвязь с суперкоптером основательно ухудшилась, а потом и вовсе оборвалась; Роган приписал это экранирующему воздействию металлических зарослей. По обе стороны ущелья, которое здесь было шириной метров двенадцать, вздымались скалы, порой почти отвесные; будто жесткий мех, покрывала их щетинистая гуща зарослей. Машины дважды проходили через довольно широкие каменные ворота; это потребовало немало времени, так как техника поля пришлось очень осторожно и точно уменьшать его радиус, чтобы не затронуть скал. Скалы тут сильно растрескались и искрошились от эрозии, и удар

силового поля мог вызвать целую лавину обломков. Опасались, конечно, не за себя, а за пропавших товарищей — окажись они поблизости, обвал мог бы их погубить.

Примерно через час после того, как была потеряна радиосвязь, на экранах магнитных индикаторов замелькали частые вспышки. Пеленгаторы, видимо, испортились — нельзя было выяснить, откуда исходят эти импульсы, они указывали одновременно во все стороны. Лишь при помощи счетчиков напряженности и поляризаторов удалось установить, что источник колебаний магнитного поля — заросли, покрывающие стены ущелья. Только теперь все заметили, что и заросли здесь выглядят иначе — исчез ржавый налет, кусты стали выше, больше и словно еще чернее оттого, что их проволочные ветви были усеяны странными утолщениями. Роган не решился их обследовать — не хотел рисковать, открывая силовое поле.

Колонна ускорила ход; импульсометры и магнитные датчики отмечали все более колеблющуюся активность. Подняв глаза вверх, можно было заметить, что над поверхностью черной чаши колеблется воздух, будто нагретый до высокой температуры, а за очередными каменными воротами возникли над кустами прозрачные пряди, похожие на тающие дымки. Но было это слишком высоко, и разобраться, что представляет собой это явление, не удавалось даже при помощи биноклей. Правда, Ярг, обладавший очень острым зрением, утверждал, что эти «дымки» похожи на рои маленьких насекомых. Роган начал беспокоиться: поездка и так уже затянулась сверх ожиданий, а ущелью не было конца. Правда, ехать теперь можно было побыстрей — исчезли нагромождения глыб на русле ручья, да и сам ручей пропал, уйдя глубоко под осыпи, и только когда машины останавливались, в наступившей тишине слышалось слабое журчанье невидимой воды.

За очередным поворотом опять появились каменные ворота — более узкие, чем прежние. Прodelав измерения, техники установили, что проехать через эти ворота с включенным полем невозможно: ведь силовое поле не может приобретать произвольную форму, а всегда представляет собой вариант тела вращения — шар, эллипсоид или гиперболоид. До тех пор им удавалось пробираться сквозь тесные ущелья, сжимая поле в нечто вроде сплющенного стратостата, разумеется, невидимого. Но сейчас этого нельзя было добиться, как ни маневрируй. Роган посоветовался с физиком Томманом и обоими техниками поля, и все вместе решили, что рискнут проехать, выключив защиту на

мгновение и лишь частично. Первым, выключив эмиттер, должен был идти энергобот без экипажа, а сразу за воротами эмиттер следовало снова включить, чтобы спереди создавалась защита в виде выпуклого диска. Двигаясь сквозь узкий проход, машины с людьми оставались бы без защиты лишь сверху; замыкающий колонну энергобот должен был, как только минует каменные ворота, включить эмиттер, и тогда снова возникнет полная защита.

Все шло согласно этому плану, и последний из четырех вездеходов почти уже миновал теснину, когда воздух странно вздрогнул от беззвучного толчка — будто поблизости бесшумно свалилась скала; щетинистые стены ущелья задымались, из них выползла черная туча и с бешеной скоростью ринулась на колонну. Роган, который решил пропустить все вездеходы перед своей амфибией, в этот момент стоял в машине, ожидая, когда пройдет последний из них. Он увидел черноту, внезапно хлынувшую со стен ущелья, и гигантскую вспышку впереди, где в поле переднего энергобота сгорали клубы нападающей тучи. Но большая ее часть пронеслась над огнем и ринулась на машины. Роган крикнул Яргу, чтобы тот немедленно включил эмиттер заднего энергобота и сомкнул поле — в такой ситуации уже не к чему было бояться обвала. Ярг пытался сделать это, но поле не включалось. Вероятно, как сказал потом главный инженер, перегрелись клистроны аппаратуры. Если бы Ярг подержал эмиттер под возбуждающим током еще несколько секунд, поле, несомненно, включилось бы, но он потерял самообладание и выскочил из машины. Роган схватил его за комбинезон, но Ярг, обезумев от страха, вырвался и пустился наутек вниз по ущелью. Когда Роган сам кинулся к аппаратуре, было уже поздно.

Люди, захваченные тучей врасплох, выскакивали из машин и разбегались во все стороны, почти невидимые в ее бурлящих клубах. Картина эта была настолько невероятной, что Роган уже ничего не пытался делать. Это, впрочем, было и невозможно: включив поле, он убил бы людей, потому что они даже на склоны карабкались, словно ища защиты в металлической чаше. Он недвижимо стоял в машине, ожидая, когда и его постигнет та же судьба. За его спиной Тернер, высунувшись из своей башенки, бил из спаренных лазеров вверх, но это не имело смысла, потому что основная часть тучи уже слишком приблизилась. Остальные машины находились метрах в шестидесяти от амфибии Рогана. Там металась, катались по земле несчастные, будто охваченные черным пламенем; они, наверное, кричали, но их крик, как

и все другие звуки, как и гуденье переднего энергобота, на силовом поле которого продолжали сгорать в мерцающем пламени мириады нападающих, заглушался протяжным басовым жужжанием тучи. Роган так и стоял, наполовину высунувшись из своей амфибии, даже не пытаясь в ней укрыться, и не от смелости отчаяния, а просто потому, что ни об этом и ни о чем другом он не думал.

Эта картина, которую он никогда не смог забыть — люди под черной лавиной, — внезапно изменилась поразительным образом. Люди перестали кататься по камням, бегать, втискиваться в проволочные заросли. Они медленно останавливались или садились, а туча, разделившаяся на вереницу воронок, образовывала над каждым из них как бы локальный смерч, одним касанием окружала его туловище либо только голову, а потом отдалялась, клубясь и колеблясь; она жужжала все выше между стенами ущелья, наконец заслонила свет сумеречного неба, а потом с протяжным замирающим шумом уползла в скалы, осела в черные джунгли, исчезла, и лишь крохотные черные точки, рассыпавшиеся меж неподвижно лежащими людьми, подтверждали реальность того, что здесь недавно произошло.

Роган, все еще не веря в свое избавление и не понимая, чему его приписать, искал глазами Тернера. Но башенка была пуста — очевидно, боцман выскочил из машины, неизвестно когда и как; Роган увидел, что он лежит поодаль, все еще прижимая к груди приклады лазеров, и смотрит остановившимся взглядом.

Роган вышел из машины; он перебежал от одного человека к другому. Они не узнавали его. Ни один ему не ответил. Большинство вело себя спокойно; они ложились либо садились на камни; двое-трое встали и, подойдя к машинам, начали ощупывать их медленными неуклюжими движениями слепцов. Роган глядел, как отличнейший радист, друг Ярга Генлис, словно дикарь, впервые увидавший машины, с полуоткрытым ртом подергивал ручку, открывающую люк вездехода. В следующее мгновение Роган смог понять, откуда взялась круглая дыра, выжженная в одной из переборок «Кондора». Стоя на коленях, он схватил Балмина за плечи и начал трясти со всей силой отчаяния, будто веря, что таким образом можно заставить его очнуться. И тут у самой его головы пролетело гремящее фиолетовое пламя. Это один из сидевших поодаль вытащил из кобуры свой излучатель Вейра и невзначай нажал на гашетку. Роган крикнул, но человек не обратил на него ни малейшего внимания. Возможно, ему понравился блеск, как малышу нравится фейерверк, и он

начал стрелять, расходуя атомный заряд, так что зашипел, раскалившись, воздух. Роган, упав наземь, заполз в щель между каменными глыбами.

В этот момент послышался стремительный топот и из-за поворота выбежал Ярг, запыхавшийся, с лицом, блестящим от пота. Он бежал прямо на безумца, который развлекался стрельбой из вейра.

— Стой! Ложись! Ложись!! — изо всех сил крикнул Роган.

Но не успел сбитый с толку Ярг остановиться, как разряд ударил ему в левое плечо, и Роган видел лицо Ярга, когда оторванная рука взлетела в воздух, а из ужасной раны хлынула кровь. Стрелявший будто бы и не заметил этого, а Ярг, поглядев с безмерным удивлением на кровоточащую культю и на оторванную руку, повернулся и упал.

Человек с вейром встал. Непрерывная струя пламени из накаляющегося излучателя высекала искры из камней; пахло горелым кремнеземом. Движения человека были неуверенными — совсем как у младенца, который держит погремушку. Пламя пронизало воздух между двумя людьми, сидевшими рядом, но они даже не зажмурились от его слепящего блеска; одному из них разряд едва не угодил прямо в лицо. Роган, опять ничего не решив, просто инстинктивно выхватил из кобуры свой вейр и выстрелил всего один раз. Тот человек с размаху стукнул себя скрюченными руками в грудь, его оружие брякнуло о камни, и сам он упал ничком.

Роган вскочил. Смеркалось. Надо было поскорей отвезти всех на базу. Но он располагал только своей маленькой амфибией; когда он попробовал завести вездеход, оказалось, что два из них столкнулись в самом узком месте ворот и растащить их удалось бы лишь при помощи крана. Был еще задний энергобот, но в нем можно было поместить самое большее пятерых, а у Рогана их было девять — живых, хоть и потерявших рассудок. Он подумал, что лучше всего собрать их вместе и связать, чтобы они не могли ни убежать, ни навредить самим себе, включить поля обоих энергоботов, а самому схватить за помощь. С собой он не хотел брать никого, потому что амфибия была совершенно беззащитна и в случае нападения он предпочитал рисковать одним собой.

Совсем уже стемнело, когда Роган окончил эту жуткую работу; люди позволили связать себя без малейшего сопротивления. Он отвел задний энергобот, чтобы амфибия могла выбраться на свободное пространство, установил оба эмиттера, дистанционно включил силовую защиту, прикрыв ею всех пострадавших, а сам двинулся в обратный путь.

Таким образом, на двадцать седьмой день после посадки почти половина команды «Непобедимого» была выведена из строя.

ПОРАЖЕНИЕ

Как всякая правдивая история, рассказ Рогана выглядел странным и нескладным. Почему туча не напала ни на него, ни на Ярга? Почему не трогала и Тернера, пока тот не выскочил из амфибии? Почему Ярг сначала убежал, а потом вернулся? На последний вопрос было сравнительно легко ответить. Вернулся, должно быть, когда панический страх немного схлынул и можно было уже сообразить, что до базы километров примерно шестьдесят и что с таким запасом кислорода пешком туда не доберешься. Но другие вопросы оставались загадкой. А от их решения могла зависеть судьба всех людей «Непобедимого». Но пока что было не до гипотез и рассуждений — требовались срочные действия.

Горпак узнал о судьбе группы Рогана после полуночи; получасом позже он стартовал. Переброска космического крейсера с одного места на другое, находящееся в двухстах километрах, — задача неблагоприятная. Корабль должен все время вертикально висеть на огненном столбе выхлопов, вести его нужно с относительно небольшой скоростью, а из-за этого расходуется масса топлива. Двигатели, не приспособленные к такому движению, нуждались в непрерывной помощи электронных автоматов, и все же стальной колосс двигался слегка раскачиваясь, будто на пологой волне. Для наблюдателя, стоящего на поверхности Регис III, это было бы, наверное, любопытное зрелище — еле различимый сквозь пламя выхлопов силуэт, плывущий во мраке, словно огненная колонна. Придерживаться правильного курса тоже было нелегко, тем более что кратер, к которому они направлялись, скрывался под тонкой пеленой облаков. Наконец, еще до рассвета, «Непобедимый» опустился в кратере, в двух километрах от прежней базы Рогана; суперкоптер, машины и бараки попали в радиус силового поля, а хорошо вооруженная спасательная группа около полудня привезла всех уцелевших людей группы Рогана. Под госпиталь пришлось занять два дополнительных помещения — мест уже не хватало.

Лишь теперь ученые начали обсуждать, какая же таинственная сила спасла Рогана и — если бы не трагическая случайность — спасла бы и Ярга. Это было непонятно — ведь оба они не отличались от других ни одеждой, ни

вооружением, ни внешностью. Вряд ли могло иметь значение и то, что оба они вместе с Тернером находились в маленькой амфибии.

В то же время Горпах должен был решать, что делать дальше. Ситуация была настолько ясна, что он мог вернуться на Базу с данными, которые оправдывали бы отступление и заодно объясняли трагический конец «Кондора». То, что наиболее интересовало ученых, — металлические псевдонасекомые, их симбиоз с механическими «растениями», обосновавшимися на скалах, наконец, проблема «психики» тучи (а ведь не было даже известно, существует ли одна туча или их много и могут ли небольшие тучи сливаться в единое целое) — все это вместе взятое не заставило бы Горпаху остаться на Регис хоть часом дольше, если б не то, что не хватало четверых людей из группы Реньяра вместе с самим руководителем.

Следы исчезнувших терялись в ущелье. Не подлежало сомнению, что эти беззащитные существа погибнут там, даже если неживые обитатели планеты и оставят их в покое. Их может спасти лишь помощь «Непобедимого», и надо, значит, обыскивать окрестности. Единственное, что удалось установить с удовлетворительным приближением, был радиус поисков — люди, затерявшиеся среди ущелий и гротов, не могли отдалиться от кратера более чем на несколько десятков километров. Кислорода у них в аппаратах оставалось уже немного, но врачи утверждали, что дышать воздухом планеты наверняка не опасно для жизни, а оглушение метаном, конечно, было уже несущественно при таком состоянии, в котором находились эти люди.

Район поисков был не очень обширен, но чрезвычайно труден и очень плохо просматривался. Прочесывание всех закоулков, щелей, гротов и пещер даже в благоприятных условиях могло длиться недели. В скалистых стенах ущелий, лишь кое-где выходя наружу, скрывалась целая система подземных переходов и гротов, промытых водами. Вполне возможно, что исчезнувшие оказались в одном из таких укрытий; вдобавок нельзя было рассчитывать даже на то, что их удастся найти в одном месте: лишившись памяти, они стали беспомощней, чем дети, — те по крайней мере держались бы вместе. А к тому же эти окрестности были обиталищем черных туч. Мощное вооружение «Непобедимого», его технические средства немногим могли помочь в поисках. Самую надежную защиту — силовое поле — вообще невозможно было применить в подземных переходах. Так что возникала альтернатива — либо немедленно возвращать-

ся, что означало смертный приговор для исчезнувших, либо начинать рискованные поиски. Поиски эти будут иметь реальный смысл лишь несколько дней, самое большее неделю: после этого удастся обнаружить лишь трупы.

Утром следующего дня астрогатор вызвал к себе специалистов, обрисовал ситуацию и заявил, что рассчитывает на их помощь. В распоряжении ученых находилась горстка «металлических насекомых», которую Роган принес в кармане своей куртки. Почти сутки ушли на их исследование. Горпах хотел знать, существуют ли шансы радикально обезвредить эти существа. Снова встал и вопрос, что спасло Рогана и Ярга от нападения «тучи».

«Пленники» занимали во время совещания почетное место посреди стола, в закупоренном стеклянном сосуде. Осталось их чуть больше десятка, остальные были уничтожены при исследованиях. Создания эти, отличающиеся строгой тройственной симметрией, по форме напоминали букву Y с тремя остроконечными разветвлениями и утолщением в центре, на месте их стыка. В прямых лучах они казались черными, как уголь; в отраженном свете переливались синим и зеленым, как крылья некоторых земных насекомых. Поверхность их состояла из мельчайших плоскостей, похожих на грани бриллианта, а внутри находилась микроскопическая, всегда одинаковая конструкция. Элементы ее были в сотни раз мельче песчинок; они образовывали нечто вроде автономной нервной системы, в которой удалось различить две частично независимые друг от друга схемы. Меньшая из них, расположенная в верхних ответвлениях буквы Y, управляла движениями «насекомого»; в микрокристаллической структуре этих ответвлений содержалось нечто вроде универсального аккумулятора и одновременно трансформатора энергии. В зависимости от характера сжатия, которому подвергались микрокристаллики, они создавали то электрическое, то магнитное поле, то переменные силовые поля, которые могли нагревать центральную часть до относительно высокой температуры; накопленное при этом тепло излучалось наружу в одном направлении. Вызванное этим движение воздуха, вроде выхлопа, позволяло двигаться в любом направлении. Одиночный кристаллик не летал, а скорее вспархивал и, по крайней мере во время лабораторных испытаний, не мог точно управлять своим полетом. Но, соединяясь кончиками ответвлений с другими кристалликами, он создавал комплекс, и чем больше кристалликов соединялось, тем выше были их аэродинамические возможности.

Каждый кристаллик соединялся с тремя другими; кроме того, он мог соединиться концом ответвления с центром другого кристаллика; так возникало многослойное строение «тучи». При соединении не обязательно было соприкоснуться вплотную — стоило сблизить концы, и возникшее при этом поле удерживало все элементы в равновесии. При определенном количестве «насекомых» комплекс начинал проявлять многочисленные закономерности: он мог, реагируя на внешние импульсы, менять направление движения, характер, форму, частоту внутренних пульсаций; при определенных изменениях такого рода смещались знаки поля, и металлические кристаллики начинали взаимно отталкиваться, разъединялись, переходили в состояние «индивидуальной россыпи»...

Кроме схемы, ведающей такими движениями, каждый кристаллик содержал еще одну систему связей или, вернее, ее фрагмент, так как она, по-видимому, представляла собой часть какого-то большого целого. Эта сверхсистема, возникающая, всерьезно, лишь при соединении огромного количества элементов, и была тем двигателем, который приводил тучу в действие. На этом, однако, оканчивались познания ученых: они не разбирались в возможностях разрастания этих сверхсистем, и уж совсем неясным оставался вопрос о «разумности» тучи. Кронотос предполагал, что объединяется тем большее количество кристалликов, чем более трудную проблему предстоит им решить. Это звучало довольно убедительно, однако ни кибернетики, ни информатики не знали ничего аналогичного такой конструкции, то есть «произвольно разрастающемуся мозгу», который меняет свои размеры в зависимости от размаха начинаний.

Часть кристалликов, принесенных Роганом, была повреждена. Но остальные демонстрировали типичные реакции. Одиночный кристаллик мог взлетать, висеть в воздухе почти недвижимо, опускаться, приближаться к источнику импульсов либо избегать его. При всем том он был абсолютно безопасен, даже на краю гибели (а исследователи пробовали уничтожить их химическими средствами, накаливанием, силовыми полями, излучением) не выделял никаких видов энергии, и можно было его прикончить, как самого слабенького земного жучка, с той лишь разницей, что кристалло-металлический панцирь не так-то легко было раздавить. Зато объединившись хотя бы в небольшой комплекс, «насекомые» начинали в ответ на воздействие магнитного поля создавать свое поле, которое уничтожало созданное людьми; при нагревании старались избавиться от

излишка тепла инфракрасным излучением. Но дальнейших опытов проделать не удалось — ученые располагали всего лишь горсткой кристалликов.

На вопрос астрогатора от имени «главных» отвечал Кронотос. Ученые требовали времени для дальнейших исследований, а прежде всего жаждали добыть побольше кристалликов. Они предлагали поэтому, чтобы в глубь ущелья послали экспедицию, которая, разыскивая пропавших людей, одновременно набрала бы минимум несколько десятков тысяч псевдонасекомых.

Горпах согласился на это. Однако, считая, что не имеет больше права рисковать людьми, он решил послать в ущелье машину, которая пока не участвовала ни в одной операции. Это была восьмидесятитонная самоходная машина специального назначения; обычно ее использовали только в условиях высокой радиоактивности, гигантских давлений и температур. Машина эта, которую неофициально все называли «Циклопом», находилась на самом дне корабля, наглухо закрепленная на подъемниках грузового люка. В принципе такие машины не применялись на поверхности планет, а «Непобедимый», по правде говоря, вообще ни разу еще не пускал в ход своего «Циклопа». Ситуации, в которых приходилось прибегать к такой крайности, можно было — по отношению ко всем кораблям Базы — перечесать на пальцах одной руки. Послать за чем-нибудь «Циклопа» — это, по понятиям астронавтов, было все равно, что дать задание дьяволу; никто не слышал, чтобы такая машина потерпела поражение.

Машину, извлеченную при помощи подъемников, поставили на пандусе, и там ею занялись техники и программисты. Кроме обычной системы эмиттеров Дирака, создающих силовое поле, «Циклоп» был снабжен шаровым излучателем антиматерии и мог извергать антипротоны в любом направлении либо во всех направлениях одновременно. Встроенная в бронированное днище система позволяла «Циклопу» благодаря интерференции силовых полей подниматься до высоты нескольких метров над почвой, так что он не зависел ни от рельефа местности, ни от наличия колес или гусениц. Спереди открывалась бронированная пасть, а из нее высовывался ингаустер — нечто вроде телескопической «руки», которая могла проделывать местные бурения, брать пробы минералов и выполнять многие другие работы. «Циклоп» обладал мощной радиостанцией и телепередатчиком, но был приспособлен и для самостоятельных действий: у него имелся электронный мозг. Техники из оперативной

группы инженера Петерсена ввели в этот мозг соответственно разработанную программу: астрогатор считался с тем, что внутри ущелья «Циклоп» потеряет связь с кораблем. В программу входили поиски пропавших; «Циклоп» должен был, найдя их, ввести в свое нутро: сначала накрыть их вторым, внешним силовым полем, а потом, под этой защитой, открыть проход во внутреннее поле, защищающее его собственный корпус. Кроме того, «Циклоп» должен был набрать побольше кристалликов — из тех, которые нападут на него. Излучатель антиматерии разрешалось применить только при крайней необходимости — если обнаружится, что туча подавляет силовое поле: ведь вспышка аннигиляции угрожала жизни пропавших, окажись они невдалеке от места схватки.

«Циклоп» достигал восьми метров в длину и был соответственно «плечист» — его корпус в поперечнике превышал четыре метра. Если бы какая-нибудь расщелина оказалась для него недоступной, он мог расширить ее, либо действуя стальной «рукой», либо расталкивая и дробя скалы силовым полем. Внутри у него поместили автомат, который должен был заняться найденными людьми; приготовили для них и постели.

Техники окончили работу, проконтролировали все устройства; бронированное туловище удивительно легко соскользнуло вниз по пандусу, и «Циклоп», словно несомый невидимой силой — он не поднимал пыли, даже когда двигался с максимальной быстротой, — миновал голубые огни прохода в силовом поле и вскоре исчез из поля зрения.

Вначале радиотелевизионная связь между «Циклопом» и кораблем действовала безукоризненно. Роган распознал на экране вход в ущелье, где произошло нападение, по большому «обелиску», похожему на падающую колокольню, который частично перекрывал просвет между скалистыми склонами. Вскоре «Циклоп» слегка снизил скорость, преодолевая нагромождение больших глыб. Стоящие у экранов слышали даже журчанье ручья, струящегося под камнями, — так бесшумно работал атомный двигатель «Циклопа». Связисты принимали изображение и звук до тех пор, пока «Циклоп», пройдя более доступную часть ущелья, не оказался среди ржавых зарослей. Благодаря усилиям радиотехников удалось потом передать и получить еще четыре сообщения, но пятое оказалось уже до такой степени искаженным, что можно было лишь догадываться о его содержании: электронный мозг «Циклопа» извещал об успешном продвижении вперед.

Как предусматривалось по плану, Горпах послал тогда с «Непобедимого» летающий зонд с телепередатчиком. Зонд стремительно взвился вверх и через несколько секунд исчез. В центральную рубку начали поступать его сигналы, и тут же возник на экране вид ущелья с высоты полутора километров: истресканные, крошащиеся скалы, покрытые ржавыми черными зарослями. Вскоре стал ясно виден и «Циклоп», который двигался по ущелью, сверкая, как стальной кулак. Горпах, Роган и руководители специальных групп стояли у экранов центральной рубки. Прием был хороший, но они предвидели, что он может ухудшиться или прерваться, и держали наготове другие зонды-телепередатчики. Главный инженер считал, что в случае нападения связь с «Циклопом» наверняка оборвется, но можно будет по крайней мере наблюдать за его действиями.

Электронный глаз «Циклопа» не мог еще этого заметить, но люди, стоящие у экранов, с высоты парящего над ущельем телезонда видели, что лишь несколько сот метров отделяло могучую машину от застрявших в каменных воротах вездеходов. «Циклоп» должен был, выполнив свое задание, на обратном пути взять на буксир два вездехода, поврежденные при столкновении. Вездеходы с высоты выглядели как зеленоватые коробочки; возле одного из них виднелась обуглившаяся фигурка — труп человека, в которого стрелял Роган.

Перед поворотом, за которым торчали шпили каменных ворот, «Циклоп» замедлил ход и приблизился к металлическим зарослям, спускающимся почти до самого дна. С напряженным вниманием следили за ним люди. «Циклопу» пришлось открыть спереди свое силовое поле, чтобы сквозь узкий проход просунуть ингаустер. Все увидели, как выдвинулось нечто вроде удлиненного орудийного ствола с зубчатой лапищей на конце; ингаустер захватил этой лапищей полную горсть кустов и без видимых усилий оторвал их от каменистого грунта; после этого «Циклоп», пятась, сполз на дно ущелья. Вся эта операция была проведена ловко и точно. Через телезонд наладили связь с мозгом «Циклопа», и он сообщил, что «образец», кишаший черными «насекомыми», замкнут в контейнере.

«Циклоп» находился уже в ста метрах от места катастрофы. Там стоял, упершись бронированной кормой в скалу, замыкающий энергобот колонны Рогана, в теснине прохода вздыбились столкнувшиеся вездеходы, а по ту сторону ворот стояли еще два вездехода и перед ними — второй энергобот. Воздух над ними еле приметно вибриро-

вал — силовое поле, которое включил Роган после катастрофы, продолжало существовать. «Циклоп» дистанционно выключил эмиттеры этого энергобота, потом увеличил мощность реактивного выхлопа, приподнялся в воздух, проворно проскользнул над машинами и опустился уже впереди колонны.

В то же мгновение кто-то из стоящих у экранов тревожно вскрикнул. В рубке «Непобедимого», за полсотни километров от ущелья, все увидели, как задымилась черная щетина его склонов и волнами обрушилась на земную машину с таким напором, что в первое мгновение «Циклоп» совершенно исчез, будто его закрыло кинутым сверху плащом смолистого дыма. Однако тут же всю тучу насквозь пронизала ветвистая молния. «Циклоп» не использовал своего страшного оружия — это созданные тучей энергетические поля столкнулись с его силовой защитой. Незримое силовое поле вдруг словно материализовалось, облепленное толстым слоем кишачей черноты; оно то вздувалось, как огромный лавовый пузырь, то сжималось, и эта странная игра тянулась довольно долго. Людям у экранов казалось, что невидимая для них машина пытается растолкать мириады нападающих, но их становилось все больше и больше, потому что новые тучи одна за другой лавинами катились на дно ущелья. Уже не видно было даже сверкания вспышек на границах силового поля, и только в глухой тишине продолжалась жуткая борьба двух неживых, но мощных сил. Вдруг кто-то из наблюдавших бой вздохнул: пульсирующий пузырь силового поля совсем исчез под черной воронкой; туча превратилась в гигантский смерч, который вздымался над вершинами самых высоких скал и, зацепившись основанием за невидимого противника, бешено кружился километровым водоворотом. Никто не сказал ни слова; все понимали, что туча пытается таким образом раздавить силовый пузырь, в котором, словно ядро в скорлупе, скрывалась машина. Роган краем глаза заметил, что астрогатор открыл было рот, чтобы спросить стоящего рядом главного инженера, должно быть, о том, выдержит ли силовое поле, но не спросил. Не успел.

Черный смерч, стены ущелья, заросли — все это вдруг исчезло. Казалось, будто на дне ущелья началось извержение вулкана. Столб дыма, кипящей лавы и осколков, окутанный прозрачной пеленой пара, вздымался все выше; пар, возникший, наверное, из закипевшего ручья, добрался до телезонда, на высоту полутора километров.

«Циклоп» пустил в ход излучатель антиматерии.

Никто из стоявших в рубке не шевельнулся, не заговорил,

но всех охватило чувство мстительного удовлетворения; оно было неразумным, но это не снижало его интенсивности. Похоже было, что туча наконец нашла достойного противника.

Всякая связь с «Циклопом» прервалась с момента атаки, и люди теперь видели лишь то, что доносили до них ультракороткие волны телезонда сквозь семьдесят километров вибрирующей атмосферы. О битве, разгоревшейся в ущелье, узнали и те, кто был вне центральной рубки. Часть команды, разбиравшая алюминиевый барак, бросила работу. Горизонт на северо-востоке засиял, будто там всходило второе солнце, ярче того, что стояло в зените, а потом это сияние погасил дым, вздымающийся гигантским грибом к небесам. Техники, контролирующие работу телезонда, вынуждены были отодвинуть его от эпицентра боя и поднять на четыре километра. Лишь теперь он вышел из зоны бурных воздушных потоков, вызванных взрывами. Не видно было ни скал, ни косматых склонов, ни даже черной тучи, которая из них возникла. Экраны были заполнены слоями бурлящего огня и дыма, исчерченного параболами пылающих осколков; акустические датчики зонда передавали неумолчный, то слабеющий, то нарастающий грохот, словно на всем материке шло землетрясение.

То, что дьявольская битва все не кончается, было поразительно. Через несколько десятков секунд после того, как начал действовать излучатель антиматерии, дно ущелья и все вокруг «Циклопа» должно было достичь температуры плавления. Действительно, скалы уже оседали, таяли, превращались в лаву, и ее пурпурный поток начал пробивать себе дорогу к выходу из ущелья, за несколько километров от средоточия схватки. Горпах некоторое время раздумывал, не вышел ли из строя излучатель — казалось невероятным, что туча все еще продолжает нападать на такого страшного противника; но когда зонд по новой команде поднялся еще выше, до границ тропосферы, то изображение, возникшее на экране, доказало астрогатору, что он ошибается. В поле зрения теперь попадало примерно сорок квадратных километров. И на всей этой изрытой ущельями местности медленно — так казалось на большом расстоянии — со склонов, покрытых темными потеками, из провалов и пещер выплывали новые клубы черноты, вздымались вверх, сливались и, концентрируясь в полете, стягивались к очагу схватки. Какие-то минуты могло казаться, что непрерывно свергающиеся черные лавины подавят огонь излучателя, задуют и угасят его своей массой, но Горпах знал

энергетические резервы чудовища, созданного человеческими руками. Сплошной оглушительный, ни на миг не смолкающий гром, плывущий из репродукторов, наполнил рубку; одновременно языки пламени навывлет пробили тучу, взвились на три километра вверх и начали медленно вращаться, образуя нечто вроде огненной мельницы; воздух вибрировал и изгибался от жара, источник которого вдруг начал передвигаться...

«Циклоп» неизвестно почему начал пятиться и, ни на миг не прекращая борьбы, медленно отступал к выходу из ущелья. Возможно, его электронный мозг рассчитал, что взрывы могут раздробить стены ущелья и те рухнут на машину; и хотя «Циклоп» остался бы целым и невредимым даже в такой передрыге, это могло бы помешать ему маневрировать. Так или иначе, но «Циклоп» с боем прорывался на более широкое пространство, и в бурлящих огненных вихрях нельзя уже было разобрать, где огонь его излучателя, а где пламя пожара, где обрывки тучи, а где раскаленный каменный прах. Казалось, что накал битвы достиг кульминации. Однако в следующий миг произошло нечто невероятное. Экран запылал, вспыхнул ужасной, режущей глаза белизной, зарябил миллиардами взрывов, и новая волна антиматерии уничтожила все вокруг «Циклопа»; воздух, осколки скал, дым, газы — все это, обратившись в жесткое излучение, на пространстве радиусом в километр охватило тучу аннигиляцией и взлетело вверх, словно выброшенное катастрофой из самых недр планеты. Сейсмические волны промчались по пустыне, и «Непобедимый», стоявший в семидесяти километрах от места этого чудовищного удара, закачался; вездеходы и энергоботы, стоявшие у пандуса, откатились. А через несколько минут налетел плотный ревущий вихрь, мгновенным жаром опалил лица людей, прячущихся за машинами, и, взметая стену клубящегося песка, помчался дальше, в бескрайнюю пустыню.

Какой-то осколок, видимо, угодил в телезонд, хотя тот и находился в тринадцати километрах от центра катаклизма. Связь не прервалась, но изображение очень ухудшилось, начались бесчисленные помехи. Через минуту, когда дым отнесло немного в сторону, Роган, напрягая зрение, увидел очередной этап битвы.

Битва еще не окончилась, как он склонен был предполагать. Если бы нападающими были живые существа, истребление, которому они подверглись, наверное, заставило бы следующие шеренги отступить или хотя бы остановиться

у входа в пылающий ад. Но тут мертвое сражалось с мертвым, огонь сражения не гас, а лишь менял форму и направление главного удара. И тогда Роган впервые понял или смутно догадался, как должны были выглядеть те битвы, некогда кипевшие на Регис, в которых одни роботы крушили и дробили других, какими методами отбора пользовалась неживая эволюция и что имел в виду Лауда, утверждая, что псевдонасекомые победили как более приспособленные. И тут же мелькнуло у него в сознании, что нечто подобное здесь уже происходило, что неживая, неистребимая, солнечной энергией закрепленная в кристалликах память биллионной тучи должна содержать сведения о таких схватках, что именно с такими отшельниками-одиночками, с гигантами в тяжелой броне, с атомными мамонтами из племени роботов сотни веков назад расправились эти мертвые крохи, которые на вид ничего не стоили против сокрушительных разрядов, насквозь прожигающих скалы. И что помогла им уцелеть, помогла уничтожить исполинских страшилищ, распороть их стальную броню, разбросать, как ржавые лохмотья, по бескрайней пустыне останки некогда могучих и идеально точных электронных механизмов только невероятная, неслыханная отвага, если можно применить такое слово к кристалликам тучи-титана. Но какое же еще слово мог он подыскать? И Роган невольно восхищался, видя, как сражается туча после таких ужасающих потерь...

Да, туча продолжала атаку. Теперь над ее покровом на всем видимом сверху пространстве сле выступали самые высокие горные пики. Все остальное, вся страна гор и ущелий утонула в разливе черных волн, мчащихся со всех сторон горизонта, чтобы ринуться в огненную воронку, центром которой был невидимый под вибрирующим раскаленным заслоном «Циклоп». И этот натиск, за который приходилось платить громадными, с виду бессмысленными потерями, имел все же шансы на успех. Роган и все остальные, теперь уже бессильно глядевшие на экраны, отдавали себе в этом отчет. Энергетические ресурсы «Циклопа» были практически неисчерпаемы, но под непрерывным огнем аннигиляции, несмотря на мощную защиту, на антирадиационное отражающее покрытие, какая-то доля звездных температур все же воспринималась излучателем, возвращалась к своему источнику, и внутри машины должно было становиться все жарче. Человек давно бы уже погиб, находишь он внутри «Циклопа». Возможно, его металлокерамическая оболочка уже накалилась до вишневого свечения, но все видели только сквозь облако дымов и газов пульсирующий сгусток голубого огня,

который медленно отползал к выходу из ущелья, так что место первого нападения тучи, в трех километрах к северу, теперь обнажило свою ужасающую растрескавшуюся поверхность, покрытую слоями лавы и шлака, усеянную горами оплавившихся кристалликов, погибших от термического удара.

Горпах велел выключить репродукторы, наполнявшие рубку оглушительным грохотом, и спросил Язона, что произойдет, когда температура внутри «Циклопа» превысит предел выносимости электронного мозга.

Ученый ответил без колебаний:

— Излучатель выключится.

— А силовое поле?

— Поле — нет.

Огненная битва передвинулась уже на равнину, к выходу из ущелья. Чернильный океан бурлил, вздымался, взвихривался и адскими скачками кидался в огненное жерло воронки.

— Наверно, вот сейчас... — сказал Кронотос, вглядываясь в немое, бурно клокочущее море на экране.

Прошла еще минута. Вдруг сверкание огненной воронки резко ослабело. Туча сомкнулась над воронкой.

— Шестьдесят километров от нас, — ответил техник-связист на вопрос Горпаха.

Астрогатор объявил тревогу. Все кинулись на свои посты. «Непобедимый» втянул пандус, подъемник и замкнул люки. На экране опять засверкал огонь. Пылающая воронка возникла снова. Но теперь туча прекратила атаку; едва лишь засветились ее клочья, тронутые огнем, как вся остальная часть начала отступать к ущельям, всасываясь в их сумрачный лабиринт, и на экране показался «Циклоп», с виду целый и невредимый. Он все еще пятился, очень медленно, и продолжал непрерывно жечь все вокруг — скалы, песок, дюны.

— Что же он не выключает излучатель?! — закричал кто-то.

Словно услышав этот крик, «Циклоп» перестал метать молнии разрядов, развернулся и с возрастающей скоростью помчался в пустыню. Телезонд сопровождал его на высоте. Внезапно люди увидели, будто огненная нить с невероятной быстротой летит им в лицо, и, не успев понять, что «Циклоп» выстрелил в зонд и что они видят аннигилировавшие на трассе выстрела частицы воздуха, инстинктивно отшатнулись, словно опасаясь, что разряд пролетит сквозь экран и взорвется в рубке. После этого изображение исчезло, и экран заполнился светлой пустотой.

— Командир, он раскокал зонд! — закричал техник у пульта управления.

Горпах велел запустить другой зонд. «Циклоп» был уже так близко от корабля, что его увидели, как только зонд набрал высоту. Снова промчалась огненная нить, и зонд погиб. Прежде чем изображение исчезло, люди в рубке успели заметить в поле зрения зонда свой корабль: «Циклоп» находился не далее как в десяти километрах от «Непобедимого».

— Спятил он, что ли?! — взволнованно проговорил второй техник.

Эти слова будто отперли какую-то дверцу в мозгу Рогана. Он глянул на командира и понял — Горпах думает о том же. Рогану казалось, что голову, руки, ноги, все его тело наливает свинцовой тяжестью нелспый и несвязный сон. Но приказы были отданы: командир велел запустить один за другим еще два зонда. «Циклоп» поочередно уничтожил их, как опытный стрелок, развлекающийся стрельбой на вскидку.

— Мне нужна вся мощность, — сказал Горпах, не отводя глаз от экрана.

Главный инженер, словно пианист, берущий аккорд, ударил обеими руками по клавишам распределительного пульта.

— Стартовая мощность через шесть минут, — ответил он.

— Мне нужна вся мощность, — повторил Горпах все так же спокойно.

В рубке стало так тихо, что слышно было, как жужжат реле за эмалированными перегородками, словно там просыпается пчелиный рой.

— Корпус реактора слишком холоден... — начал было главный инженер.

Но тут Горпах повернулся к нему и в третий раз, по-пржнему не повышая голоса, сказал:

— Мне нужна ВСЯ мощность.

Инженер молча протянул руку к главному рубильнику. В недрах корабля коротко проблеснули сигналы тревоги и на них отозвался, как далекая барабанная дробь, топот людей, бегущих на свои посты. Горпах снова смотрел на экран. Никто не сказал ни слова, но все поняли, что невозможное случилось: астрогатор готовился к бою со своим же «Циклопом». Стрелки приборов, сверкая, выстраивались в ряд, как солдаты в строю. В окошках индикатора мощности появились пятизначные, потом шестизначные цифры. Где-то искрил провод — пахло озоном. В глубине рубки техники объяснялись условными знаками, включая системы контроля.

Очередной зонд перед гибелью показал удлинённый лоб «Циклопа», переползающего через скалистую гряду; потом экран снова опустел, слепя серебряной белизной. Машина того гляди должна была появиться уже в зоне непосредственной видимости; боцман радаристов караулил ее у аппарата, который выдвигал наружную носовую телекамеру над верхушкой корабля, что увеличивало поле зрения. Техник связи запустил новый зонд. «Циклоп» будто бы не направлялся прямо к «Непобедимому», который стоял наглухо замкнутый, в полной боевой готовности, за щитом силового поля. Из носовой части через равные промежутки времени выпрыгивали телезонды.

Роган знал, что «Непобедимый» может выдержать заряд антиматерии, но на поглощение энергии удара придется потратить немалую часть энергетических ресурсов. Ему казалось, что самым разумным в такой ситуации было бы отступить, то есть выйти на стационарную орбиту. Он ждал, что вот-вот последует такой приказ. Но Горпах молчал, словно надеялся, что электронный мозг каким-то чудом очнется. И в самом деле, наблюдая из-под тяжело нависших век за движением этой темной фигуры, беззвучно проплывающей меж дюн, астрогатор спросил техников:

— Вы его вызываете?

— Так точно. Нет связи.

— Дайте ему аварийный стоп-сигнал.

Техники захлопотали у пультов. Дважды, трижды, четырежды пробегали ручейки света под их пальцами.

— Он не отвечает, командир.

«Почему он не стартует? — не мог понять Роган. — Не хочет признаться, что побежден? Это Горпах-то? Что за чушь! Шевельнулся... Сейчас... сейчас даст команду...»

Но астрогатор лишь отступил на шаг.

— Кронотос!

Кибернетик подошел к нему.

— Я здесь.

— Что они могли с ним сделать?

Рогана прежде всего поразила форма этой фразы: «они» — сказал Горпах, словно и вправду имел дело с мыслящим противником.

— Автономные контуры... они на криотронах... — заговорил Кронотос, и чувствовалось, что он выскажет лишь предположение. — Температура повысилась, они утратили сверхпроводимость...

— Вы знаете или только догадываетесь? — спросил астрогатор.

Странный это был разговор: все смотрели на экран, где «Циклоп», видимый уже без посредства зонда, двигался легко и свободно, но все же не вполне уверенно — временами сбивался с курса, будто не мог решить, куда, собственно, ему следует идти. Несколько раз подряд он стрелял в зонд, пока не попал. На экранах зонд пролетел вниз, словно яркая ракета.

— Единственное, что я могу себе представить, это резонанс, — после некоторого колебания сказал кибернетик. — Если их поле совпало с частотами самовозбуждения его мозга...

— А силовое поле?

— Силовое поле не экранирует магнитного.

— Жаль, — сухо заметил астрогатор.

Напряжение понемногу ослабевало, потому что «Циклоп» теперь уже явно шел не в сторону корабля. Расстояние между ними, ставшее было совсем уж ничтожным, начало увеличиваться. Машина, вырванная из-под контроля человека, ушла в просторы северной пустыни.

— Главный инженер замещает меня, — сказал Горпах. — Остальных прошу вниз.

ДОЛГАЯ НОЧЬ

Роган проснулся от холода. Полусонный, он ежился под одеялом, вжимая голову в подушку. Пробовал закрыть лицо рукой, но становилось все холоднее. Он понимал, что нужно встать, но все медлил, сам не понимая почему. Наконец рывком поднялся и сел на койке в сплошной тьме. Ледяной ветер хлынул ему прямо в лицо. Он вскочил и, тихо ругаясь, на ощупь разыскал климатизатор. Перед сном ему было до того душно, что он передвинул регулятор на полное охлаждение.

Воздух в маленькой каюте понемногу нагревался, но Роган, полулежа под одеялом, уже не мог заснуть. Он посмотрел на светящийся циферблат часов — было три часа по бортовому времени. «Опять всего три часа проспал», — сердито подумал он. Ему все еще было холодно. Совещание тянулось долго, разошлись около полуночи. «Столько разговоров, а все без толку», — подумал Роган. Сейчас, в этой тьме, он неведь что отдал бы, чтобы снова оказаться на Базе, чтобы не знать ничего об этой проклятой Регис III, о ее мертвых и по-мертвому хитроумных ужасах. Большинство советовало выходить на орбиту, только главный инженер

и главный физик с самого начала поддерживали мнение Горпах, что надо оставаться на планете как можно дольше. Шансы на то, что удастся найти четырех пропавших, были ничтожны — может, один из ста тысяч, а может, и еще меньше. Лишь на большом расстоянии они могли уцелеть от атомного ада схватки, если не погибли еще раньше. Роган дорого дал бы, чтобы узнать, в самом ли деле астрогатор не стартует только из-за них, не играют ли все же роль и другие причины. Здесь все это выглядит вот так, а совсем иначе это воспринималось бы в сухих словах рапорта, в спокойном свете Базы, где надо было бы доложить, что потеряна половина исходных машин, что главное оружие «Непобедимого» — «Циклоп» с излучателем антиматерии — теперь будет представлять дополнительную опасность для каждого корабля, который сядет на Регис, что погибло шесть человек, а кроме того, половина экипажа тяжело больна, и на годы — может, и навсегда — выбывает из строя. И что, потеряв людей, машины, наилучшее оборудование, мы сбежали — а как иначе это назвать? — попросту удрали от микроскопических кристалликов, обитателей маленькой пустынной планеты, от мертвого наследия лирянской цивилизации, которую так давно обогнала земная! Но неужели Горпах способен принимать во внимание такие вещи? Может, он и сам толком не знает, почему отказывается стартовать? Может, он на что-то рассчитывает? Но на что? Ну да — биологи считают, что есть шансы победить псевдонасекомых их собственным оружием. Поскольку этот вид эволюционировал — рассуждают они, — можно было бы управлять его дальнейшей эволюцией. Прежде всего следовало бы захватить в плен побольше кристалликов и вызвать у них определенного типа мутации, которые в процессе размножения передадутся следующим поколениям и обезвредят всю эту кристаллическую расу. Мутации должны быть весьма специфичными, такими, которые немедленно приносили бы какую-то заметную пользу, но одновременно приводили бы к тому, что этот новый вид, эти мутанты будут иметь некую ахиллесову пяту, слабое место, по которому можно нанести смертельный удар. Но вообще-то все это была типичная болтовня теоретиков: они понятия не имели, какая это должна быть мутация, как ее добиться, как захватить массу кристалликов, не ввязываясь в новую битву, которая может ведь окончиться еще более тяжелым поражением, чем вчерашняя. А если б даже все удалось, то сколько пришлось бы ждать этого вмешательства в эволюцию? Ведь не день же и не неделю. И, значит, что — кружиться вокруг Регис, как на карусели,

год, два, а то и десять лет?! В общем все это была сплошная бессмыслица.

Роган чувствовал, что опять переборщил с климатизатором: теперь было слишком жарко. Он отбросил одеяло, встал, умылся, быстро оделся и вышел. Лифта не было. Роган нажал кнопку вызова и, стоя в полумраке под скачущими огоньками индикатора, чувствуя всю тяжесть бессонных ночей и полных напряжения дней, сквозь шум крови в висках вслушивался в ночную тишину корабля. Изредка побулькивало что-то в невидимых трубопроводах, с нижних ярусов доносился приглушенный грохот двигателей на холостом ходу — корабль все еще держали в полной стартовой готовности. Сухой ветер с металлическим привкусом веял из вертикальных колодцев по обеим сторонам платформы, на которой стоял Роган.

Двери раздвинулись, он ступил в кабину лифта. На восьмом ярусе вышел. Коридор, освещенный цепью голубых лампочек, изгибался вдоль линии корпуса. Роган шел, сам не зная куда, инстинктивно поднимал ноги, перешагивая через высокие пороги герметических переборок, и наконец увидел смутные силуэты людей у главного реактора. В помещении было темно, светились только огоньки индикаторов на щите. Люди сидели под ними на раскладных креслах.

— Они погибли, — сказал кто-то; Роган не узнал голоса. — Хочешь пари? В радиусе пяти миль была тысяча рентген. Нет их уже на свете, можешь быть спокоен.

— Так чего же мы тут сидим? — буркнул другой человек.

Роган не по голосу, а по месту, которое занимал говоривший, у гравиметрического контроля, понял, что это боцман Бланк.

— Потому что старик не хочет возвращаться.

— А ты бы вернулся?

— А что же еще остается делать?

Тут было тепло и в воздухе веял тот специфический запах, искусственный аромат хвои, которым климатизаторы пытались перебить вонь перегретых пластиков и металла, возникающую во время работы реактора. В результате получалась смесь, не похожая ни на что за пределами восьмого яруса. Роган стоял, опершись спиной о пенопластовую обивку переборки. Он не то чтобы прятался, а просто не хотелось ему вмешиваться в этот разговор.

— Он может хоть и сейчас подойти... — сказал кто-то после недолгого молчания.

Лицо его на минуту выступило из тьмы, когда он наклонился вперед, полурозовое, полужелтое от сверкания

контрольных огоньков на стене реактора, — реактор будто смотрел этими огоньками на съжившихся внизу людей. Роган, как и все остальные, сразу сообразил, о ком идет речь.

— У нас есть поле и радар, — неохотно буркнул боцман.

— Много тебе будет толку от поля, если он подойдет на билиэрг поражения.

— Радар его не подпустит.

— Это ты мне говоришь? Да ведь я-то его знаю, как свои пять пальцев...

— Ну и что?

— А то, что у него есть антирад. Системы помех...

— Да ведь он же разлажен. Электронный псих...

— Ничего себе псих. Ты был в рубке?

— Нет. Я здесь сидел.

— Ну вот. А я был. Жалко, не видал ты, как он молотил наши зонды.

— Значит, это как же? Они его, что ли, перестроили? Он уже под ихний контроль попал?

Все говорят «они», подумал Роган. Будто это и вправду живые разумные существа.

— А протон его знает. Вроде бы только связь разладилась.

— Так чего ж ему нас лупить?

Опять настала тишина.

— Неизвестно, где он? — спросил тот, который не был в рубке.

— Нет. Последнее сообщение было в одиннадцать. Видели, как он мотался по пустыне.

— Далеко?

— А что, боишься? Километров сто тридцать — сто сорок отсюда. Для него это час ходу. А то и меньше.

— А может, хватит уже переливать из пустого в порожнее? — сердито сказал боцман Бланк, и его острый профиль возник на фоне разноцветных огоньков.

Все замолкли. Роган медленно повернулся и удалился так же тихо, как и пришел. На обратном пути он оказался у лабораторий; в большой было темно, а из малой пробивался свет сквозь иллюминаторы над дверью. Роган заглянул внутрь. За круглым столом сидели только кибернетики и физики — Язон, Кронотос, Сарнер, Ливин, Заурахан и еще кто-то — он сидел в тени наклонной переборки, повернувшись ко всем спиной, и программировал большой электронный мозг.

— ...существует два эскалационных решения: одно — аннигиляция, другое — самоуничтожение. Остальное — это уже действия в масштабах планеты...

Роган, не переступая порога, стоял и прислушивался.

— Первый эскалационный вариант основан на том, чтобы пустить в ход лавинный процесс. Нужно, чтобы излучатель антиматерии вошел в ущелье и остался там.

— Один уже там побывал... — сказал кто-то.

— Если у него не будет электронного мозга, он сможет действовать даже при температуре свыше миллиона градусов. Нужен плазменный излучатель: плазма не боится звездных температур. Туча будет действовать по-прежнему: постарается его задавить, войти в резонанс с его управляющими контурами. Но там ведь не будет никаких контуров — ничего, кроме субъядерной реакции. Чем больше материи втянется в реакцию, тем более бурно будет проходить эта реакция. Таким путем можно собрать в одно место и аннигилировать всю некросферу планеты.

«Некросфера... — подумал Роган. — Ага, это потому, что кристаллики — мертвые. Вот что значит ученые: обязательно придумают этакое красивое новое название...»

— Больше всего нравится мне вариант с самоуничтожением, — сказал Язон. — Но как вы это себе представляете?

— Ну, сначала следует добиться, чтобы образовались два больших «тучемозга», а потом вызвать схватку между ними... нужно так повести дело, чтобы тучи сочли друг друга конкурентами в борьбе за существование...

— Понимаю, однако как вы собираетесь это проделать?

— Дело нелегкое, но осуществимое, поскольку туча является лишь псевдомозгом, а значит, лишена способности рассуждать...

— Надежней все-таки планетный вариант, со снижением среднегодового уровня инсоляции, — сказал Сарнер. — Четыре водородных заряда по пятьдесят — сто мегатонн на каждое полушарие — в общем от силы восемьсот мегатонн. Этого хватит. Воды океана, испарившись, увеличат облачный покров, возрастет альбеда, и оседлые симбионты не смогут доставлять «мушкам» того минимума энергии, который необходим для размножения...

— Этот расчет основан на непроверенных данных, — запротестовал Язон.

Видя, что начинается диспут специалистов, Роган отступил от двери и пошел восвояси.

Возвращался к себе он не на лифте, а по металлической винтовой лесенке, которой обычно никто не пользовался. Перед ним возникали пролеты все более высоких ярусов. Он видел, как в ремонтном отделении поблескивали сварочные аппараты — люди из группы Деврие хлопотали вокруг чер-

ных, величественно неподвижных арктанов. Вдалеке показались круглые иллюминаторы госпиталя с их тусклым фиолетовым свечением. Какой-то врач в белом халате бесшумно прошел по коридору, автомат-санитар нес за ним набор сверкающих инструментов. Роган проходил мимо пустых и темных помещений клуба, библиотеки, кают-компании; наконец добрался до своего яруса, прошел мимо кабины астрогатора, внезапно приостановился, словно и тут хотел что-то подслушать, но сквозь гладкую пластину двери не проникал ни малейший звук, ни лучик света, а иллюминаторы вверх были плотно задраены, болты с медными головками довернуты до предела. Только в своей кабине Роган снова почувствовал усталость. Он ссутулился, тяжело осел на койку, сбросил ботинки и откинулся к переборке, заложив руки за голову. Так и сидел, глядя на слабое свечение ночной лампы, на низкий потолок, пополам разделенный тонкой трещиной на голубом лаковом покрытии.

Роган не из чувства долга бродил по кораблю и не потому, что его интересовали чужие разговоры. Он попросту боялся таких вот ночных часов, потому что тогда неотступно маячили перед ним картины, которые ему хотелось забыть. Изо всех воспоминаний самым страшным было одно — о человеке, которого он убил, выстрелив чуть ли не в упор, чтобы тот не убивал других. Он должен был так поступить, но легче от этого не делалось. Роган знал — стоит погасить свет, и он снова увидит эту сцену; увидит, как человек с болезненной, бессмысленной улыбкой ступает по камням, будто ведомый дергающимся у него в руках стволом вейра, как перешагивает через безрукий труп... через Ярга, который вернулся, чтобы так нелепо погибнуть после чудесного спасения... а секунду спустя его убийце суждено было рухнуть на камни с разорванным, дымящимся на груди комбинезоном... И никакими силами нельзя было отогнать видение, вся сцена упорно заново разворачивалась перед глазами, и Роган ощущал резкий запах озона, горячую отдачу приклада, зажатого в потных ладонях, слышал скулящие завывания людей, которых он потом таскал, задыхаясь, еле дыша от изнеможения, чтобы связать их, как снопы, и снова эти близкие, знакомые, словно вдруг ослепшие лица потрясали его своей безысходной беспомощностью.

Что-то стукнуло; упала книжка, которую он начал читать еще на Базе. Перед рейсом заложил страницу белым листком, но с тех пор не прочел ни строчки, да и когда было читать... Роган поудобней устроился на койке. Подумал о стратегах,

которые сейчас обсуждают планы уничтожения тучи, и пренебрежительно усмехнулся. «Бессмысленно это, все бессмысленно... — думал он. — Они хотят уничтожить... да, собственно, мы тоже, все мы хотим уничтожить тучу, но этим никого не спасешь. Регис безлюдна, и людям здесь нечего делать. Так к чему же это упорство? Ведь этих людей все равно что ураган убил или землетрясение. Никакое сознательное намерение, никакая враждебная мысль не выступала против нас. Только неживой процесс самоорганизации. Стоит ли растрачивать силы, расходовать энергетические запасы, чтобы уничтожить этот процесс, только потому, что мы видели в нем коварного врага, который исподтишка напал сначала на «Кондора», а потом на нас? Сколько таких жутких загадок, чуждых человеческому пониманию, таит еще космос? Неужели мы всюду должны являться, неся всеуничтожающую силу на своих кораблях, чтобы вдребезги расколотить все, что противоречит нашим понятиям? Как они это назвали — некросфера, а значит, и некроэволюция, эволюция мертвой материи... Может, лирянам было бы дело до этого, Регис III находилась для них в пределах досягаемости, может, они собирались ее колонизовать, когда астрофизики предсказали, что их Солнце превратится в Новую... Может, это была для них последняя надежда. Если б мы оказались в такой ситуации, то, конечно, боролись бы, уничтожали бы этот черный кристаллический помет. Но вот так?.. На расстоянии парсека от Базы, которая в свою очередь находится за столько световых лет от Земли, — во имя чего мы остаемся здесь, теряя людей, зачем ученые по ночам обдумывают методы уничтожения, ведь о мести не может быть и речи...»

Если б Горпах оказался здесь, Роган сейчас выложил бы ему все это.

«Как смешно и сумасбродно это «покорение любой ценой», эта «героическая стойкость человека», эта жажда мести за гибель товарищей, которые погибли потому, что их послали на верную смерть... Мы были попросту неосторожны, мы слишком полагались на свои излучатели и индикаторы, мы совершили ошибки и расплачиваемся за это. Мы сами, только мы виноваты».

Так он размышлял, закрыв глаза, которые даже от слабого ночного света жгло, будто под веки песку насыпали. Человек — это он сейчас понимал — еще не поднялся на должную высоту, еще не заслужил права быть, а не только числиться личностью, красиво именуемой «галактоцентрической», издавна им самим прославляемой. Галактоцентризм ведь не в

том состоит, чтобы искать только себе подобных и только их понимать, а в том, чтобы не вмешиваться в не свои, нелюдские дела. Захватить, освоить пустоту — ну, конечно же, пожалуйста, почему бы нет; но нельзя набрасываться на то, что за миллионы лет создало свое собственное, ни от кого и ни от чего, кроме законов природы, не зависящее устойчивое равновесие существования, деятельного, активного существования, которое не хуже и не лучше существования белковых тел, именуемых животными или людьми.

Именно такого Рогана — преисполненного возвышенным галактоцентрическим всепониманием любой существующей формы жизни — и настиг, словно вонзаемая в мозг игла, пронзительный вопль сирен. Все его размышления мгновенно исчезли, сметенные назойливым звуком, заполнившим корабль сверху донизу. Роган выскочил в коридор и бежал вместе с другими, вторя тяжкому ритму усталых шагов, вторя горячему дыханию товарищей, и, прежде чем добрался до лифта, ощутил — не слухом, не осязанием, даже не всем своим существом, а словно бы корпусом корабля, частицей которого он стал, — удар, хотя по видимости крайне отдаленный и слабый, но пронизавший крейсер от кормовых опор до носа, удар ни с чем не сравнимой силы, который — он и это ощутил — приняло и упруго отразило нечто еще более сильное.

— Это он! Это он! — закричали кругом.

Люди исчезали в лифтах, и двери шипели, задвигаясь; грохотали шаги по винтовым лесенкам — многие не стали дожидаться очереди на лифт; но сквозь смешанный говор, оклики, свистки боцманов, сквозь повторяющиеся вопли сирен и топот бегущих шагов прорвался беззвучный, но от этого словно еще более мощный толчок второго удара. Свет в коридоре померк и снова вспыхнул.

Роган никогда бы не подумал, что лифт может двигаться так медленно. Он даже не замечал, что продолжает изо всех сил нажимать на кнопку и что в лифте с ним остался уже только кибернетик Ливии. Лифт остановился, и, выбегая из него, Роган услышал невообразимо тонкий свист, верхние ноты которого, как он знал, были уже недоступны для человеческого слуха. Похоже было, что хором простонали все титановые сочленения крейсера. Роган рванул дверь рубки, понимая, что «Непобедимый» ответил ударом на удар.

Но это был уже, собственно, и конец схватки. Перед экраном, черный и величественный на его пламенеющем фоне, стоял астрогатор. Верхний свет был выключен, а сквозь полосы, пересекающие экран сверху вниз, исчертившие все

изображение, маячил гигантский, вспухший, с клубневидными выростами со всех сторон, совершенно будто бы неподвижный гриб мощного взрыва, уничтожившего «Циклопа», а в воздухе еще висела страшная стеклянистая вибрация распада, и словно сквозь нее доносился монотонный голос техника.

— Двадцать шестьсот в нулевом пункте... девять восемьсот в периметре... один четыре двадцать два в поле...

«Тысяча четыреста двадцать два рентгена в поле... это означает, что излучение пробило силовой барьер», — сообразил Роган. Он и не знал, что такие вещи возможны. Но, взглянув на центральный щит распределения мощности, понял, какой заряд применил астрогатор. Таким запасом энергии можно было бы вскипятить внутриконтинентальное море средней величины. Что ж, понятно, Горпах не хотел рисковать, подставляя корабль под новые выстрелы. Может, он и перестарался, но теперь у них по крайней мере снова был только один противник. На экранах тем временем развевывалось невиданное зрелище: кудрявая и пупырчатая, как цветная капуста, верхушка гриба пламенела всеми цветами радуги, от серебристо-голубых и зеленых тонов до глубоких карминных и пурпурных. Пустыня — Роган лишь теперь это заметил — вообще исчезла, ее словно плотным туманом заслонил песок, взметнувшийся на десятки метров вверх; он висел в воздухе, колыхаясь, будто превратился в море. А техник все продолжал отсчеты по шкале:

— Девятнадцать тысяч в нулевом пункте... восемь шестьсот в периметре... один один ноль два в поле...

Победу, одержанную над «Циклопом», все встретили мертвым молчанием — нечего было особенно радоваться по случаю того, что уничтожили собственное и вдобавок самое сильное оружие. Люди начали расходиться, а гриб все еще разрастался в атмосфере и вдруг вспыхнул вверх новой гаммой красок под лучами солнца, еще не взошедшего над горизонтом. Он прорвал уже верхние слои ледяных перистых облаков и сиял высоко над ними, лилово-золотой, янтарный и платиновый; это сияние волнами лилось с экранов и заполняло всю рубку, многоцветно переливаясь, словно кто-то невидимой гигантской кистью рисовал на белых эмалированных поверхностях лепестки земных цветов.

Роган еще раз удивился, увидав, как одет Горпах. Астрогатор был в плаще — в том снежно-белом парадном плаще, который Роган в последний раз видел на нем во время прощального празднества на Базе; он, видимо, схватил первое, что попало под руку. Горпах стоял, засунув руки

в карманы, со взъерошенными седыми волосами и обводил взглядом присутствующих.

— Коллега Роган, — сказал он неожиданно мягким голосом, — зайдите ко мне.

Роган подошел к нему, инстинктивно выпрямившись; астрогатор повернулся и направился к двери. Они шли по коридору, а из вентиляционных колодцев сквозь шум нагнетаемого воздуха доносилось глухое и будто гневное бормотание людей, проходящих по нижним ярусам.

РАЗГОВОР

Роган вошел в каюту астрогатора, не удивляясь его приглашению. Он, правда, бывал здесь нечасто; но после того как он один вернулся из ущелья в кратер, Горпах вызвал его на «Непобедимый» и разговаривал с ним именно у себя в каюте. Такое приглашение вообще-то не сулило ничего хорошего. Но Роган тогда был слишком потрясен катастрофой в ущелье, чтобы убоиться гнева астрогатора. Впрочем, Горпах ни словом не попрекнул его, только очень подробно расспрашивал обо всех обстоятельствах, которые сопутствовали нападению тучи. В разговоре участвовал доктор Сакс, который высказал предположение, что Роган уцелел благодаря состоянию ступора, ослепенения, в которое он впал; в этом состоянии электрическая активность мозга угнетается, так что туча приняла его за обезвреженного, за одного из парализованных. Насчет Ярга нейрофизиолог думал, что тот спасся случайно, сразу выбежав из зоны атаки. А у Тернера, который почти до конца пытался защищать себя и других, стрелял из лазеров, держался именно так, как этого требовал его долг, мозг работал нормально, — и вот парадокс: именно это его погубило, ибо это привлекло к нему внимание тучи. Конечно, в человеческом смысле она была слепа, и человек представлял собой для нее лишь некий движущийся объект, чье присутствие выдают электрические потенциалы коры головного мозга.

Они втроем — Горпах, Роган и Сакс — обсуждали возможность защитить людей, вводя их в состояние «искусственного ослепенения» при помощи специального препарата. Но доктор сказал, что если б возникла необходимость немедленно применить «электрический камуфляж», то лекарство не успело бы вовремя подействовать, а посылать людей на работу в состоянии ступора опять же невозможно. В общем все эти выкладки не дали тогда практических

результатов, и Роган подумал, что Горпах, должно быть, хочет снова вернуться к этому вопросу.

Роган стоял посреди каюты, вдвое большей, чем его собственная. В стены были вмонтированы непосредственная связь с рулевой рубкой и микрофоны внутренней сети, но не было заметно никаких других признаков того, что здесь годами жил командир корабля. Горпах сбросил плащ. Остался в брюках и рубашке-сетке; сквозь ее ячейки пробивались густые седые волосы, покрывавшие его широкую грудь. Он уселся вполборота к Рогану, тяжело оперся руками о столик, на котором не было ничего, кроме книжечки в потертом кожаном переплете. Роган перевел глаза с этой незнакомой ему книги на командира — и словно впервые его увидел. Это был смертельно усталый человек, который даже не пытался скрыть, как дрожит его рука, поднятая ко лбу. Тут Роган понял, словно в озарении, что вообще не знает Горпаху, под руководством которого работает четвертый год. Никогда не приходило ему в голову задуматься, почему в каюте астрогатора нет ничего личного, ни одной из тех мелочей, иногда забавных, иногда наивных, которые берут с собой в космос как памятку о детстве или о доме. Сейчас ему показалось, что он понял, почему у Горпаху не было ничего, почему не висели на стенах каюты какие-нибудь фотографии близких, оставшихся там, на Земле. Он ни в чем таком не нуждался, он целиком был тут и Землю не считал своим домом. Но, может, он жалел об этом сейчас, впервые в жизни? Мощные плечи, шея, затылок не выдавали его старости. Старой была лишь кожа на кистях рук, грубая, неохотно морщившаяся на суставах; она белела, когда Горпах распрямлял пальцы и глядел на них как бы с равнодушным, усталым любопытством, словно замечая нечто, до сих пор ему чуждое. Рогану не хотелось смотреть на это. Но командир, слегка склонив голову набок, глянул ему в глаза и с какой-то почти застенчивой ухмылкой пробормотал:

— Пересолил я, а?

Рогана ошеломили не столько эти слова, сколько тон и все поведение астрогатора. Он не ответил. Молча стоял. А Горпах, потирая широкой ладонью волосатую грудь, добавил:

— Может, оно и лучше. — И еще через несколько секунд, с необычным для него прямотушием: — Я не знал, что делать...

Было в этом нечто потрясающее. Роган вроде и знал, что уже несколько дней астрогатор так же беспомощен, как все они, но тут понял, что по-настоящему не считался с этим, верил, что астрогатор видит на несколько ходов дальше, чем

любой другой человек, — иначе быть не может. И вот внезапно сущность командира открылась перед ним как бы вдвойне, потому что он увидел оголенный торс Горпах, это измученное, с дрожащими руками тело, существование которого раньше не доходило до его сознания, и одновременно услышал слова, подтверждающие истинность его открытия.

— Садись, братец, — сказал астрогатор.

Роган сел. Горпах встал, подошел к умывальнику, плеснул водой на лицо и шею, быстро и резко вытерся, надел куртку, застегнулся и сел напротив Рогана. Глядя ему в глаза своими светлыми, словно слезящимися от сильного ветра глазами, равнодушно спросил:

— Как там с этим твоим... иммунитетом? Обследовали тебя?

«Ну, значит, он только об этом...» — промелькнуло в голове у Рогана. Он кашлянул.

— Да, врачи меня обследовали, но ничего не обнаружили. Похоже, что Сакс был прав насчет этого ступора.

— Ну да. Больше они ничего не сказали?

— Мне — ничего. Но я слышал... они рассуждали о том, как именно туча отличает здоровых от парализованных... и что из этого следует.

— Интересно. Что же именно?

— Лауда говорил, что у парализованного активность мозга такая же, как у новорожденного. Во всяком случае, очень сходная. И, кажется, в таком вот остолбенении, какое было у меня, тоже получается нечто в этом духе. Сакс считает, что можно соорудить тонкую металлическую сеточку, спрятать ее в волосах... и она будет высылать слабые импульсы, именно такие, как мозг парализованных. Что-то вроде шапки-невидимки. И таким образом можно было бы замаскироваться от тучи. Но это всего лишь предположение. Неизвестно, получится или нет. Они хотели бы провести эксперименты. Но у них не хватает кристалликов, а мы не получили и тех, что собрал «Циклоп»...

— Ну ладно, — вздохнув, сказал астрогатор. — Не о том я хотел с тобой говорить... То, что мы скажем друг другу, останется между нами. Ладно?

— Ладно... — проговорил Роган, и напряжение вернулось.

Астрогатор теперь не глядел на него, будто ему трудно было начать.

— Я еще не принял решения, — вдруг сказал он. — Другой на моем месте бросил бы монету: возвращаться — не возвращаться. Но я так не хочу. Я знаю, как часто ты не соглашаешься со мной...

Роган открыл рот, но командир жестом велел ему молчать. — Нет, нет... Так вот, ты имеешь шанс. Я тебе его даю. Решение примешь ты. А я сделаю, что ты велишь.

Он взглянул в глаза Рогану и сейчас же опустил свои тяжелые веки.

— Как это... я? — еле выговорил Роган. Чего угодно он мог бы ожидать, только не этого.

— Да, именно ты. Конечно, как мы условились, это останется между нами. Ты примешь решение, а я буду действовать. И я буду отвечать за все перед Базой. Приемлемые условия, правда?

— Вы это... всерьез? — спросил Роган, просто чтобы растянуть время: он и без того понимал, что все это правда.

— Да. Если б я тебя не знал, я дал бы тебе время подумать. Но я знаю, что ты ходишь и думаешь о своем... что ты давно уже принял решение... но мне бы, наверное, не вытянуть его из тебя... Так вот — ты скажешь мне здесь, сейчас. Потому что это приказ. На это время ты становишься командиром «Непобедимого». Не хочешь сразу? Ладно. Даю тебе минуту.

Горпах встал, подошел к умывальнику, потер ладонью щеки так крепко, что захрустела седая щетина, и начал как ни в чем не бывало, глядя в зеркало, бриться электробритвой.

Роган и видел его, и не видел. Первым его чувством был гнев на Горпаху, который так беспощадно с ним поступил, предоставив право, а вернее обязанность, решать, связывая его словом и в то же время заранее принимая на себя всю ответственность. Роган знал астрогатора достаточно, чтобы понимать, что все это было обдумано заранее и ничего уже не переиграешь. Секунды бежали, и нужно было говорить, через минуту, сейчас, а он ничего не знал. Исчезли все аргументы, которые так хотелось бросить в лицо астрогатору, все, что во время ночных раздумий выстраивалось в конструкцию, казавшуюся железно несокрушимой. Те четверо погибли — почти наверняка. Если б не это «почти», не о чем было бы и раздумывать, корабль просто улетел бы на рассвете. Но сейчас это «почти» начало в нем разрастаться. Пока он был рядом с Горпахом, он считал, что следует немедленно стартовать. А теперь чувствовал, что такой приказ у него в горле застрянет. Знал, что это был бы не конец, а начало дела о Регис. Это не имело ничего общего с ответственностью перед Базой. Эти четверо остались бы на корабле, и уже никогда не было бы по-прежнему. Команда хотела возвращаться. Но он вспомнил свои ночные блуждания и понял, что через некоторое время люди начали бы об этом думать, а потом и говорить. Сказали бы себе:

«Видали? Бросил четверых и улетел». И кроме этого ничто не шло бы в счет. Каждый человек должен знать, что другие его не бросят — ни при каких обстоятельствах. Что можно все потерять, но люди должны быть на борту — и живые, и мертвые. Этому правила не было в уставе. Но если б сму не следовали, никто не смог бы летать.

— Я слушаю тебя, — сказал Горпах.

Он отложил бритву и уселся напротив Рогана.

Роган облизал губы.

— Нужно попытаться...

— Что?

— Найти их...

Свершилось. Он знал, что астрогатор не воспротивится. Собственно говоря, он сейчас был абсолютно уверен, что Горпах именно на это и рассчитывал, что сделал это умышленно. Чтобы рисковать не в одиночку?

— Так. Понимаю. Хорошо.

— Но необходим план. Какой-то образ действий, благо-разумный...

— Мы все время были благоразумны, — сказал Горпах. — Результаты тебе известны.

— Могу я кое-что сказать?

— Слушаю.

— Я сегодня ночью был на совещании у стратегов. То есть я слышал... впрочем, неважно... Они разрабатывают разные варианты уничтожения тучи... но ведь задание состоит не в том, чтобы ее уничтожить, а в том, чтобы разыскать тех четверых. А если мы снова затеем антипротонную расправу с тучей, так уж из второго такого ада наверняка никто из них живым не выйдет. Никто. Это невозможно...

— И я так думаю, — медленно ответил астрогатор.

— И вы?! Это хорошо... Ну, так что же?

Горпах помолчал.

— Они там... они нашли какое-нибудь другое решение?

— Они?.. Нет.

Роган хотел еще о чем-то спросить, но не отважился. Слова замерли у него на губах. Горпах смотрел на него, будто чего-то ждал. Но Роган ничего не понимал — неужели командир предполагает, что он один, своим умом сумел бы придумать нечто более совершенное, чем все ученые вместе с электронными мозгами? Это же бессмыслица. Но Горпах все так же терпеливо глядел на него. Они молчали. Капли воды мерно били из крана, удивительно звонкие в полной тишине. И из этого молчания родилось нечто, от чего холодом свело скулы Рогана. Все лицо, вся кожа от затылка к

челюстям начала сжиматься, становилась словно тесной, когда Роган смотрел в слезящиеся, невыразимо старые сейчас глаза Горпах. Он ничего не видел, кроме них. Он уже знал.

Роган медленно наклонил голову. Будто говорил «да». «Ты понимаешь?» — спрашивал взгляд астрогатора. «Понимаю», — взглядом отвечал Роган. Но по мере того как понимание это становилось все отчетливей, он все острее ощущал, что это невозможно. Что этого никто не имеет права требовать от него, даже он сам. И он все молчал. Молчал, но теперь уже притворяясь, что ни о чем не догадывается, ничего не знает; он цеплялся за наивную надежду: мол, раз ничего не было сказано, так можно будет отречься от того, что перешло из глаз в глаза, можно будет свалить на свою недогадливость, потому что он понимал, он чувствовал, что Горпах сам никогда ему этого не скажет. Но командир видел и это: он все видел. Они сидели не шевелясь. Взгляд Горпах смягчился. В нем было уже не ожидание, не подстегивающая настойчивость, а только сочувствие. Он словно говорил: «Я понимаю. Хорошо. Пусть так и будет».

Командир медленно опустил веки. Еще миг — и невысказанное исчезло бы, и оба они могли бы вести себя так, словно вообще ничего не произошло. Но этот опущенный взгляд решил дело. Роган услышал собственный голос:

— Я пойду.

Горпах тяжело вздохнул, но Роган, охваченный паникой, пробужденной им самим сказанным словом, не заметил этого.

— Нет, — сказал Горпах. — Так ты не пойдешь...

Роган молчал.

— Я не мог тебе этого сказать... — продолжал астрогатор. — Не мог даже искать добровольца. Не имел права. Но теперь ты сам знаешь, что мы не можем так улететь. Только один человек, в одиночку, может туда войти... и выйти. Без шлема, без машин, без оружия.

Роган еле слышал его голос.

— Сейчас я изложу тебе свой план. Ты его обдумай. Ты сможешь его отвергнуть — все по-прежнему остается еще между нами. Я это представляю себе так. Кислородный аппарат из силикона. Никаких металлов. Я вышлю туда два автоматических вездехода. Они привлекут к себе тучу, она их уничтожит. И как раз в это время пойдет третий вездеход. С человеком. Это вот наиболее рискованно; однако надо подъехать как можно ближе, чтобы не тратить времени на переход через пустыню. Кислорода хватит на восемнадцать часов. Вот у меня фотографии всего ущелья и окрестностей. Считаю, что не следует идти по трассе предыдущих

экспедиций; надо подъехать как можно ближе к северному краю плоскогорья и оттуда пешком спуститься вниз. К верхней части ущелья. Если они вообще где-нибудь есть, так только там. Там они могли уцелеть. Местность труднопроходимая, много расселин, пещер. Если найдешь всех или хоть кого-нибудь из них...

— Вот именно. Как их доставить? — спросил Роган со строптивым злорадством.

В этом пункте затея была явно уязвима. Как легко жертвовал им Горпах...

— Дадим тебе соответствующее средство, оно слегка одурманивает. Нечто в этом роде имеется. Конечно, понадобится оно лишь в том случае, если кто-нибудь из найденных тобой не захочет идти добровольно. К счастью, они в этом состоянии могут ходить.

«К счастью...» — подумал Роган. Он сжимал кулаки под столом, стараясь, чтобы Горпах этого не заметил. Он ничуть не боялся. Еще нет. Все это было слишком нереально.

— В случае, если туча... заинтересуется тобой, ты должен лечь наземь и не шевелиться. Я думал о каком-нибудь препарате на этот случай, но он подействовал бы слишком поздно. Остается только экран для головы, этот симулятор импульсов, о котором говорил Сакс.

— А уже есть что-нибудь такое?.. — спросил Роган.

Горпах понял скрытый смысл этого вопроса. Но сохранял спокойствие.

— Нет. Но это можно изготовить в течение часа. Сеточка, скрытая в волосах. Аппаратик, генерирующий электроимпульсы, будет вшит в воротник комбинезона. Теперь... Даю тебе час. Дал бы больше, но с каждым часом шансы на их спасение уменьшаются. Они и так уже ничтожны. Когда ты примешь решение?

— Я уже принял.

— Глупый ты. Не слышишь, что я тебе говорю? Все это было лишь для того, чтобы ты понял: нам еще нельзя стартовать.

— Да ведь вы же знаете, что я все равно пойду...

— Не пойдешь, если я тебе не разрешу. Не забывай, что пока еще я тут командир. Перед нами такая проблема, что ничье самолюбие не следует брать в расчет.

— Понимаю, — сказал Роган. — Вы не хотите, чтобы я чувствовал принуждение? Ладно. Ну, если так... но наш уговор еще остается в силе?

— Да.

— Если так, я хочу знать, что вы сделали бы на моем месте. Поменяемся местами... в обратном порядке...

Горпах помолчал.

— А если б я тебе сказал, что не пошел бы?

— Тогда и я не пойду. Но я знаю, что вы скажете правду...

— Так не пойдешь? Дашь слово? Нет, нет... Я знаю, что это не нужно...

Астрогатор встал. Тогда встал и Роган.

— Вы мне не ответили.

Астрогатор смотрел на него. Он был выше Рогана, вообще крупнее, шире в плечах. В глазах его возникло то же усталое выражение, что и в начале беседы.

— Можешь идти, — сказал он.

Роган встал и как автомат пошел к двери. Астрогатор протянул руку, будто пытался его удержать, схватить за плечо, но Роган этого не видел. Он вышел, а Горпах остановился у затворившейся двери и долго стоял не двигаясь.

«НЕПОБЕДИМЫЙ»

Первые два вездехода скатились с пандуса на рассвете. Западные склоны дюн были еще залиты ночной чернотой. Поле открылось, давая дорогу машинам, и снова замкнулось, блеснув голубыми огнями. Роган сидел на подножке третьего вездехода у самой кормы крейсера, в комбинезоне, без шлема и защитных очков, только с маленькой маской кислородного прибора; он обхватил колени сплетенными пальцами — так удобней было смотреть на скачущую стрелку секундомера.

В левом верхнем кармане комбинезона у него лежали тонизирующие таблетки, в правом — плоские плитки питательного концентрата, а в брючных карманах — мелкие приборы: индикатор излучения, маленький магнитный датчик, компас и микрофотограмма местности размером с почтовую открытку — разглядывать ее надо было сквозь сильную лупу. Роган был опоясан шестью оборотами тончайшего пластикового каната, и вся его одежда практически не имела никаких металлических деталей. Проволочная сточка, упрятанная в волосы, вообще не ощущалась — разве если нарочно пошевелить кожей головы; не ощущался и циркулирующий в ней ток. Но работу микрогенератора, вшитого в воротник, можно было проверить, приложив к этому месту палец: твердый цилиндр ритмично тикал, и палец улавливал биение его пульса.

На востоке стояла красная полоса, и ветер уже

просыпался, порывами хлестал по вершинам дюн. Замыкающая горизонт, зазубренная стена кратера медленно точула в багряном разливе. Роган поднял голову; двусторонней связи с кораблем он иметь не мог, работающий передатчик сразу выдал бы туче его присутствие, но в ухе у него торчал приемник величиной с косточку вишни, и «Непобедимый» мог, хотя бы на первых порах, посылать ему сигналы. Сейчас аппаратик заговорил — похоже было, что голос исходит прямо из головы.

— Внимание, Роган. Говорит Горпах. Носовые индикаторы отмечают увеличение магнитной активности. Вероятно, вездеходы уже под тучей... Высылаю зонд...

Роган смотрел на светлеющее небо. Он упустил момент старта и видел лишь, как зонд внезапно взмыл в воздух, влача за собой тающую полосу белого дыма, затуманившего верх ракеты, и с головокружительной быстротой помчался на северо-восток. Проходили минуты. Старое обрюзгшее солнце наполовину уже вылезло из-за горизонта и будто верхом сидело на гребне кратера.

— Небольшая туча атакует первый вездеход, — раздался голос в его голове. — Второй пока идет беспрепятственно... первый приближается к каменным воротам... Внимание! Сейчас мы потеряли контроль над первым. Оптический — тоже: туча накрыла его. Второй приблизился к шестому повороту... Его не атакуют... Началось! Мы потеряли контроль над вторым. Туча его уже накрыла... Роган! Внимание! Твой вездеход отправляется через пятнадцать секунд. Дальше ты будешь действовать по собственному усмотрению! Включаю стартовый автомат... Желаю успеха...

Голос Горпаху вдруг отдалился. Его заменило монотонное тиканье, отсчитывающее секунды. Роган уселся получше, уперся ногами, просунул руку в эластичную петлю, прикрепленную к верхним поручням вездехода. Легкая машина внезапно дрогнула и плавно двинулась вперед. Горпах держал всех людей внутри корабля, и Роган был почти благодарен ему за это — он не вынес бы никаких прощаний. Он видел лишь огромную, медленно уменьшающуюся колонну «Непобедимого». Голубое сияние затрепетало на склонах дюн — вездеход пересек границу силового поля. А вслед за этим скорость возросла, и рыжая туча, вскинутая его огромными шинами, заслонила все вокруг; он еле различал над ней просвечивающее небо. Это было не очнь-то хорошо — он мог и не заметить, когда на него нападут. И поэтому, вместо того чтобы сидеть, как предусматривалось, Роган повернулся, приподнялся и, ухватившись за поручень.

встал на подножке. Теперь он мог видеть поверх приплюснутой крыши вездехода бегущую навстречу пустыню. Вездеход шел с максимальной скоростью, иной раз так подскакивая и взлетая, что Рогану приходилось изо всех сил прижиматься к его поверхности. Двигатель работал почти бесшумно, только ветер свистел в ушах да песчинки били в лицо, а с обеих сторон плотной стеной взлетали песчаные фонтаны; Роган и не заметил, как очутился за обводом кратера. Наверное, вездеход проскочил по одной из песчаных перемычек на северную сторону.

Роган вдруг услышал приближающийся певучий сигнал; это работал передатчик телезонда, взвившегося так высоко, что Роган не мог разглядеть его в небе, хоть и напрягал зрение. Зонд приходилось держать на большой высоте, чтобы не привлечь к нему внимание тучи, однако его присутствие было необходимо — иначе корабль не мог бы управлять движением вездехода.

Спидометр специально перенесли на заднюю стенку вездехода, чтобы облегчить Рогану ориентировку. Пока он проехал девятнадцать километров, и вот-вот должны были появиться первые скалы. Но еле краснеющий сквозь облако пыли солнечный диск, все время висевший справа над горизонтом, немного передвинулся назад. Значит, вездеход сворачивал влево. Роган тщетно пытался сообразить, соответствует радиус этого маневра намеченному плану или же выходит за его пределы: тогда это означало бы, что в рулевой рубке заметили какой-то непредвиденный маневр тучи и стараются уйти от нее.

Солнце вскоре исчезло за первой скалистой грядой, потом снова вынырнуло. В косых лучах ландшафт выглядел зловеще и дико и непохож был на тот, каким запомнил его Роган по своей последней экспедиции. Правда, он смотрел тогда с большей высоты, с башенки вездехода.

Вездеход вдруг начало так ужасно подбрасывать, что Роган несколько раз больно ударился грудью о броню. Теперь ему приходилось напрягать все силы, чтобы эти бешеные прыжки не сбросили его с узкой ступеньки. Колеса плясали на глыбах, вскидывали высоко вверх гравий, с грохотом катящийся вниз по склону, временами яростно буксовали. Рогану казалось, что эта адская езда заметна за километры, и он начал всерьез подумывать, не остановить ли машину (на уровне плеч торчала выведенная наружу ручка тормоза). Но тогда его ожидало долгое путешествие пешком, и оно уменьшило бы и без того ничтожные шансы дойти до цели вовремя. И Роган, стискивая зубы, судорожно цепляясь за

поручни, которые теперь вовсе не казались ему такими надежными, как раньше, смотрел прижмуренными глазами поверх плоской крыши вездехода на горные склоны. Пение телезонда порой стихало, но, видимо, он все время парил над Роганом, потому что вездеход ловко маневрировал, обходя нагромождения скал, иногда отклонялся, замедлял ход, а потом снова изо всех сил рвался вперед.

Спидометр показывал, что пройдено двадцать семь километров. Если судить по карте, всего надо было пройти шестьдесят, но на деле получалось больше из-за непрерывных зигзагов и поворотов. Пески уже бесследно исчезли. Солнце, огромное, почти не греющее, тяжело и будто угрожающе нависало над горами, почти касаясь их зубчатых вершин. Машина лихорадочными бросками ожесточенно карабкалась по осыпям, иногда сползая вниз вместе с грохочущим каменным потоком; скаты пронзительно выли, бессильно терлись о камни на все более крутом склоне.

Двадцать девять километров. Кроме певучего сигнала телезонда, он ничего не слышал. «Непобедимый» молчал. Почему? Рогану казалось, что обрыв, нечетко проступающий темным силуэтом чуть ниже красного солнечного диска, это и есть верхний край ущелья, в которое он должен спуститься, но не здесь, а значительно выше, на севере. Тридцать километров. Во всяком случае, черной тучи пока нет и в помине. Наверное, она уже расправилась с обеими машинами. Или попросту бросила их, удовлетворившись тем, что они отрезаны от корабля, что связь заблокирована?

Вездеход метался, как затравленный зверь; временами от вибрации двигателя, работающего на максимальных оборотах, у Рогана под горло подкатывало. Скорость постепенно снижалась, но все равно он двигался на удивление хорошо. Может, стоило взять аппарат на воздушной подушке? Но это машина слишком большая и тяжелая, да и вообще не стоит об этом думать, раз уж ничего теперь не изменишь...

Роган хотел посмотреть на часы. И не смог этого сделать — ни на секунду нельзя было приблизить руку к глазам. Он согнул ноги, пытаясь ослабить ужасающие толчки, от которых у него внутренности переворачивались. Вдруг машина вздыбилась и сломя голову ринулась наискосок вниз, взвизгнули тормоза, но уже летел со всех сторон щебень, громко барабанил по броне, вездеход судорожно крутанулся, его занесло, протащило боком по осыпи, и машина замерла...

Вездеход медленно развернулся и снова упрямо пополз вверх по склону. Теперь Роган уже видел ущелье. Узнавал

его по черневшим словно горные сосны пятнам проклятых зарослей, покрывавшим крутые склоны. До обрыва было не более километра. Тридцать четвертый километр... Склон, по которому предстояло ехать, выглядел как сплошное море хаотически нагроможденных глыб и осыпей. Казалось невероятным, чтобы машина нашла тут дорогу. Роган перестал уже выискивать проходы — он ведь все равно не мог управлять машиной. Он только глаз не сводил со скал, окаймляющих пропасть. Оттуда в любой момент могла вынырнуть черная туча.

— Роган... Роган... — услышал он вдруг. Сердце забилося сильнее: он узнал голос Горпаха. — Вездеход, должно быть, не довезет тебя до цели. Мы отсюда не можем определить с необходимой точностью крутизну склона, но, по-видимому, можно будет проехать еще километров пять-шесть... Когда вездеход застрянет, придется тебе дальше идти пешком... Повторяю... — Горпах повторил сказанное.

«Сорок два — сорок три километра от силы... Мне остается идти примерно семнадцать километров, по такой местности это часа четыре, если не больше, — моментально просчитал Роган. — Но, может, они ошибаются, может, вездеход пройдет...»

Голос смолк, и снова слышались только ритмически повторяющиеся певучие сигналы зонда. Роган крепче прикусил мундштук маски — при отчаянных бросках вездехода мундштук обдирал нёбо и десны. Солнце уже не касалось гор, но висело вплотную над ними. Перед глазами у Рогана маячили нагромождения скал, торчащие каменные плиты; иногда на него падала их холодная тень. Машина шла теперь гораздо медленней. Подняв глаза, Роган увидел прозрачные перистые облака, тающие в небе, и слабо светящиеся звезды.

Вдруг с вездеходом начало твориться нечто странное. Задняя часть его осела, передняя вздыбилась, весь он закачался, как конь, вставший на дыбы. Он того гляди рухнул бы, придавив Рогана, если б тот не спрыгнул с подножки. Роган упал на колени и руки, сквозь толстые защитные рукавицы и наколенники ощутил боль удара, проехал метра два по осыпи, пока не удалось задержаться. Колеса вездехода взвизгнули еще раз, и машина замерла.

— Внимание... Роган... Это тридцать девятый километр... Машина дальше не пойдет... тебе придется идти пешком... ориентируешься по карте... Вездеход останется тут — на случай, если ты не сможешь вернуться иначе. Ты находишься на пересечении координат сорок шесть и сто девяносто два...

Роган медленно поднялся. Все мускулы у него болели. Но трудными были только первые шаги; он понемногу расходился. Ему хотелось поскорее отдалиться от вездехода, застрявшего между двумя каменными грядами. Под большим камнем-пирамидой он сел, вынул карту и попробовал сориентироваться. Это было нелегко. Но все же он определил свое положение. До верхнего конца ущелья оставалось не больше километра по прямой, однако в этом месте нечего было и пробовать спускаться: на склонах сверху донизу щетинились металлические заросли, так что он двинулся вверх, все время обдумывая, не попробовать ли сойти в ущелье не доходя до намеченного пункта. Туда ведь минимум четыре часа ходу. Даже если удастся вернуться на вездеходе, обратный путь займет пять часов; а сколько времени понадобится, чтобы спуститься вниз, не говоря уж о поисках! Весь план вдруг показался ему бессмысленным. Красивый жест, столь же пустой, сколь и героический с виду, — Горпах решил успокоить свою совесть, принеся в жертву его, Рогана. На мгновение его охватила такая ярость (надо же, попался на удочку, словно сопляк какой-нибудь: ведь астрогатор все это заранее сочинил), что он ничего вокруг не видел. Понемногу остыл. «Отступать поздно, — повторял он себе. — Если не удастся спуститься в ущелье или если до трех часов никого не удастся найти, тогда я возвращаюсь».

Было пятнадцать минут восьмого. Роган старался шагать широко и размеренно, но не слишком быстро, потому что при напряжении расходуетя намного больше кислорода. Он прикрепил компас на запястье правой руки, чтобы не сбиваться с намеченного направления. Несколько раз пришлось ему, однако, обходить трещины с отвесными краями. Тяготение на Регис было гораздо меньше земного, это давало хоть относительную свободу движений даже на столь труднопроходимой местности. Солнце поднималось все выше. Слух Рогана, приученный к постоянному аккомпанементу звуков, которыми, как защитным барьером, окружали его в прежних экспедициях машины, теперь стал словно обнаженным и крайне обострился. Ритмичный напев зонда очень ослабел и отдалился; зато каждый порыв ветра, рвущегося об острия скал, бередил внимание Рогана: казалось, что с ним доносится отдаленное жужжание, так прочно врезавшееся в память. Постепенно он втянулся в ходьбу и смог размышлять, автоматически переступая с камня на камень. В кармане был шагомер, но Роган не хотел слишком рано смотреть на его циферблатик, решил, что сделает это лишь через час. Однако не выдержал и до срока

вынул похожий на часы приборчик. Горькое разочарование: он не прошел и трех километров. Наверное, это потому, что дорога идет в гору. «Значит, не три и даже не четыре часа, а по меньшей мере еще шесть...» — подумал он. Вынул карту и, став на колени, снова проверил свой путь. Верхний конец ущелья был виден в семистах — восьмистах метрах к востоку; Роган все время двигался более или менее параллельно его изгибам. В одном месте среди черных зарослей на склонах проходил тонкий извилистый разрыв — вероятно, русло высохшего потока. Роган уставился на эту тонкую нитевидную линию. Стоя на коленях под свистящим порывистым ветром, он раздумывал с минуту. Потом встал, словно не решив еще, что делать, машинально спрятал карту в карман и свернул под прямым углом с прежнего направления, шагая к обрывам ущелья.

Он приближался к молчащим израненным скалам, ступая так, будто земля могла в любой миг разверзнуться под ним. Мерзкий страх сжимал ему сердце. Однако он шел, все так же размахивая ужасающе пустыми руками. Внезапно он остановился и посмотрел вниз, на пустыню, где стоял «Непобедимый». Его нельзя было увидеть, он находился за чертой горизонта. Роган знал об этом, но смотрел на рыжеватое у горизонта небо, постепенно покрывающееся кучевыми облаками. Сигналы зонда пели так слабо, что он уж и не знал — не иллюзия ли это. Почему молчит «Непобедимый»?

«Потому что ему нечего больше сказать», — ответил он сам себе. Скалы на краю обрыва, похожие на гротескные, изъеденные эрозией статуи, были уже рядом. Ущелье открылось перед ним, как огромный ров, залитый зыбкой полутьмой; лучи солнца не доходили еще и до середины склонов, покрытых черной щетинистой чащобой. Роган одним взглядом охватил все громадное пространство до каменистого дна на глубине полутора километров и почувствовал себя таким беспомощным, таким незащищенным, что невольно упал на колени, чтобы плотно прижаться к камням, как бы обернуться одним из них. Это было бессмысленно — ведь его не могли заметить. То, чего он боялся, не имело глаз. Лежа на чуть нагретом плоском камне, он смотрел вниз. Фотограмметрическая карта говорила совершенно бесполезную правду — она показывала местность с птичьего полета, в резком вертикальном ракурсе. И думать было нечего о том, чтобы сойти по узкой пропешине меж черных зарослей. Тут не двадцать пять метров каната надо бы иметь, а самое меньшее сто, да

вдобавок понадобились бы какие-нибудь крюки, молоток, а ничего этого не было, его не снаряжали для скалолазанья. Сначала эта узкая расселина спускалась довольно полого, потом обрывалась, исчезала под нависшим каменным карнизом и появлялась далеко внизу, уже сквозь синеватую дымку воздуха. Рогану пришла в голову идиотская мысль, что если б у него был парашют... Он упорно осматривал склоны по обе стороны от того места, где лежал, втиснувшись под большую выветрившуюся глыбу. Лишь теперь он ощутил, что из огромной пустоты, открывшейся под ним, тихо струится нагретый воздух. Действительно, абрис противоположного склона легонько вибрировал. Заросли аккумуляровали солнечную энергию. На юго-западе он отыскал взглядом вершины шпилей, основания которых образовали каменные ворота — место катастрофы. Роган не узнал бы их, но они в отличие от всех остальных скал были совсем черные и блестящие, будто облитые толстым слоем глазури: во время битвы «Циклопа» с тучей их поверхность, наверное, кипела... Но он не мог разглядеть сверху ни вездеходов, ни даже следов атомного взрыва на дне. Так он лежал, и вдруг охватило его отчаяние: нужно сойти туда, вниз, а дороги нет. Вместо облегчения — вот, мол, можно вернуться и сказать астронавту: «Я сделал все, что возможно» — пришла решимость.

Роган встал. Какое-то движение в глубине ущелья, пойманное краем глаза, невольно снова пригнуло его к камням, но он выпрямился. «Если я буду то и дело распластываться, ничего у меня не выйдет», — подумал он. Теперь он шел по самому краю обрыва, ища спуск; время от времени наклонялся над пропастью и видел все то же: там, где склон был пологим, его облепляли черные заросли, а там, где не было зарослей, склон падал отвесно. Однажды под ногой у него оборвался камень и покатился вниз, увлекая за собой другие. Маленькая грохочущая лавина с разгону ударилась о косматую стену всего в ста шагах под ним; оттуда выползла струя сверкающего под солнцем дыма, покружилась в воздухе и с минуту повисела, будто высматривая, а Роган весь помертвел; через минуту дым рассеялся и беззвучно впитался в поблескивающие заросли.

Время приближалось к девяти, когда Роган, выглянув из-за очередной глыбы вниз, заметил на самом дне ущелья — оно тут заметно расширялось — светлое движущееся пятнышко. Руки у него задрожали; он достал из кармана маленький складной бинокль, нацелил его...

Это был человек. Бинокль давал слишком маленькое увеличение, лица нельзя было разглядеть, но Роган отлично

видел, как он идет — медленно, слегка прихрамывая, будто волооча покалеченную ногу. Окликнуть его, что ли? Роган на это не решился. Нет, он пробовал: но голос его не слушался. Он ненавидел себя за этот проклятый страх. Но только знал, что теперь уж наверняка не уйдет. Он хорошо запомнил, куда идет этот человек — вверх по расширяющейся долине, к белесым конусам осыпей, — и бросился бежать в том же направлении по краю пропасти, перепрыгивая через зияющие трещины. Он бежал, пока дыхание, свистящее в мундштуке, не стало прерываться, пока не начало бешено колотиться сердце. «Это сумасшествие, я не могу так», — беспомощно подумал Роган. Он замедлил шаг, и именно тут открылась перед ним заманчиво широкая расселина. Ниже к ней с обеих сторон вплотную подступали черные заросли. Дальше наклон увеличивался... может, там есть карниз? Он окончательно решился, глянув на часы: почти половина десятого! Он начал спускаться, сначала лицом к пропасти, потом, когда наклон стал слишком крутым, повернулся и двинулся дальше, уже цепляясь руками, шаг за шагом; черная чаша была близко и словно жгла неподвижным молчаливым зноем. У него стучало в висках. Он остановился на косо́й каменной кромке, сунул левую ногу между ней и длинным выступом чуть повыше и глянул вниз. Метрах в сорока виден был широкий карниз, от которого спускалась отчетливо различимая нагая ступенчатая гряда, выступающая над кистевидными черными кустами. Но от этого спасительного карниза его отделял воздух. Роган поглядел вверх: он спустился уже метров на двести, а то и больше. Ему казалось, что от ударов сердца сотрясается воздух. Он несколько раз моргнул. Медленными движениями слепого начал разматывать канат. «Не будешь же ты уж настолько сумасбродным...» — заговорило в нем что-то. Боком двигаясь по кромке, наискось идущей вниз, он добрался до ближайшего куста. Его остроконечные отростки были покрыты ржавым налетом. Роган притронулся к кусту, неизвестно чего ожидая. Но ничего не случилось. Послышался лишь сухой скрипучий шелест, да из-под пальцев посыпалась ржавая пыльца. Роган потянул сильнее — куст сидел крепко; он обмотал его канатом у корней, еще раз потянул... во внезапном приливе смелости обмотал еще два куста, уперся и дернул изо всех сил. Кусты держались крепко, впившись в трещины скал.

Роган начал сползать вниз; сначала он еще мог тормозить, упираясь подошвами в скалы, но вскоре закачался и повис в воздухе. Он все быстрее пропускал канат под коленом,

притормаживая его движением правого плеча и пристально глядя вниз; наконец опустился на карниз. Теперь он попробовал высвободить канат, дергая за нижний конец. Кусты не отпускали. Роган с размаху дернул несколько раз. Заело. Тогда он сел верхом на выступ карниза и снова начал дергать, всей тяжестью тела повисая на канате. Вдруг верхний конец каната, зловеще свистя, пролетел по воздуху и хлестнул Рогана по шее. Он весь затрясся. Сидел потом несколько минут — ноги так обмякли, что невозможно было двигаться дальше. Зато он снова увидел движущуюся внизу фигурку. Она уже немного увеличилась. Рогану показалось странным, что она такая светлая. И что-то необычное было в форме головы или, вернее, головного убора этого человека.

Он ошибся бы, если б думал, что худшее уже позади. Строго говоря, он этого не думал, но все же надеялся и, как оказалось, зря.

Дальше дорога была намного легче. Но вместо мертвых, ржаво хрустящих кустов появились другие, поблескивающие какой-то будто бы жирной чернотой, усеянные, словно мелкими плодами, утолщениями, которые Роган сразу узнал. Время от времени из них выплывали слабо жужжащие дымки, кружились в воздухе; тогда он замирал — ненадолго, иначе не добраться бы ему до дна ущелья. Некоторое время он двигался, сидя верхом на гряде, будто на коне, потом она стала более широкой и пологой, и уже можно было спускаться по ней, хоть и с трудом, цепляясь руками. Но Роган еле улавливал, в какой последовательности проходит этот длительный спуск, внимание его все время двоилось; иногда он продвигался так близко от кишящих «мушками» кустов, что их проволочные кисточки терлись о складки комбинезона. Но рои, которые плавали вверху, искрясь в солнечных лучах, ни разу не приблизились к нему.

Когда он очутился наконец на осыпи, в сотне-другой шагов от дна, белеющего сухими голышами, похожими на кости, был почти полдень. Он уже миновал зону черных кустов; склон, по которому он спускался, был до половины освещен высоко поднявшимся солнцем. Роган мог бы теперь оценить длину пройденного пути, но даже не обернулся. Побежал вниз, стараясь как можно быстрее перебрасывать тяжесть тела с ноги на ногу, с камня на камень, но огромная масса шаткой осыпи все же начала, шурша, сползать вместе с ним; она грохотала все громче, и вдруг, у пересохшего ручья, щебень рассыпался во все стороны, Роган с разгону свалился так, что кислородная маска сдвинулась, и скатился еще на десяток метров вниз. Он было вскочил, чтобы бежать,

не обращая внимания на ушибы, боясь, что потеряет из виду человека, которого видел сверху: на обоих склонах, особенно на противоположном, чернела масса пещер. Но тут что-то его предостерегло, и он, не успев еще ничего понять, снова упал на острые камни и застыл, раскинув руки.

С высоты пала на него легкая тень, и с нарастающим жужжанием, которое становилось все громче, вбирая в себя все регистры, от писка до басовых нот, повис над ним черный бесформенный клуб. Возможно, следовало закрыть глаза, но он не сделал этого. Последнее, о чем он подумал, не повредился ли при падении с осыпи аппаратик, вшитый в воротник. А потом он замер, будто парализованный, — пожалуй, сознательно. Даже глазами не двигал, но все же видел, как клубящаяся туча, паря над ним, выпускает вниз медленно извивающийся отросток, видел совсем вблизи его окончание — оно походило на воронку чернильно блестящего водоворота. Почувствовал кожей черепа, скул, всего лица теплые касания воздуха, будто миллионы крохотных дыханий. Что-то коснулось комбинезона на груди; непроглядный мрак окружил его.

И вдруг этот отросток, непрерывно извивающийся, как миниатюрный смерч, втянулся обратно в тучу. Жужжание стало резким. Оно болезненно отдавалось в зубах, ощущалось где-то в глубине черепа. Потом стихло. Туча почти вертикально пошла вверх, превратилась в черный туман, раскинувшийся во всю ширину ущелья, распалась на отдельные концентрически вращающиеся облачка, уползла в неподвижный мех зарослей и исчезла.

Роган долго еще лежал, как мертвец. В сознании промелькнуло, что, может, уже — все, что он не будет знать, кто он, как сюда попал, что должен делать. От этой мысли ему стало так страшно, что он резко поднялся и сел. И вдруг ему захотелось смеяться. Ведь если он мог так подумать, значит, он спасся. Что ничего ему туча не сделала, что он ее обманул. Он старался подавить этот идиотский подступающий к горлу смех, от которого тряслось все тело.

«Это настоящая истерика», — подумал Роган, вставая. Он был уже почти спокоен — так по крайней мере ему казалось. Он поправил кислородную маску и огляделся. Человека, которого он увидел сверху, не было. Но Роган услышал его шаги. По-видимому, он уже миновал осыпь и исчез за упавшей глыбой, наполовину перегораживающей ущелье. Роган побежал вслед за ним. Шаги слышались все ближе и были удивительно громкими. Будто человек шел в железных сапогах. Роган бежал, чувствуя, как боль иглой пронзает ногу

от щиколотки до колена. «Должно быть, я подвернул ногу», — подумал он, отчаянно взмахивая руками. Воздуха опять не хватало, Роган почти задышался. И наконец увидел его. Человек шел прямо вперед, мерным широким шагом, ступая с камня на камень. Скалистые стены звонким хлопающим эхом повторяли звук его шагов. И вдруг у Рогана все внутри оборвалось. Это был не человек, а робот. Один из арктанов. Роган вообще как-то не думал об их судьбе, о том, что случилось с ними после катастрофы; они находились в среднем вездеходе, когда на колонну напала туча.

Арктан был уже совсем близко. Тут Роган заметил, что левая рука робота раздроблена и бессильно свисает, а его блестящий выпуклый панцирь весь исцарапан и продавлен. Разочарование было сильное, и все же Роган как-то бодрей себя почувствовал при мысли о том, что в дальнейших поисках будет у него хоть такой товарищ. Он хотел окликнуть робота, но что-то его удержало. Роган прибавил шагу, обогнал арктана и, став у него на дороге, ждал. Но гигант ростом в два с половиной метра будто бы его и не видел. Вблизи Роган разглядел, что у арктана разбита радарная антенна, похожая на мискообразное ухо, а там, где раньше был объектив левого глаза, зияет отверстие с неровными краями. Однако робот вполне уверенно ступал своими огромными ногами, лишь слегка волоча левую. Роган позвал арктана, когда тот приблизился, но машина перла прямо на него, как слепая, и ему пришлось в последний момент сойти с дороги. Он снова подбежал к роботу и схватил было его за металлическую лапищу, но тот вырвался плавным равнодушным движением и зашагал дальше. Роган понял, что арктан тоже стал жертвой атаки и рассчитывать на него не приходится. Но как-то тяжело было бросить беспомощную машину на произвол судьбы, а кроме того, любопытство его разбирало, куда же, собственно, направляется робот, — ведь он шел, выбирая дорогу по прямой, будто имел определенную цель.

После недолгого размышления, во время которого робот ушел вперед, Роган кинулся вслед за ним. Робот дошел до подножия осыпи и начал подниматься по ней, не обращая ни малейшего внимания на потоки щебня, летящие из-под его широких ступней. Он вскарабкался примерно до середины осыпи, потом внезапно опрокинулся и съехал вниз, перебирая ногами в воздухе. В других обстоятельствах это, вероятно, вызвало бы смех у наблюдателей. Потом арктан поднялся и снова начал свое восхождение. Роган поспешно повернулся

и ушел, но до него долго еще доносился грохот щебня и тяжелое металлическое шарканье, на которое стены ущелья откликались многократным эхом.

Роган теперь продвигался быстро — дорога по плоским камням, покрывающим русло потока, была довольно ровной и шла слегка под уклон. Тучи и в помине не было, и лишь временами еле приметная вибрация воздуха над склонами свидетельствовала об энергии, бурлящей в черных зарослях. Так добрался он до самой широкой части ущелья — здесь оно переходило в долину, окруженную пологими каменистыми склонами. Место катастрофы было в двух километрах отсюда. Лишь теперь Роган понял, как трудно ему придется без ольфактометрического индикатора, который помог бы разыскать следы человека. Но этот аппарат был слишком тяжел.

Роган остановился и стал медленно обводить взглядом каменные склоны. В металлических зарослях никто не мог укрыться, об этом нечего было и думать. Оставались гроты, пещеры и каменные котловины; четыре из них он видел отсюда, но их ограждали высокие отвесные стены, взобраться на которые весьма нелегко. Поэтому он решил первым делом осмотреть гроты. Еще на корабле он вместе с врачами и психологами размышлял о том, где следует искать пропавших, то есть где они могли бы спрятаться. Но, в сущности, это совещание мало чем ему помогло, потому что поведение человека, пораженного амнезией, было непредсказуемо. То, что эти четверо отделились от остальных людей Реньяра, указывало на их особую, отличительную активность; то, что они и дальше не расходились, по крайней мере на обследованном участке пути, в какой-то мере позволяло надеяться, что всех их удастся найти вместе. Конечно, если они вообще были живы и если не разошлись в разные стороны где-нибудь за каменными воротами. Роган обыскал по очереди два маленьких и четыре больших грота, входы в которые были в общем легко доступны — за несколько минут можно было взобраться туда по большим, косо торчащим каменным плитам. В последнем гроте он наткнулся на полузатонувшие металлические обломки; сначала Роган принял их за скелет второго арктана, но они были невероятно старые и не походили ни на одну из конструкций, какие были ему известны. В небольшом озерце, на которое падал слабый отраженный свет с гладкого, будто полированного свода, покоился удивительный продолговатый предмет, чуточку похожий на крест пятиметровой длины; его металлическая оболочка давно распалась и, смешавшись с известковыми осадками, образовала на дне озерца рыжий от ржавчины ил.

Роган не мог себе позволить как следует осмотреть необычайную находку — наверное, останки одного из макроавтоматов, уничтоженных победительницей-тучей. Он лишь запомнил его форму, полустертые очертания каких-то перемычек и стержней — все это скорее предназначалось для полета, чем для ходьбы; но каждый взгляд на часы заставлял его все больше торопиться, и поэтому он немедленно начал обыскивать следующие пещеры.

Их было так много — со дна ущелья они иногда казались непроглядно темными окнами в высоких каменных стенах, а подземные коридоры и галереи, часто залитые водой и ведущие к отвесным колодцам, к сифонам с ледяными журчащими потоками, падали так круто, что он и не пробовал глубоко в них забираться. Да и вообще у него был лишь маленький фонарик с довольно слабым светом; фонарик этот был совсем бесполезен в громадных многоэтажных пещерах с высокими сводами, а встречались не раз и такие. Наконец, прямо-таки падая от усталости, Роган уселся на огромном нагретом солнечными лучами плоском камне у выхода из только что обследованной пещеры и начал жевать плитки концентрата, запивая сухие куски водой из ручья. Раза два ему показалось, что он слышит шум приближающейся тучи, но, вероятно, это были отголоски сизифовых усилий арктана, штурмующего осыпь. Проглотив свои скудные запасы, Роган почувствовал себя немного бодрей. Самое странное было то, что он, собственно, обращал все меньше внимания на опасное соседство, — ведь черные заросли карабкались по склонам повсюду, куда ни глянь.

Он сошел с возвышения перед пещерой, где отдыхал, и тут увидел нечто вроде ржавой полосы на сухих камнях по той стороне ручья. Подойдя поближе, он распознал следы крови. Кровь совершенно высохла, изменила цвет, и, если бы не удивительная белизна камней, похожих на известняк, Роган, наверное, ничего бы и не заметил. Он пробовал установить, в каком направлении шел человек, истекающий кровью, но не смог. Так что он двинулся наугад вверх по ущелью, рассудив, что, возможно, этот человек был ранен во время битвы «Циклопа» с тучей и старался уйти от ее центра. Следы петляли, иногда исчезали и наконец привели его к пещере, которую он осматривал одной из первых. Тем больше удивился он, когда оказалось, что рядом с ее отверстием зияет расселина с отвесными стенами, похожая на колодец. Именно туда вел кровавый след.

Роган стал на колени и склонился над полутемным

отверстием. Он готовился к самому худшему и все же не сдержал сдавленного взгласа, потому что прямо на него глядело пустым взглядом лицо Беннигсена с оскаленными зубами. Он узнал геолога по тонкой золотой оправе очков, стекла которых по слепой игре случая уцелели и ярко сверкали в свете, отраженном от известняковой плиты, наклонно торчащей над этим каменным гробом. Беннигсен вертикально висел, заклинившись плечами между двумя глыбами. Рогану не хотелось бросать его здесь; но когда он, пересилив себя, попробовал приподнять труп, то почувствовал сквозь плотный материал комбинезона, как тело расплзается у него под руками. Разложение, ускоренное воздействием солнца, сделало уже свое дело. Роган только расстегнул молнию нагрудного кармана на комбинезоне и вынул оттуда опознавательный жетон ученого; перед тем как уйти, он, напрягая все силы, придвинул одну из ближайших каменных плит и прикрыл ею каменную гробницу.

Уже уйдя оттуда, Роган подумал, что следовало бы, вообще говоря, определить радиоактивность останков, потому что это в известной мере помогло бы выяснить, что случилось с Беннигсеном и с другими: если бы уровень радиоактивности оказался очень высоким, это означало бы, что погибший находился поблизости от поля битвы. Но он забыл это сделать, а теперь уж ничто не заставило бы его снова отвалить могильный камень. Вместе с тем Роган понял, какую большую роль в его поисках играет случай, — ведь ему казалось, что все окрестности этой пещеры он осмотрел весьма обстоятельно. Новая мысль пришла ему в голову, и он поспешно двинулся по кровавому следу, ища его истоки. След вел почти по прямой линии вниз, будто бы к месту битвы. Но метров через триста внезапно свернул в сторону. Геолог потерял колоссально много крови, и было просто поразительно, что несмотря на это он ушел так далеко. Камни, на которые после катастрофы не упало ни капли дождя, были обильно залиты кровью. Роган взобрался по неустойчивым крупным глыбам и очутился в небольшом углублении под ребристым каменным выступом.

Первое, что он увидел, была неестественно большая подошва металлической стопы робота. Арктан лежал на боку, рассеченный посредине, видимо, очередью из вейра. Невдалеке полулежал, опираясь на скалу, чуть не пополам согнутый человек в шлеме, почерневшем от копоти. Он был мертв. Излучатель еще висел на его безвольно разжавшейся руке, блестящим дулом упираясь в камни. Роган сначала не решался притронуться к мертвецу, только пытался, стоя на

колених, заглянуть ему в лицо, но оно было так же изуродовано разложением, как у Беннигсена. Потом он распознал широкую плоскую геологическую сумку, переброшенную через плечо сидевшего. Это был сам Реньяр, руководитель экспедиции, подвергшейся нападению в кратере. Измерения радиоактивности показали, что арктана уничтожили разрядами вейра, — индикатор отмечал характерное наличие редкоземельных изотопов.

Роган хотел было взять опознавательный жетон, но теперь его на это уже не хватило. Он только отстегнул сумку — при этом можно было не касаться тела. Но сумка была битком набита одними лишь образцами минералов. Поэтому Роган отковырял ножом монограмму Реньяра, прикрепленную к сумке, спрятал ее и снова, глядя на неподвижные тела, попытался сообразить, что же, собственно, тут произошло. Похоже было на то, что Реньяр стрелял в робота, но почему? Может, тот напал на него или на Беннигсена? А впрочем, разве при амнезии человек способен защищаться от нападения? Он понимал, что ему не разгадать этой загадки, а между тем надо было продолжать поиски. Он снова поглядел на часы: скоро пять. Кислорода дальше не хватит, надо бы возвращаться. Тут ему пришло в голову, что можно вывернуть кислородные баллоны из аппарата Реньяра. Он снял аппарат со спины трупа, обнаружил, что один баллон еще не тронут, заменил им свой опустевший, а потом начал укладывать камни вокруг тела Реньяра. На это ушел чуть ли не час, но он считал, что мертвец все равно щедро расплатился, уделив ему свой запас кислорода. Когда могильный холмик был готов, Роган подумал, что вообще-то неплохо бы ему прихватить оружие, ведь излучатель наверняка не полностью разряжен. Но мысль возникла слишком поздно, так что он ушел ни с чем.

Было без малого шесть; Роган так устал, что еле ногами двигал. У него были еще четыре тонизирующие таблетки, он принял одну и вскоре встал, чувствуя прилив сил. Он не имел ни малейшего понятия, откуда начинать дальнейшие поиски, поэтому пошел напрямик к каменным воротам. До них оставалось еще около километра, когда счетчик отметил возрастание радиоактивности. Пока она была относительно невысокой, и поэтому Роган шел дальше, внимательно глядя по сторонам. Ущелье извивалось, и поэтому скалы были оплавлены лишь кое-где. Но по мере того как он продвигался к воротам, этой характерной потрескавшейся глазури становилось все больше; наконец Роган увидел огромные глыбы, все в застывших пузырях, — их поверхность кипела

от разрядов антимагнетизма. Тут ему, собственно, уже нечего было делать, но он все шел вперед. Счетчик начал теперь стрекотать все быстрее и быстрее, стрелка бешено танцевала по шкале. Наконец Роган увидел издали обломки каменных ворот; они упали в котловину, залитую расплавленным камнем, будто застывшей водой, — это был дьявольский след битвы, расплывшей ложе потока; стены ущелья внизу покрылись толстой скорлупой лавы, а черный мех металлических зарослей повис обгорелыми лохмотьями: чуть подалее в каменных стенах зияли громадные проломы, более светлые по цвету. Роган поспешно повернул назад.

И снова выручил случай. Когда он на обратном пути подошел к следующим за полем боя гораздо более широким каменным воротам, то поблизости от места, которое он недавно проходил и осматривал, в глаза ему сверкнул какой-то металлический предмет. Это был алюминиевый редуктор кислородного аппарата; в неглубокой щели между большой скалой и ложем испарившегося ручья темнела спина в обгоревшем комбинезоне. Труп был без головы. Ужасающая сила взрывной волны перебросила человека через нагромождение камней и размозжила его тело о скалу. Поодаль лежала ничуть не поврежденная кобура, в ней был аккуратно пригнанный, блестящий, словно только что вычищенный вейр. Роган забрал его себе. Он пытался опознать погибшего, но не смог. Двинулся дальше вверх по ущелью. Свет на восточном склоне был уже красным и, словно пылающий занавес, поднимался все выше, по мере того как солнце уходило за горный хребет. Было без четверти семь. Роган просто не знал, что делать. Пока что ему везло — по крайней мере в том смысле, что он выполнил задание, уцелел и мог возвращаться на корабль. В том, что четвертый человек тоже погиб, у него уже не было сомнений; да впрочем, он был почти убежден в этом еще на корабле. Сюда пришел, чтобы полностью удостовериться. Так имеет же он теперь право возвращаться? Запаса кислорода, которым он обязан Реньяру, хватит еще на шесть часов. Но впереди ведь целая ночь; ночью он ничего не сможет делать, даже не из-за тучи, а из-за того, что скоро совсем выдохнется. Он глотнул очередную тонизирующую таблетку и, ожидая, пока она подействует, пытался составить хоть мало-мальски толковый план дальнейших действий. Черные заросли в вышине, у края скал, заливало багровое зарево заката, и в его свете острия кустов сверкали и переливались глубоким фиолетовым огнем.

Роган все не мог решиться. И, сидя вот так у отверстия большой пещеры, он услышал надвигающееся тяжкое

жужжание тучи. Странное дело — он ничуть не испугался. Его отношение к туче за один этот день поразительно переменилось. Он знал — или по крайней мере ему казалось, будто он знает, — что он может себе позволить, точно альпинист, которого не отпугивает смерть, таящаяся в трещинах ледника. Правда, он и сам еще толком не разобрался, что за перемена в нем произошла; он не мог вспомнить, когда впервые, глядя на черные заросли, переливающиеся на склонах всеми оттенками фиолетового цвета, заметил их угрюмую красоту. Но теперь, уже видя черные тучи, — а приближались две тучи, взлетевшие с обоих склонов ущелья, — он даже не шевельнулся, не пытался укрыться, прижимаясь к камням. В конце концов было неважно, сидел он или лежал, если только аппаратик продолжал работать. Сквозь материал комбинезона Роган коснулся его круглого, как монетка, донышка и кончиками пальцев ощутил тончайшую вибрацию. Он не хотел накликать опасность и уселся поудобней, чтобы не шевелиться без надобности.

Тучи теперь громоздились по обеим сторонам ущелья. Их черную клубящуюся массу словно пронизывал какой-то поток организующих импульсов, потому что они сгущались на краях, образуя почти вертикальные колонны, а в середине выпячивались, тянулись друг к другу и все больше сближались. Похоже было, что какой-то незримый титан-скульптор с необычайной быстротой придавал им форму. Несколько беглых разрядов пронизало воздух между самыми сближенными местами туч, которые будто бы рвались друг к другу, а все же оставались на месте и только все стремительней клубились в центре. Блеск этих молний был удивительно тусклым; обе тучи сверкнули в нем на мгновение, как застывшие в полете мириады черно-серебряных кристалликов. Потом, когда в скалах несколько раз прокатилось эхо громовых раскатов, слабое и приглушенное, словно его накрыли звукопоглощающим материалом, обе стороны черного моря, вибрируя, напрягаясь до предела, соединились и проникли друг в друга. Воздух под ними потемнел, будто солнце уже зашло, и тут же возникли в нем какие-то странные извилистые линии. Роган очень нескоро понял, что это гротескно-искаженное отражение каменистого дна ущелья. Эти воздушные зеркала под потолком тучи колебались и распадались; и вдруг он увидел гигантскую, макушкой упирающуюся в тучу человеческую фигуру, которая неподвижно глядела на него, хотя само изображение непрерывно вибрировало и прыгало, то угасая, то снова

вспыхивая в таинственном ритме. И снова прошло несколько секунд, прежде чем Роган узнал собственное отражение, висящее в пустоте между боковыми колоннами тучи. Он был так изумлен, до такой степени потрясен непонятными действиями тучи, что забыл обо всем. Мелькнула у него мысль, что, быть может, туча знает о нем, о присутствии последнего живого человека среди скал ущелья. Но и этой мысли он не испугался; не потому, что это было слишком невероятно — он уже ничего не считал невозможным, — а просто он жаждал участвовать в этой все более мрачной мистерии, значения которой, в этом он был уверен, никогда не поймет. Его гигантское лицо, сквозь которое просвечивали отдаленные склоны в конце ущелья, куда не ложилась тень тучи, расплывалось. Из тучи выползало бесчисленное множество отростков; если она втягивала одни, их место занимали другие. Из них начал падать, постоянно нарастая, черный дождь. Кристаллики падали и на Рогана, слегка ударяли его по голове, скатывались по комбинезону, собирались в складках. Черный дождь все шел, а голос тучи, это всеобъемлющее, заполнившее не только долину, но, казалось, и всю атмосферу планеты гуденье, поднимался все выше; в туче возникли локальные смерчи, окна, сквозь которые просвечивало небо, черный саван разодрался в центре, двумя волнами двинулся тяжело, будто бы нехотя, к зарослям, всосался в их неподвижную чащобу и исчез.

Роган по-прежнему сидел не шевелясь. Он не знал, можно ли стряхнуть кристаллики, которыми он весь был усыпан; очень много их лежало на камнях; белое, словно костяное, русло ручья теперь выглядело так, будто его чернилами забрызгали. Он осторожно взял пальцами один из треугольных кристалликов, а тот словно ожил, щекотнул ладонь слабым теплым дуновением; Роган инстинктивно разжал пальцы, и кристаллик улетел.

И тогда, как по сигналу, заройлось все вокруг. Лишь в первый миг это движение было хаотическим. Потом черные точки ступились, словно дым, стелющийся по земле, сконцентрировались и столбами взмыли вверх. Казалось, что сами скалы дымятся, как испанские беспламенные факелы. А потом снова произошло нечто непонятное. Когда взлетающий рой круглым облаком повис точно посередине ущелья, выделяясь на сумеречном небе, как огромный пушистый черный шар, обе тучи опять вынырнули из зарослей и бросились на него с ошеломляющей быстротой. Рогану казалось, что он слышит невероятный скрежет воздушной схватки, но, видимо, это была иллюзия. Он

подумал было, что перед ним развернулся бой, что тучи выбросили на дно ущелья искалеченных «мушек», что они хотят избавиться от этого балласта. Но схватка и сейчас оказалась лишь иллюзией. Тучи разошлись, и от пушистого шара не осталось и следа. Они его поглотили. Через миг вершины скал снова истекали кровью последних закатных лучей, а просторная долина затихла и опустела.

Роган встал; ноги у него все еще подгибались. Он вдруг показался себе смешным с этим излучателем, торопливо отнятым у мертвеца; более того — он чувствовал себя ненужным в этой стране торжествующей смерти, где могли существовать и побеждать лишь неживые создания, чтобы свершать таинственные действия, которых не должны были видеть ничьи живые глаза. Не с ужасом, но с ошеломленным восхищением участвовал он недавно в том, что здесь творилось. Роган знал, что никто из ученых не сможет разделить его чувств, но теперь он хотел вернуться не только как вестник гибели товарищей, но и как человек, который будет добиваться, чтобы эту планету оставили нетронутой. «Не все и не всегда принадлежит нам», — подумал он, медленно спускаясь вниз по ущелью.

Небо было еще светлым, и это помогло Рогану быстро добраться до поля битвы. Но там ему пришлось идти быстрее — от остекленевших скал, которые кошмарными силуэтами маячили в густеющем сумраке, исходило все более сильное излучение. Он еще ускорил шаг, наконец побежал. Отзвук шагов, перекликаясь, повторяли каменные стены ущелья, и в этом немолчном эхе, словно подгоняющем его, Роган, из последних сил прыгая с камня на камень, миновал расплавившиеся до неузнаваемости обломки машин и бегом свернул в крутую излучину ущелья. Но рубиновый огонек индикатора и здесь сверкал ярко, медлить было нельзя. Он задыхался: не сбавляя темпа, отвернул до отказа вентиль редуктора. Даже если кислород кончится у выхода из ущелья и придется дышать воздухом планеты, это наверняка будет лучше, чем хоть немного задерживаться здесь, где каждый дюйм камня источает смертоносное излучение. Кислород холодной волной вливался в горло. Бежать было легко — поверхность расплавленного потока, который оставил за собой отступающий «Циклоп», была гладкая, местами прямо как зеркало. К тому же на Рогане были ботинки с особой цепкой подошвой, не скользившей на любой почве. Теперь уже так стемнело, что лишь по белым камням русла, кое-где просвечивающим сквозь стеклянистую кору, он угадывал дорогу — вниз, все вниз. Он знал, что впереди еще минимум

три километра такого пути. Невозможно было, мчась изо всех сил, делать какие-либо расчеты, но все же он время от времени поглядывал на красноватый пульсирующий огонек индикатора. Примерно час он мог еще находиться здесь, среди этих искореженных, сожженных аннигиляцией скал, — доза тогда не превысит двухсот рентген. Ну, в крайнем случае, час с четвертью, — если он к этому времени не выберется в пустыню, спешить будет уже не к чему.

На двенадцатой примерно минуте наступил кризис. Сердце жестоко и неодолимо напоминало о своем присутствии, оно давило изнутри, распирало грудь, кислород полыхающим огнем обжигал рот и горло, перед глазами плясали искры. Индикатор еле светился во тьме, как гаснущий уголек, но Роган все же понимал, что нужно бежать, бежать дальше, а ноги уже не слушались. Каждый мускул его жаждал отдыха, всё в нем вопило, чтобы он замедлил бег, остановился, а то и рухнул на потрескавшееся стеклянистое покрытие, такое холодное, такое безопасное с виду. Он хотел взглянуть вверх, на звезды, споткнулся и полетел вперед, вытянув руки. Рыдая, ловил воздух ртом. С трудом приподнялся, встал, пробежал несколько шагов, шатаясь из стороны в сторону, потом вернулся ритм бега, подхватил его.

Роган уже потерял чувство времени. Как он вообще ориентировался в этой непроглядной тьме? Он забыл обо всех мертвецах, которых нашел, о костяной ухмылке Беннигсена, о Реньяре, покоящемся под камнями рядом с изувеченным арктаном, о трупке без головы, который он не смог опознать, забыл даже о туче. Тьма душила его, от нее набухли кровью глаза, тщетно ищущие широкое звездное небо пустыни, песчаные просторы которой сулили спасение. Он бежал вслепую, глаза заливал соленый пот, его несла какая-то сила, и он иногда еще способен был удивляться, что эта сила все никак не иссякает. Этот бег, эта ночь, казалось, не имели конца. Он ничего уже, собственно, не видел, когда вдруг его ноги стали двигаться все тяжелее, куда-то проваливаться, безграничное отчаяние охватило его, он поднял голову и вдруг понял, что оказался в пустыне. Роган еще увидел звезды над горизонтом, потом, когда уже ноги сами подгибались под ним, искал взглядом циферблатик индикатора, но не увидел его: циферблат потемнел, замолчал, незримая смерть осталась позади, в глубине залитого лавой ущелья. Это была последняя его мысль, потому что едва он ощутил на щеке шершавый холод песка, как сразу погрузился не в сон, а в оцепенение, в каком все

его тело еще отчаянно работало, ребра ходуном ходили, сердце колотилось, но сквозь этот мрак полнейшего изнурения он уплывал в другой, еще более глубокий, и наконец потерял сознание.

Роган внезапно очнулся, не понимая, где находится. Пошевелил руками, ощутил холод песка, струящегося меж пальцами, сел и невольно простонал. Нечем было дышать. Сознание вернулось к нему. Светящаяся стрелка манометра стояла на нуле. В другом баллоне еще было восемнадцать атмосфер. Он отвернул вентиль и встал. Был час ночи. Острые лучи звезд сверкали в черном небе. Он определил по компасу направление и пошел вперед. В три часа он принял последнюю таблетку. Незадолго до четырех кончился кислород. Тогда он отшвырнул кислородный прибор. Сначала дышал осторожно, недоверчиво, но когда холодный предрассветный воздух ворвался в его легкие, он зашагал бодрее, стараясь не думать ни о чем, кроме этого перехода через песчаные волны, в которых он утопал иной раз по колени. Он словно опьянел, но не знал, от чего это — от атмосферных газов, или просто от усталости. Он подсчитал, что если будет делать по четыре километра в час, то доберется до корабля часам к одиннадцати утра. Пробовал проконтролировать свой темп на шагомере, но ничего не получилось.

Млечный Путь исполинской белой полосой делил купол неба на две неровные части. Роган уже так привык к слабому звездному свету, что благодаря ему обходил большие дюны. Он все брел и брел, пока не заметил на горизонте какой-то угловатый силуэт, воспринимавшийся как беззвездное пространство странно правильной формы. Еще не успев понять, что это такое, он уже повернул в ту сторону и бежал, проваливаясь все глубже, но даже не чувствуя этого, пока протянутыми руками, как слепой, не ударился о твердый металл. Это был вездеход, пустой вездеход, возможно, один из тех, которые вчера утром выслал Горпах, а может, другой какой-нибудь, брошенный группой Реньяра. Роган не раздумывал над этим, он просто стоял, задыхаясь, обеими руками обняв приплюснутый лоб машины. Усталость тянула его к земле. Упасть около машины, заснуть рядом с ней, а утром, при солнце, двинуться в путь...

Он с трудом взобрался на бронированную крышу, ощупью нашел рукоять, открыл люк. Вспыхнули огоньки. Он сполз на сиденье. Да, теперь он уже знал, что одурманен, отравлен, видимо, этим газом — никак не мог отыскать стартер, не помнил, где он, вообще ничего не понимал... Наконец рука сама нашла истертую ручку, толкнула ее, двигатель тихо

мяукнул и заработал. Роган посмотрел на гирокомпас; он наверняка знал лишь одну-единственную цифру — курс возвращения. Вездеход некоторое время двигался в темноте — Роган забыл о том, что существуют фары... В пять было еще темно. Но он увидел прямо перед собой, вдалеке, среди белых и голубоватых звезд, одну, низко висящую над горизонтом, рубиновую. Он тупо моргнул. Красная звезда?.. Таких не бывает... Ему казалось, что рядом кто-то сидит — наверное, Яр. Роган хотел спросить его, что это может быть за звезда, и вдруг очнулся, словно от толчка. Это был носовой огонь корабля. Он ехал прямо на эту рубиновую искорку во мраке, она медленно поднималась вверх, увеличивалась и стала ярко сверкающим шаром, отражение которого мерцало на броне корабля.

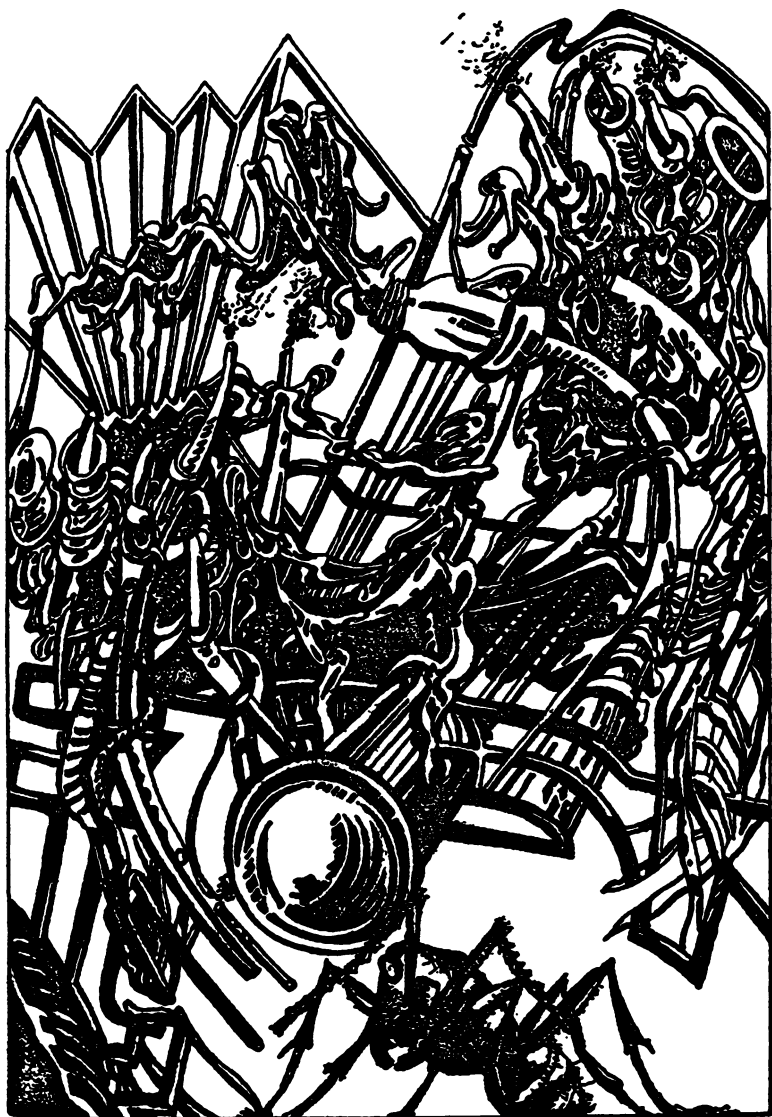
На пульте замигал красный огонек и зажужжал зуммер, сигнализируя о приближении силового поля. Роган выключил двигатель. Машина скатилась по склону дюны и стала. Роган не был уверен, что сможет снова взобраться на вездеход, если сейчас вылезет. Поэтому он дотянулся до тайника, достал ракетницу, но поскольку уже не мог ее удержать в одной руке, оперся локтем о руль и, придерживая кисть другой рукой, потянул спусковой крючок. Оранжевая полоса рванулась в темноту, ударилась о силовое поле, как о прозрачное стекло, и разбрызгалась звездочками. Он все стрелял и стрелял, пока ударник не щелкнул сухо. Патроны кончились.

Но его уже заметили, на вершине корабля вспыхнули два больших прожектора и, лизнув белыми языками песок, скрестились на вездеходе. Загорелись огни на пандусе, холодным пламенем люминесцентных ламп засияла шахта подъемника. По трапу толпой бежали люди, уже засветились прожекторы и на дюнах, и под кормой, повсюду заметались, пересекаясь, световые столбы, и наконец возникла вереница голубых огоньков, открывая вход в силовое поле.

Роган выронил ракетницу. Он сам не заметил, как сполз по борту машины и неверными, преувеличенно широкими шагами, неестественно выпрямившись и сжимая кулаки, чтобы подавить невыносимую дрожь в пальцах, пошел прямо к двадцатипятиэтажному кораблю, который стоял среди половодья огней на фоне бледнеющего неба, такой величественный и неподвижно-громадный, будто и вправду был непобедимым.

*Закопане,
июнь 1962 — 1963 гг.*

РАССКАЗЫ



АВТОИНТЕРВЬЮ

Сейчас бешеная мода на интервью. Некоторых счастливых интервьюируют чуть ли не каждую неделю. Я тоже ждал, ждал, но не дождался, значит, ничего не поделаешь — приходится самому все устроить. И вот я отправляюсь к себе и застаю себя сидящим на полу с жестяной уточкой в руках.

— Чем вы сейчас занимаетесь? — спрашиваю я, почтительно пожимая себе руку.

— Уточку завожу. Смотрите, как крылышками машет, а?

— Я имел в виду вашу творческую деятельность.

— Ах, это? Я меняю профиль. Литература, которой мы занимались до сих пор, оказалась нерентабельной. «Дом книги», а также пример товарищей указал мне новый путь развития. Я пишу детективные повести. Для начала — три.

— Стало быть, вы отошли от фантастики? — спрашиваю я с сожалением.

— Вовсе нет. Это повести детективно-фантастические.

— Можно узнать какие-нибудь подробности?

— Можно узнать. Действие первой разворачивается на шикарном оборудованном космическом корабле. Экипаж состоит из аристократов, психопатов, красоток, кинозвезд, страдающих нимфоманией, а также собак чау-чау с нездоровой наследственностью. Рецептура, как видите, современная.

— Действительно. А чем занимается экипаж этой ракеты?

— Ясное дело, оргиями и убийствами, в пропорции два к одному. Это соотношение, как показал анализ общественного мнения, гарантирует наибольший тираж.

— А детектив на ракете есть?

— Конечно. Это пожилой, флегматичный, любящий цветы электронный мозг.

— А другие повести, о которых вы изволили упомянуть?

— Одна построена на отечественной тематике. Это история создания первого польского спутника, связанная с крупной взяточной аферой, — некий тип в порядке личной инициативы оборудует на этом спутнике тайный дом свиданий.

— Правильно ли я расслышал?

— Не знаю. Прочистите уши. На спутнике должны были оборудовать атомную лабораторию, но этот тип подмазал заказчиков, и там кое-что переделали так, чтобы через спектрографы Астона смотреть порнографические картинки; приборы автоматики переоборудованы в роботов секс-обслуживания, а что творилось в атомном реакторе, вы уж прочтете сами, когда повесть выйдет... Есть там и другие линии. Оперативная группа Министерства торговли направляется на Луну якобы для обустройства филиала «Цепелии»* — торговля по образцам, — а в действительности перерабатывает лунную почву на камушки для зажигалок и имеет на этом миллионы. Постепенно Луна уменьшается, на ней происходят изменения, обнаруженные обсерваторией в Кельцах, но главный астроном не сообщает об этом, так как его заблатовали.

— Забла...

— Да. Представитель «Цепелии», возвращаясь с Луны, заходит по пути на спутник — на рюмочку радиоактивной — и застаёт там собственную жену тет-а-тет с одним американским роботом, который смягчает его ярость обещанием сделать надувной спутник из резины, соответственно раскрашенный, — он будет имитировать на небе настоящую Луну. У этого робота есть любовница в высших сферах, через которую он налаживает контакт с матросами на космической линии Гдыня — Марс и вместе с ними продает всю Луну на лом. На вырученную валюту они строят себе два многоквартирных спутника с удобствами (рулетка, электронный разврат и т. п.). К несчастью, муж любовницы робота из мести протыкает надувную Луну, воздух

* Польская фирма — сувениры, кустарные изделия (прим. ред.).

улетучивается, резина сдувается, и назревает скандал. Наша милиция немедленно отправляется на место происшествия, но из-за низкого уровня моторизации она располагает только двухконной бричкой, так как мотоциклы в ремонте, а ракеты у них забрали из соображений экономии. На Млечном Пути кони слабеют, и приходится сделать остановку на спутнике.

— На многоквартирном?

— Нет, на том, который с домом свиданий. Один из милиционеров по ошибке попадает в атомный реактор, становится свидетелем скабрезной сцены и выбегает оттуда в величайшем возбуждении, но руководитель — тот самый тип с личной инициативой — объясняет ему, что именно в этом состоит расщепление ядер. Милиционер — не атомный физик, так что принимает все за чистую монету, но тут с неба падает резиновая оболочка, накрывает искусственный спутник, становится темно, в суматохе один агент кладет в следственный чемоданчик вместо зонтика спектрограф с теми самыми снимками...

— Минуточку. Простите, но... я не успеваю за полетом вашей фантазии. Немножко голова кружится... Да, мне уже лучше. Это, право, неслыханно. Вы говорили еще о третьей повести, правда?

— Да. Это произведение для молодежи. Длинная история, обильно иллюстрированная, об этом маленьком мальчике, который убивает свою семью.

— Убивает?..

— Ну да. Вы, кажется, и вправду плохо слышите? Мы объявили войну навязчивой, нудной диалектике. Применяя попеременно шоколадки с цианистым калием, топор и дрессированную кобру...

— Простите, ради Бога, но кажется, о таких детях-убийцах уже где-то писали?

— О таких детях, может, и писали, но не о том, который стал героем моей повести. Это синтетический мальчик, с вашего разрешения.

— Синтетический?

— Да, пластмассовый, для бездетных родителей, с электромозгом, только изготовленный «налево» заводом имени Новотки, и у него есть небольшой дефект, из-за которого он вместо того, чтобы любить приемных родителей, убивает их. Небольшая ошибка в соединении катодных ламп, только и всего.

— И что дальше, можно спросить?

— Можно спросить. Разоблаченный, он ищет спасения в

коротком замыкании, то есть я хотел сказать, в самоубийстве.

— Это безумно интересно. А что вы еще творите, кроме этих оригинальных книжек, можно задать такой вопрос?

— Можно задать. Эпоха схематизма, дорогой мой, во время которой вьетнамские джунгли лепили из папье-маше, а атлантическое побережье снимали в Фаленице, эта эпоха, к счастью, миновала. Теперь каждый фильм снимают там, где происходит его действие. Планируется фильм о Монте Кассино — его будут снимать в Италии. Коллега Ставинский недавно написал любопытный сценарий «Касаларго» с весьма динамичным сюжетом...

— Тоже в Италии?

— Ясно, а вы что думали, в Радоме? Будут также снимать моих «Астронавтов». В связи с этим меня ждет служебная командировка...

— Ха-ха! Вы очень остроумны!

— Но это не шутка. Мы едем не на Венеру, но за границу. Установлено, что для того, чтобы найти на земном шаре место, подходящее для съемок фильма о другой планете, нам придется группой в сто восемьдесят человек плюс соответствующее количество автомашин объехать весь мир. Поиски продлятся около трех лет. Главными пунктами будут: Плас Пигаль в Париже, 72-я улица в Нью-Йорке, портовые районы Марселя и Копенгагена, кроме того, некоторые районы Лондона, Рима, Токио, а также Сицилия, Касабланка, Центральная Африка и Гаити.

— Гаити тоже?

— Да. Он славится не то танцовщицами, не то ромом, сейчас не помню, но у меня это где-то записано.

— А может быть, вы скажете, что будет в Польше через десять лет?

— Вы спрашиваете меня как писателя-фантаста или как частное лицо?

— Ну... как писателя.

— Да? Гм, ну что ж, будет, я думаю, бешеный избыток автомашин, холодильников, черт знает чего еще, гигиена, неслыханный порядок, пластмассовые цветные дома, геликоптеры, автострады и все, как часы!

— А... а как частное лицо — что могли бы вы сказать?

— Я считаю, дорогой мой, что и некрасиво, и нетактично публиковать содержание частных бесед, да и кому до них какое дело? Вы как-то так смотрите... наверное, устали? Действительно, мы беседовали довольно долго. Может, вы спешите, а?

Я быстро встаю, поняв тонкий намек, и, от всей души поблагодарив хозяина, бегу в редакцию, чтобы поскорей поделиться с читателями богатством впечатлений, вынесенных из столь удачного интервью.

СУЩЕСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ, МИСТЕР ДЖОНС?

Судья. Суд приступает к рассмотрению дела «Кибернетикс компани» против Гарри Джонса. Стороны явились?

Адвокат. Да, господин судья.

Судья. Вы выступаете от имени?..

Адвокат. Я юрисконсульт фирмы «Кибернетикс компани», господин судья.

Судья. А где ответчик?

Джонс. Я здесь, господин судья.

Судья. Не соблаговолите ли вы описать свою жизнь?

Джонс. Охотно, господин судья. Зовут меня Гарри Джонс, родился шестого апреля тысяча девятьсот семнадцатого года в Нью-Йорке.

Адвокат. В порядке ведения дела, господин судья. Ответчик говорит неправду: он вообще не родился.

Джонс. Позвольте, вот мое метрическое свидетельство.

А в зале присутствует мой брат, который...

Адвокат. Это не ваше метрическое свидетельство, а названное вами лицо не является вашим братом.

Джонс. А чьим? Может быть, вашим?

Судья. Ведите себя спокойнее. Господин юрисконсульт, одну минутку. Итак, мистер Джонс?

Джонс. Мой отец, блаженной памяти Лексингтон Джонс, был владельцем авторемонтной мастерской, и я унаследовал от него страсть к автомобилизму. Когда мне исполнилось семнадцать лет, я впервые принял участие в автомобильных гонках. С тех пор я восемьдесят семь раз стартовал как профессионал, шестнадцать раз занимал первое место, двадцать один раз — второе...

Судья. Благодарю вас, но эти подробности не относятся к делу.

Джонс. ...три золотых кубка, три золотых кубка...

Судья. Я уже сказал: благодарю.

Джонс. И серебряный венок.

Czy Pal istnieje, Mr. Johns?, 1955

© А. Якушев, перевод, 1960

Президент «Кибернетикс компани» Донован. Слышите, он уже запнулся!

Джонс. Не дожидетесь вы этого.

Судья. Успокойтесь! Есть у вас адвокат?

Джонс. Нет, я буду защищать себя сам. Мое дело чистое как слеза.

Судья. Известны ли вам претензии, предъявляемые к вам «Кибернетикс компани»?

Джонс. Мне они известны. Я жертва бесчестных происков подлых акул...

Судья. Благодарю вас. Господин юрисконсульт Дженкинс, не соблаговолите ли вы изложить суду существо иска?

Адвокат. Пожалуйста, господин судья. Два года назад в автомобильной гонке под Чикаго с ответчиком произошел несчастный случай и он потерял ногу. Тогда он обратился в нашу фирму. Как известно, «Кибернетикс компани» производит протезы рук, ног, искусственные почки, сердца и другие замещающие устройства. Ответчик приобрел в рассрочку протез левой ноги и выплатил за него первый взнос. Через четыре месяца он снова обратился к нам и на этот раз заказал протезы обеих рук, грудной клетки и шеи.

Джонс. Чепуха! Шею — весной, после гонок в горах.

Судья. Прошу вас не прерывать.

Адвокат. После этого второго по счету заказа долг ответчика фирме достиг двух тысяч девятисот шестидесяти семи долларов. Через пять месяцев к нам обратился от имени ответчика его брат. Ответчик тогда находился в госпитале Монте-Роза под Нью-Йорком. Выполняя новый заказ, фирма по внесению задатка поставила ряд протезов, подробная опись которых находится в деле. Я прошу обратить внимание, там значится электронный мозг марки «Гениак» стоимостью двадцать шесть тысяч пятьсот долларов, заменивший одно полушарие головного мозга ответчика. Обращаю внимание высокого суда на тот факт, что ответчик заказал у нас модель «Гениак»-люкс, на стальных лампах, с аппаратурой для цветных сновидений, фильтром неприятностей и глушителем огорчений, хотя все это явно превышало его финансовые возможности.

Джонс. Вы, конечно, хотели бы, чтобы я сейчас ковылял с вашим дрянным серийным мозгом!

Судья. Спокойнее, господа, спокойнее!

Адвокат. О том, что ответчик сознательно действовал со злым умыслом, намереваясь не платить фирме за приобретенные части, свидетельствует также тот факт, что

он заказал у нас не обычный протез руки, а специальный, с вмонтированными в него швейцарскими на восемнадцать камнях часами марки «Шэффхаузен». Когда долг ответчика достиг двадцати девяти тысяч восьмисот шестидесяти трех долларов, мы выступили с требованием возврата всех приобретенных ответчиком протезов. Однако суд штата отказал нам в иске, мотивируя это тем, что изъятие у ответчика протезов означало бы прекращение его дальнейшего существования, так как к тому времени от прежнего мистера Джонса осталось только одно полушарие головного мозга.

Джонс. Как это от «прежнего Джонса»? Тебе что, чернильная душа, фирма выплачивает премии за прозвища?

Судья. Успокойтесь. Мистер Джонс, если вы будете оскорблять истца, я вынужден буду оштрафовать вас.

Джонс. Это он меня оскорбляет!

Адвокат. Так вот, ответчик — весь в долгах и спротезирован с головы до ног «Кибернетикс компани», проявившей к нему столько чуткости и мгновенно выполнявшей все его заказы, — публично поносил наши изделия, их качество. Однако это не помешало ему через три месяца вновь обратиться к нам. Он жаловался на недомогания и расстройства, приистекавшие, как установили наши эксперты, оттого, что его собственное полушарие головного мозга плохо себя чувствовало в новом, как бы сказать, гиперпротезированном окружении.

Руководствуясь гуманными чувствами, фирма и на этот раз не отказала в просьбе и согласилась полностью гениакизировать ответчика, то есть заменить его собственную старую часть мозга вторым однотипным аппаратом марки «Гениак». В обеспечение этого нового заказа ответчик выдал компании векселя на сумму двадцать шесть тысяч девятьсот пятьдесят долларов, из которых на сегодняшний день он уплатил только двести тридцать два доллара и восемнадцать центов. Учитывая сложившиеся обстоятельства... Господин судья, ответчик умышленно мешает мне говорить, заглушая речь каким-то шипением, стрекотом и скрежетом. Прошу вас сделать ему предупреждение!

Судья. Мистер Джонс...

Джонс. Это не я. Это мой «Гениак». Он всегда так ведет себя, как только я начинаю интенсивно думать. По-вашему, я должен отвечать за «Кибернетикс компани»? Прошу вас, господин судья, сделать президенту компании Доновану

предупреждение об ответственности за выпуск бракованных изделий.

Адвокат. Учитывая сложившиеся обстоятельства, компания обращается к суду с требованием о присуждении ей права собственности на произведенный ею и присутствующий здесь в зале суда самозванный комплекс протезов, который незаконно выдает себя за Гарри Джонса.

Джонс. Какая наглость! А где же, по-вашему, Джонс, если не здесь?!

Адвокат. Здесь, в зале, никакого Джонса нет. Бренные останки этого известного гонщика покоятся на различных автострадах Америки. Таким образом, судебный приговор, вынесенный в нашу пользу, не нанесет ущерба никакому физическому лицу, так как компания получит то, что ей законно принадлежит, — от нейлоновой оболочки до мельчайшего винтика!

Джонс. Так я вам и дался! Они хотят разобрать меня на части, на протезы!

Президент компании Донован. Не ваше дело, как мы поступим со своей собственностью!

Судья. Господин президент, ведите себя, пожалуйста, спокойнее. Благодарю вас, господин юрисконсульт. Вы хотите что-нибудь сказать, мистер Джонс?

Адвокат. Господин судья, в порядке ведения дела я хочу еще заметить, что ответчик, собственно говоря, не является ответчиком, а всего-навсего материальным предметом, провозгласившим, что он принадлежит самому себе. На самом же деле, поскольку он не живое...

Джонс. Ну-ка подойди ко мне ближе, тогда ты убедишься, живой я или нет.

Судья. Да... гм, это действительно весьма, весьма странный случай. Гм... господин юрисконсульт, данный вопрос относительно существования или несуществования ответчика я временно откладываю до вынесения приговора. В противном случае это затруднило бы нам слушание дела. Предоставляю вам слово, мистер Джонс.

Джонс. Высокий суд и вы, граждане штатов, являющиеся свидетелями гнусных попыток мощного концер-на, направленных на уничтожение свободной, мыслящей личности...

Судья. Обращайтесь только к суду. Вы не на митинге.

Джонс. Хорошо, господин судья. Дело обстоит следующим образом: я действительно приобрел у «Кибернетикс компани» несколько протезов...

Президент компании Донован. Несколько протезов! Ничего себе!

Джонс. Прошу, высокий суд, призвать к порядку этого господина. Так вот, я приобрел эти протезы. Не буду касаться вопроса об их качестве. Не стану говорить и о том, что, когда я хожу, сижу, ем или сплю, у меня в голове все время так жужжит, что я вынужден был перебраться в отдельную комнату, так как будил по ночам брата. Я уже не говорю о том, что по милости этих хваленых «Геннаков», являющихся не чем иным, как просто переделанными из утиля вычислительными машинами, мне не дает покоя мания счета и я вынужден без конца считать заборы и кошек, столбы и людей на улице и бог знает что еще.

Я не стану распространяться по этому поводу. Могу только сказать, что я честно намеревался уплатить все, что с меня причиталось, но заработать деньги я могу, только если выиграю гонку. А мне как раз не везло, настроение было подавленное, я потерял голову и...

Адвокат. Ответчик сам признается, что потерял голову! Прошу суд обратить на это внимание.

Джонс. Не прерывайте меня! Я сказал в переносном смысле. Потерял голову, стал играть на бирже, проигрался и вынужден был залезть в долги. Кроме того, я прескверно себя чувствовал. В левой ноге что-то все время ужасно ломило, в глазах мелькали искры, меня преследовали какие-то идиотские сны о машинах: швейных, чулочных, трикотажных; я лечился у психоаналитиков, они обнаружили у меня эдипов комплекс, потому что мать моя, когда я был ребенком, шила на швейной машине. И вот тогда меня, ослабевшего, едва державшегося на ногах, компания стала таскать по судам. Мое имя начали трепать в газетах, и, как следствие злостной клеветы, община методистов — я методист, господин судья, — закрыла передо мной врата храма Господня.

Адвокат. Вы на это жалуетесь? Может быть, вы верите в загробную жизнь?

Джонс. Верую. А вам какое дело?

Адвокат. А такое дело; ведь мистер Гарри Джонс живет сейчас загробной жизнью, а вы самый обыкновенный узурпатор!

Джонс. Выбирайте выражения!

Судья. Прошу стороны вести себя спокойнее.

Джонс. Высокий суд, когда я находился в таком тяжелом положении, компания предъявила мне иск, а когда ее бессовестные претензии были судом штата отклонены, ко

мне обратился какой-то темный тип, некто Гоас, подсланный президентом Донованом. Я об этом ничего не знал. Этот Гоас представился как монтер-электрик и сказал мне, что против всех моих недугов — ломоты в ноге, искрения в глазах — есть только одно средство: дать себя полностью гениакизировать. В таком состоянии, в каком я тогда находился (я не мог даже думать об автомобильных гонках), что мне оставалось делать? Высокий суд, я согласился, и Гоас на следующий день проводил меня в монтажный цех «Кибернетикс»...

Судья. Значит, у вас вынули...

Джонс. Ну конечно.

Судья. И взамен установили...

Джонс. Ну конечно, только я тогда не понимал, почему они так охотно мне это сделали, на льготных условиях, с рассрочкой на длительный срок. Сейчас я все понял! Они хотели, высокий суд, лишить меня моего собственного полушария! Ведь до этого суд отклонил их претензии на том основании, что этот бедный кусочек моей старой головы не мог бы самостоятельно существовать, если бы у него отняли все остальное! Поэтому они решили воспользоваться моей наивностью и ослаблением воли, вызванными автомобильными катастрофами, и подслали ко мне этого Гоаса, с тем чтобы я согласился удалить мой собственный кусок мозга, и я, таким образом, попался в ловко расставленные сети компании! К счастью, их планы оказались построенными на песке! Пусть высокий суд рассмотрит, чего стоят их доводы. Они говорят, что имеют право на мою личность. На каком основании? Предположим, что кто-то покупает в кредит у лавочника продукты питания, муку, сахар, мясо и так далее, а через некоторое время этот лавочник обращается в суд с требованием отдать ему в собственность самого должника, поскольку, как это утверждает медицина, в процессе обмена веществ органы человеческого тела постоянно замещаются питательными веществами и через несколько месяцев весь этот должник, с головы до ног, состоит из жира, белков, яиц, углеводов, которые ему продал в кредит лавочник. Так вот, я вас спрашиваю, какой суд на свете удовлетворил бы требование этого лавочника? Неужели мы живем во времена средневековья, когда Шейлок требовал фунт мяса своего должника? В данном случае дело обстоит точно так же! Я автомобильный гонщик по имени Гарри Джонс, а не какая-то машина.

Президент компании Донован. Ложь!
Вы — машина!

Джонс. Да-а? Так против кого же вы тогда выступаете? На чей адрес была послана повестка с вызовом в суд? Какой-то машины или на мой, мистера Джонса? Господин судья, может быть, вы внесете ясность в этот вопрос?

Судья. Гм... но... Повестка адресована мистеру Гарри Джонсу, Нью-Йорк, сорок четвертая улица.

Джонс. Вы слышите, мистер Донован? Господин судья, разрешите в порядке ведения дела задать вам еще один вопрос: предусматривают ли законы Соединенных Штатов возможность возбуждать в суде дело против машины? Например, можно ли ее вызывать в суд и предъявлять ей какие-то обвинения...

Судья. Но... э... нет. Этого закон не предусматривает.

Джонс. Таким образом, дело совершенно ясное: либо я машина, и тогда ни о каком судебном процессе не должно быть и речи, так как машина не может выступать как сторона в судебном разбирательстве, либо я личность, а не машина, но тогда какие права на меня может иметь какая-то там фирма? Что, может быть, я должен превратиться в ее раба? Мистер Донован, видимо, хочет стать рабовладельцем?!

Донован. Какая пруть... А все-таки... эти наши «Гениаки»... ничего не скажешь!

Джонс. Не выйдет! Высокий суд, о методах, применяемых компанией, лучше всего говорит тот факт, что когда я, больной, кое-как свинченный, вышел из больницы и отправился на пляж, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом, то заметил, что за мной идут толпы людей. Как оказалось, на спине у меня было выбито клеймо «Сделано «Кибернетикс компани», так что мне пришлось за свой счет вырезать его и наложить на это место заплату. А теперь меня еще преследуют! Конечно, бедный человек всегда обречен на произвол богачей, это мне не уставали повторять незабвенной памяти мои родители...

Президент компании Донован. Ваши отец и мать — «Кибернетикс компани».

Судья. Успокойтесь, господа! Вы кончили, мистер Джонс?

Джонс. Нет. Я настаиваю, во-первых, на том, чтобы компания выплачивала мне пенсию, так как я не располагаю средствами к существованию. Правление мотоклуба месяц назад аннулировало мой результат в панамериканских гонках, заявив, что моей машиной управляло «автоматическое безлюдное устройство»! Кто со мной так расправился? Они! «Кибернетикс компани»! Донован послал в мотоклуб

анонимное клеветническое письмо! Они отобрали у меня последний кусок хлеба, так пусть теперь оплачивают мое содержание и снабжают запасными частями! Кто виноват, что у меня все время то в одном месте, то в другом что-нибудь перегорает?! Мало того — всякий служащий компании, не говоря уже об акционерах, при личной встрече со мной считает своим святым долгом меня оскорблять!

Президент Донован предлагал мне полюбовную сделку: он хотел, чтобы я согласился стать рекламным макетом и восемь часов в день торчал бы в витрине! Когда я заявил ему, что это недостойно автогонщика и чтобы он начал самого себя своими идеями, Донован ответил, что он уже начал меня и что это ему стоило пятьдесят шесть тысяч долларов. За все эти и подобные оскорбления я подам жалобу в суд! А теперь я прошу высокий суд выслушать в качестве свидетеля моего брата, так как он детально знаком со всеми обстоятельствами дела.

Адвокат. Господин судья, я протестую против вызова брата ответчика в качестве свидетеля.

Судья. Вы имеете в виду их родство?

Адвокат. И да и нет... Дело в том, что брат ответчика на прошлой неделе попал в авиационную катастрофу.

Судья. Понимаю, он по состоянию здоровья не может явиться в суд.

Брат Джонса. Могу! Я здесь!

Адвокат. Конечно, он может, но дело в том, что катастрофа для него закончилась трагически и по заказу его жены «Кибернетикс компани» произвела нового брата ответчика.

Судья. Кого нового?

Адвокат. Нового брата и одновременно мужа бывшей вдовы.

Судья. Вот оно что...

Джонс. Ну так что же? Почему брат не может выступить как свидетель? Ведь моя свояченица заплатила за него наличными.

Судья. Прошу спокойствия! Ввиду возникшей необходимости дополнительного изучения обстоятельств дела суд постановил отложить разбирательство...

Я уложил на полки папки с протоколами опытов, запер шкаф, повесил ключ на гвоздь и направился к двери. Шаги звонко разносились в нагретой тишине. Взявшись за ручку, я замер с поднятой головой: послышался легкий торопливый шелест. «Крыса, — мелькнуло у меня в голове. — Удрала из клетки? Это невозможно». Лабиринт, расставленный на столах, я мог охватить одним взглядом. Петляющие коридорчики под стеклянной крышкой были пусты. Наверное, показалось. Однако я не двигался с места. Снова шорох у окна. Отчетливый стук коготков. Обернувшись, я быстро присел и заглянул под столы. Ничего. Опять шорох, на этот раз с другой стороны. Я подскочил к печке. Упрямый шумок донесся из-за спины. Застыв на месте, я медленно повернул голову и посмотрел краем глаза. Светло и тихо. Еще шорох, и еще — с противоположной стороны. Я резко раздвинул столы. Ничего. Совсем рядом со мной нахальная возня, треск разгрызаемого дерева. Неподвижный, как изваяние, я обводил глазами комнату. Ничего. Неожиданно три-четыре резких шороха, шум под столами. Дрожь отвращения прошла у меня по спине. «Ну, не боишься же ты крыс», — уговаривал я себя. От шкафчика, который я только что запер, донесся энергичный скрежет зубов. Я подскочил к дверцам — за ними что-то мечется, мягко клокочет, трепещет. Срываю замок... серый клубок летит мне прямо в грудь. Охваченный ужасом, задыхаясь, с отвратительным комком в горле, сделав такое усилие, будто свалил с себя каменную плиту, я проснулся.

В автомобиле было темно. Я едва разглядел профиль Роберта в зеленом свете приборов. Он небрежно откинулся назад и скрестил руки на руле. Где-то он подсмотрел эту позу, наверное, у какого-нибудь профессионального водителя.

— Ну, что там с тобой? Не можешь усидеть? Уже подъезжаем.

— Душно в этой коробке, — буркнул я, опуская стекло, и подставил лицо резкому ветру. Тьма стремительно летела назад, только лента шоссе перед нами мерно покачивалась в свете фар.

Один поворот, другой — снопы света открывали длинные

коридоры между стволами высоких сосен. Как белые призраки, выскакивали из мрака и исчезали дорожные столбики. Несоизданно асфальт кончился. «Шевроле» подпрыгнул на выбоине и, приплясывая, помчался узкой лесной дорогой — по мне мурашки пробежали при мысли, что мы сейчас налетим на какой-нибудь невыкорчеванный пенёк. Но я смолчал. Лес перед нами поредел, деревья расступились, и мы оказались на месте. Как я и ожидал, Роберт не убавил скорости на краю поляны и со скрежетом затормозил у самого полотнища палатки, бледно просвечивающего сквозь темноту. Передними колесами мы чуть не уперлись в колышки, к которым были привязаны тросы. Я уже хотел выругать Роберта за глупую браваду, но вспомнил, что это наш последний вечер.

В Олбани на почте Роберта ожидало известие, что через два дня он должен явиться в редакцию. Ровно столько времени нужно, чтобы преодолеть без малого тысячу километров, отделяющих наш лагерь от Оттавы: до Олбани на автомобиле, потом на пароходе и снова — автострада. Роберт предложил мне остаться на озере до конца сентября, как мы рассчитывали, но я, конечно, не согласился.

Сразу же за городом, выезжая в сумерках на автостраду, мы переехали зайца. Это была единственная дичь, если не считать форелей, что досталась нам в добычу. Мы взяли его в машину и сейчас принялись готовить ужин. Заяц был старый и поэтому огнеупорный; подступить к нему удалось только около полуночи. Борьба с мочалистым жарким немного развеяла наше похоронное настроение; этому способствовало и пиво, припрятанное в багажнике для какого-нибудь особого случая. Мы решили, что сейчас именно такой случай. Роберт вдруг вспомнил о привезенных из городка газетах и пошел за ними к машине. Гаснущий костер давал мало света, и он включил одну фару.

— Погаси! — крикнул я.

— Сейчас.

Он разложил газетные полотнища.

— Ты недостойн жить в этой почтенной лесной глуши, — сказал я, закуривая трубку. — Горожанин несчастный.

— Лучше послушай. — Роберт наклонился над газетой. — Тот метеор, о котором писали на прошлой неделе, помнишь? Снова показался.

— Чепуха.

— Да нет, слушай: «...сегодня рано утром — это вчерашняя газета — он в третий раз приблизился к Земле и, входя в верхние слои атмосферы, раскалился добела, после чего

удалился, остывая. На пресс-конференции профессор Мерривизер из местной астрономической обсерватории опроверг версию, распространяемую американскими газетами, будто бы это тело — космический корабль, облетающий нашу планету перед посадкой. Это — заявил профессор — метеор, захваченный земным притяжением, который стал новой луной и обращается вокруг Земли по эллиптической орбите. В ответ на вопрос нашего корреспондента, следует ли считаться с возможностью падения метеора на Землю, профессор Мерривизер ответил, что это не исключено, так как, приближаясь при каждом обороте к Земле, метеор подвергается торможению вследствие трения о воздух. Названная проблема разрабатывается многими обсерваториями и будет решена в ближайшее время...» Тут у меня газеты из Штатов, трехдневной давности. Ну, они там и изошряются: «Космический звездолет приближается», «Электромозги будут переводить речь неизвестных существ», «У нас гости из космоса...» Ну-ну, — добавил Роберт с оттенком сожаления, — а я тут сижу в лесу.

— А, обычные утки, — сказал я. — Гаси свет и выброси эту макулатуру.

— Ну ладно, конец сказке...

В полумраке Роберт вернулся к костру, который пока стал грудой красных углей, подбросил веток и, когда они занялись, уселся на траву и заговорил негромко:

— А может, и впрямь звездолет... Чего ты смеешься?

— Да я знал, что ты не оставишь этого в покое.

— Эх ты, психолог, психолог, — пробурчал Роберт и пошевелил веткой костер, который, словно рассердившись, выбросил с ужасным треском сноп искр. — А почему и взаправду не может быть корабля? Ну-ка, скажи?

— Скажу. Где одеяло? От земли тянет, как из преисподней, а это к заморозкам. Итак, мой друг, за шесть тысяч лет земной цивилизации к нам не прибыл ни один космический корабль. Эдакое событие неизбежно оставило бы след в исторических хрониках... Но его нет. А вероятность события можно оценить по тому, как часто оно происходит, — понимаешь? Большие метеоры падают на Землю регулярно — раз, а то и два раза в столетие. А кораблей не было... поэтому вероятность, что огненное тело было ракетой, практически равна нулю.

— Пусть так... Но ведь известно, — Роберт заговорил оживленней, — что есть обитаемые планеты. Не в нашей Солнечной системе, так в других. Когда-нибудь возьмет какой-нибудь корабль да и прилетит к нам.

— Да, возможно. Скажем, через два миллиона лет. А может, уже через сто тысяч. Как видишь, я не хочу тебя огорчать.

— Какое было бы событие... — вслух мечтал Роберт. — Знаешь, в этом вопросе мнения делятся так: одни считают, что такой контакт с другим миром принес бы нам пользу, а другие — что это было бы началом «войны миров». А ты на чьей стороне?

— Ни на чьей. Вышло бы что-то вроде визита улиток к белкам, и результаты соответствующие: никакие. Различие в строении — препятствие неодолимое.

— Структуры мозга?

— Не только. Структуры жизни вообще. Даже если бы они обладали речью — что совсем не обязательно, — мы не договорились бы с ними...

— Но ведь через какое-то время удалось бы.

— Весьма сомнительно.

— Почему?

— Мы, люди, — зрители: масса наших понятий выводится из сферы оптических впечатлений. А их ощущения могут основываться на другом принципе... Например, на обонянии. Или на совершенно неведомом — скажем, химическом... Становится все холоднее. Подбрось-ка в огонь... Впрочем, дело даже не в разнице ощущений, ее бы мы в конце концов преодолели. Но тогда мы увидели бы, что нам просто не о чем с ними говорить... Мы создаем и совершенствуем футляры — для жилья, для укрывания тела, для путешествий. Засим занимаемся питанием и очищением наших тел, двигаемся по особым методикам — я имею в виду спорт, — и во всех этих областях у нас не было бы общего языка...

— Ну что ты говоришь, Карл? Ведь не прилетели бы они к нам, чтобы поговорить о моде или спорте.

— А о чем?

— Ну... об общих проблемах...

— О каких?

— Что ты меня экзаменуешь! О науке, о физике, о технике...

— Я докажу, что ты ошибаешься. У тебя под руками нет какого-нибудь прутика? Трубка засорилась. Спасибо. Итак, во-первых, их цивилизация может развиваться совсем в ином направлении, чем наша, — тогда взаимопонимание было бы чрезвычайно затруднено. Но даже если предположить, что, как и у нас, она базируется на высокой технике, все равно беседовали бы мы с огромным трудом. Мы еще не можем преодолеть пространство между звездами — не правда ли? —

а они самим своим прибытием докажут, что могут. Значит, они превосходят нас, опережают в технике и одновременно в науке — одно связано с другим. Вообрази, к примеру, что современный физик, какой-нибудь де Бройль или Лоуренс, встречает своего земного коллегу, жившего сто пятьдесят или двести лет назад. Тот рассказывает о каких-то флогистонах, а этот говорит о космическом излучении, об атомах...

— Ну хорошо, но мы-то уже знаем об атомах, и немало.

— Согласен, но они знают существенно больше, атом может быть для них понятием безнадежно устаревшим, а может, они его вообще перепрыгнули, иначе решили проблему материи. Нет, не думаю, чтобы беседы оказались плодотворны — даже в области точных наук. А в повседневных делах вовсе не нашлось бы ничего общего. Не сумев понять друг друга в конкретных вещах, мы тем более не сможем договориться в сфере обобщений, которые являются производными этих конкретностей. Иные планеты, иная физиология, иная интеллектуальная жизнь... Разве лишь... Но это сказка...

— Что «разве лишь»? Расскажи.

— Э, ничего. Мне пришло в голову, что с виду они могли бы походить на нас и все-таки представлять непонятный мир... — Я остановился.

— Не совсем понимаю. Что ты хотел сказать?

— Речь о том, — объяснил я, постукивая мундштуком трубки о камень, — что на Земле только человек достиг высокого уровня разума. В других условиях могли бы параллельно развиваться два разумных вида, различных...

— И между ними вспыхнула бы война — об этом ты говоришь?

— Нет. Это как раз земная, антропоцентрическая точка зрения. Лучше оставим фантазии в покое. Скоро два, давай спать.

— Ну, ты хорош! Сейчас спать? Нет, ты должен сказать все.

— Бог с тобой. Скажу, хотя и лезу в совершенно невероятную фантастику. Один из разумных видов мог бы быть человекообразным, но на низкой ступени развития... А другой господствовал бы и... вообрази себе такую ситуацию: на Землю садится корабль, мы находим в нем существа, похожие на нас, чувствуем их как покорителей пространства, а на самом деле это просто низшие виды иного мира — понимаешь, существа, которых настоящие конструкторы звездолета посадили в кабину и выстрелили в пространство... Ну, как мы посылаем в ракетах обезьян...

— Неплохая история. Почему ты не пишешь таких рассказов? У тебя буйное воображение.

— Сказок я не пишу, потому что занят другими делами. Ладно, давай спать. Утром еще поплаваем на озере, я хотел...
Погоди, что это?

— Где?

— Там, над лесом.

Роберт вскочил с земли. Невидимое до сих пор небо посветлело. Засверкали кромки туч.

— Что это, луна? Свет слишком яркий... смотри.

Зарево разгоралось. Мгновение, и ближние деревья начали отбрасывать тени. Вдруг ослепительный столб огня разорвал тучи, пришлось закрыть глаза. Лицо и руки опалил мгновенный жар. Земля вздрогнула подо мной, подпрыгнула и провалилась. Потом послышался протяжный, идущий со всех сторон гром, который нарастал и опадал каскадами. Сквозь слабеющий грохот был слышен только страшный треск падающих деревьев. Порыв горячего ветра ударил в нас, разметал костер, я почувствовал обжигающую боль в ноге — меня огрело головешкой. Задыхаясь в облаках пепла, я покатился куда-то вбок. Втиснув лицо в траву, подождал несколько долгих секунд. Постепенно стало тихо, беспокойный ветер шумел в стволах уцелевших деревьев, темнота вернулась, и только над северным горизонтом красновато светилась луна.

— Метеор! Тот метеор! — возбужденно закричал Роберт. Он закрутился на месте, подскочил к машине и включил фары. Свет вырвал из темноты распластавшуюся на земле палатку, перекрученные и осыпанные золой постели, а Роберт бегал вокруг и сообщал лихорадочно:

— Переднее стекло машины треснуло — наверное, какой-нибудь осколок... Эту огромную ель вырвало с корнем... Счастье, что нас деревья заслонили... Погоди, я возьму бинокль, пойдем посмотрим с берега, что там делается...

Оставив включенными фары автомобиля, мы по узкой дорожке вышли на плавно понижающийся берег бухточки. В слабом свете далекого зарева едва намечались темные контуры скал, торчащих из воды. Роберт внимательно рассматривал в бинокль темноту, но ничего не обнаружил, кроме равномерного пурпурного свечения у северного горизонта.

— Слушай, пойдем туда. Посмотрим вблизи. Ну, дружище, какая у меня будет сенсация! — воззвал Роберт.

Вдохновленный этой идеей, он кинулся к лагерю.

— Для твоей газеты? — спросил я серьезно, хотя в горле у меня щекотало от сдерживаемого смеха.

— А как же!

— Уже третий час. Ночь. Давай-ка ляжем спать.

— Как ты можешь!

— Ложимся спать! — повторил я внушительно. — Бери полотнище с другой стороны, натянем. Матрацы продырявлены, как решето... Нужно взять подушки из машины. Если это был метеор, он до утра не сбежит. Засветло можем предпринять туда экскурсию — через озеро, потому что на машине не проехать. По-моему, это на северном берегу, на болоте. Машина цела?

— Да, только переднее стекло...

— И на том спасибо. А теперь — спать.

Роберт, бурча что-то насчет обывателей, которые, даже если наступит конец света, не забудут надеть войлочные туфли, вместе со мной поставил палатку и уложил в ней автомобильные сиденья. Мытье посуды, в связи с исключительными событиями, мы отложили до утра. Я уже засыпал, когда Роберт окликнул меня:

— Карл, с точки зрения статистики, вероятность того, что метеор упадет как раз здесь, была равна нулю. Что ты на это скажешь... Ты меня слышишь? — переспросил он громче.

— Слышу, — ответил я сердито. — Оставь меня наконец в покое.

Я натянул на голову одеяло и тотчас уснул. Меня разбудил автомобильный клаксон. Я выглянул из палатки. Было уже светло. Роберт возился с машиной. Он принялся объяснять, что нажал гудок нечаянно. Я не стал его слушать и пошел к воде. Наш бивак находился на конце большого полуострова, вдававшегося в черное, почти неподвижное озеро, в котором отражалась плотная стена леса. Кое-где в ней зияли прогалины. Северный берег озера, обычно прочерченный на горизонте тонкой линией, сейчас не был виден — там тянулась пелена белого тумана. Сразу же за большими камнями было глубоко. Я прыгнул в воду, у меня перехватило дыхание — такая она была холодная, обогнул мыс и потом, лежа на спине и работая только ногами, вернулся на берег. Роберт уже сталкивал лодку, но ему пришлось подождать, пока я позавтракаю, — я не хотел поддаваться на его уговоры и есть в пути. Потом не желал заводить мотор, нужно было продуть карбюратор, так что мы отчалили только после десяти.

За нами простиралась изрезанная линия лесистого берега, удалившись от него, мы почувствовали слабый восточный

ветер, поднявший легкую волну. Мотор громко стучал, мы быстро двигались вперед. Минут через пятнадцать берег превратился в синеватую полоску, зато стена тумана, казалось, вздымается все выше, молочный пар достиг уже хмурого неба. Мне было нечего делать, я неподвижно сидел на скамье и все сильнее сомневался в целесообразности нашего похода. Я старался припомнить все, что читал о метеорах, особенно об огромном сибирском метеорите. Место его падения безрезультатно искали годами, а жителям окрестных селений, над которыми пролетел метеорит, казалось, что он упал совсем рядом. Если «наш» метеор тоже был огромным, он мог упасть на десятки миль дальше на север, думал я, и поиски ни к чему не приведут. Однако этот туман... Я еще никогда не видел такого густого и на столь большом пространстве. Мне вдруг пришло в голову, что без компаса мы в нем заблудимся. Я взглянул за корму — берега исчезли, вокруг простиралось черное, иссеченное волнами, мерно колыхавшее лодку озеро. Даже если метеор упал относительно близко... путь к нему, да еще по болоту, будет не из легких. В автомобиле была карта окрестностей, ее нужно было взять с собой, но, как это обычно бывает, мы о ней забыли. Направление к центру катастрофы показывают своими корнями поваленные деревья... по крайней мере, теоретически. По берегу, к которому мы стремились, двигаться было нелегко даже при хорошей видимости... Все предприятие уже казалось мне бессмысленным, однако я молчал, слишком хорошо понимая, что Роберт будет глух к доводам рассудка.

Мы подплывали к туманной стене. Ключья тумана тянулись к нам; они стелились над водой и были похожи на огромные скрюченные корни. Мы окунулись в молочную пелену. Еще раз в просвете меж клубами тумана я увидел черный простор воды, потом его расплывающиеся языки мягко сомкнулись; теперь мы плыли в теплой влажной туче. Меня охватило странное чувство — не страх, а непреодолимое ощущение, что мы приближаемся к чему-то необычному и оно вот-вот вынырнет из непрозрачного света. Я нажал на рукоять мотора и поднял вращающийся винт из воды.

— Что ты делаешь! — воскликнул Роберт.

Другой рукой я опустил весло; мне казалось, что происходит что-то нехорошее. Вода, вместо того чтобы забурлить вокруг лопатки весла, осталась неподвижной.

— Роберт, — крикнул я, — нас несет течение. Раньше его здесь не было.

Белый пар заполнил лодку, размазав очертания носа.

Энергично работая веслом, я поставил ее бортом, а потом кормой к направлению потока, опустил винт, вода за кормой закипела, но, хотя мотор толкал нас теперь в обратном направлении, мы продолжали плыть в гущу тучи, кормой вперед.

— Весла! Роберт, весла! — заорал я.

Лодка уже не покачивалась, как прежде. Она вибрировала — не сильно, но так, что в этой мелкой дрожи чувствовалась неодолимая сила потока, — и мчалась, пронзая туман. Становилось темней; в разрывах тумана вода, рассекаемая веслами, была странно коричневой. Наши усилия не давали результата, от стремительного движения скамейка подо мной дрожала, как натянутая струна. В этот момент прямо над нами послышался басовитый голос мотора. «Самолет!» — воскликнули мы одновременно, задрвав головы в надежде на чудо. Мы не увидели ничего. Звук мотора удалялся, потом пропал совсем, зато сквозь постукивание нашего моторчика прорвался глухой гул, похожий на гул водопада. Впереди, в тумане очертился чудовищный горб; лодка вздыбилась и ринулась вниз. Отчаянно работая веслами, мы тщетно пытались удержать ее в равновесии. Я почувствовал, что скамья вырывается из-под меня, удар холодной волны швырнул меня в сторону, я потерял из виду Роберта и поплыл, бессознательно стараясь удержаться на поверхности, но чувствовал, что слабею. Я летел по черной, круто спадающей дуге, со всех сторон потоки воды врывались в клочущую воронку. Меня засасывало. Тянуло все глубже и глубже. Задыхаясь, давясь, я увидел пульсирующие красные огни и потерял сознание.

Я пришел в себя от рвоты. Я лежал животом на чем-то тугом, эластичном, выплевывая и выхаркивая воду. Лежал долго. Что-то плоское, скользкое ударило меня в бок. Это движение замирало на время и снова начиналось, оно было похоже на трепетание живого существа. Оно отрезвило меня. Приподнявшись на руках, я сел. Я начал видеть: вокруг было темно, но вблизи все мерцало очень слабым сероватым светом. И невдалеке лежал какой-то большой слабо светящийся предмет. Все еще кашляя, я поднял руку к лицу, чтобы утереться, и остолбенел. Сквозь мою мокрую рубашку, облепившую тело, сквозь шорты пробивался мутный свет. Мои ладони, пальцы, голые до локтей руки излучали сероватое фосфорическое сияние. Все тело пылало слабым, негресущим огнем. Я ощутил головокружение и судорожно протер глаза. «Это ничего, это всего лишь галлюцинация», — уговаривал я себя беззвучно. Закрыв и снова открыл глаза.

Видение не исчезало, наоборот, я замечал все новые подробности. Предмет, лежавший неподалеку, оказался Робертом. Его тело сверкало, как мое. С огромным усилием я привстал и на коленях подполз к нему. Потряс за плечо раз, другой — он очнулся. Я увидел его глаза, они не светились и потому казались темными пятнами на лице. Он начал дышать глубже, потом громко закашлялся, выплевывая воду. Я был слишком слаб, чтобы поднять его, и сидел, терпеливо ожидая, когда он окончательно придет в себя.

— Что это... Карл? Где мы?.. — заговорил он наконец хрипло.

Я молча глядел, как он встает, покачиваясь, как проявляется на нем феномен свечения, который меня так поразил. Постепенно возвращались силы. Я глубоко дышал, чувствуя, как проясняется у меня в голове. Потом встал рядом с Робертом. Мы смотрели друг на друга; знакомые черты выглядели непривычно из-за мутного, бледного свечения кожи.

— Что это? — спросил Роберт, шагнул вперед и пошатнулся: из-под ног что-то выскочило с громким шумом. Я нагнулся — между пальцев проскользнуло что-то трепещущее, скользкое.

— Рыба, — сказал я удивленно.

— Рыба? Но... но она светится... — пробормотал Роберт.

Действительно, рыба излучала слабый свет, который, казалось, пробивался сквозь ее чешую.

— Как мы... но слабее... — проговорил я, оглядываясь.

Вокруг неясными пятнами фосфоресцировали рыбы, неуклюже бьющиеся о поверхность, на которой мы стояли. Я заметил, что она слегка прогибается под ногами. Пытаясь понять, что это такое, я низко наклонился и увидел правильно расположенные круглые отверстия, такие большие, что можно было в них всунуть руку.

— Где мы? — услышал я голос Роберта; он, не шевелясь, смотрел, как я по плечо всовываю руку в отверстие.

Я не ощутил ни малейшего препятствия — внизу была пустота.

— Не знаю. Ничего не понимаю. Нужно осмотреться... насколько возможно, — сказал я, вставая. — Раз уж мы сюда попали, здесь должен быть какой-то вход. Нужно его найти...

Не знаю почему, я не верил в то, что говорил.

— Пошли, — согласился Роберт. Он отлепил мокрую рубашку от груди, несколько раз провел пальцами по светящимся бедрам и буркнул: — Что это может быть?

Я тронулся с места. Мы почти на ощупь двигались в

глубокой тьме, которую чуть-чуть освещая блеск наших тел. Осторожно ступая на полусогнутых ногах, расставив руки в стороны — эта колеблющаяся под ногами субстанция не внушала доверия, — мы через пару-другую шагов наткнулись на нескольких рыб, подающих слабые признаки жизни. Одна, уже заснувшая, совсем не светилась. Мне это запомнилось. Мы двигались вперед по пологому склону. Внезапно Роберт наткнулся на стену, вернее, на вогнутую гладкую поверхность. Ощупав ее снизу доверху, я решил, что мы внутри какой-то ниши или пещеры овальной формы. Дальше отверстия в полу исчезли, и мы стали продвигаться немного быстрее. Роберт меня обогнал. В свете, который излучало его тело, я разглядел противоположную стену, такую же закругленную.

— Какое-то овальное подземное корыто... — сказал он.

Я не ответил. Роберт достал складной нож, приставил его к матовой поверхности и нажал. Лезвие вошло почти по рукоятку, так что он с трудом его вытащил. В приступе бессмысленного гнева он еще несколько раз ткнул податливую субстанцию.

— Оставь, — бросил я сердито. — Это нелепо.

— Хорошо, хорошо. — Роберт спрятал нож и пошел дальше.

Его фигура, бледно светясь, мелькала передо мной в темноте. Он остановился, наклонился, снова выпрямился и возбужденно окликнул меня:

— Тут что-то есть... какая-то дорога...

В стене туннеля, по которому мы до сих пор шли, открылась широкая воронка. Возможно, это было начало ведущего куда-то коридора — сразу мы не могли этого определить. Но я вглядывался в темную глубь так, что закололо в глазах, и мне показалось, что вдалеке тлеет мерцающая искорка. Дно воронки находилось несколько выше уровня туннеля. Мы вошли внутрь. Под ногами пружинило все то же эластичное вещество. Огонек приближался, рос, наконец мы очутились прямо под ним. По вогнутому своду бежала светящаяся полоска, сначала тонкая, как нитка, потом она становилась все толще, пока не перешла в голубоватую жилу, протянутую в глубь коридора. Сбоку, в стене, появилось отверстие. Из него выходила тонкая светящаяся жилка и соединялась с той, которая бежала под потолком. Словно сговорившись, мы остановились.

— Ты знаешь, где мы? — тихо сказал Роберт.

— Догадываюсь...

— Внутри... метеора...

— Это не метеор...

— Нет. Это какой-то...

Он не закончил. Я молчал. Эта сумасшедшая мысль овладела мной, как только я открыл глаза. Высказанную, я принял ее спокойно. Мы находились — как я мог в этом сомневаться? — рядом с непохожими на нас разумными существами, должны были с ними встретиться, увидеть их, это было неизбежно. Роберт думал о том же. До меня донесся его шепот:

— Они должны быть где-то здесь...

Там, где к главной жиле присоединялась другая, коридор плавно изгибался. Мы шли дальше, наклонив головы, с ногами, слегка увязающими в мягком полу, — у меня мелькнула мысль, что эти существа здесь не ходят или... у них нет ног... Еще одна жила, и еще. Их немного змеистый бег наводил на мысль об их живой природе — обычный кабель шел бы прямо. Роберт кончиками пальцев дотронулся до мерцающей над головой жилы.

— Холодная, — шепнул он.

Мы снова задержались. Стену перед нами заливал трепещущий свет. Я чувствовал еле уловимое дуновение — там угадывалось какое-то пространство. Мы замерли. Роберт стиснул мою руку.

— Я думаю... мы в плену, — выдохнул он прямо в ухо.

— Чепуха, — мигом ответил я, тоже шепотом.

— Я тебе говорю.

— Откуда ты знаешь?

— Подумай: мы ведь можем дышать.

Эти слова поразили меня. Роберт был прав. Трудно было предположить, что помещение космического корабля с иной планеты наполняет земной воздух — не похожий, а самый настоящий земной: я отчетливо чувствовал сырой, свежий запах озера.

— Они о нас заботятся, — дыхнул мне в ухо Роберт.

Толстый светящийся кабель пульсировал над нами. Я не знал, был ли в словах Роберта страх. Сам я его не чувствовал.

— Пошли! — нарочито громко сказал я.

— Это не сон, правда? — спросил он, не двигаясь с места.

— Общих снов не бывает. Пошли! — повторил я.

За поворотом коридор стал просторней и закончился отверстием, обрамленным по кромке толстым валиком. Дальше открывалась ширь, размеры которой не поддавались определению. Полумрак, наполненный кружащимися вверху и внизу огнями. Искрящиеся жилы толщиной в человеческое тело шли с разных сторон, соединялись в извилистые переплета-

ющиеся каналы, в местах их соединений непрерывно циркулировали пушистые продолговатые светящиеся комья. Из глубины выступали плотные глыбы темной блестящей материи, в которых двигались световые блики, повторяясь в сериях удаляющихся слабеющих вспышек. Все пространство попеременно расширялось и сокращалось, сверкающие каналы то становились уже, то растягивались с какой-то змеиной грацией, в огнях появлялись полосатые сгустки, огни распались на отдельные облачка, чтобы через мгновение лениво, как бы сонно разогреться снова и плыть и кружиться в разгорающемся блеске. Внутри толстой жилы, вознесенной высоко над нами, переплетенной с другими такими же жилами, лениво проплывали продолговатые голубые огоньки. Серое, словно приглашенное свечение наших тел было теперь едва видно. Стоя плечом к плечу, недвижимые, мы рассматривали окружающее нас пространство.

— Смотри, — ахнул Роберт.

Пушистая светящаяся масса с темными сгустками внутри двинулась к нам. В ее блеске совсем угасло свечение наших лиц; она взлетела вверх; удаляясь, она становилась все меньше.

— Карл... — шепнул Роберт. — Может... это... они?

— Эти огни?

— Да, ведь мы тоже... наверно, у этого пространства такие свойства. А рыбы? Помнишь? Они тоже светились... Все живое здесь так светится...

Я молчал, глядя на хороводы парящих огней. Глубоко вдохнул воздух. Он был холодный и чистый. Да, это не могло быть случайностью. От этой мысли сердце у меня начало биться медленно и тяжело.

— Карл, — снова зашептал Роберт.

— Что?

— Что будем делать?

Этот беспомощный вопрос напомнил мне о чем-то.

— Прежде всего нужно запомнить дорогу, которой мы сюда пришли, — сказал я и оглянулся.

Отверстия коридоров, таких же, как тот, что привел нас сюда, темнели в плавно изогнутых нишах. «Наш» вход отличался большими размерами и окружающим его валиком.

— Попробуем пройти, — сказал я и двинулся вперед.

Роберт послушно пошел за мной.

Все в той же абсолютной тишине кружились огни, они проплывали, минуя нас; пушистые светляки медленно пульсировали внутри стекловидных жил, и все пространство,

казалось, мерно дышало, словно во сне. Удивительно: эта мысль появилась и у Роберта.

— Карл!

— Что?

Я видел, что он пытается побороть страх. Он не сразу сумел произнести:

— Может, это не внутренность звездолета, а...

— А что?

— Организма...

Я вздрогнул.

— Одного организма?

— Да. В космическом корабле мог быть всего лишь один... одно существо. Может, это металлическая скорлупа, заполненная одним огромным организмом, который...

— Который спит, сейчас проснется и проглотит тебя, — сказал я язвительно. — И мы в его чреве, да? В брюхе Левиафана.

— Почему бы нет?

— Потому что исключено.

— Почему?

— Откуда бы в брюхе взялся воздух? Впрочем, хватит об этом. Это у тебя слишком буйное воображение, а не у меня. Пошли.

Продвигаясь шаг за шагом под перекрещивающимися жилами, огибая вертикальные, выходящие из-под пола трубы, я старался привыкнуть к мысли, что продолговатые огни — живые существа, но никак не мог с этим примириться. Они не обращали на нас — насколько можно было судить — ни малейшего внимания. Мы шли и шли по извилистой запутанной дороге. Это продолжалось, пожалуй, около часа. Постепенно обстановка изменилась. Пол, до сих пор гладкий, стал ребристым. В нем появились неглубокие поперечные желобки. Меня мучила жажда. Если бы хоть немного воды. Мне вспомнился ледяной водоворот озера, в котором мы чуть не утонули, и злая гримаса искривила мои губы. О, человеческое убожество, вечные метания между недостатком и избытком... Я сразу же обругал себя за это дурацкое философствование. Уголкем глаза взглянул на Роберта. Он то убыстрял шаги, то останавливался и оглядывался, облизывая губы, один раз даже уселся, но, когда я посмотрел на него, молча встал и поплелся за мной. Наконец он загородил мне дорогу.

— Карл, это бессмысленно. Вернемся.

— Куда?

— Туда, откуда пришли. Там... рыбы.

Я понял.

— Ты голоден?

— Я сгораю от жажды, я едва могу говорить. С меня хватит. Вернемся. Попробуем прорезать ножом эти стены. Они словно резиновые.

— Сначала нужно исследовать здесь, это пространство. Может быть, удастся найти выход. Я не думаю, что мы найдем его там, в темноте.

— Пошли сейчас. Я больше не могу. Я... говорю тебе, за нами следят.

— Следят? С чего ты это взял?

— Не знаю. Я это чувствую.

— Роберт, тебе почудилось. Чтобы выбраться из этой истории, мы должны стараться...

Его лицо исказилось, он закричал:

— Перестань меня поучать! Знаю, знаю, мы должны вести себя разумно, я должен быть рассудительным и осторожным...

— Не трать силы на крик, — перебил я. — Пока нам не из-за чего отчаиваться; с нами не произошло ничего плохого и...

— Конечно. Да, знаю, они заботятся о нас. Прошу тебя, дай им понять, что без воды и пищи мы не можем жить. Мы здесь будем дышать, а они нам посветят.

— Роберт!

Я подавил гнев.

— Пойми, Роберт, они не могут быть такими, как мы. Считать, что эволюция повторяется во всем космосе, с теми же формами, мозгами, отверстиями глаз и рта, мышцами, — это же чушь. Мы должны сохранять хладнокровие.

— Ну и что? Ну и что? — снова взорвался он. — Разве я хочу, чтобы они были на нас похожи? Разве я вообще чего-нибудь хочу? Очень тебя прошу, будь разумным, будь здесь гениальным мыслителем, Ньютоном, Эйнштейном, продемонстрируй им человеческое достоинство и мудрость.

Роберт вдруг смолк, закусил дрожащие губы и пошел, даже не посмотрев, иду ли я за ним. Огни по-прежнему плавали над нами. Мы продвигались по дну длинного желоба; его стены становились все выше. Сверкающие клубки рассыпали вокруг пятна света. Я размеренно шел вперед. Роберт иногда почти бежал, все больше опережая меня, — я не пробовал его задержать, считая это бессмысленным. Светящаяся чащоба пульсировала огнями, она опускалась все ниже, ближе к нам, — огромные трубы, наполненные голубоватым мерцанием, в котором все чаще появлялись трепещущие красные полосы; в глубине стеклянистых

колонн они росли и превращались в сгустки. Я отчужденно видел, как в одной колонне, прямо передо мной, такое уплотнение, освещенное изнутри рубиновым огнем, отвердело, затем накатилась волна более мощного света и движения и унесла пурпурные сгустки — снова в глубине колонны горела молочная белизна. Заглядевшись на эту игру пурпурных закатов и белых рассветов, я на мгновение потерял Роберта из вида. Осмотрелся — он стоял в нескольких шагах от меня, словно окаменев. Вдруг он начал медленно пятиться... Коснулся ногой чего-то на полу и с воплем ужаса бросился бежать.

— Стой, — крикнул я. — Роберт! Роберт!

Я кинулся к нему. Он вырвался с такой силой, что я упал. В момент столкновения я заметил, что у него сумасшедшие стеклянные глаза. Я поднялся на колени и позвал его еще раз, не надеясь, что он услышит. Его сверкающий силуэт становился все меньше. Он несся, согнувшись, сквозь переплетения медленно плывущих, облачных огней. Я видел, как он перепрыгнул через какое-то препятствие, потом он исчез. Я остался один. Первым порывом было бежать за ним, но я мог бы часами искать его в этом лабиринте огней. Я повернул назад — что его так напугало? В неглубокой выемке между двумя стенами-желобами притаился съездившийся человек. На темном фоне стен его тело бледно светилось, так же, как мое. Он наклонил голову, подтянул колени к груди и сидел совершенно неподвижно. Вверху проплыла сверкающая масса, обдала нас светом. Ничего не понимая, с горлом, сжатым отвратительным страхом, я схватил недвижимое тело за плечо и ощутил под пальцами нечто твердое — оболочку — человек был покрыт тонкой стеклоподобной пленкой. Мумия? Я непроизвольно отпустил его — он медленно качнулся назад, уперся спиной в стену, так что его лицо, слабо светящееся в темноте, смотрело на меня.

Какое это было потрясение! Я знал эти черты. Но не мог сразу понять, на кого они похожи. Конечно — лицо Роберта, но похожее и на мое... Я еще раз схватил это тело... легкое... пустое... это не был живой человек, он никогда не жил — это вообще был не человек, а кукла, мертвая кукла... Я был близок к истерике. Вокруг меня летали продолговатые извивающиеся огни, и я смотрел на них, словно пытаюсь найти разгадку. Еще раз добросовестно ощупал светящуюся неподвижную фигуру. В голове моей был хаос. Я встал и осмотрелся; я как будто что-то искал. Вдруг вспомнил: нет Роберта. Попытался убедить себя сохранять спокойствие —

так же, как убеждал перед этим Роберта, но во мне не было никаких мыслей, никаких слов. Я поплелся туда, откуда пришел.

Я был как в горячке, огни роились в глазах, изо всех сил я стискивал зубы и беззвучно повторял: «Спокойно... спокойно...» Жажда иссушила меня, я не мог даже облизнуть губ. Вдруг вспомнил о рыбах, об их сочном свежем мясе, и у меня свело челюсти. Я уже ни о чем больше не думал, только о том, чтобы найти рыбину. Шел все быстрее под толстыми пульсирующими кабелями, добрался до отверстия большого коридора и, спотыкаясь, тяжело дыша, побежал под голубой жилой, тянущейся по потолку. Горло словно скребло когтями, дыхание перехватывало. Мне пришлось замедлить бег, когда вокруг стало темно. Лишь мое тело давало во тьме толику света. Вытянув руки, я двигался вперед, время от времени натываясь на эластичные стены, и наконец ногой почувствовал край небольшого отверстия. Наверно, где-то здесь... Я упал на колени и, с сердцем, полным отчаяния, освещая собственным лицом и руками пол, стал лихорадочно искать. Нет ничего... Вдруг я коснулся чего-то скользкого, овального. Рыба! Она была довольно большая, но плоская, в ней было больше плавников, чем мякоти, я даже не почувствовал вкуса ее крови. Я начал искать дальше — ничего. Подумал, что они свалились вниз, в пустоту, разверстую под этими круглыми отверстиями, и все же искал, пока не увидел еле заметный огонек. Это была рыба, она слабо светилась — я схватил ее и остолбенел... некоторое время смотрел на нее и разразился отчаянным хохотом. Не рыба, а имитация рыбы, стеклянистая кукла — как и то подобие человека в пространстве кружащихся огней... Я не мог справиться со смехом, заходился так, что потекли слезы. Замкнутое пространство отозвалось тихим звоном. Внезапно я умолк. Сел в темноте, стиснув голову руками, и начал думать с огромным усилием, как будто поднимал тяжести. Эта их систематичность в исследованиях, это предъявление рыбам кукол рыбы, а нам — человека, свидетельствовало о таком полном непонимании земного мира, что для веселья у меня не было ни малейшего повода. И где они вообще есть? Под моими опущенными веками появилась картина пространства кружащихся огней. Мог это действительно быть единый организм, его внутренность? Не верится... Но на каком основании я отбрасываю эту гипотезу? Из-за присутствия воздуха. Организм из иного мира, наполненный земным воздухом, — этого никак не объяснишь. Сравнение с внутренностями было натянутым и примитивным.

«На аналогиях далеко не уедешь, — подумал я. — Что-то, однако, нужно понять, с чего-то нужно начать, иначе грозит смерть. Не только в муках голода и жажды, но и в полном незнании я буду блуждать здесь, в самом ядре загадки, и до самого конца ничего не пойму. Что за издевательство! Подохну, как эти рыбы, выловленные из воды, задыхающиеся рядом с деликатно подложенной им имитацией...»

Я нашел отправную точку. Пожалуй, это было доказательством моего оупения или утраты способности рассуждать логически — во всяком случае, как открытие, как путеводную звезду я принял тот очевидный факт, что они прибыли на Землю. Прибыли на корабле, который разогрелся в атмосфере, а значит, должен быть сделан из какого-то твердого вещества, нечувствительного к высоким температурам. Но не это было сейчас самым важным. Главное, что прежде, чем прибыть, они должны были захотеть этого, решиться на такой полет, и в этом оказались похожи на нас — мы ведь тоже планируем космические путешествия. Итак, они предприняли экспедицию — с какой целью? Наверняка с научной. Откуда? Неизвестно. Впрочем, это неважно. Какой еще у меня был материал? Куклы. Возможно, попытки установить контакт. Чем это подтверждено? Нужно быть чрезвычайно осторожным, чтобы не ошибиться, поспешно трактуя факты. Какой цели должны служить куклы? Изучение наших реакций? Людей — и рыб? Но этих реакций они не поняли бы, не сумели бы их расшифровать, так как не понимали ни нашего языка, ни значения наших жестов, движений, поведения. Ничего. Они, наверное, не знали о нас ничего — разве не доказывало этого одинаковое отношение к нам и к рыбам? Однако вот существенный фактор — присутствие воздуха. Почему нас они обеспечили воздухом, а рыбам воды не дали?

У меня было неясное впечатление, что здесь кроется если не разгадка, то начало какой-то путеводной нити. Я пересбрал этапы своих рассуждений. Воздух... Самый простой ответ такой: он наполняет это пространство, потому что корабль сообщается (или какое-то время сообщался) с атмосферой. Может быть, открыты люки для проветривания? Нонсенс. Но возможно, они открыты по другим, не известным мне причинам, безотносительно к земным условиям, и воздух вторгся в корабль и наполнил его совершенно случайно? Если так, то мой логический анализ я мог оставить при себе. Из присутствия воздуха ничего нельзя было вывести — во всяком случае, в отношении интеллекта и обычаев Существ. Они могли вообще не дышать, и состав газа, наполняющего

корабль, мог быть им совершенно безразличен. Это вполне вероятно. Нет, это не тот путь — слишком много вариантов, и сверх того, случайности, которые я не мог угадать, — а они вполне могли быть причиной событий. Во всяком случае, благодаря истории с куклами, мысль о том, что Существа все знают и хорошо ориентируются в земных условиях можно было похоронить. Но куда они подевались? Или же мы действительно оказались в «брюхе Левиафана», втянутые потоком втекающей воды? И эти огни... Что потом произошло с водой? Если она заполнила помещение, то затем вытекла сквозь круглые отверстия, через которые ушли рыбы. Рыбы вернулись в воду? И об этом они позаботились?

На этом я со вздохом закончил анализ. Голова болела все сильнее, я все еще мог рассуждать. По-прежнему мучила жажда. В темноте появилось что-то едва различимое — я вскочил. Светящаяся, удлинённая фигура была уже близко. Я узнал Роберта, но не сдвинулся с места. Он подошел ко мне, осмотрелся — я понял его.

— Рыб нет. Оставалась одна, я ее съел. Остальные, должно быть, упали вниз.

Он молча направился туда, где поблескивала стеклянистая кукла. Я остановил его и в двух словах объяснил, в чем дело. Роберт пихнул ногой эту мертвую вещь и мгновение постоял над ней, сторбившись. Когда он повернулся ко мне, я испугался: он выглядел постаревшим на много лет.

— Что делал? Где был? — спросил я с перехваченным горлом.

Он пожал плечами и медленно сел. Я последовал его примеру и спросил:

— Видел что-нибудь новое?

Он покачал головой.

— Где нож?

— В кармане.

— Дай его мне.

Он отдал нож.

— Ты успокоился?

— Перестань, — хрипло сказал Роберт.

Мне стало жаль его.

— Ладно, старик, что было, то было, — сказал я, — но ты мог бог знает какую беду навлечь...

— Не могу говорить... во рту пересохло, — шепнул он.

Я молча раскрыл нож и, попробовав лезвие пальцем, приложил к краю ближайшего отверстия. Упругий материал сначала прогнулся, но я нажал сильнее, и он поддался. Орудия ножом, как пилой, я дошел до следующего отверстия

и изменил направление разреза. Таким путем я вырезал большой кусок пола, отогнул его и наклонился над образовавшимся отверстием — там было темно. Я заколебался — что делать дальше? На помощь пришел Роберт. Он подал мне светящуюся имитацию рыбы, я кивнул и бросил ее вниз. Стоя на коленях, затаив дыхание, следили мы за голубоватой черточкой ее полета.

В черной глубине мигом вспыхнула такая же светящаяся полоска и понеслась вверх, навстречу падавшей, — они встретились, послышался тихий плеск, и бледный огонек «рыбей куклы» стал неподвижен.

— Вода! Там есть вода! — разом вскрикнули мы.

Я попробовал оценить расстояние: метра четыре — пять. Роберт шевельнулся, как будто собираясь прыгнуть вниз. Я схватил его за руку.

— Не делай глупостей!

— Мы должны туда попасть!

— Постой. Прыгать нельзя, потом не вернешься. Погоди-ка. Есть!

Это была хорошая мысль. Я поспешно стал вырезать длинную полосу из эластичного пола — на коленях, рассекал его от отверстия к отверстию. Работа продвигалась не так быстро, как хотелось бы, — лезвие застревало в вязком упругом материале. Роберт понял мой план и стал помогать. Сменяясь, мы наконец вырезали полосу шириной в полметра, длиной метра четыре, почти до самой стены. Свободный конец полосы опускался до черного зеркала воды. Благодаря сегментам отверстий, оставшимся по краям ленты, ею можно было пользоваться как лестницей. Я дернул ее раз-другой — она показалась достаточно прочной, чтобы выдержать нашу тяжесть. Мы осторожно полезли вниз, ноги коснулись холодной поверхности, и мы спрыгнули в воду — сразу по шею. Не выпуская из рук косо натянутой ленты, пили и пили, пока не забулькало в животе. Я еще умыл лицо и теперь чувствовал себя бодрым. Сил сразу прибавилось. Какое это было блаженство! Роберт тоже повеселел, как от прикосновения волшебной палочки; он отпустил ленту, поплыл и в два взмаха достиг стены. Мы обследовали это замкнутое пространство — колодец четырех-пяти метров в поперечнике. Потом я нырнул, но, хотя ушел как мог глубоко, так что зазеленело в голове и от давления заболели уши, мне не удалось ни дна достать, ни обнаружить какой-нибудь люк в стене. Вынырнув, я сказал об этом Роберту.

Лишь сейчас, когда мы были по шею в воде и только слегка прикасались к свисающей сверху эластичной полосе, мы

вдруг заметили, что наши тела перестали светиться, — только плавающая рядом искусственная рыба излучала бледно-голубой свет.

— Может, здесь граница того пространства, понимаешь?! — возбужденно сказал Роберт. — А это выходной колодец: корабль частично погрузился в озеро, и здесь его уровень!

— Озера?

— Ну да! Пронырнуть бы до конца этого проклятого колодца и выбраться наружу!

Я услышал, как он глубоко вдохнул, набирая воздух для нырка. Потом сильно оттолкнулся и едва видимой белесой чертой ушел вниз, исчез в глубине — только вода около меня слегка запенилась от пузырьков воздуха. Я уже начал беспокоиться, когда он появился на поверхности, судорожно хватая ртом воздух.

— Бесполезно, черт возьми! — сказал он прерывающимся голосом.

— Что ты делаешь?!

— Пробую стену ножом, — буркнул Роберт.

Но он не добрался до пустого пространства, хоть и всадил нож по самую рукоятку; стены колодца оказались толстыми.

— Поосторожнее, еще уронишь нож, — сказал я. — И давай вылезать. Дьявольски холодно.

Молча мы выбрались наверх. Только здесь нам стало по-настоящему холодно; мы отряхивались от воды и выжимали ее из волос, энергичными движениями восстанавливая кровообращение. Наши тела снова слабо светились в темноте. Должно быть, таково было свойство этого пространства.

— Неплохо мы начинаем, — заговорил Роберт. — Продырявим им стены...

Я заметил блеск на его запястье.

— Твои часы ходят?

— Да. Водонепроницаемые.

Он посмотрел на циферблат.

— Сидим здесь уже восемь часов... Ты голоден?

— Пожалуй.

— Я тоже. Что будем делать?

— Пошли еще раз к тем огням. Там должны быть еще коридоры, нужно их исследовать...

— Я был в одном, — сказал Роберт. — Сжимался как мог, но в конце концов не сумел пролезть даже на четвереньках. Потом пошел в другую сторону, где этих огней больше всего, там есть какое-то большое углубление и наклонная шахта,

немного похожая на эту, но уже. Внутри я не входил, побоялся, что не сумею вылезти. Там какие-то зеркала или что-то в этом роде...

— Зеркала?

— Не знаю, я увидел невдалеке самого себя, но нечетко, как сквозь туман.

Некоторое время мы стояли в нерешительности.

— Знаешь, что я подумал? — снова заговорил Роберт. — Это проклятая кукла совершенно выбила меня из колеи. Признаться, я потерял голову. Потом мне это показалось недоразумением, но таким нелепым...

— Космическим...

— Да. Да. Но это может быть еще чем-то иным. Не стоило бы обращать на это внимание, но не всегда то, что кажется невинным, невинно на самом деле... Помнишь, ты говорил об этих обезьянах и ракетах? Мне вспомнилась фотография обезьянки, которую одели в хорошенькую, подбитую мехом курточку, а на голову надели летный шлем... Она, наверно, думала, что это какая-то игра, а ее взяли и выстрелили в ракете на пятьсот километров!

— Думаешь, наша ситуация?..

— Я этого не говорю. Но как-то ассоциируется...

— У тебя слишком богатая фантазия для нашего положения, — сказал я. — Ну что ж, веди к этому углублению и шахте, поглядим...

Как обычно бывает, дорога по коридору теперь, в третий раз, показалась гораздо короче; скоро коридор кончился, и нас окружили рои огней.

— Это, пожалуй, не... они, — понизив голос, сказал Роберт. Он остановился и уставился в огненное облако, проплывающее мимо нас. — Хотя... эти изменения света могут быть языком. Что? Как ты думаешь, многое понимала обезьянка из тех звуков, которые издавали люди, сажавшие ее в ракету?

— Оставь ты в покое эту несчастную обезьяну! — огрызнулся я.

Роберт двинулся вперед, туда, где я до тех пор не был. Светящееся облако осталось позади; мы пробирались между приземистыми, примерно в человеческий рост, грушевидными образованиями. Я коснулся одного из них — поверхность была твердой и гладкой.

— Здесь, — сказал вдруг Роберт, останавливаясь.

Мы находились на дне пологой воронки; вокруг поднимались эти грушевидные образования, будто слепленные из комьев, похожих на картофелины; над нами, на

высоте, которую трудно было определить, густо кружились огни, создавая как бы небосвод этого пространства. В их свете было видно зияющее перед нами, окаймленное круглым валиком отверстие шахты. Она косо падала вниз; мне удалось разглядеть лишь несколько метров стен, дальше они пропадали во мраке. Я ждал, пока глаза привыкнут к темноте, и через некоторое время действительно увидел, что шахта заканчивается плоской черной поверхностью, которая иногда неярко поблескивает. Я поискал в карманах какой-нибудь ненужный предмет, ничего не нашел и оторвал пуговицу от рубашки. Бросил ее вниз; она соскользнула по наклонной стене и со слабым всплеском исчезла в черном зеркале.

— Там вода! — сказал я с удивлением.

— Раньше ее не было, — ответил не менее удивленный Роберт.

— Мне кажется, здесь мы куда выше, чем там, у темного колодца... Значит... Неужели уровень воды поднялся?

— Может, тут и нет единого уровня, в одних помещениях вода поднимается, в других опускается, — заметил Роберт.

Мы долго стояли над темным отверстием.

— Немного погодя заглянем сюда еще, — сказал я. — Посмотрим, изменится ли что-нибудь. А теперь... где... Ты говорил, что открыл еще что-то?

— Никакое это не открытие, — ответил Роберт. — Пошли.

Насколько я мог сориентироваться, мы находились в центральной части этого огромного зала. Вблизи его стен светящиеся переплетения шли довольно низко, так что местами загораживали дорогу, но здесь они создавали высокие, непрерывно мерцающие своды. В этом непостоянном, но сильном свете перед нами открылась круглая впадина, дно которой лежало примерно на метр ниже того места, где мы остановились. Посреди высилось внушительных размеров сооружение; ничего подобного я никогда не видел. Верхняя часть была похожа на выпуклый зеркальный щит, на котором играли уменьшенные отражения огней; этот щит возносился на шишковатых колоннах, сдвинутых вплотную, так что между ними вряд ли можно было просунуть палец. Они излучали мутный желтоватый свет.

— Ты был внизу? — обернулся я к Роберту.

— Нет.

— Давай спустимся.

По наклонному краю мы соскользнули на дно углубления. Теперь оно казалось кольцевым желобом; я мог охватить

взглядом только его часть — остальное заслоняла высившаяся в центре громада. Я решил обойти ее вокруг. Через несколько шагов Роберт остановился и пожаловался на головокружение. Мне тоже было не по себе. Поддерживая друг друга, мы подошли к янтарно тлеющим колоннам и уселись у их основания. Роберт приложил ко лбу металлическую рукоять ножа.

— Мне уже лучше, — сказал он, открывая глаза. — Не может быть, чтобы мы попали сюда случайно. — Он положил нож рядом с собой. — Твои крысы, входя в лабиринт, тоже... — Он замер с полуоткрытым ртом. — Лабиринт! Лабиринт! — повторил он чуть слышно.

Я намеренно громко рассмеялся.

— Роберт, ты неисправим. Где здесь лабиринт? Этот кольцевой желоб? Где здесь можно заблудиться? Выбирать дорогу? Снова твои аналогии — сначала макака, теперь крысы — нет, мой дорогой... Что это?! — воскликнул я внезапно.

Роберт в это время тянулся к ножу. Мы оба смотрели на этот длинный нож с металлической ручкой, он лежал в желтом свете у основания колонны, и вдруг она начала стремительно разгораться, нож запылал огнем, отраженным в клинке, а потом стал серым, потом прозрачным и растаял. Исчез... Роберт, пытавшийся схватить его, сжал пустую ладонь. Не издавая ни звука, как замороженные, смотрели мы на пустое место. Меня снова охватило неприятное ощущение, как при начале морской болезни. Янтарное сияние колонны медленно бледнело... На прежнем месте появилась прозрачная удлиненная тень, окрасилась серебром... и вот нож лежал, как и раньше, спокойно отражая свет.

Роберт не решался протянуть руку, и я взял нож. Металл был теплый, словно нагретый прикосновением к телу. Мы медленно посмотрели друг на друга.

— Оптический обман... — заговорил я, не веря собственным словам.

Роберт молча оглядел колонну, притронулся к ней рукой, вдруг резко, испуганно повернул ко мне лицо.

— Что?..

— Слушай!

Я услышал слабый стук... отзвук шагов. Роберт мгновение сидел неподвижно, определяя, откуда доносятся звуки, вскочил и пошел туда. Я за ним. Шаги впереди на секунду стихли... послышались снова, торопливые, как будто кто-то от нас убегал. Мы побежали оба, Роберт на три шага впереди. Вдруг из-за поворота показались спины двух бегущих, как и

мы, людей. Один — он был на полголовы выше — тянул за руку другого, тот, казалось, упирался. Удивление словно парализовало меня, я замедлил шаг, остановился... те обернулись... мы смотрели друг на друга. Тот, что пониже, был Роберт. Тот, который его тянул, — я сам. Роберт — тот, другой, — испуганно вскрикнул и бросился бежать, а настоящий Роберт, застывший было в двух шагах от меня, погнался за ним. Второй человек, похожий на меня, как отражение в зеркале, все еще стоял; когда Роберт пробежал мимо, он попытался схватить его за руку и крикнул что-то, чего я не понял, но Роберт увернулся и исчез за поворотом; тот сейчас же кинулся за ним. Может быть, секунд десять я стоял один, потом побежал за ними. Я не успел сделать и шага, как послышался шум борьбы, сдавленный стон и грохот. Заметалось эхо, возвращая плаксивые, вихрящиеся голоса со всех сторон сразу. Я увидел Роберта. Он полулежал у желтоватой мерцающей колонны и держался за горло. Я задел ногой за какой-то предмет — нож. Он касался острием небольшого пятна. Я машинально наклонился и поднял его. Острие было вымазано чем-то липким, темным. Я взглянул на Роберта. Он сидел, массируя себе горло. Попытался что-то сказать. Начал кашлять и отплевываться, потом, умоляюще глядя на меня, прошептал:

— Он... он душил меня...

— Что произошло?

— Я не хотел! Думал, это какой-то призрак, обманка... Хотел только увидеть его вблизи, коснуться...

Снова закашлялся. Вдруг вскочил и медленно, сгорбившись, подошел ко мне. Долго смотрел мне в лицо стеклянными глазами.

— Кто ты такой?! Кто ты такой?! — крикнул он страшным голосом.

Я схватил его за руку; некоторое время мы боролись. Когда он попробовал кусаться, я ударил его. Он упал на колени.

— Возьми себя в руки, ты, тряпка! — крикнул я.

Я все еще держал его и почувствовал, что его мышцы расслабились.

— Бежим отсюда... бежим, — бормотал он, не глядя на меня.

— Сейчас пойдем. Сейчас! Но ты держись, Роберт! Выше голову! Расскажи, как это было, но спокойно, понимаешь?

— Я бежал за ним, быстрее, чем он, догнал его здесь... схватил сзади за рубашку, тогда он вцепился мне в горло. Начал душить и... и...

— Дальше!

— Я ударил...

— Ножом?

— Да. Он упал, тогда подбежал ты и поднял его...

— Как это я?

— Ну, ты! Ты прибежал, поднял его на руки и пошел туда, — он показал в противоположную сторону, — а потом... потом снова пришел, но уже без него...

— Это был не я, а тот... Впрочем, сейчас не время. Встань! Как ты себя чувствуешь? Идти можешь?

— Могу... Да, могу.

Роберт судорожно глотнул.

— Давит...

— Покажи.

Я осмотрел его шею; с обеих сторон краснели отпечатки пальцев. «Может, это сон?» — мелькнуло у меня в голове. Я вытер кровь с ножа, приставил его к бедру и нажал. Когда боль стала острой, отнял нож. Нет, это не был сон.

— Темнеет... — сказал Роберт.

Я поднял голову. Действительно, огни вверху, над нами, краснели, но зато в глубине колонны, у которой мы стояли, в ее утолщениях пламенели сгущения медового цвета. Этот огонь все усиливался. Почему-то его нарастающий блеск показался мне пожаром, бушующим за стеклянной оболочкой.

— Пошли! — позвал я и вдруг ощутил головокружение. Я не мог двинуть ногами, такие они стали тяжелые. И услышал хриплый голос Роберта:

— Нет сил... Карл...

Обеими руками вцепившись в бесформенную колонну, дрожа всем телом, он медленно сползал вниз, упал на колени. Жар разрывал мне виски; пришлось поскорее сесть, почти упасть; казалось, что под ногами нет опоры, что меня куда-то несет. В глазах все плясало. «Корабль стартует, — мелькнула мысль, — улетают... забирая нас с собой!» Но в своем странном давящем бессилии я не почувствовал страха. Я не был уже способен ни на какую мысль. Лежа рядом с Робертом, слышал стремительные удары сердца, разрывающие грудь, а сияние над нами все усиливалось, вся эта аморфная конструкция горела, словно объятая пламенем. Я закрыл глаза и окончательно потерял чувство времени и пространства. Потом начал медленно приходить в себя. Я обливался потом, рядом блестело лицо Роберта, он дышал открытым ртом.

— Уйдем! Уйдем отсюда! — прохрипел я, вставая с огромным усилием.

Мышцы мои дрожали, но я уже мог идти. Роберт был слабее. Я подпер его плечом, и мы двинулись к крутой стенке желоба, чтобы вернуться в зал, из которого мы пришли, нужно было подняться всего на метр, но я сомневался, что в нашем состоянии мы с этим справимся. Блеск уже угас, превратившись в слабое свечение, когда я услышал сзади шаги. Меня охватил ужас, я потянул Роберта за собой, а он поднял голову, прислушиваясь, и выдохнул:

— Бежим!

Мы побежали. Шаги за нами тоже стали быстрее. Они были совсем рядом. Роберт, держа меня за руку, быстро обернулся. Я тоже взглянул назад. Там стояли двое людей. Прежде чем я разглядел их лица, я понял, что увижу нас самих, что двойник Роберта бросится в погоню за моим товарищем, что разыграется — только с переменной ролей! — сцена, которую я уже раз пережил. Все это пронеслось у меня в голове какой-то ослепительной вспышкой, а «мой» Роберт с искаженным лицом начал убегать, тот побежал за ним. «Стой! Стой!» — крикнул я, протянул руку, но он увернулся. Тот, второй, смотрел на меня, а я на него, и вдруг я вспомнил, что, стоя там, где он сейчас, я видел, что мой двойник колеблется. Потом меня кольнула мысль о Роберте, и я кинулся за ним, он уже исчез вместе со своим преследователем. Я подбежал, когда они, сцепившись, лежали под колонной. Один уткнулся мне в грудь — кровь заливала его рубашку. Я поднял его, как перышко, и, изо всех сил прижимая к себе, побежал дальше. Я несея как сумасшедший, мне казалось, что, если я вынесу его отсюда, если выберусь из этого безумного кольца, все будет в порядке, и, убегая на подламывающихся ногах, с неподвижным Робертом, я прижимал его к себе, словно таким способом мог остановить его кровь, сквозь рубашку жгущую мне тело. Некоторое время я слышал за собой топот... потом стало совершенно тихо. Силы меня покинули. Шатаюсь, я уложил обмякшее тело у подножия колонны. Кровь из раны уже не шла. Я все-таки содрал с Роберта рубашку, разорвал ее и начал перевязывать ему грудь. Получалось плохо, я никак не мог затянуть узел трясущимися руками. Внезапно Роберт открыл глаза.

— Это ты?.. — сказал он тихо. — Сними маску...

— Что ты говоришь?! Молчи, лежи спокойно!

— Прошу тебя, сними маску... — повторил он, опуская веки. — В лаборатории... Карл надевал маску... чтобы крыса

в лабиринте... не могла угадать, идет ли она по правильной дороге, но я... я не должен... сними, прошу тебя...

— Тебе померещилось, Роберт... У меня нет маски, и мы не в лаборатории, а на этом корабле... ты ведь знаешь... Тебе немного не повезло, но не бойся... все будет хорошо, — торопливо бормотал я, склоняясь над ним.

Он молчал, глаза его были закрыты. Я приник к его груди. Не услышал ничего. Снова и снова прижимал ухо к обнаженному телу. Ничего. Я поднял его. Тряхнул за плечи — голова свалилась набок. Я опустил его, охватил руками его виски и почувствовал, что он холодеет. Я сел около него, положил подбородок на руки и застыл в неподвижности. Светящийся свод над нами угасал, колонны изливали пурпурное сияние, оно тоже становилось все темнее. Я словно погрузился в кровавую тучу. Свет медленно остывал, серел, делался пепельным. Я уже давно слышал какой-то ровный шум, но не обращал на него внимания. Вдруг что-то прикоснулось к моей ноге и отступило. Скоро прикосновение повторилось, оно было холодное. Я машинально поднял голову. Вода. Она заливала впадины в полу, поднималась миллиметр за миллиметром. В полном оцепенении я смотрел на блестящую извилистую, продвигающуюся вперед полоску. Вода все прибывала, она покрыла уже мои ноги. Я хотел поднять Роберта, чтобы его не затопило, но ничего не сделал, сидел неподвижно, а вода медленно подбиралась к груди... Затопленное основание колонны снова засияло; она одна еще пылала в сгущавшемся сумраке. Свет ослепил меня, я зажмурился. Сердце опять разрывалось, навалилась, придавила страшная тяжесть... Вдруг черный ледяной водоворот сорвал меня с места и проглотил. Больше я не помню ничего.

Очнулся я — через несколько недель, как я потом узнал, — в монреальской городской больнице. Саперы, объезжавшие на моторных лодках северный берег озера через два дня после катастрофы, заметили на воде человека — полураздетого, без сознания. Это был я. Следов Роберта никто не обнаружил. Несколькими днями позже рыбаки нашли в камышах западного берега остатки нашей лодки; это место удалено от линии, по которой мы плыли через озеро, на несколько десятков километров по прямой. Долгое время врачи не позволяли мне даже вспоминать о пережитых событиях. Мне сказали, что я перенес тяжелый шок и бредил, пока лежал без сознания.

Все то время, которое я провел в больнице, меня мало интересовало, что делается вокруг. Мне пришлось заново

учиться ходить — до такой степени утратил я власть над собственным телом. В последние дни я начал задавать вопросы; чтобы удовлетворить мое любопытство, меня снабдили пачкой газет, из которых я узнал подробности катастрофы.

Метеор, который мы видели в ночь с 26 на 27 сентября, упал в болото, раскинувшееся на площади в тысячи гектаров, начиная от северного берега озера. Никаких остатков метеора найти не удалось; ученые объясняли это тем, что огромная энергия удара превратила раскаленную массу в газ, который, расширяясь, повалил лес в радиусе десятков миль и вызвал многочисленные пожары. Поэтому в течение многих дней нельзя было приблизиться к центру катастрофы. Исследования проводились с самолетов и вертолетов. Один из них мы с Робертом, по-видимому, и слышали из-под огромной тучи тумана, закрывшего тогда всю северную часть озера. Специалисты по метеорам пришли к единодушному мнению, что повторилась история знаменитого сибирского болида. Превращенный в газ метеорит огненным столбом вонзился в верхние слои атмосферы и полностью в ней растворился. В то же время взрывная волна ударила в болота и образовалась огромная впадина, которую в течение суток заполнили воды озера, создавая новый залив, так что истинное место падения находится под водой на глубине в несколько десятков метров, окруженное болотистыми островами.

То, что я рассказал о своих переживаниях, было признано плодом галлюцинации. Когда мы плыли по озеру — объясняли мне, — нас подхватил мощный поток воды, наполнявшей образовавшуюся в момент удара воронку, лодка затонула, а мы стали игрушкой волн. Роберт утонул, меня же выбросило центробежной силой к берегу. Я пробовал спорить. Утверждал, что человек, потерявший сознание, не может продержаться на воде несколько часов — а именно спустя такое время меня выловили. Врачи притворялись заинтересованными и со всем соглашались. Наконец я понял, что никто не принимает мои слова всерьез.

До весны я пробыл на юге; у меня был отпуск для поправки здоровья, который мне любезно предоставил ректор Блесбери. Перед самым концом отпуска я сел в поезд и поехал в Ричмонд — там в дальнем предместье, вдали от автострады, жил мой старый учитель, слава канадской психологической науки, профессор Гедшилл. Я сообщил ему телеграммой о своем приезде и ранним апрельским утром очутился в маленьком домике профессора.

Сидя в тесном колючем тростниковом креслице, я

рассказывал о своих приключениях. Профессор уже слышал о них. Шаг за шагом, час за часом я рассказал ему все. Закончил и, стиснув зубы, ждал, что скажет он.

— Хочешь услышать мое мнение? — спросил он тихо. — Тогда сначала скажи, что ты сам об этом думаешь.

— Думаю, что это было, — сказал я настойчиво, глядя на свои руки, сцепленные на колене.

— Конечно. Но ты пробовал это как-то упорядочить, понять?

— Да. Я много читал... Искал в книгах... говорил с физиками и о механизме некоторых явлений догадываюсь... Во всяком случае, об их физическом механизме. Течение времени только в определенных условиях, таких, как земные, является равномерным и однонаправленным. Изменения гравитации могут его ускорять либо замедлять. Возможно, для тех существ время — примерно то же, что для нас пространство... Они могут моделировать его, формировать его ход... Какая-то архитектура времени — так я себе это представляю. Думаю, что мы попали в лабиринт времени. Эпизод с ножом: в усиливающемся гравитационном поле поток времени начал течь быстрее, но только в одной точке, и нож ушел от нас, как бы прыгнул в будущее, а потом, когда это явление охватило и нас, мы его «догнали»... Я прочел у Вейля о теоретической возможности так называемой «петли времени». Нормально есть единственное настоящее, непрерывно становящееся прошлым — сначала близким, потом все более отдаленным. Ну, а в «петле времени» можно первый раз прожить семь часов, второй — восемь... Тут время начинает отступать, снова — еще раз — будет семь... И если человек окажется в том же месте, где он был в семь, — может встретить самого себя. В этот момент существует два сечения настоящего... Одно — раннее, другое — позднейшее. Мы были в том месте дважды: первый раз, когда вошли в «петлю времени» и встретили самих себя, постаревших на час, а потом, когда петля замкнулась, второй раз... постаревшие на тот же час, мы видели снова самих себя. Раз с одной стороны... раз с другой... Следствия и причины сомкнулись, образовали кольцо... Ощущение тяжести, потеря сил, жар — это из-за стремительного роста гравитации, который искривлял ход времени. Так я себе это объясняю. Но чему это должно было служить, что означало — не знаю.

— Да... я думал о чем-то в этом роде, — сказал профессор. — А что стало с кораблем? И как ты из него выбрался?

— Не постигаю. Может быть, они просто улетели.

Допустим, поняли, что Земля не является для них объектом, достойным дальнейшего исследования. Или пренебрегли нами... Решили, что мы недостаточно развитые существа...

Профессор смотрел на меня голубыми глазами, которых не изменила старость.

— Этого не было, Карл. Корабль должен был подниматься на виду экспедиций, прочесывающих озеро. Окрестности непрерывно патрулировались самолетами и вертолетами, а на южном берегу работали радиолокационные станции — зондировали туман. Если посадка была чем-то вроде катаклизма — под аккомпанемент огня, взрывов, землетрясений, то и старт не мог пройти незамеченным! Однако сейсмографы и другие регистрирующие приборы молчали. Не замечено ничего... Я информирован точно, Карл. Это наверняка.

Я опустил голову.

— Понимаю. Значит, вы тоже думаете, профессор, что...

— Нет, мой дорогой. Есть еще одна возможность. Только одна. Другой я не вижу.

Я поднял голову. Профессор, не глядя на меня, поглаживал кончиками пальцев поверхность стола.

— Что сказал твой друг перед смертью? «Сними маску» — так? Я верно запомнил? И еще: «Карл носил маску в лаборатории, но это для крыс...» Ты понял, чего он хотел?

Я молчал, удивленный.

— Не понял! Думал, это бессмыслица? Он бредил, верно, но в его словах был смысл, и очень серьезный. Он обращался к этому существу, просил его показать свое настоящее лицо; он не хотел умирать, ничего не понимая, — как крыса... Мне кажется, я знаю, каким было настоящее лицо Существа... Во всяком случае, в часы, когда вы блуждали там, в темноте. Я склонен принять концепцию твоего приятеля. Имею в виду «брюхо Левиафана». Да, это мог быть один организм, заключенный в металлическую скорлупу. Это не единственный возможный вариант, но по-видимому, самый простой. Колодец, который вы обнаружили... Темный колодец с зеркалом воды. Наклонная шахта, в которой поднималась вода; поднялась и начала заливать углубление, где вы были под конец. Эта вода наводит на мысль... Ну, затем некоторые явления, которые ты наблюдал в этом светящемся мире... Ты говорил о сонной пульсации огней... Об угасании... Помнишь?

— Да. Да. Что-то начинает проясняться. Вы думаете, что... Что этот корабль был неисправен? Что произошла авария?

— Авария? Дело серьезней... Существо с иной планеты,

огромное, запертое в своем корабле, который не выдержал стремительной посадки... Возможно, непредвиденные последствия соприкосновения с атмосферой... Либо резкое охлаждение в водах озера. Панцирь, раскаленный до этого трением, лопнул. Что попало внутрь через трещины?

— Вода...

— Нет, мой дорогой. Воздух! Вы ведь могли дышать! А потом уже вода. Трясина медленно расступалась под гигантской массой, поглощала ее. Понимаешь? Гаснущие огни... Смена цветов... Думаю, эти чудеса творились там не в вашу честь...

— Как же... А... а те куклы? — едва выговорил я.

— Действительно, загадочно. Но и здесь проявилась некоторая последовательность: кукла была похожа на вас. Потом вы встретили самих себя. Что это означало? Я не решаюсь связывать эти элементы жесткой логической цепью. Возможно, они были следствием знакомства с какими-то существами, напоминающими земные... Может быть, действовали только органы или системы второстепенные, подчиненные главному, который уже терял власть над ними... Но может быть, он сам предпринял эту пробу... Или это было начало, как бы первые буквы, за которыми ничего не последовало, потому что тот, кто хотел говорить, уже не мог ничего сказать. Этот колосс медленно утопал в трясине: огни становились все разнообразнее — краснели, бледнели, не правда ли? Феерическое действо, феномены, совершенно непохожие на все, нам известное, их непостижимые свойства... А ведь они складывались в картину, такую близкую нам, такую знакомую!.. Он умирал, Карл! Это была агония.

У меня перехватило горло, я не мог выдавить из себя ни звука, а профессор продолжал с бледной улыбкой:

— Звездных пришельцев, посещающих нашу планету, мы представляем себе триумфаторами, способными все предусмотреть, бесконечно мудрыми покорителями космических пространств, а ведь они существа живые и ошибающиеся, как мы, и так же, как мы, обладающие искусством смерти.

Наступило молчание.

— А как я выбрался оттуда? — спросил я наконец.

— Агония усилила и исказила его внутренние процессы, резко ускорила ход времени и, когда твою тюрьму почти затопило, спасла тебя, так как ты оказался выброшенным во времени далеко, на часы вперед... А когда эти часы, продолжавшиеся для тебя несколько мгновений, прошли, ты оказался на волнах. Понимаешь?

— И значит?..

— Да. Затянутый полужидким болотом, там, в глубине вод, в толще ила, под пластами гниющих растений, в своем расколовшемся корабле покоится пришелец со звезд.

ВТОРЖЕНИЕ

1

Они перестали целоваться. Янек Хайн шел напрямик через луг и был уже совсем близко от них. Временами трава доходила ему до коротких кожаных штанишек с вышитыми на карманах шестизарядными револьверами, по одному на каждом. Тонким прутиком маленький Янек старательно сшибал головки одуванчиков. Они ждали, когда мальчик пройдет. Он миновал их, оставив за собой ленточку светлого пуха, и ветер пронес ее над головами влюбленных. Несколько пушинок запуталось в крыжовнике, за которым они прятались. Юноша прижался щекой к обнаженной руке девушки, нежно прикоснулся губами к смуглой коже там, где снежинкой отпечатался след от оспы, и посмотрел в ее ореховые глаза. Она глянула на луг и тихонько оттолкнула его от себя. Янек остановился, так как одуванчик, до которого он едва дотянулся концом прутика, не облетел, а лишь чуть-чуть наклонился. Резко просвистел прут, и над одуванчиком поднялось белое облачко. Янек пошел дальше, становился меньше и меньше. За спиной у него болтался мешочек, из которого торчала бутылка для сливок.

Девушка бросилась на траву, над ее черными волосами качались покрытые пушком твердые прозрачные ягоды крыжовника. Юноша пытался перевернуть ее навзничь, а девушка прятала свое лицо на его груди и беззвучно смеялась; потом вдруг подняла разгоряченное лицо, обожгла его губы горячим дыханием, обняла за шею и провела рукой по коротко подстриженным волосам на затылке. Они целовались, лежа в небольшом углублении, походившем на неглубокую могилу, — вероятно, когда-то здесь был окоп. До того, как деревне передали пастбище, тут был полигон. Да и сейчас еще лемеха плутов натыкались на зарывшиеся глубоко в землю, позеленевшие от времени гильзы.

Inwazja, 1958

© А. Якушев, перевод, 1960

Маленькие мушки — они были видны только в солнечном луче — роились над кустарником тонким кружевным венчиком, будто их единственная цель заключалась в том, чтобы образовывать в воздухе переменчивые, просвечивающиеся, непонятные силуэты. Мушки не жужжали и почти не чувствовались, когда садились на руку, — такие были маленькие. Где-то невидимый косарь точил косу, и размеренный звон доносился неизвестно откуда. Девушке не хватило дыхания, она оттолкнула парня, запрокинула резко голову, зажмурив ослепленные солнцем глаза, блеснули зубы, но она не улыбалась. Он поцеловал закрытые глаза девушки, чувствуя губами трепетанье жестких, длинных ресниц. В небе что-то засвистело. Девушка оторвалась от юноши, веки ее дрогнули, и он увидел страх в ее расширившихся зрачках.

— Это самол... — начал юноша.

Свист перешел в вой. На голове юноши от ветра зашевелились волосы. И наступила темнота. Клен, росший в пятнадцати шагах от них, взлетел кверху, его раскидистая крона медленно описала в воздухе дугу, и над остатком расщепленного ствола поднялось облако пара; далеко в траву падали ветви, но шума падения не было слышно, все перекрывал грохот, непрерывный, катящийся во все стороны, дальше и дальше — покамест не прекратилось мерное позвякивание косы.

Янек Хайн — шестьсот метров отделяло его от первых деревьев на шоссе — обернулся с побелевшим от страха лицом и увидел облако дыма и пара, разделившееся вверх на две части; кислая, едкая волна горячего воздуха обрушилась на него и швырнула в сторону, прежде чем он успел крикнуть и закрыть лицо руками (в правой он все еще держал прутик); ему показалось, что громадное, свитое из отдельных клубков облако застыло, как на моментальном снимке, а у его основания, у самой земли, до этого зеленой, а теперь вдруг почерневшей, вздымается что-то блестящее, похожее на огромный мыльный пузырь. Больше мальчик ничего не видел, как подкошенный упал он в траву, услужливо раздвинутую перед ним грозовой волной звуков, жесткая стена воздуха, сметающая все на своем пути, была уже далеко — у шоссе, и высокие тополя ломались один за другим, как спички. Устояли лишь самые дальние, почти на самом горизонте, там, где блестела крытая медью башенка «Дома туриста».

Косарь работал в противоположном конце пастбища, почти на середине длинного склона, спускавшегося к

высохшему ручейку. Вершина холма заслоняла происходившее, но он слышал протяжный надрывный свист и треск и увидел, как из-за холма поднялся столб дыма. Он был единственным, кто подумал, что упала бомба, хотел бежать к воде, спрятаться в ней, но даже не успел обернуться — налетела взрывная волна, она была сильнее, чем у шоссе, ее подгонял ветер, она пронеслась вверху, высоко над косцом, у него замелькало все перед глазами, посыпались листья, мелкие комья земли. Он бросил косу и оселок, сделал несколько шагов в сторону вздымавшегося кверху столба дыма, но тут же повернул назад и, втянув голову в плечи, помчался вдоль речки к шоссе.

Примерно на час воцарилась тишина. Усилившийся ветер разметал столб дыма, его грушевидная, клубящаяся шапка, рассеиваемая ветром по мере того, как она поднималась выше и выше, слилась с облаками, мерно плывущими к югу, и наконец исчезла за горизонтом. В первом часу на шоссе показались две медленно идущие автомашины. Они подъехали к тому месту, где поваленные деревья преградили дорогу, и остановились.

В машинах сидело несколько десятков солдат, офицер и трое штатских. Солдаты сразу же принялись убирать с дороги поваленный тополь, но офицер, увидев, что это займет много времени, отозвал их и, стоя возле первой, открытой машины, пристально рассматривал в бинокль пастбище. Бинокль был большой, с сильными линзами, и офицер, чтобы удержать его, вынужден был опереться локтем на открытую дверцу машины.

По траве под порывами ветра бежали волны мелких блесток. Офицер, плотно прижав к глазам бинокль, тщательно просматривал изрезанную холмами местность. Примерно в семистах метрах от автомобиля, на пологом склоне холма совсем недавно стояла группа деревьев — остатки старого, давно вырубленного сада, — окруженная низкими кустами одичавшего крыжовника и смородины. Теперь на этом месте было серое неправильной формы пятно, окаймленное пожелтевшей травой, дальше от пятна желтизна исчезала, постепенно переходя в сочную зелень луга.

Полоска кустарника, росшая вдоль старой границы сада, обрывалась возле пятна, и на месте ее под сильными порывами ветра дымились какие-то бесформенные лохмотья, а в самом центре воронки медленно пульсировало полупрозрачное, молочного цвета облачко, напоминая клубы пара, вырвавшиеся из старого локомотива, и виднелся какой-то выпуклый, блестящий, голубой, как небо, предмет. От него

в черную как уголь землю отходили короткие, блестящие на солнце отростки, воронкообразно расширявшиеся на концах. С одной стороны эти ответвления упирались в остатки ствола вывороченного, обгоревшего дерева.

Офицер решил, что увидел все, что можно было увидеть. И вдруг среди валохмаченного кустарника заметил какой-то бледно-серый холмик со срезанной вершиной. Офицер подкрутил окуляры бинокля, но все расплылось, и ему больше ничего не удалось разглядеть.

— Это там упало.

— Наверное, спутник.

— Смотрите, как блестит, — стальной...

— Да нет, на сталь не похоже.

— Во какой прилетел! Как думаешь, горячий?

— Еще как!

— Но почему он так дымит?

— Это не дым, а пар. Наверное, внутри была вода.

Офицер слышал эти разговоры за своей спиной, но сделал вид, что не обращает внимания. Он спрятал бинокль в футляр и тщательно его запер.

— Сержант, — обратился он к унтер-офицеру, который мгновенно вытянулся в струнку и принялся есть глазами начальство, — возьмите солдат и окружите это место в радиусе... метров двухсот. Никого не допускать, зевак гоните прочь. И смотрите, чтобы кто-нибудь из них ненароком не пролез туда. Ваше дело — занять посты, остальное вас не касается. Понятно?

— Так точно, господин капитан!

— Ну, ладно. А вам, господа, здесь больше делать нечего. Возвращайтесь в город.

Штатские, стоявшие вместе с шоферами возле второго автомобиля, протестуяще зашумели, но открыто никто ничего не сказал. Когда солдаты, перейдя ров, двинулись, растянувшись цепочкой, напрямик к холмам, капитан закурил сигарету и, стоя под сломанным тополем, ждал, пока оба автомобиля развернутся. Он быстро набросал что-то на листке из блокнота и передал шоферу.

— Зайди на почту и дай телеграмму, немедленно! Понял?

Штатские неохотно сели в машину, все время поглядывая на цепочку солдат, фланги которой уже скрылись в поросшей травой ложине, а середина медленно полукругом приближалась к желтеющей вдали полоске.

Заворчали моторы, автомашины одна за другой двинулись в сторону местечка.

Офицер постоял еще немного под деревом, затем подошел

к неглубокой канаве, сел на ее край и снова, подперев локоть рукой, стал рассматривать в бинокль пятно на склоне холма.

В третьем часу, когда на дне канавы у его ног валялась уже куча окурков, а едва заметные фигурки солдат, до пояса скрытые травой, все чаще стали переминаться с ноги на ногу, с трудом подавляя желание присесть, с запада послышался густой рокот моторов.

Офицер вскочил. Прошло несколько минут, прежде чем ему удалось высмотреть в небе что-то вроде огромного комара: сначала одного, затем второго и третьего. В бинокле их силуэты росли довольно медленно, но все же через минуту, гудя моторами, вертолеты проплыли треугольником над шоссе и стали описывать над пастбищем неровные круги.

Строй, в котором вертолеты шли над шоссе, нарушился — один из вертолетов повис над черным пятном, два других замерли в воздухе чуть в стороне от первого, и только ветер, слегка покачивая машины, немного относил их. Офицер выбежал из-за деревьев и большими скачками, чтобы не мешала высокая трава, помчался по лугу, потом вдруг остановился и начал махать руками, словно приглашая вертолеты приземлиться. А они, казалось, не замечали этого, даже когда в руке офицера затрепетал на ветру белый платок. Офицер взмахнул им еще несколько раз и наконец опустил руки, немного постоял и медленно побрел в сторону пятна, над которым в каких-то ста метрах от земли все еще висел, тяжело перемалывая воздух, вертолет с толстым брюхом и длинным, похожим на трубу хвостом с блестящим диском второго винта.

Над стекловидной бочкой в центре пятна все еще поднимались маленькие облачка пара и таяли под вертолетом, который чрезвычайно медленно снижался, словно опускался на невидимом канате. Вдруг моторы всех трех машин заворчали сильнее, и вертолеты снова выстроились треугольником. Офицер растерялся от неожиданности и остановился. Он стоял, расставив ноги, подняв вверх голову. Ему показалось, что вертолеты улетают, но в это мгновение винты остановились, машины спланировали и одна за другой приземлились на вершине ближайшего холма.

Офицер резко повернулся и направился к ним, ему нужно было сделать, наверное, шагов пятьсот, а тем временем вылезшие из двух машин люди в серо-голубых комбинезонах выгрузили целую груду продолговатых пакетов, завернутых в брезент, канистры, несколько высоких узких ящиков, обмотанных парашютным шелком, увязанные в тугие пучки штативы, треноги, большие кожаные футляры. Выгрузка

происходила под надзором трех мужчин, высадившихся из последнего вертолета. Возле этой машины стояли еще два человека: один в пыльнике, другой в летном комбинезоне с расстегнутой до пояса молнией, — хорошо был виден белый короткий мех на его подкладке. Они разговаривали с сержантом, успевшим добежать к месту приземления раньше офицера.

Капитан шел медленно, так как склон, по которому он поднимался, оказался крутым. Офицер был зол на сержанта за то, что тот самовольно покинул пост, но внешне не обнаруживал своих чувств. Пилот, взглянув на офицера, спросил:

— Капитан Тоффе? Это вы прислали донесение?

— Сержант, скажите ребятам, чтобы пропустили экспедицию, — приказал капитан, делая вид, что не слышал вопроса. Тогда пилот отвернулся и стал разговаривать с другим пилотом, прихлебывавшим кофе прямо из термоса. К ним присоединился и третий спутник.

— А вы будете здесь ждать? — рискнул задать вопрос капитан, несколько нерешительно подходя к пилотам, которые в этот момент стали вдруг смеяться над тем, что сказал самый низкий из них, казавшийся непомерно толстым в комбинезоне на искусственном меху. Никто не ответил офицеру, но в этот момент мужчина преклонного возраста, в пыльнике, опирающийся на тонкую трость с серебряным набалдашником — капитан никогда еще такой не видел, — спросил:

— Может, вы мне расскажете, что здесь произошло? Я профессор Виннель.

Капитан повернулся и горячо, но весьма обстоятельно начал рассказывать ему, как в полдень в местечке услышали грохот, словно гром прогремел, хотя небо было ясным, как на горизонте заметили облако дыма, как в полицию прибежал запыхавшийся косяк, но полицейский пост был на замке, так как все полицейские выехали в Дертекс на торжественное открытие мемориальной доски, установленной на том месте, где во время войны бомбой убило трех участников обороны побережья, как он сам, капитан Тоффе, на свой риск и страх принял решение направить солдат к месту взрыва, как, выезжая из местечка, они встретили прихрамывающего и заплаканного мальчика Янека Хайна...

— Подходили ли вы к этому месту близко? — профессор указал тростью на склон противоположного холма, над которым тихо плыли освещенные солнцем искрящиеся белые облачка.

— Нет, я расставил посты и отправил телеграмму...

— Вы поступили разумно. Благодарю вас. Маурелл! — повысил голос профессор, обращаясь к мужчине, занятому выгрузкой. — Что там такое?

Профессор уже не замечал капитана. Тоффе обернулся и посмотрел на пилотов — они возились с горизонтальным винтом последнего вертолета. Затем взгляд его остановился на группе людей, толпившихся у выгруженных предметов. Работа там шла полным ходом. На штативах темнели аппараты: один, с длинными трубами, походил на огромный бинокль; второй — на теодолит; кроме этих аппаратов, были там еще и другие; два человека усердно утаптывали траву и заколачивали в землю ножки штативов, кто-то, сидя на корточках, копался в открытых чемоданах, где находились аппараты. Они уже были соединены между собой кабелем, брошенным прямо на траву; несколько человек в комбинезонах торопливо монтировали что-то вроде крана.

— Солдаты считают, что это спутник, господин профессор. Конечно, болтают вздор. Сейчас такое время — стоит кирпичу упасть с крыши, как все кричат о спутнике.

— Активность? — спросил Виннель. Не глядя на Маурелла, который сращивал концы провода, профессор что-то мудрил над своей тростью. Вдруг ручка ее открылась и оттуда выскочил маленький, уже раскрытый зонтик. Это был просто-напросто складной нейлоновый стул, на котором профессор уселся, широко расставив ноги, и поднес к глазам огромный бинокль.

— Нет ничего, — ответил Маурелл, выплевывая кусочек изоляции.

— Следы?

— Нет, все в норме. Холостая пульсация, несколько недель назад здесь, должно быть, выпал дождь с остатками стронция, вероятно, от последнего взрыва, но уже почти все смыло водой — счетчик едва реагирует.

— А эти облачка? — спросил профессор, медленно цедя слова, так говорят люди, все внимание которых поглощено чем-то другим. Трость, на которую он опирался, постепенно все глубже и глубже уходила в землю.

Резким движением профессор отнял бинокль от лица.

— Там какие-то тела, — проговорил он глухим голосом.

— Да, я видел.

— Профессор, а это не хондрит? — спросил третий мужчина. Он подошел к ним, держа в руках металлический цилиндр, от которого тянулся провод к кожаному футляру, висевшему у него на плече.

— Вы, что, хондрита не видели, — обрушился на него Виннель. — Это вообще не метеорит.

— Ну пошли? — спросил Маурелл.

Его собеседники с минуту стояли как бы в нерешительности. Виннель сложил трость и медленно пошел вниз по склону, внимательно глядя себе под ноги. Вчетвером, вместе с профессором, они миновали неглубокую седловинку между холмами, прошли посты — солдаты, замерев, глазели на них — и вступили на ломкую, обгоревшую, рассыпающуюся под ногами траву.

Капитан, минутку помедлив, двинулся за ними.

Маурелл первым вошел в проход, образовавшийся среди обожженных кустов, наклонился, что-то поднял с земли, посмотрел вперед и медленно пошел к темнеющему неподалеку холмику, к тому месту, где торчал обуглившийся пенек. Вскоре к Мауреллу подошли и остальные, вся эта небольшая группка застыла у воронки.

Немного ниже того места, где они стояли, из воронки торчал какой-то высокий — в два человеческих роста — грушевидный предмет, с совершенно гладкой, как будто отполированной поверхностью; из его верхнего конца вырывались чуть заметные маленькие облачка, точнее, очень тонкие колечки прозрачного пара, которые сразу же теряли форму и таяли в воздухе, а вместо них появлялись новые, — весь этот процесс проходил абсолютно бесшумно.

Никто из присутствующих, однако, вверх не смотрел.

Стеклянная груша, суживающаяся кверху, была слегка наклонена. В первую минуту она показалась прозрачной. На необычайно гладкой поверхности, освещенной солнцем, отражались, как в зеркале, небо, облака и группы людей, уменьшенных до размеров пальца. В глубине, пронизанной лучами, можно было увидеть как бы погруженную в стекло, удлиненную фигуру в человеческий рост. По мере приближения к центру стекло все более и более мутнело, а в самом центре становилось совсем матовым, местами даже отсвечивало темным перламутром. Фигура с одного конца заканчивалась двумя продолговатыми, склеенными между собой шарами, а с другого — расщеплялась на четверо, словно у нее было четыре ноги: две подлиннее, а две покороче, — и все это упиралось в нечто, напоминавшее живую изгородь, тоже погруженную в стекло; виден был только один ее фрагмент, контуры которого с обоих концов расплывались в мутной стеклообразной массе, и только посредине она рельефно выделялась, будто эту изгородь кто-то вырезал в снежно-белом коралле. Чем дольше люди всматривались в эту грушу,

над которой через равные промежутки времени взмывали облачка пара, тем отчетливей и отчетливей молочно-белые фигуры выделялись в окружающей их прозрачной массе, а мутная жидкость прилегалла к ним все плотнее и плотнее. Процесс этот совершался слишком медленно, и никому не удалось заметить какое-либо движение, хотя все смотрели не отрываясь очень длительное время и никто даже не пошевелился, когда донесли ослабленные расстоянием тревожные крики людей, оставшихся на холме, у вертолетов, — ведь фигуры, заключенные в груше, становились еще более отчетливыми, и каждому казалось, что вот-вот можно будет все рассмотреть.

Первым из оцепенения вышел Маурелл, слабо вскрикнув, он закрыл глаза рукой и на какое-то мгновение застыл в этой позе.

— Там кто-то есть, — слышался голос за его спиной.

— Подождите, — проговорил профессор.

— Что это? — удивился капитан, он пришел последним, но уже пробрался вперед и стоял ближе всех, на самом земляном валу, окружавшем это прозрачное небесное тело, и прежде, чем кто-либо успел его удержать, начал спускаться вниз. Сделав три шага, он резко вытянул руку и прикоснулся к блестящей поверхности груши. Вдруг он скорчился и упал прямо на грушу, тело его судорожно дернулось, как у заводной куклы, скользнуло вниз, ударилось головой о грудь земли и осталось так лежать, вклинившись между основанием этой небесной «груши» и большим стекловидным ответвлением, уходящим глубоко в почву.

Все вскрикнули. Маурелл придержал за плечо товарища, бросившегося на помощь к капитану. Плотная группа людей медленно отступила и остановилась.

— Нельзя его так оставить! — крикнул мужчина с бледным от ужаса лицом. Он мгновенно вытащил из сумки кабель и, бросив его на землю, завязал петлю.

— Гетсер, что ты делаешь? — вскрикнул Маурелл. — Остановись!

— Пусти меня!

— Не смей!

Гетсер перескочил через грудь земли, лежавшую на краю воронки, остановился в трех шагах от груши и забросил петлю на заданный кверху ботинок капитана. Петля, когда потянули кабель, соскользнула с ноги и возвратилась пустой. Гетсер еще раз бросил аркан, более тщательно целясь. Петля крунулась в воздухе несколько раз, коснулась зеркальной поверхности и упала. Все замерли, но ничего не произошло.

Гетсер сделал еще шаг и уже смелее, старательно нацелившись, бросил петлю. Наконец она обвилась вокруг ботинка. На этот раз Гетсеру помогали тащить уже два помощника. Тело капитана дрогнуло, медленно перевалилось через стекловидный корень груши и поползло по склону. Перед земляной насыпью капитана подняли и понесли на руках. Его повернули лицом вверх — оно было белое и покрыто крупным, как роса, потом. Лоб и щеки были в крови.

— Жив! — с радостью воскликнул Маурелл.

Он и другой мужчина присели на корточки и, торопливо отрывая пуговицы, расстегнули мундир. Потом стали поднимать и опускать руки не подающего признаков жизни офицера, сжимали и отпускали его грудную клетку. Наконец у капитана появилось дыхание. Он судорожно хватал воздух ртом и стонал при выдохе. Когда отпустили его руки, они мягко упали на траву. Тут все увидели, что правая ладонь, которой капитан прикоснулся к груше, сжата и почернела, будто ее опалило огнем. Пострадавший застонал, по его телу пробежала дрожь. Ему быстро перевязали лоб, разбитый при падении, забинтовали руку, кто-то подозревал двух солдат, неторопливо шедших по склону. Солдаты унесли так и не пришедшего в себя капитана. Маурелл бросил взгляд на грушу и тут же вскрикнул.

Все взоры обратились к ней.

На высоте человеческого роста в том месте, где капитан прикоснулся к груше, в глубине, под поверхностью, белел расплывчатый, но постепенно становившийся все более и более отчетливым отпечаток чего-то, походившего на утопленную в стекле ладонь с пятью слегка расставленными пальцами.

Маурелл чуть ближе подошел к груше. С момента, когда он увидел ее в первый раз, прошло несколько минут. За это время то, что было внутри груши, обрисовалось более четко. Две фигуры, несомненно человеческие, похожие на молочнo-белые скульптуры, лежали внутри, они, казалось, были окутаны слоями стекловидной массы, которая на глазах мутнела, — мужчина, обнимающий за талию лежащую рядом женщину, их прижатые друг к другу головы сливались с нежным кружевом видневшейся за ними живой изгороди, вырезанной гораздо более филигранно, чем тела, — Маурелл даже отчетливо видел какой-то маленький совершенной шаровидной формы плод, свисавший с кружевной веточки над головой женщины.

Но черты лица, линии рук, одежду невозможно было различить, хотя видно было, что оба одеты, — поверхность

их тел скрывало обманывающее зрение мутное вещество; когда Маурелл присмотрелся внимательнее, стараясь не пропустить ни малейшей детали, он заметил места, где безвестный скульптор как бы ошибся, и в результате — если пропорции частей тела, формы торсов и голов, исключая застывшие позы, переданы были великолепно, верно, по-человечески естественно, то в других местах были заметны искажения: на маленькой закругленной пятке девушки виднелся молочно-белый нарост, казавшийся продолжением ее тела. Почти такой же полип Маурелл увидел и на обнаженной руке, которая обнимала мужчину, а обращенные друг к другу лица молодых людей покрывало что-то вроде неплотно прилежавшего, усеянного похожими на пальцы вздутиями савана из того же самого молочно-белого вещества, которое застывшей массой блестело в ядре груши.

Маурелл стоял, не шелохнувшись, пока не услышал возглас Гетсера. Он обернулся — перед глазами все еще стояла эта непонятная картина — и увидел своих товарищей, склонившихся над обуглившимся кустом, и под ним две человеческие фигуры, лежащие обнявшись, как и те, которые он рассматривал минуту назад. У него подкосились ноги, он едва мог идти. Машинально, совершенно обессиленный, он опустился на корточки рядом с профессором.

Юноша и девушка, чуть присыпанные тонким слоем земли, обгоревшими листьями, щепками, лежали в небольшом окопчике. Они были удивительно маленькими, как бы высохшими, съезжившимися от жара, сгоревшая рубашка юноши и юбка девушки рассыпались от легкого дуновения ветерка, пепел, поднимаясь в воздух, сохранял еще форму ткани — заметны были даже ее изгибы. Маурелл закрыл глаза, он попытался вскочить, убежать и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Споткнулся, чуть не упал, кто-то схватил его крепко, грубо за плечо, он даже не заметил кто.

Словно издалека донесся до него голос Виннеля:
— Успокойтесь, успокойтесь...

2

В сумерках на дороге показался танк. Было уже почти темно, но длинный ствол пушки и скошенный силуэт башни четко вырисовывались на фоне пылающего заката. В темноте светились сигнальные огни. Танк сбавил ход, с треском и лязгом проехал по ветвям, завалившим дорогу. Отброшенная

гусеницей ветка ударила человека, выскочившего из придорожной канавы с фонариком. Человек зло вскрикнул от боли и остановился. Танк медленно развернулся, напоминая слепого, осторожно нащупывающего дорогу, ствол пушки чуть качнулся, когда машина переползала через канаву. На луг танк въехал, задрав кверху тупую морду. Фары едва светились, в их свете можно было увидеть лишь высокую траву и неясные тени людей, расступившихся перед танком. Офицер, стоявший в открытом люке, что-то проговорил, наклонившись вниз, и танк остановился как вкопанный, только двигатель работал, сонно постукивая на холостых оборотах.

— Ну, как там? — спросил офицер, не зная, к кому обращается в темноте. Человек, которого спрашивали, неизвестно зачем осветил карманным фонариком шершавый бок танка и, похлопывая его ладонью, ответил:

— Еще сидят, только я думаю, ничего у них не получается. Надеюсь, ты справишься с этой штукой.

— С чем? — переспросил офицер, сдвигая шлем на затылок, в нем он почти ничего не слышал.

— С этим проклятым елочным стеклянным шаром. Ты что — даже не знаешь, зачем приехал?!

— А ты знаешь, с кем разговариваешь?! — не повышая голоса, проговорил офицер, он уже рассмотрел в слабом отблеске фонаря, падавшем от брони танка, нашивки рядового.

Фонарь тут же погас, и солдат растворился в темноте, только слышно было, как под ногами шелестела трава. Офицер усмехнулся уголками рта и поискал взглядом ориентиры, указывающие путь танку.

На вершинах близлежащих холмов светили прожекторы, их лучи перекрещивались в одной точке, и там, где они пересекались, вспыхивали голубовато-серебристые отблески, слепившие глаза. Офицер зажмурился — какое-то мгновение он ничего не видел. Кто-то подошел к танку с другой стороны.

— Ну как, сынок, управился?

— Что? Это вы, господин майор?

— Да. Танк шел через Дертекс?

— Так точно, господин майор.

Офицер высунулся из башни. Он видел лишь темный силуэт головы собеседника.

— Ты не знаешь, что с тем капитаном?

— С тем, которого обожгло?

— Да. Он жив?

— Кажется, жив. Точно не знаю. Я торопился очень. А

что здесь творится? Я ведь даже не знаю точно, в чем моя задача. Я получил приказ в пять часов — прямо из дома вытащили! Собирался как раз уезжать...

— Вылезай-ка, сынок, сюда ко мне.

Командир танка легко соскочил с башни на лобовую броню и ловко спрыгнул на землю. Его ботинки скользнули по мокрой хрустящей траве. Майор предложил ему сигарету, сунув открытую пачку прямо в ладонь. Они закурили. Огоньки сигарет мерцали в темноте.

— Наши мудрецы сидят там с трех часов. Первая партия прилетела на вертолетах, в пять часов примчались эксперты из академии, самые сливки; где светит вон тот крайний прожектор, стоит с поддюжины вертолетов, даже легкие транспортеры перебросили по воздуху, так им было невтерпех. «Операция стеклянная гора» — во как!

— А что на самом деле с этим шаром?

— Ты что, радио не слушал?

— Нет. Я слышал только, что говорят люди, — всякую ерунду, будто тарелка приземлилась, марсиане, какие-то похитители детей, едят их живыми — черт его знает, еще что!

— Ну и ну, — буркнул майор, и огонек сигареты осветил его лицо, широкое, отливающее металлом, будто покрытое ртутью. — Я там был, знаешь?

— Там? — спросил командир танка, всматриваясь в дальний холм, где полукрутом расположились прожекторы. В перекрещивающихся снопах света передвигались гигантские тени людей.

— Да, там. Действительно, упало с неба, а что — неизвестно. Вроде бы из стекла, но прикасаться к нему нельзя. Тот капитан — как там его — прикоснулся.

— Ну, а что с ним случилось?

— Точно неизвестно. Врачи говорили всяк свое; а когда все вместе собрались, то, конечно, согласовали — они всегда согласуют. Сотрясение, ожог, шок.

— Электричество?

— Говорю тебе, ничего не известно, сынок. Сидят там, разглядывают — слышишь, как полевые генераторы для них крутятся?

— И что?

— И ничего. Шар — не шар, тверже, чем скала, да что там — тверже алмаза, по-всякому к нему подступали — ни сдвинуть, ни просверлить, а в середине — парень с девушкой.

— Что вы говорите! Так это правда? Как же это? И живы?

— Ну, что ты — это слепки, похожие на гипсовые, что-то вроде мумий. Ты видел мумии?

— По телевизору.

— Так вот, это похоже. В середине, в шаре, белые как кость. Но это не тела — не люди...

— Как не люди? Господин майор, по правде говоря, я ничего не понимаю.

— Эх, сынок, сынок, думаешь, кто-нибудь понимает? Блеснуло, загремело, что-то упало в полдень, воронка — как от двухтонной бомбы, из середины вылез какой-то пузырь с твою коробку. В нескольких шагах от места, где он упал, лежал парень с девушкой, местные, — сам понимаешь, лето, амуры. Уложило на месте.

— Чем?

— Мудрецы наши не знают чем. Одни говорят — взрывной волной, другие — что умерли от жара. Наверное, было тут чертовски жарко, когда эта штука упала. Понимаешь, как от снаряда. Обжарило их, скрючило, вероятно, не успели даже испугаться...

— Но вы говорили, что они в этом... в этом шаре?

— Не они. Их изображения. Как бы слепки. Правда, не совсем точные. Я рассматривал со всех сторон. Там и часть куста, под которым они лежали...

— Где?

— В этом шаре.

— Господин майор, и... что все это означает?

Майор затыкнулся последний раз, бросил окурочек, который описал геометрически правильную огненную параболу и погас.

— Неизвестно. Успокойся, сынок, не только я или ты ничего не знаем. Профессора, ученые, президент оказались такими же умными, как и мы. Фотографировали, измеряли, искали, с самолетов что-то сбрасывали каждые несколько минут — прямо-таки вся их лаборатория спустилась на парашютах! Репортеров, всяких важных персон, каких-то дотошных типов — толпы. Посты видел?

— Да. Действительно, контролируют, с десяток встретил их только на одном этом шоссе.

— Просто не понимаю, зачем эта горячка. С телецентра в пять часов на собственных самолетах прилетели, сесть им не разрешили, так они с воздуха щелкали и транслировали, как могли.

— И что, в самом деле я должен буду стрелять... по этой штуке?

— Правду говоря, и это еще неизвестно. Разве ты не

знаешь ученых? Трясутся над ней. Был скандал! К счастью, не ученые у нас командуют. Они добились отсрочки еще на четыре часа. Но это уж все. Им хотелось еще четыре недели!

— А этот... этот шар что-нибудь делает?

— А что он должен делать? Ничего не делает. До вечера немного дымился, теперь уже перестал. Утверждают, что совершенно остыл, но прикасаться все равно нельзя. Привозили всяких зверей, даже обезьян, и ставили опыты. Как только прикоснется, сразу — фьють и конец.

— Господин лейтенант! Донесение! — раздался откуда-то сверху голос.

Командир танка подскочил к башне, из люка высунулся танкист в шлеме. Над его головой спокойно мигали звезды.

Лейтенант при свете фонаря с трудом читал каракули на листке, вырванном из блокнота.

— Господин майор — уже! — с волнением в голосе воскликнул он.

— Что, едешь громить?

— Так точно.

Танкист вскарабкался на башню. Через минуту мотор загудел, танк развернулся на месте и двинулся в направлении холма.

Майор, заложив пальцы за ремень, смотрел ему вслед. В отдалении, в осветленном квадрате, что-то происходило. Мелькали быстрее, чем раньше, тени, слышался тонкий, пискливый гул, в воздухе клубами поднимался откуда-то дым, мигали фонари, а в самом центре этого муравейника сияла, вбирая в себя прожекторные лучи, сверкающая голубоватая капля. По мере удаления шум двигателя становился все тише, неожиданно мотор взревел — начался подъем, — темное пятно, опережаемое двумя полосами света от фар, начало взбираться по склону. Сноп света, падающие с вершин холмов, дрогнули и стали медленно один за другим удаляться в разные стороны от груши, и только два луча с противоположных концов поля скрещивались на ней. Майор машинально стал считать про себя. Окружавшая его темнота была наполнена звуками человеческих голосов, он слышал шум моторов вездеходов, едущих в направлении шоссе, люди с большими фонарями шли по траве, раздвигая ее руками, капли росы блестели на стеклах, вдалеке кто-то кричал что-то непонятное, крик повторялся без устали через равные промежутки времени; за холмом на больших оборотах выли динамо-машины, и вдруг все эти звуки покрыл приглушенный грохот.

Майор напряг зрение, но ничего не увидел. Грохот

повторялся ритмично, каждые несколько секунд, — между одним и другим ударом майор успел сосчитать до десяти. Напрасно он старался увидеть вспышки выстрела. «Видимо, стоит за гребнем», — подумал он о танке. Потом послышался скрежет металла. В последнее мгновение майор отскочил в сторону, на него двигался тягач, тащивший высокое, неуклюжее, облепленное со всех сторон людьми сооружение, покачивавшееся на фоне звездного неба. Когда все это проезжало мимо майора, в глаза ему ударил отблеск огня, отраженный от линзы двухметрового прожектора. Невидимый танк продолжал стрелять. Скрежет за спиной майора прекратился, теперь был слышен размеренный приглушенный топот множества ног. Мимо проходили нескончаемой вереницей люди, мелькали лучи карманных фонариков; вдруг от конца колонны к месту, где стоял майор, набежала волна неясных голосов, она надвигалась все ближе и ближе, люди что-то кричали друг другу, водители вездеходов, обгонявших колонну, перекликались друг с другом, волна звуков обрушилась на майора и покатила дальше к шоссе, а он все еще ничего не знал.

— Что?! Что?! — закричал он.

— Не берет! Снаряд не берет! — ответило ему из темноты сразу несколько голосов, в которых послышалось что-то похожее на разочарование и огорчение. Потом до него долетели такие же вопрошающие возгласы и отчетливо доносился ответ:

— Не берет, не берет...

Вдруг майора ослепил свет фары — огненный глаз, раздвигающий черные стебли травы, и кто-то окликнул:

— Господин майор, садитесь!

Проведя рукой по крылу машины, майор нащупал покрытое войлоком железное сиденье и уселся на него, свесив ноги, как и другие. Маленький вездеход тронулся, подсакивая на толстых шинах. Когда машина выезжала через ров на шоссе, сидящие сзади покатались по скамье, их хватили за ремни, воротники, раздался смех. Мотор взвыл, маленькая машина с трудом выбралась на шоссе. И тут, в первый раз за весь вечер, майор увидел красоту пейзажа, расстилающегося перед ним: под звездным небосклоном раскинулась огромная сверкающая равнина, наполненная мелькающими точками огня. Где-то высоко в небе, будто стараясь что-то кому-то внушить, настойчиво и размеренно ворчал самолет, а вдалеке, в двух скрещенных снопах света, сверкала, переливаясь, груша — словно капля хрустала — и по-прежнему равнодушно гремела танковая пушка.

По обочинам шоссе среди поваленных в кюветы тополей стояли солдаты-регулирующие и направляли движение зелеными огнями сигнальных фонариков — в некоторых местах предупреждающие красные фонари висели прямо на еще не убранных стволах деревьев. Медленно, то и дело останавливаясь, двигался поток легковых автомобилей, грузовиков, амфибий.

— Эй, что там! Вперед! — кричали сзади. Никто не отвечал, впереди загорались фонарики, машины трогались, двигались дальше. Вот миновали сползший в кювет легкой автомобиль, из которого торчали головки детей, мужчина за рулем кричал что-то командиру дорожного патруля, а тот усталым голосом повторял: «Проезда нет, проезда нет».

Сразу же за поворотом снова образовалась пробка.

— Что это такое? Отступаем? — спрашивал кто-то молодым, звонким голосом.

— Едем в отпуск! — раздались возгласы с огромного грузовика, идущего впереди амфибии, кто-то стал петь, кто-то сердито прикрикнул на поющего, песня оборвалась, какой-то солдат высунулся сквозь деревянную решетку, надставленную над бортом, и прокричал вниз:

— Эвакуация местности, удирай, пока цел.

— А что? Что? — допытывался молодой голос.

— Будут бомбардировать, вот что!!!

Вдруг колонна увеличила скорость, проехала между стоящими в темноте мотоциклистами с белыми повязками на рукавах и в таких же белых касках и попала в слепящий поток света. Лучи прожектора медленно, подобно морскому маяку, крутились над самым краем шоссе, задевая верхушки деревьев. Раздались возмущенные возгласы ослепленных людей, водители включили сирены, а прожектор поднял свою серебристо-серую колонну кверху, задел одинокое облачко и вновь прошелся лучом по шоссе, выхватывая из мрака лоснившиеся крыши автомобилей, кузова с торчащими в них головами людей, и вдруг замер — в этот момент майор увидел едва ползущий рядом с ними открытый легкой автомобиль. Высокий мужчина, опирающийся на зажатую в коленях трость с серебряным набалдашником, повторял срывающимся от волнения голосом:

— Это безумие, это безумие, хотят бомбардировать. Мы не должны этого допустить...

Этот мужчина с серебристыми волосами, залитый каким-то неестественным зловещим светом, обращался к самому себе, сидящие рядом с ним более молодые, чем он, спутники молчали, один из них держал на коленях большой,

завернутый в плащ ящик, все без исключения были в черных очках — в лучах прожектора они походили на слепых, — полоса света дрогнула и переместилась дальше, автомобиль, ехавший рядом с вездеходом, поглотила темнота. Прожектор погас, все утонуло во мраке, настолько густом, что казалось, будто фары автомобилей светили через толщу воды. Майор закрыл лицо руками и сидел в такой позе, безвольно подчиняясь толчкам автомобиля, подскакивающего на ухабах.

Вдруг он поднял голову.

Танк прекратил стрельбу, а может, выстрелы не слышны из-за дальности расстояния? Он увидел первые тускло светившие фонари на улицах местечка. Машины проезжали по многолюдным улицам, люди стояли на тротуарах, из настежь открытых окон освещенных квартир неслись звуки радио; колонна медленно заворачивала, обгоняемая несущимися с бешеной скоростью мотоциклами, а где-то вдалеке кричали детские голоса: «Чрезвычайный выпуск! Второй шар упал в Баварии! Чрезвычайный выпуск!»

Высоко в небе рокотал самолет.

3

Маурелл примчался домой в мокрой от росы одежде, на коленях — следы глины и золы. Вытирая ноги в прихожей, он счистил прицепившуюся к каблукам траву. Фокстерьер, увидев хозяина, радостно завертелся вокруг него, барабанив твердым обручком хвоста по открытой дверце шкафа, потом вдруг насторожился, припал к ногам хозяина и задвигал носом, жадно втягивая воздух; неожиданно собака оцетинилась. Жена Маурелла как раз направлялась к двери, когда он открывал ее. Она молча остановилась.

— Дорогая, я должен сейчас же ехать с профессором. Ты знаешь, они хотят этот шар бомбардировать на рассвете... Я должен ехать с профессором, — повторил он еще раз, — у него плохо с сердцем.

— Второй упал, — проговорила госпожа Маурелл, всматриваясь в лицо мужа. — Ежи, что это? Что это значит?

— Не знаю. Никто не знает! Что-то из межпланетного пространства, со звезд. Непонятное! Ты видела?

— Да, по телевизору.

— Значит, ты представляешь, как это выглядит.

— Это был слепок с них за секунду до гибели, да? В последнее мгновение их жизни?

— Да, похоже на это.

— Что вы собираетесь делать?

— Прежде всего не допустить сумасшедших поступков тех... тех... — Он не находил слов. — Они сначала действуют, потом думают — знаешь их девиз. Утром будут бомбить. Профессор рассказывал мне, что кто-то из департамента уже поговаривает и об атомной бомбе — в случае если обыкновенные не возьмут.

— Но почему они так спешат, почему хотят растоптать, уничтожить? А может быть, под этим шаром есть... что-нибудь?

— Что? — Маурелл поднял голову. — Что ты говоришь? Под шаром? Ах, ты, наверное, думаешь — какая-нибудь ракета, снаряд? Нет, там нет ничего. Мы зондировали. Шар, точнее, это вовсе не шар — так его почему-то все называют — вошел в землю на три метра, не больше. Материал везде одинаковый, похожий на стекло, но тверже алмаза. На вершине имелось отверстие, но через четыре часа оно затянулось. Из него выходил пар — нам удалось взять пробу. Делаются анализы. От этого предмета, что зарылся в землю, отходят в разные стороны шесть цилиндрических отростков.

— Корни? — предположила она.

— Можно и так сказать... Дорогая, я должен собираться. Я... честное слово, не знаю, когда возвращусь. Думаю, что завтра вечером. Что?.. — и не закончил фразы под ее взглядом.

— А второй шар, Ежи?..

— Что?! — Он подошел к ней, схватил ее за плечи. — Ты что-нибудь слышала? Сообщали по радио? Я знаю только то, что он упал где-то возле Обераммергау; в газете поместили об этом три строчки — почему ты молчишь?

— Нет, нет, ничего нового я не знаю, но, вероятно, они еще будут падать.

Он отошел от жены и нервно заходил по комнате, снял со шкафа маленький чемоданчик, открыл его, бросил туда рубашку, потом остановился с полотенцем в руках.

— Это возможно. Возможно.

— Так что это такое? Что думаешь ты об этом? Что говорит профессор?

Зазвенел телефон. Госпожа Маурелл подняла трубку и молча протянула ее мужу.

— Алло? Это вы, господин профессор? Хорошо, сейчас еду. Что? Что не нужно? Где? К вам? В институт? Сейчас? Ладно. Буду там через четверть часа.

Он бросил трубку.

— Заседание института. Сейчас. Который час? Только двенадцать? Мне казалось, что больше... все равно. За чемоданом забегу потом. Быть может, уже не нужно будет, не знаю. Ах, я просто ничего не знаю!

Маурелл поцеловал жену и стремительно выбежал; пес, прижавшись к полу, заворчал на него.

Расположенный на крутом берегу реки, у подножия старой крепости, институт был виден уже издали, особенно сейчас, когда Маурелл ехал по аллее на подножке совершенно пустого ночного автобуса. Во всех окнах небольшого старого дворца, в котором помещался институт, было темно, но Маурелл знал, что со стороны фасада расположены только библиотечные комнаты и почти никогда не используемый зал для торжественных актов. Кованая железная калитка была открыта, во дворе длинной шеренгой выстроились автомобили. Маурелл обогнул дом, за домом тянулся большой сад. Нереида, из рук которой бил фонтан, лежала, нагая и темная, на своем камне посередине маленького, усеянного огромными листьями озера. Маурелл черным ходом поднялся на второй этаж. До него донеслось покашливание и шум многочисленных голосов. В коридоре возле телефона кто-то стоял спиной и упрямо повторял в трубку:

— Нет, не могу. Не вернусь. Сейчас нет. Ничего определенного не могу сказать.

Это был Треворс — Маурелл узнал его. У него он слушал курс математического анализа. Маурелл прошел мимо него и очутился в небольшом зале. Виннель, окруженный плотной толпой (голова к голове — седые, седеющие, лысые), держал в руке что-то блестящее и, потрясая этим предметом, говорил:

— Если это не достаточное доказательство, тогда прошу в кинозал.

Все двинулись за ним. Слышен был шум отодвигаемых кресел, кто-то уронил стул, все говорили одновременно, перебивая друг друга. Маурелл стоял в нерешительности, не зная, что делать. Профессор заметил его, когда проходил мимо, он как раз отвечал на вопросы сразу нескольких человек.

— Ага, вы здесь, прекрасно, прошу к нам, вы мне поможете.

Кинозал представлял собой обыкновенную затемненную комнату с небольшим количеством мест, и половина присутствующих вынуждена была стоять в проходах и у

стены, где были пробиты четырехугольные окошки для киноаппарата. Виннель, стоявший возле экрана, поднял руки. Стало тише.

— Коллеги, вы увидите фильм, заснятый необычным способом и в особых условиях. В течение четырех часов, покамест нас не выгнали военные, коллега Терманн с шестидесяти метров делал одиночные снимки с интервалом в три секунды.

— Почему снимали с такого далекого расстояния? — спросил кто-то.

— Для безопасности, — ответил профессор. — Того, что дал фильм, мы, конечно, совсем не ожидали. Снимки не идеальны, проявлялись они в необычайно тяжелых условиях, даже не полевых, а под постоянной угрозой удаления нас с места работы, в условиях непрекращающихся столкновений с военными властями, — но сейчас не об этом идет речь. Коллега Терманн! — повысил голос профессор. — Прошу вас!

Профессор сел и исчез из поля зрения Маурелла, стоявшего у самых дверей, сбоку, но он знал, что это не такое уж плохое место. Свет потух, и аппарат застрекотал. Изображение сначала перемещалось вверх и вниз и наконец вошло в рамку. Почти весь экран заняла груша.

Снимки сделаны были, вероятно, телеобъективом, о чем профессор ничего не сказал. Постепенно изображение стало четким, и хотя по экрану временами проходили темные полосы, но грушу и то, что находилось внутри нее, видно было довольно сносно. Иногда все изображение бледнело, вероятно, из-за отблесков; пленка в некоторых местах была засвечена. В зале стояла тишина, время от времени чуть слышно поскрипывали кресла.

Маурелл внимательно смотрел на экран — он разглядел беловатые, лежащие внутри груши фигуры; ленту крутили, наверное, с минуту, и вдруг он в первый раз заметил какое-то движение.

Юноша и девушка, заснятые сверху и сзади и выглядывшие, словно расчлененная надвое статуя, пошевелились. Медленно, необычайно медленно девушка запрокинула голову назад, и стало видно ее лицо. Глухой вздох пронесся по комнате. Напряжение росло. Вместо лица у лежащей белой фигуры была плоская маска, и с нее лениво стекали огромные полиповидные капли. Впечатление, что обе фигуры сделаны из белого коралла или камня, рассеялось — казалось, что они вылеплены из тягучей, густой, похожей на застывающее стекло массы. Голова девушки клонилась назад

и коснулась шевелившейся как бы под каким-то необычайно замедленным дуновением ветра белой веточки, на которой висела белая ягодка. Затем обе головы снова миллиметр за миллиметром начали сближаться, и, хотя они двигались в границах нескольких сантиметров, это передвижение хорошо было видно, видны были и плавные движения торсов, можно было подумать, что фигуры дышат. А потом снова две белые головы стали отходить друг от друга, но на этот раз вещество, та белая масса, из которой они были сделаны, застыло, и между медленно удалявшимися друг от друга лицами повисли тонкие, рвущиеся перемычки — клейкие нити, которые, лопаясь, скручивались в маленькие шарики и медленно поглощались поверхностью масок, заменявших скульптурам лица. Зашевелились и ступни ног, а ладонь девушки, белая, гибкая, переместилась с затылка юноши на шею — и опять, уже в третий раз, головы нежно коснулись друг друга, как в поцелуе, — это движение было настолько естественным, что в зале кто-то вскрикнул.

Дождь черных линий прошел по экрану, потом на сером фоне замелькали какие-то черные пятна, некоторое время пустой экран ярко блестел в потоке света, идущего от киноаппарата, но потом погас и в комнате зажглись лампы.

— Прошу всех в зал! — пригласил профессор, первым поднимаясь с кресла. Он был бледен, как и все, кто находился в комнате, хотя профессор, наверное, уже видел эту картину, может быть, не один раз.

— Никогда в жизни не мог бы представить себе что-то более ужасное и в то же время более непонятное, чем это, — проговорил какой-то мужчина, столкнувшись с Мауреллом, не торопившимся уходить. Постепенно кинозал пустел. Из кинобудки вышел доктор Термани, он был без пиджака, в одной рубашке. На лбу у него блестели капельки пота.

— Ты видел, Ежи? — спросил он Маурелла, беря его под руку.

Маурелл кивнул головой.

— А профессор... Что он говорит об этом?

— Ничего. По крайней мере мне ничего не говорил. Пойдем, уже начинают!

В зале все уже уселись, и для Терманна и Маурелла не оказалось мест, поэтому они стали у тяжелой бархатной портьеры серо-зеленого цвета. Что-то коснулось плеча Маурелла, он оглянулся, это был всего-навсего кончик золотистого шнура портьеры.

— Здесь, — говорил Виннель, который снова стоял у стола в глубине зала, — лежат все данные, какие нам удалось

добыть: фотографии, результаты измерений, анализов и так далее. Прежде чем приступить к ознакомлению с этими материалами, обработка которых, несмотря на всю их фрагментарность, займет недели, я хотел бы, коллеги, сообщить вам содержание телефонограммы, которую только что получил из Баварии...

По залу прошел шорох.

— Эта телеграмма от доктора Монеггера, который занят исследованиями в Баварии возле Обераммергау и к которому я обратился по телеграфу немедленно по получении сообщения о приземлении второго шара. Гм, гм, — захмыкал профессор, читая про себя первую фразу, а вслух сказал: — Да... так вот что он сообщает: «Тело неземного происхождения упало в восемь часов сорок две минуты по местному времени», то есть раньше, чем наше, — уточнил профессор, глядя в зал поверх очков, — «и его полет в атмосфере был замечен компетентными наблюдателями — местной метеорологической станцией; в это время они производили измерение силы ветра, и ими было установлено, что летящее тело — огненный болид. Тело это появилось на северо-востоке, описало дугу на небосводе и упало на юго-западе, вне поля зрения наблюдателей». Это во-первых, — прибавил от себя Виннель, — и дальше: «Тело, замеченное...» и так далее «упало на участке, принадлежащем крестьянину, по имени Юрген Польш, срезав непосредственно перед столкновением с землей верхушку старой липы, росшей в ста шестнадцати метрах от северного угла дома. Хозяйственные постройки состоят из...»

— И если вся телеграмма так составлена, придется вам, colega, читать ее до утра, — бросил толстый мужчина из второго ряда кресел. Кто-то засмеялся, все зашикали на него.

— Это пишет немец, — ответил Виннель и, не поднимая глаз, продолжал: — Гм, да, итак, м-м... «...Тело пробило насквозь крышу свинарника, который сразу же запылал, и врезалось в землю в тридцати восьми метрах от свинарника, в точке, расположенной на...» Ну, да не об этом речь. Как вытекает из вышеизложенного, траектория полета тела была тангенциальной, а угол падения... Я опускаю здесь абзац относительно вычисления кривой полета, — кашлянув, произнес Виннель и принялся читать дальше: — «В точке приземления образовалась воронка правильной концентрической формы и тут же повалил дым, сначала черный, затем грязно-серый, желто-лимонно-серый, белесый и, наконец, снежно-белый. Дым поднялся на высоту, определяемую в...» Это опустим. Так, дальше следует описание пожара в

усадьбе; все сгорело, люди спаслись, погибло пять свиней, в том числе два поросенка...

— Какой породы? — спросил остроумный толстяк, но никто не обратил внимания на его остроу.

— Две курицы... гусь... так. Дальше идет: «Место падения находилось под непосредственным наблюдением отряда скаутов, их лагерь был разбит в четырехстах восьмидесяти метрах у ручья» — и так далее, и так далее, — нетерпеливо повторял профессор, пробегая глазами листки и откладывая их один за другим. — Ну, наконец! Итак, что говорят эти скауты... сначала тут характеристика каждого, с точки зрения степени доверия, которого каждый из них заслуживает, ага, вот здесь: «Когда дым рассеялся, можно было заметить...» — прошу прощения, я не сказал, что наблюдение велось с расстояния почти полкилометра, но у двоих ребят имелись бинокли, — итак: «...можно было заметить блестящий шар, переливающийся всеми цветами радуги, который поднимался из земли все выше и выше, раздаваясь при этом пропорционально и в стороны, словно его надували... это длилось больше часа. За это время к шару прибыли наблюдатели с метеорологической станции и случайные прохожие... пожарные тем временем тушили пожар...», так... «был расставлен полицейский кордон...» Ну, а теперь о содержимом этой колбы! — оповестил приподнято Виннель, он облизнул пересохшие губы и начал медленно читать: — «Содержимое...» ага... «состоящее из матовой, белой, как обожженная кость, массы неизвестного состава и консистенции...» — наблюдение затруднено отложением туманного слоя, что-то вроде последовательных напластований — центральное ядро и три слоя, края которых в некоторых местах сливаются, их описание дается для большей ясности отдельно...

— Ясность изумительная, — снова не выдержал толстяк в светлом костюме.

— «...части тел одного поросенка и свиноматки плюс фрагмент как бы вырезанной и реконструированной во всех чертах стены свинарника... полное изображение второй свиньи... постепенно переходящее в фигуры двух кур... над этой двуфрагментной группой, приблизительно на семьдесят сантиметров выше, в стекловидной массе имеется изображение из аналогичной белой субстанции маленькой птички с распростертыми крыльями, по всей видимости, синицы. Представляется вероятным, что птица непосредственно перед моментом приземления тела находилась над местом падения, так как вблизи находились...», — тут какие-то орнитологи-

ческие наблюдения, не существенные для нас. Таким образом — это все, что я хотел зачитать, вам, коллеги, — проговорил в заключение Виннель и положил бумагу на стол.

— И что дальше? — раздался голос из глубины зала.

— Именно этот вопрос я хотел поставить перед вами, уважаемые коллеги, — ответил Виннель. — Наша храбрая армия имеет на это готовый ответ, до атомной бомбы включительно. Боюсь, что это стекло не выдержит цепной реакции урана, как оно выдержало оружейный обстрел.

— Неужели это правда? — раздался вопрос из зала.

— Да, броневые снаряды — это снаряды литые, без заряда — рикошетировали от поверхности шара. Несколько снарядов было найдено. Разумеется, никто из ученых не имел возможности даже посмотреть на них. Ну, да бог с ними! Так вот — проблема не разрешена. Конечно, имеется ряд догадок, но говорить о них публично еще рано. На основе изучения этих двух событий вырисовывается следующая картина: данные тела обладают способностью создавать внутри себя изображения вещей, существ, предметов, которые находились вблизи в момент столкновения их с землей. Возникает ряд вопросов: как это происходит? Прилетает ли тело готовым к получению таких изображений или способность к этому возникает лишь после некоторого подготовительного процесса? Ну, и прежде всего: к чему все это?

Наступила тишина. Математик, у которого Маурелл учился, проговорил со своего места:

— Мы здесь собрались, чтобы наметить план исследования и представить его компетентным органам, не так ли? Разумеется, нас могут не выслушать — нас слушают ровно столько, сколько в нас нуждаются, — и совершенно не исключено, что дертекский шар будет уничтожен. Остается тем не менее другой, упавший возле Обераммергау, поэтому нам следует отправиться туда, по крайней мере некоторым из нас, если, конечно, немцы окажутся более здравомыслящими, нежели наши власти...

— Да, это правильно, — сказал Виннель. — Я хотел бы еще... Я считаю, что коллеги должны быть ознакомлены с точкой зрения военных. Они считают, что мы имеем дело с попыткой вторжения.

— Вторжения?!

— Да. Это гипотеза... Она так же хороша, как и всякая другая, когда ничего не известно. Сообщение о падении шара в Баварии министерство получило почти в одно время с известием о приземлении шара на территории нашей страны.

Они ожидают дальнейших — гм, гм — десантов... и готовятся каждый такой падающий объект уничтожить.

— Но ведь шар не обнаруживает никакой агрессивности? — возразил из первого ряда высокий мужчина, рассматривавший на свет негативы снимков.

— Ну... постольку, поскольку. Офицер, прикоснувшийся к нему, погиб на моих глазах.

— В чем причина смерти?

— Шок. Так говорят врачи. Мы исследовали шар — все животные, которые прикасались хотя бы на какую-то долю секунды к его поверхности, гибли с симптомами шока.

— Электрического?

— Нет, скорее анафилактического. Агглютинация крови — выпадение белка из протоплазмы, — еще это бывает под действием токов высокой частоты.

— Шар радиоактивен?

— Нет.

На некоторое время воцарилось молчание.

— Вы говорили об изображениях, профессор, — отозвался стоявший у стены худенький, лысый человек с покрытым шрамами лицом, — но ведь эти изображения... подвижны. Мы даже видели это в фильме. Выглядит это так, как будто падавший объект подсмотрел, если можно так сказать, не только предметы или живые существа... людей... но и их движения. Это означает, что они во время этого... наблюдения, этого... копирования, как там ни назови данный процесс, — еще жили. То есть я хочу сказать, что смерть, возможно, никоим образом не связана с этим процессом получения изображений, она могла наступить вследствие непосредственной близости объекта к месту падения, в результате воздушной волны, высокой температуры и так далее.

— Профессор Лаарс, вопрос не представляется таким простым, — вмешался в дискуссию математик, — так как случаи ранения или убийства человека либо животного падающим метеоритом, обычным метеоритом, неизвестны и практически маловероятны. Это следствие того, что поверхность земного шара настолько велика и, так сказать, настолько пуста по сравнению с площадью тел живых существ, которые перемещаются по ней, что прямые попадания или падения метеоритов вблизи живых существ статистически почти невероятны. И то, что один шар упал в нескольких десятках метров от двух молодых людей, а другой — вблизи населенной усадьбы, не кажется результатом слепого случая. Но если это так, то данные шары

перемещаются не как мертвые космические тела, а как объекты, управляемые или нацеленные.

— Это звучало бы убедительно, если бы мы были уверены, что на Землю упали только эти два шара, — защищался Лаарс. — А что, если таких предметов за последние сорок восемь часов упало, скажем, сто, причем четыре пятых в океаны, одна шестая в пустынных местностях — и только два там, где их заметили? В таком случае следует ожидать обнаружения таких шаров в труднодоступных местах.

— Я с вами согласен. Трудность состоит в том, что мы не знаем, где их искать...

— Предлагаю послушать сейчас радио, — сказал Виннель, подымаясь из-за стола, за которым он что-то писал. — Уже почти половина третьего, должны быть сообщения о результатах бомбардировки.

— Они собираются провести это ночью?

— Да, спешат — им все не терпится! Точно, правда, я не знаю: решения менялись каждые полчаса. Маурелл, прошу вас, подключите в кабинете к радио громкоговоритель, установленный здесь.

Маурелл вышел.

Через минуту-две послышался неясный шум, то усиливающийся, то затихающий, и вдруг сквозь него пробился мужской голос, затем исчез и так же внезапно снова возник, наполняя весь зал.

— ...в траншею был заложен заряд тротила, величина которого не была сообщена прессе. Затем саперы удалились на противоположащую цепь холмов и оттуда подожгли шнур. Взрывом шар подняло в воздух, и он по склону скатился в лощину. В настоящее время ведутся интенсивные исследования.

Диктор сделал паузу.

— Из Мюнхена наш корреспондент сообщает. Работы по исследованию шара, который упал вчера утром в окрестностях Обераммергау, идут полным ходом. На место падения выехали шесть научно-исследовательских групп. Согласно плану, шар будет подвергнут действию различных видов энергии, и в связи с этим рассматривается возможность транспортирования его в ближайший город, где имелись бы необходимые приспособления и аппаратура. Немецкие ученые оценивают вес шара в пределах от ста девяноста до двухсот двадцати тонн. Ввиду этого проблему транспортировки решить нелегко.

Диктор снова умолк, в репродукторе слышен был шелест

переворачиваемых листков. Пауза затянулась. Вдруг голос диктора зазвучал громче:

— Передаем только что полученные сообщения. Джакомо Казэлли, который вместе со своими товарищами сегодня возвратился в Рио-де-Жанейро из экспедиции в глубь бассейна Амазонки, заявил на пресс-конференции, что неподалеку от места, где река Путумайо впадает в Амазонку, экспедиция обнаружила в джунглях выжженную огнем значительную площадь, где на дне кратера лежала большая стекловидная глыба, а вокруг нее погибшие по неизвестным причинам животные, в том числе хищники, а также птицы и насекомые. Под прозрачной оболочкой глыбы можно было заметить нечто вроде барельефов или отлитых в белом металле копий голов различных животных, трупы которых валялись возле шара. Ввиду отсутствия соответствующей аппаратуры Казэлли не смог произвести каких-либо исследований этого объекта, кроме фотографирования его. Снимки эти вы будете иметь возможность увидеть в нашей телевизионной программе утром, в восемь часов тридцать минут. Бейрут. Здесь собрался политический совет...

Репродуктор щелкнул и умолк.

— Кое-что мы узнали, — проговорил Виннель и встал. — Кажется, профессор Лаар оказался прав — следует ожидать и других открытий.

— Что это за история с изображениями погибших животных? — спросил кто-то из сидевших в зале.

— Как, разве я не говорил? В самом деле! Прошу прощения, коллеги. В месте, где этот несчастный офицер прикоснулся к шару, появился потом отпечаток или слепок его руки — собственно говоря, ее негатив — зеркальная копия, чем ближе к поверхности шара, тем явственней различимая.

— Вероятно, военные уже довольно много знают, если им удалось вскрыть шар... — заметил кто-то.

— Не думаю. Не замедлили бы похвастаться, — ответил Виннель. — А теперь, уважаемые коллеги, давайте наконец приступим к выработке плана действий...

Пресс-конференция подходила к концу. Вспышки фотоламп больше не слепили глаза сидевших за столом. Репортеры, журналисты и представители иностранных агентств толпились у стен; некоторые, устав, присаживались на корточки,

сидели на ступеньках вокруг возвышения, на котором стоял стол президиума. Мало кто из корреспондентов записывал, только обладатели карманных магнитофонов все еще не переставали целиться головками микрофонов в шефа пресс-отдела Специальной комиссии. Все растерялись, будучи не в состоянии переварить ту лавину научного материала, который им представили. На столе громоздились стопы таблиц и бумаг с результатами спектральных анализов, чертежи, изображающие шар в поперечном и продольном разрезах, рисунки, аналитические таблицы, сопоставляющие веса, цветные таблицы с записями физических и химических реакций, абсорбций и адсорбций, сравнительные таблицы всех исследованных образцов, а по обоим концам стола высились кипы толстых книг в лимонных переплетах — отчет комиссии. Все корреспонденты имели экземпляры этой книги, но только самые отважные решались перелистать толстый том — будто им было недостаточно того, что сказал доктор Хейнс.

Итак, четверо суток падали на Землю шары. Известны уже точки падения на поверхности Земли. Вычистана энергия удара, раскрыт механизм образования так называемого «радужного волдыря», который был не чем иным, как зародышем с необычайно ускоренным — в период «укоренения» — обменом веществ. Было установлено, что каждое упавшее из космоса тело, хоть и не было ни животным, ни растением, жило. Из врезающегося в землю при падении «яйца» почти взрывным путем формировался «плод», покрытый быстро затвердевающим защитным панцирем, способным поразить всякого, кто к нему прикоснется. Расположенное внутри молочно-белое ядро выполняло в организме груши роль органа, управлявшего всеми жизненными функциями, его сравнивали — но только для профанов и с целью популяризации — с ядром клетки. После периода «взрывного» развития метаболизм груш замедлялся. Через десять месяцев появлялись первые признаки регрессии — контуры внутренних органов и частей организма сперва становились неясными, потом полностью исчезали, превращаясь постепенно в темнеющую удлиненную каплю, все стекловидное содержимое груши всасывалось, и, наконец, на дно пустой уже оболочки опадала продолговатая груда темной комкообразной субстанции величиной в две человеческие головы. Расколоть внешнюю оболочку на этой стадии эволюции груши было уже совсем нетрудно, а исследования доктора Карелла и профессора Казаки показали, что «черная голова» представляет собой нечто вроде «личинки-зароды-

ша». Она начинает развиваться тогда и только тогда, когда ее выстрелят с большой скоростью в какую-нибудь материальную преграду. И лишь после того как с «зародышем» поступят так жестоко, он в условиях высокой температуры, возникающей при ударе, начинает преобразовывать окружающую материю в стекловидную массу, из которой возникает дочерняя груша.

В свете этих фактов очень близкой к истине казалась гипотеза Виннеля, что груша представляет собой живое тело, приспособленное к космическим путешествиям и даже более того — к космическим катастрофам. Так что на одной планете, на которую попадает это тело, может развиваться только одно поколение груш, а их зародыши вынуждены ожидать миллиарды лет, до тех пор пока данная планета вследствие какого-нибудь катаклизма не распадется, и тогда зародыши, смешавшись с осколками планеты, отправятся в виде метеоритного дождя путешествовать в какой-нибудь закоулок Галактики. Гарвардские астрофизики по этому поводу высказали предположение, что либо развитие груш совершалось в необычайно далекие эпохи существования Вселенной и они представляют собой реликты форм жизни, существовавших за миллиарды лет до появления ее белковых форм, либо они упали из таких областей космоса, в которых планетные катастрофы — явления закономерные и частые. Ученые не скрывали своей радости: открытие организмов, способных развиваться не только в условиях отсутствия катастроф, но именно благодаря им, стало поразительным доказательством приспособленности феномена жизни к любым возможным материальным условиям во Вселенной.

Что касается падения груш на Землю, то это следует рассматривать как совершенно исключительное явление. Это был какой-то отдельный рой, затерявшийся в космическом пространстве и блуждавший там многие миллионы лет или веков.

Разумеется, не все ученые придерживались одного мнения. Профессор Лаарс, например, считал, что груши — это форма жизни, типичная для планет, вращающихся вокруг звезд, периодически меняющих свою яркость, — цефеид с большой амплитудой мерцания, и даже для периодических звезд — новых. Это подтверждает характер развития данных форм, приспособленных никоим образом не к путешествиям в космосе, а к неслыханно высоким температурам, возникающим на планетах в период взрыва на звезде-солнце. Действительно, оказалось, что одним лишь

нагреванием «черной головы» до белого каления, можно вызвать у гриши весь цикл развития.

Некоторые ученые не считали данный эксперимент доказательным. Но все эти различия точек зрения людям несведущим казались не очень существенными.

Когда доктор Хейнс закончил свой доклад, корреспонденты засыпали его вопросами, которые по существу сводились к одному: почему ядро гриши создавало слепки объектов, окружающих место, где начинался процесс его развития.

Доктор Хейнс отвечал с величайшей добросовестностью. Вновь он перечислил физико-химические причины, приводящие к тому, что высокомолекулярное ядро гриши, испытывая воздействие световых волн определенной длины, начинает вырабатывать центральный сгусток, на котором откладываются последующие слои вещества, а световые волны, являющиеся существенным фактором развития, поступают главным образом из ближайшего окружения и тем самым влияют на систему катализаторов, которые в известной степени моделируют форму ядра. Форма ядра для жизненных процессов гриши не имеет никакого значения, лучшим доказательством чего следует считать тот факт, что ядро довольно-таки свободно принимает форму человеческих фигур, угла дома и даже кустарника. В то же время движение молочно-белой субстанции ядра далеко не безразлично для жизненных функций гриши, так как циркуляция этой субстанции обеспечивает надлежащий обмен веществ и именно поэтому непосвященному может казаться, что гриша имитирует повторяющиеся без конца объятия людей или трепетание крыльев птицы.

Как только Хейнс закончил, снова посыпались вопросы. Как понять, что для гриши «безразлична» форма ядра? Зачем ядру принимать форму окружающих предметов, а, скажем, не шара, овоида или какой-нибудь другой геометрической фигуры? Почему циркулирование ядерного вещества не может быть обычным неупорядоченным перемещением жидкостей, если тип циркуляции не имеет значения, и почему при этом ядро имитирует движение тел земных существ?

Хейнс, казалось, обладал неисчерпаемым запасом терпения. Сначала он подробно представил причины того, почему формы ядра и циркуляция в нем вещества не могут иметь никакого влияния на жизнедеятельность этого неземного организма. Хейнс рассказал о ряде опытов, когда развитие гриши вызывалось в среде, лишенной объектов с резко выраженными формами, например, в герметически закрытом

стальном шаре. Ядро, развивающееся в таких условиях, имело строго шаровую форму, а его движения ограничивались чередованием продольной и поперечной пульсации. В заключение доктор Хейнс сказал, что наука описывает явления и обобщает их, то есть выводит законы природы, но этим и ограничивается. Нет ответа, например, на вопрос, почему Земля третья, а, скажем, не четвертая планета от Солнца, почему Солнце находится в разреженной периферической части Галактики, а не в самом ее центре; или же на вопрос, почему нет людей с розовыми волосами. Солнце могло находиться в центре Галактики, люди могли иметь розовые волосы, а груша — ядро в форме тетраэдра. Но этого нет, и науку это не интересует. Наука занимается тем, что есть, а не тем, что могло бы быть.

После этих слов в зале разгорелись жаркие споры. Корреспонденты, представлявшие научные отделы журналов, кричали о том, что следует везде искать биологическую целесообразность. Другие упрямо повторяли уже задававшиеся раньше вопросы, несколько иначе их формулируя. Больше всех шумели представители ежедневных газет — предчувствуя громы и молнии, которые жаждущие сенсаций редакторы обрушат на их головы, стоит им явиться с такими объяснениями.

Доктор Хейнс поднял руки и ждал, пока утихнет буря. Когда зал немного успокоился, Хейнс заявил, что изложил все что мог — как руководитель пресс-отдела научной комиссии. Но как частное лицо он хорошо понимает беспокойство собравшихся и даже в какой-то степени разделяет его. Если хотите, он может сообщить, что доктор Амменхопф, теолог-протестант из Швейцарии, утверждает, будто стекловидные груши, подобно людям, существуют для того, чтобы исполнилась воля Господа, чтобы служить Ему и благодарить Его за акт творения. А посему, воссоздавая образы людей, которых, сами того не желая, груши убивают, когда падают на Землю, и повторяют без устали, например, предсмертный, последний поцелуй влюбленных — все это, согласно доктору Амменхопфу, груши делают во славу Господа, ибо каждый славит Творца так, как ему дано. Это объяснение, по-своему цельное и непротиворечивое, как и вообще всякое объяснение, не является завершенным, оно апеллирует к чему-то вне нас — в данном случае к Творцу. Надо сказать, что оно не имеет ничего общего с наукой так же, как ничего общего с религией не имеют структурные формулы соединений, из которых созданы тела груш и людей.

После этих слов часть зала притихла, но другая зашумела

еще сильней. На этот раз громче всех кричали научные обозреватели — снова пошли в ход лозунги о биологической целесообразности, а несколько репортеров, столпившихся в углу, начали даже их скандировать.

Доктор Хейнс оказался на высоте положения. Снова он поднял руку, показывая, что хочет дополнить сказанное, а когда в конце концов ему дали возможность говорить, он заявил, что пять человек из тех, кто требует раскрытия биологической целесообразности обсуждаемого здесь процесса, носят цветистые рубашки, что с точки зрения борьбы за существование или биологической приспособляемости не очень-то существенно. Можно с большим основанием утверждать, что эти господа носят такие рубашки ради удовольствия. Это объяснение не так уж плохо, ибо не все, что делают люди или другие живые существа, продиктовано биологической целесообразностью. Поэтому, если хотите, вы можете сказать, что воссоздание образов существ, среди которых груши проводят свою раннюю молодость, доставляет им удовольствие.

Ответом на эти слова был многоголосый вой. Доктор Хейнс обошел стол — все ученые, сидевшие за ним, уже давно ушли — и начал собирать и приводить в порядок свои бумаги так невозмутимо, как будто он находился в совершенно пустом зале. Он намеревался выйти через маленькую дверь в углу, но толпа репортеров загородила ее, и Хейнс очутился перед плотной живой плотиной. Он развел руками и усмехнулся.

— Хорошо! Скажу! Скажу! — крикнул он несколько раз. Толпа немного успокилась.

— Меня вынуждают отвечать, — заявил Хейнс. — Вы хотите услышать от меня правду — но правда не одна, их две. Одна — для еженедельников, помещающих длинные статьи с заставками. Стекловидные груши — это экспонаты из ботанических садов высоко развитых звездных существ. Существа эти вырастили их ради своих эстетических целей. Груши — это их скульпторы и портретисты. Другая правда, которая ничуть не хуже первой, обязательна для ежедневной прессы, особенно выходящей после полудня. Груши — космические чудовища, которым доставляет удовольствие процесс уничтожения, являющийся в то же время процессом их самоутверждения как индивидуумов. Всю оставшуюся часть жизни они наслаждаются, повторяя предсмертные движения своих жертв. Больше мне нечего сказать!

С этими словами Хейнс нырнул в толпу, размахивая портфелем, корреспонденты, стоявшие в непосредственной

близости к нему, на секунду расступились, оберегая свои фотоаппараты, доктор воспользовался этим и исчез в маленьких дверях. Гул в зале стоял такой, что нельзя было услышать своего собственного голоса. Позади всех стоял какой-то молодой человек, он не был корреспондентом и вообще не имел никакого отношения к прессе, а на конференцию пробрался только из-за любопытства. Как только Хейнс скрылся за дверью, молодой человек выскользнул из зала и помчался длинными коридорами за ним вдогонку. Он догнал Хейнса, когда тот, уже одевшись, направился к боковому выходу.

— Простите! — окликнул его молодой человек. — Простите!

— Я уже все сказал, — сухо бросил Хейнс на ходу.

Но юноша не отставал от него. Так они прошли через весь сад. Хейнс подошел к своему автомобилю, стоявшему в тесной шеренге других машин.

— Простите, — повторил молодой человек, пока Хейнс искал ключ в кармане, — я... я не корреспондент и вообще не из прессы, но...

Хейнс взглянул на него с искоркой интереса.

— Так чего вы хотите?

— Хочу знать...

Хейнс пожал плечами и всунул ключ в замок.

— Я уже все сказал, — повторил он.

— Но что вы, вы сами...

— Я?

Хейнс уже садился в машину, но, услышав такой вопрос, выпрямился. У юноши были удивительно голубые глаза; они смотрели на него, как бы в ожидании чуда. Хейнс потупил взор перед бесконечно доверчивым взглядом юноши.

— Извините, но дело вовсе не в этой груше, — сказал Хейнс.

— Не в...

— Разумеется. Эта проблема в такой же степени относится к растениям, животным, к людям — ко всем существам. В обычной жизни мы не задумываемся над нею, потому что привыкли к жизни, к нашей жизни, такой, какая она есть. И нужны были чуждые, другие для нас организмы, с иными формами, функциями, чтобы мы ее открыли заново — еще раз.

— Ага, — нерешительно проговорил молодой человек, — значит, речь идет о смысле...

— Безусловно, — подтвердил кивком Хейнс. — Действительность не так наивна, как побасенка о галактических

садах, и она не так страшна, как сказка о выдуманных чудовищах, но временами становится грустно оттого, что она не хочет открыть нам свои тайны... Прощайте.

Хейнс захлопнул дверцу и выехал из блестящего лаком ряда автомобилей. Молодой человек все глядел ему вслед, когда машина давно уже затерялась в уличном потоке.

ДРУГ

Я хорошо помню обстоятельства, при которых познакомился с Харденом. Это случилось через две недели после того, как я стал помощником инструктора в нашем клубе. Я очень дорожил этим назначением, потому что был самым молодым членом клуба, а Эггер, инструктор, сразу же, в первый день моего дежурства в клубе, заявил, что я вполне интеллигентен и настолько разбираюсь в нашей лавочке (так он выразился), что могу дежурить самостоятельно. И действительно, он тут же ушел. Я должен был дежурить через день с четырех до шести, консультировать членов клуба по техническим вопросам и выдавать им карточки QDR по предъявлении билетов с уплаченными взносами. Как я уже сказал, я был очень доволен своим постом, однако вскоре сообразил, что для выполнения моих обязанностей совершенно не нужно знать радиотехнику, потому что никто не обращался за консультацией. Здесь можно было бы обойтись простым служащим, однако таковому клуб должен был бы платить, я же дежурил даром и не только не имел от этого никакой корысти, а, напротив, терпел ущерб, если учесть вечное брюзжание матери, которая требовала, чтобы я сиднем сидел дома, когда ей хотелось пойти в кино и оставить малышей на моем попечении. Из двух зол я предпочитал дежурства. Внешне наше помещение выглядело вполне прилично. Стены были сверху донизу увешаны открытками радиосвязи со всего света и пестрыми плакатами, скрывавшими подтеки, а возле окна в двух застекленных шкафчиках помещалась кое-какая коротковолновая аппаратура старого типа. Была у нас и мастерская, переделанная из ванной, без окна. В ней нельзя было работать даже вдвоем, не рискуя выколоть друг другу глаза напильниками. Эггер, по его словам, питал ко мне огромное доверие, однако не столь огромное, чтобы оставить

Przyjaciel, 1958

© Ф. Широков, перевод, 1960

меня наедине с содержимым ящика письменного стола. Он выгреб оттуда все подчистую и унес к себе, не оставив даже писчей бумаги, так что мне приходилось вырывать листки из собственных тетрадок. В моем распоряжении находилась печать, хотя я и слышал, как Эггер сказал председателю, что ее, собственно, следовало бы прикрепить цепочкой к ящику стола. Я хотел использовать время для сборки нового приемника, но Эггер запретил уходить в часы дежурства в мастерскую — как бы, мол, кто-нибудь не забрался в клуб и не стянул что-либо. Это было чистейшим вздором — хлам в шкафчиках не представлял никакой ценности, — но я не сказал этого Эггеру, потому что он вообще не признавал за мной права голоса. Теперь я вижу, что чересчур с ним считался. Он без зазрения совести эксплуатировал меня, но этого я тогда еще не понимал.

Не помню, в среду или в пятницу появился впервые господин Харден — впрочем, это безразлично. Я читал очень интересную книгу и злился: в ней не хватало множества страниц. Все время нужно было о чем-то догадываться, и я опасался, что самого важного в итоге не окажется, а тогда все чтение пойдет насмарку — обо всем ведь не догадаешься. Внезапно послышался робкий стук. Это очень удивило меня, так как двери всегда были открыты настежь. Наш клуб обосновался в бывшей квартире. Кто-то из радиолюбителей говорил мне, что в такой скверной квартире никто не хотел ютиться. Я крикнул «войдите», и вошел посторонний, которого я никогда не видал. Я знал — если не по фамилии, то по крайней мере в лицо — всех членов клуба. Незнакомец стоял в дверях и смотрел на меня, а я разглядывал его, сидя за письменным столом; так мы созерцали друг друга некоторое время. Я спросил, чего он хочет, и подумал, что если бы этот человек пожелал вступить в клуб, то у меня не нашлось бы даже вступительного формуляра: их тоже забрал Эггер.

— Здесь клуб коротковолновиков? — спросил вошедший, хотя это было ясно написано на дверях и на воротах.

— Да, — ответил я, — что вам угодно? — Но вошедший как будто не слышал вопроса.

— А... простите, вы тут работаете? — спросил он, сделал два шага в мою сторону, ступая словно по стеклу, и поклонился.

— Дежурю, — ответил я.

— Дежурите? — переспросил он как бы в глубоком раздумье. Улыбнулся, потер подбородок полями шляпы, которую держал в руке (не помню, видел ли я когда-либо

такую поношенную шляпу), и, все еще стоя как бы на цыпочках, выпалил одним духом, словно опасался, что его прервут:

— Ага, так здесь дежурите вы, понимаю, это большая честь и ответственность, в юные годы мало кто этого достигает по нынешним временам, а вы тут всем ведаете, так, так, — при этом он сделал рукой, в которой держал шляпу, плавный жест, охватывающий всю комнату, точно в ней помещались бог весть какие сокровища.

— Не так-то уж я молод, — сказал я. Этот тип начинал меня немного раздражать. — А нельзя ли узнать, что вам угодно? Вы член нашего клуба? — Я задал этот вопрос умышленно, зная, что это не так, и действительно, незнакомец смутился, снова потер шляпой подбородок, спрятал ее за спину и, забавно семеня, подошел к письменному столу. Нижний ящик, куда, услышав стук, я сунул книгу, был открыт. Понимая, что от такого назойливого субъекта быстро не избавишься, я задвинул ящик коленом, вынул из кармана печать и принялся раскладывать чистые листки бумаги, дабы он видел, как я занят.

— О! Я не хотел вас обидеть! Не хотел! — воскликнул он и тут же понизил голос, беспокожно оглядываясь на дверь.

— Так, может быть, вы скажете, что вам угодно? — сухо спросил я, потому что мне все это надоело.

Он оперся рукой о письменный стол, держа другую, со шляпой, за спиной, и наклонился ко мне. Только теперь я сообразил, что ему, должно быть, немало лет, пожалуй, уже за сорок. Издалека это не бросалось в глаза, у него было худое, неопределенное лицо, какое иногда бывает у блондинов, у которых не заметно седины.

— К сожалению, я не являюсь членом клуба, — сказал он. — Я... видите ли, в самом деле питаю огромное уважение к тому, что делаете вы и все ваши коллеги, но мне, увы, не хватает подготовки! Мне всегда хотелось приобрести знания, но, к сожалению, не удалось. Моя жизнь как-то так сложилась...

Он запнулся и умолк. Казалось, он вот-вот расплатится. Мне стало не по себе. Я промолчал и начал прикладывать печать к пустым листкам, не глядя на него, хотя чувствовал, что он все ниже наклоняется надо мной и, пожалуй, хочет обогнуть стол, чтобы подойти ко мне. Я делал вид, будто ничего не замечаю, а он принялся громко шептать, в чем, по-видимому, не отдавал себе отчета:

— Я знаю, что помешал вам, и сейчас уйду... У меня есть

одна... одна просьба... Я рассчитываю на вас... едва смею рассчитывать на вашу снисходительность... человек, который предается такой важной работе, такому бескорыстному служению всеобщему благу, быть может, поймет меня, может быть... я не... смею надеяться...

Я совсем одурел от этого шепота и все продолжал прикладывать печать, но с ужасом видел, что листки скоро кончатся и я не смогу таращиться на пустой стол, а на незнакомца я не хотел смотреть: он расплывался передо мной.

— Я хотел бы... хотел бы, — повторил он раза три, — просить вас не о... то есть об услуге, о помощи. Одолжите мне одну мелочь... однако сначала я должен представиться. Моя фамилия Харден... Вы меня не знаете, но, боже мой, откуда же вам меня знать...

— А вы меня знаете? — спросил я, не поднимая головы и дыша на печать.

Харден так испугался, что долго не мог ответить.

— Случайно... — пробормотал он наконец. — Случайно видел, у меня были... были дела тут, на этой улице, поблизости, рядом, то есть недалеко от этого дома... Но это ничего не значит. — Он говорил горячо, словно для него имело громадное значение убедить меня, что он говорит правду. У меня от всего этого шумело в голове, а он продолжал:

— Моя просьба может показаться вздорной, но... Я хочу попросить вас, разумеется со всевозможными гарантиями, одолжить мне один пустяк. Это вас не затруднит. Речь идет... идет о проводе. С вилками.

— Что вы говорите? — спросил я.

— Провод с вилками, — воскликнул он почти в экстазе. — Немного, несколько... с дюжину метров и вилки... восемь... нет — двенадцать — сколько можете. Обязательно отдам. Вы знаете, я живу на одной с вами улице, дом номер восемь...

«А откуда вы знаете, где я живу?» — хотел я спросить, но в последний момент прикусил язык и сказал по возможности безразличным голосом:

— Мы не выдаем провод напрокат. Впрочем, разве это такая уж редкость? Ведь его можно достать в любом электротехническом магазине.

— Знаю! Знаю! — воскликнул он. — Но, пожалуйста, поймите меня! Прийти, как пришел я... сюда... очень тяжело, но у меня нет выхода. Этот провод мне очень нужен, и, собственно, не для меня, нет. Он... он нужен другому. Он... эта... особа... не имеет... средств. Это мой... друг. У него...

ничего нет... — произнес Харден снова с таким видом, точно собирался расплакаться. — Я, к сожалению, теперь... такие вилки продают только дюжинами, вы знаете. Прошу вас, может быть, вы, с вашим великодушием... Обращаюсь к вам, потому что не имею... потому что никого не знаю...

Некоторое время он молчал и только тяжело дышал, как бы от избытка чувств. От всего этого меня прошиб пот, и я хотел одного: избавиться от этого человека. Я мог бы просто не дать ему этот провод, и тогда все бы кончилось. Но я был заинтригован. Впрочем, может быть, мне хотелось немного помочь ему, из жалости. Я еще хорошенько не знал, как ко всему этому отнестись, но в мастерской хранилась моя собственная старая катушка, с которой я мог делать что хотел. Вилки, правда, у меня не было, но целая куча их лежала на столике. Никто их не считал. Конечно, они не предназначались для посторонних, но я решил, что в конце концов один раз можно сделать исключение.

— Погодите, — сказал я, пошел в мастерскую и принес оттуда провод, кусачки и вилки. — Подойдет вам этот провод? — спросил я. — Другого у меня нет.

— Конечно, я... я думаю, будет в самый раз.

— Сколько надо? Двенадцать? Может быть, двадцать метров?

— Да! Двадцать! Если можно...

Я отмерил на глаз двадцать метров, отсчитал вилки и положил на письменный стол. Харден спрятал все в карман, а у меня мелькнула мысль, что Эггер, узнай он об этих вилках, поднял бы шум на весь клуб. Мне бы он, конечно, ничего не сказал, я видел его насквозь — интригана, фарисея и, в сущности, труса. Харден отпрянул от стола и сказал:

— Молодой человек... извините, сударь... вы сделали большое, доброе дело. Я знаю, что моя нетактичность — и то, как я тут к вам... могли создать пресвратное впечатление, но, уверяю вас, уверяю, это было крайне необходимо! Речь идет о деле, в котором участвуют хорошие, честные люди. Не могу даже выразить, как тягостно мне было прийти, но я питал надежду — и не ошибся. Это отрадно! Весьма отрадно!

— Будем считать, что вы взяли на время? — спросил я. Меня беспокоил срок возврата, и, если бы он не скоро мне их возвратил, я принес бы нужное количество собственных вилок.

— Разумеется, на время, — подтвердил Харден, выпрямляясь с каким-то старомодным достоинством и прижимая шляпу к сердцу.

— Я, то есть не во мне суть... Мой друг будет вам чрезвычайно признателен. Вы... вы даже не представляете себе, что такое его признательность... Полагаю даже, что...

Он поклонился.

— Я скоро все верну — с благодарностью. Когда?.. В данную минуту, увы, не могу сказать. Я сообщу, с вашего разрешения. Вы — простите — бываете тут через день?

— Да, по понедельникам, средам и пятницам.

— А смогу ли я когда-нибудь... — начал еле слышно Харден. Я испытующе посмотрел на него, и это, по-видимому, его обескуражило, так как он ничего не сказал, а только поклонился, надел шляпу, еще раз поклонился и вышел.

Я остался один. Впереди был почти час времени, я попробовал читать, но тут же отложил книгу, потому что не мог понять в ней ни единого слова. Этот визит и сам посетитель выбили меня из колеи. Он выглядел очень бедно, башмаки, начищенные до блеска, так потрескались, что жалко было смотреть. Карманы пиджака отвисли, словно он постоянно носил в них какие-то тяжелые предметы. Впрочем, кое-что я мог бы рассказать на этот счет. Больше всего меня поразили два обстоятельства — оба они касались меня. Во-первых, Харден сказал, что знает меня в лицо, потому что бывал по делам недалеко от клуба, — что, конечно, могло случиться, хоть мне и показался странным испуг, с которым он это растолковывал. Во-вторых, он жил на той же самой улице, что и я. Слишком уж много случайностей. В то же время я отчетливо видел, что по своей природе этот человек не способен изворотливо лгать, вести двойную игру. Любопытно, что, размышляя подобным образом, я только под конец задумался над тем, для чего же, собственно, ему потребовался провод. Я даже удивился, что так поздно об этом подумал. Харден совершенно, совершенно не походил на человека, который занимается изобретениями или хотя бы мастерит что-то для собственного удовольствия. Впрочем, он сказал, что провод нужен не ему, а его другу. Все это как-то не вязалось.

На следующий день я пошел после уроков посмотреть дом номер восемь. Фамилия Хардена, разумеется, фигурировала в списке жильцов. Я завязал разговор с дворником, стараясь не возбудить подозрений, и выдумал целую историю о том, что якобы должен давать частные уроки племяннику Хардена и потому интересуюсь, способен ли он платить. Харден, по словам дворника, служил в центре города, в какой-то большой фирме, на работу уезжал в семь, а возвращался в три. За последнее время все изменилось, он стал возвращать-

ся все позднее, случалось даже, что и вообще не ночевал дома. Дворник даже как-то спросил Хардена об этом, но тот ответил, что берет сверхурочную и ночную работу, так как ему нужны деньги к празднику. Однако что-то незаметно, сделал заключение дворник, чтобы такой напряженный труд много дал Хардену, — как был он беден, словно церковная мышь, так бедняком и остался. Последнее время запаздывал с квартплатой, праздников вовсе не справлял, в кино не ходил. К сожалению, дворник не знал названия фирмы, в которой служил Харден, а я предпочел не расспрашивать слишком долго, так что разведка принесла мне не очень обильный урожай.

Признаюсь, я с нетерпением ожидал понедельника. Я чувствовал, что затевается нечто необычайное, хотя и не мог понять, что же, собственно, произойдет. Пробовал представить себе различные варианты, например, что Харден работает над изобретением или занимается шпионажем, но это абсолютно не вязалось с его персоной. Я убежден, что он не отличил бы диода от пентода и был менее, чем кто-либо другой в мире, способен выполнить задание иностранной разведки.

В понедельник я пришел на дежурство раньше времени и прождал два часа с растущим нетерпением.

Харден появился, когда я уже собирался уходить. Он вошел как-то торжественно, поклонился у порога и подал мне руку, а потом небольшой пакет, аккуратно завернутый в белую бумагу.

— Добрый день, молодой человек. Рад, что застал вас. Хочу поблагодарить вас за вашу доброту. Вы меня выручили в весьма сложном положении. — Он говорил уверенно, казалось, что он заранее все это сочинил. — Тут все, что вы любезно мне одолжили, — он указал на сверток, который положил на стол.

Мы оба стояли. Харден поклонился еще раз и сделал движение, как бы собираясь уйти, но остался.

— Стоит ли говорить о пустяках, — сказал я, желая ободрить его. Я думал, что Харден начнет горячо возражать, но он ничего не сказал и лишь хмуро смотрел на меня, потирая подбородок полями шляпы. Я заметил, что шляпу старательно чистили, однако без особых результатов.

— Как вы знаете, я не состою членом клуба... — проговорил Харден, неожиданно подошел к письменному столу, положил на него шляпу и, понизив голос, продолжал: — Не осмеливаюсь снова утруждать вас. Вы и так много для меня сделали. Все же, если вы согласитесь уделить мне

пять минут, никак не больше... Речь идет не о материальной помощи, боже упаси! Понимаете, у меня нет соответствующего образования и я не могу с этим справиться.

Я не понимал, к чему он клонит, но был сильно заинтригован и, чтобы придать ему смелости, сказал:

— Ну, конечно, я охотно помогу вам, если буду в силах.

Он молчал, ничего не отвечая и не двигаясь с места, поэтому я наугад добавил:

— Речь идет о каком-нибудь аппарате?

— Что? Что вы говорите?! Откуда, откуда вы... — выпалил перепуганный Харден, как если бы я сказал нечто неслыханное. Казалось, он хочет попросту удрать.

— Но ведь это ясно, — по возможности спокойно ответил я, стараясь улыбнуться. — Вы одалживали у меня провод и вилки, а стало быть...

— О, вы необычайно проникательны, крайне проникательны, — в словах Хардена звучало не одобрение, а скорее испуг. — Нет, никоим образом, то есть — вы ведь человек чести, не правда ли? Могу ли, смею ли я просить вас... то есть, одним словом, не пообещаете ли вы мне, что никому... что сохраните все, о чем мы говорим, в тайне?

— Да, — ответил я решительным тоном и, чтобы убедить его, добавил: — Я никогда не нарушаю данного слова.

— Я так и думал. Да! Я был в этом убежден! — сказал Харден, сохраняя хмурое выражение лица и не глядя мне в глаза. Еще раз потер подбородок и прошептал: — Знаете... есть кой-какие помехи. Не знаю почему. Не могу понять. То почти хорошо, то ничего не разберешь.

— Помехи, — повторил я, потому что он умолк, — вы имеете в виду помехи приема?

Я хотел добавить: «У вас есть коротковолновый приемник», но успел произнести только «у вас...», как он вздрогнул.

— Нет, нет, — прошептал Харден. — Речь идет не о приеме. Кажется, с ним что-то стряслось. Впрочем, откуда мне знать! Может, он просто не хочет со мной говорить.

— Кто? — снова спросил я, потому что перестал понимать Хардена; тот оглянулся и еще тише сказал:

— Я принес это с собой. Схему, вернее, часть схемы. Я, знаете ли, не имею права, то есть не совсем имею право показывать ее кому бы то ни было, но в последний раз получил разрешение. Это не моя работа. Вы понимаете? Мой друг, речь идет, собственно, о нем. Вот рисунок. Не сердитесь, что нарисовано так плохо, я пытался изучать различные специальные книги, но это не помогло. Все надо изготовить, сделать в точности так, как нарисовано. Я бы уж позаботился

обо всем необходимым. Все уже есть, я раздобыл. Но мне этого не сделать! С такими руками, — он вытянул их, худые желтые пальцы дрожали перед моим лицом, — вы же сами видите! В жизни я ни с чем подобным не сталкивался, мне и инструмента не удержать, такой я неумелый, а тут нужна сноровка! Речь идет о жизни...

— Быть может, вы покажете мне рисунок, — медленно проговорил я, стараясь не обращать внимания на его слова, — и без того он слишком смахивал на помешанного.

— Ах, простите, — пробормотал Харден.

Он расстелил на письменном столе кусок плотной бумаги для рисования, накрыл его обеими руками и тихо спросил:

— Нельзя ли закрыть дверь?

— Разумеется, можно, — ответил я, — часы дежурства уже кончились. Можно даже запереть на ключ, — добавил я, вышел в коридор и умышленно громко, чтобы он слышал, два раза повернул в замке ключ. Я хотел завоевать доверие Хардена.

Вернувшись в комнату, я сел за письменный стол и взял в руки рисунок. Он никак не походил на схему. Он вообще ни на что не походил, разве что на детские каракули: попросту нарисованы соединенные между собой квадраты, обозначенные буквами и цифрами, — не то распределительный щит, не то какой-то телефонный коммутатор, изображенный так, что волосы вставали дыбом. Символы не использовались, конденсаторы и дроссели были набросаны «с натуры», словно их рисовал пятилетний ребенок. Смысла во всем этом не было ни на грош, поскольку оставалось неизвестным, что означают эти квадратики с цифрами. Тут я заметил знакомые буквы и числа — обозначения различных катодных ламп. Всего их было восемь. Но это не был радиоаппарат. Под квадратиками располагались прямоугольнички с цифрами, которые уже ничего мне не говорили; там же виднелись и греческие буквы — а все вместе выглядело как какой-то шифр или просто как рисунок сумасшедшего.

Я разглядывал эту мазню довольно долго, слыша над собой громкое дыхание Хардена. Я не мог даже приблизительно уловить идею аппарата в целом, но продолжал изучать рисунок, чувствуя, что из Хардена больше ничего не вытянешь, а стало быть, придется обойтись тем материалом, который лежал передо мной. Не исключено, что если я нажму на Хардена и потребую показать и разъяснить кое-что, то он перепугается и сбежит. И так уж он оказал мне большое доверие. Поэтому я решил начать с рисунка. Единственная понятная часть напоминала фрагмент каскадного усилителя,

но скорее это был мой домысел, поскольку, как я уже сказал, все в целом представляло собой нечто совершенно неизвестное и запутанное. Была подводка тока с напряжением в 500 вольт — настоящий бред радиотехника, которого мучают кошмары. Имелись также надписи, которые должны были, по-видимому, служить руководством тому, кто собрал бы эту установку; например, замечания о материале, из которого следовало изготовить распределительный щит. Присмотревшись как следует к этой путанице, я обнаружил нечто удивительное: наклонные прямоугольнички, стоящие на ножках и обрамленные шторками, что-то вроде колыбелек. Я спросил Хардена, что это такое.

— Это? Это будут экраны, — ответил он, показывая пальцем на другой точно такой же прямоугольничек, в который действительно было вписано мелкими буквами слово «экран».

Меня это просто сразило. Скорее всего Харден совершенно не отдавал себе отчета в том, что слово «экран» означает в электротехнике нечто совершенно иное, чем в обыденной жизни, и там, где речь шла об экранировании отдельных элементов аппаратуры, то есть об отделении друг от друга электромагнитных полей заслонками, или экранами, из металла, со святой наивностью нарисовал экранчики, которые видел в кино!

И в то же время в нижнем углу схемы располагался фильтр высоких частот, подключенный совершенно новым, неизвестным мне способом, необычайно остроумно — это была просто первоклассная находка.

— Вы сами это рисовали? — спросил я.

— Да, я. А что?

— Тут есть фильтр, — начал я, указывая карандашом, но он прервал меня:

— Простите, я в этом не разбираюсь. Я рисовал, следуя указаниям. Мой друг... он, стало быть, является в некотором смысле автором...

Харден умолк. Внезапно у меня блеснула идея.

— Вы общаетесь с ним по радио? — спросил я.

— Что? Конечно, нет!

— По телефону? — непоколебимо выпрашивал я. Харден внезапно начал дрожать.

— Что... что вам нужно? — пролепетал он, тяжело опираясь о стол. Казалось, ему делается дурно. Я принес из мастерской табурет, на который он опустился, словно одряхлев за время разговора.

— Вы с ним встречаетесь? — спросил я. Харден медленно наклонил голову.

— Почему же вы больше не пользуетесь его помощью?

— О, это невозможно, — сказал он, неожиданно вздохнув.

— Если ваш друг находится не здесь и с ним нужно объясниться на расстоянии, то я могу одолжить вам мой радиоаппарат, — сказал я не без умысла.

— Но это ничего не даст! — воскликнул Харден. — Нет, нет. Он действительно здесь.

— Почему же он сам не зайдет ко мне? — бросил я. Лицо Хардена исказила какая-то спазматическая улыбка.

— Это невозможно. Он не является... его нельзя... поверьте, это не моя тайна, я не имею права ее выдать... — неожиданно горячо сказал Харден с такой доверчивостью, что я поверил в его искренность. От напряжения у меня разламывалась голова, но я не мог уразуметь, о чем идет речь. Одно было абсолютно ясно: Харден совершенно не разбирался в радиотехнике, а схема была творением друга, о котором он выражался столь туманно.

— Послушайте, — неторопливо начал я, — что касается меня, то можете быть полностью уверены в моем умении хранить тайны. Я не хочу даже спрашивать, что вы делаете и для чего это предназначено, — я указал на рисунок, — но, чтобы помочь вам, мне надо, во-первых, скопировать рисунок, а во-вторых, мою копию должен просмотреть ваш друг, который, по-видимому, знает в этом толк...

— Это невозможно... — прошептал Харден. — Я... Я должен был бы оставить вам рисунок?

— А как же иначе? Вам надо смонтировать этот аппарат — не так ли?

— Я... Я бы принес все что нужно, если вы позволите, — сказал Харден.

— Не знаю, выйдет ли, — сказал я, — удастся ли это осуществить.

Когда я взглянул на Хардена, тот выглядел совершенно подавленным. Губы у него дрожали, он заслонил их шляпой. Мне стало очень жаль его.

— Впрочем, можно попробовать, — сказал я равнодушно, — хотя, следуя столь неточной схеме, вряд ли можно смастерить что-либо путное. Пусть ваш друг просмотрит схему или, черт побери, просто перерисует ее толково.

Посмотрев на Хардена, я понял, что требую невозможного.

— Когда я могу зайти? — спросил он наконец.

Мы условились, что он придет через два дня. Харден почти вырвал рисунок у меня из рук, спрятал его во внутренний карман и окинул комнату невидящим взглядом.

— Я, пожалуй, пойду. Не буду... не хочу отнимать у вас время. Очень благодарен, до свидания. Я приду, стало быть, если можно. Но никто... никто... никому...

Я еще раз обещал ничего не говорить, удивляясь собственному терпению. Выходя, он неожиданно остановился.

— Извините... я еще раз осмелюсь. Вы не знаете случайно, где можно достать желатин?

— Что?

— Желатин, — повторил он, — обычный сухой желатин в листах, кажется...

— Скорее всего, в бакалейной лавке, — посоветовал я.

Харден еще раз поклонился, горячо поблагодарил меня и вышел. Я подождал минуту, пока не утихли его шаги на лестнице, запер клуб и пошел домой, настолько погруженный в раздумье, что наткнулся на прохожих. Дело, за которое я, пожалуй, легкомысленно взялся, не вызвало во мне восторга, но я понимал, что участие в постройке этого злосчастного аппарата — единственный способ узнать, что же, собственно, предпринимают Харден и его загадочный друг. Дома я взял несколько листов бумаги и попробовал нарисовать странную схему, которую показал мне Харден, но мне почти ничего не удалось вспомнить. Наконец я разрезал бумагу на куски и написал на них все, что знал об этой истории; просидев над листками до вечера, я попытался сложить из них что-либо осмысленное. Не очень-то мне это удавалось, хотя должен сказать, что дал волю фантазии и, не колеблясь, выдвигал самые неправдоподобные гипотезы, вроде того что Харден поддерживает радиосвязь с учеными какой-то другой планеты, как в рассказе Уэллса о хрустальном яйце. Но все это как-то не вязалось. Наиболее очевидное, напрашивающееся заключение, что я имею дело с обыкновенным сумасшедшим, я отбросил: во-первых, потому, что в чудачествах Хардена было слишком много методичности, а во-вторых, потому, что так, без сомнения, звучал бы приговор огромного большинства людей во главе с Эггером. Когда я уже ложился спать, мелькнула догадка, заставившая меня подпрыгнуть. Я удивлялся, почему не подумал так сразу, настолько все это было очевидно. Неведомый друг Хардена, скрывающийся за его спиной, был слепым! Некий профессионал-электрик, слепой, возможно, даже хуже, чем слепой! Когда я быстро перебрал в памяти

некоторые замечания Хардена, а главное — представил себе жалостливую улыбку, с которой он встретил мое предложение, чтобы его друг зашел сам, я пришел к заключению, что неизвестный полностью парализован. Какой-то старый, вероятно, очень старый человек, много лет прикованный к постели, в вечном мраке, окружающем его, придумывает изумительные приборы. Единственный друг, услугами которого он может при этом пользоваться, совершенно несведущ в электротехнике. Старик, конечно, со странностями, подозрителен и опасается, что его секрет могут выкрасть. Гипотеза эта показалась мне вполне правдоподобной. Оставалось лишь несколько неясных пунктов: для чего понадобился провод и вилки. Я не замедлил тщательно исследовать эти пункты. Провод был разрезан на куски разной длины — по два, два с половиной, три и четыре метра, у вилок (совершенно новых, неиспользованных, когда я вручил их Хардену) была сорвана резьба, а из некоторых торчали отдельные волоски медного провода. Значит, провод был использован не только как предлог — чтобы завязать со мною знакомство.

Кроме того, желатин. Зачем ему понадобился желатин? Чтобы приготовить своему другу какое-нибудь желе, клей? Я сидел в темноте на кровати настолько взбудораженный, словно в эту ночь вообще не собирался спать. «Листы сухого желатина» — ведь из такого количества желатина можно сделать желе для кита. Харден не разбирался в пропорциях? Или просто хотел направить мою пытливость по ложному пути? Можно это назвать отвлекающий маневр «желатин»? Но подобной хитрости от Хардена нельзя было ожидать — он органически был к ней неспособен. Размазня физически и духовно, он даже убить муху готовился бы, наверное, со смесью страха, колебаний и таинственности, как к самому страшному преступлению. Стало быть, этот ход подсказал ему «друг»? Неужели он придумал весь разговор заранее? Со всеми недомолвками и оговорками, которые расточал Харден? Это было заведомо невозможно. Я чувствовал, что чем тщательнее анализирую все мелочи, все подробности дела, вроде этого несчастного желатина, тем больше погружаюсь во мрак, хуже того — обычные на первый взгляд элементы логически приводили к абсурду. А когда я вспомнил слова Хардена о «помехах», о том, что он не может объясниться с другом, меня охватила тревога. Я представил себе — что же еще могло прийти мне в голову? — старика, совершенно беспомощного, слепого, наполовину выжившего из ума, его дряхлое тело в конуре на темном чердаке,

отчаянно незащищенное существо, в мозгу которого, охваченном вечной тьмой, мелькают фрагменты призрачной аппаратуры, а Харден, смешной и верный, напрягает все силы, чтобы из обрывистого бормотанья, из хаотичных замечаний, прорывающихся сквозь мрак и безумие, создать вечное, как памятник, как завещание, целое. Подобные мысли роились в моей голове в ту ночь; вероятно, меня лихорадило. Впрочем, всего нельзя было объяснить безумием, мелкая, но совершенно необычная деталь — конструкция фильтра высоких частот — красноречиво говорила специалисту, что он имеет дело — что тут скрывать — с гениальным творением.

Я решил, что буду держать в памяти схему аппаратуры, которую обещал собрать, и, успокоенный сознанием, что у меня в руках нить, которая укажет путь в глубь лабиринта, заснул.

Господин Харден, как мы условились, пришел в среду, нагруженный двумя портфелями, полными деталей, и еще трижды ходил домой за остальными. Заняться монтажом мы решили после моего дежурства — так мне было удобней. Увидев все эти детали, особенно лампы, я понял, как дорого они стоили, — и этот человек одалживал у меня двадцать метров провода?! Мы принялись за дело, распределив между собой работу. Я отмечал на эбонитовой пластине места, где нужно было просверлить отверстия, а Харден возился с дрелью. У него ничего не получалось. Мне пришлось показать ему, как держать корпус дрели и крутить ручку. Харден сломал два сверла, прежде чем этому научился. Я тем временем внимательно проштудировал схему и быстро сообразил, что в ней было много бессмысленных соединений. Это подтверждало мою гипотезу: либо замечания «друга» были столь путаны и неясны, что Харден не мог в них разобраться, либо же сам «друг», охваченный временным помрачением, путался в собственном замысле. Я сказал Хардену об этих неверных соединениях. Тот сперва не поверил, но когда я в доступной форме растолковал, что монтаж по этой схеме попросту приведет к короткому замыканию, к тому, что перегорят лампы, Харден испугался. Он слушал долгое время в полном молчании, с дрожащими губами, которых даже не заслонила, как обычно, полями шляпы. Потом засуетился, с неожиданным приливом энергии схватил со стола схему, накинул пиджак, попросил, чтобы я подождал минутку, полчаса, повторил еще раз свою просьбу уже в дверях и помчался в город. Наступили сумерки, когда он вернулся, успокоенный, но запыхавшийся,

словно бежал всю дорогу. Он сказал мне, что все в порядке, что так и должно быть, как нарисовано, что я, конечно, не ошибаюсь, однако то, о чем я говорил, было предусмотрено и учтено.

Уязвленный, я хотел было в первую минуту просто бросить работу, но, поразмыслив, пожал плечами и дал Хардену новое задание. Так прошел первый вечер. Харден добился некоторого успеха, его внимание и терпеливость были прямо-таки невероятны, я видел, что он не только старается выполнять мои указания, но и пытается освоить все манипуляции, вроде монтажа шасси и пайки концов, точно хочет заниматься этим и в будущем. По крайней мере мне так казалось. «Ага, подглядываешь за мной, — подумал я, — вероятно, тебе велели приобрести сноровку в радиотехнике, значит, и мне можно нарушить лояльность». Я намеревался набросать по памяти всю схему, выйдя на минутку под деликатным предлогом, так как Харден не выпускал рисунок из рук и разрешал смотреть на него только под своим контролем, за что, впрочем, тысячу раз извинялся, но все же стоял на своем. Я чувствовал, что это фанатическое стремление сохранить тайну исходит не от него самого, а навязано ему и чуждо его натуре. Однако, когда я попробовал выйти из мастерской, он загородил дорогу и, глядя мне в глаза, горячо прошептал, чтобы я дал обещание, поклялся, что не буду пытаться скопировать схему ни сейчас, ни в дальнейшем, никогда. Это меня возмутило.

— Что же вы хотите, чтобы я забыл схему? — спросил я. — Это не в моей власти. Впрочем, я и так уж слишком много сделал для вас, и недостойно требовать, чтобы я действовал, как слепой автомат, как слепое оружие!

Говоря это, я хотел обойти Хардена, который преграждал мне путь, но он схватил мою руку и прижал ее к сердцу, вот-вот готовый расплакаться.

— Это не ради меня, — повторял он трясущимися губами, — умоляю, прошу вас, поймите... он... он не просто мой друг, речь идет о чем-то гораздо большем, несравненно большем, клянусь вам, хотя и не могу сейчас всего открыть, но, поверьте мне, я не обманываю вас, и во всем этом нет ничего низкого! Он... он вас отблагодарит — я сам это слышал, — вы не знаете, не можете знать, а я... я не могу ничего сказать, но только до поры до времени, вы сами убедитесь!

Примерно так говорил он, но я не могу передать отчаяния, с каким Харден смотрел мне в глаза. Я проиграл еще раз, ибо я был вынужден, просто вынужден дать ему это

обещание. Можно пожалеть, что ему не подвернулся кто-либо менее порядочный, чем я; тогда, быть может, судьбы мира сложились бы иначе, но ничего не поделаешь.

Сразу же после этого Харден ушел; мы заперли смонтированную часть установки в шкафчик, а ключ Харден унес с собой. Я согласился и на это, чтобы его успокоить.

После этого первого вечера совместной работы у меня снова было много пищи для размышлений — ведь Харден не мог запретить мне думать. Во-первых, эти ложные соединения; я допускал, что они известны мне далеко не все, ведь схема представляла собой — я видел это все отчетливой — лишь часть какого-то большего, быть может значительно большего, целого. Неужели он сам хотел смонтировать все это целое после окончания стажировки у меня? Электрик, привыкший к механической работе, не особенно интересующийся тем, что делает, быть может, не обратил бы внимания на эти места схемы, но мне они не давали покоя. Не могу сказать почему — то есть я не в состоянии этого сделать, не представляя себе схемы, которой, к сожалению, я не располагаю, — но похоже, что ложные соединения были введены умышленно. Чем больше я о них думал, тем тверже был в этом уверен. Это были — я почти не сомневался — фальшивые пути, предательский, обманный ход того, кто, невидимый, стоял за всем этим делом. Меня больше всего возмущало, что Харден действительно ничего не знал о существовании этой умышленной путаницы в схеме, а значит, и он не был допущен к ключу этой загадки, значит, и его обманывали — и делал это его так называемый «друг»! Должен признаться, что образ этого друга не становился в моих глазах привлекательнее, напротив, я никогда не назвал бы такого человека своим другом! А как следовало понимать возвышенные, хотя и туманные тирады Хардена, заключавшие неясные обещания и посулы? Я не сомневался, что и эти слова он только пересказывал, что и тут он был только посредником — но в хорошем ли, в добром ли деле?

На следующий день, после полудня, когда я сидел дома и читал, мать сказала мне, что у ворот стоит какой-то человек, желающий меня видеть. Она была, конечно, не в духе и спросила, откуда у меня такие престарелые дружки, которые боятся показываться сами и посылают за мной детей дворника. Я ничего не ответил, так как почувял недоброе, и сбежал вниз. Был уже вечер, но лампочки неизвестно почему не горели, и в парадном царила такая темень, что я едва разглядел ожидающего. Это был Харден, чем-то сильно взволнованный. Он попросил меня выйти на улицу. Мы

пошли в сторону парка; Харден долго хранил молчание, а когда мы оказались на пустынном в эту пору берегу пруда, спросил, не интересуюсь ли я случайно серьезной музыкой. Я ответил, что, разумеется, люблю ее.

— Ах, это хорошо, это очень хорошо. А... нет ли у вас каких-нибудь пластинок? Мне, собственно, нужна только одна — адажио опус восьмой, Дален-Горского. Это... должно быть... это не для меня, понимаете, но...

— Понимаю, — прервал я. — Нет, у меня нет этой пластинки. Дален-Горский? Это, кажется, современный композитор?

— Да, да, вы великолепно разбираетесь, как это хорошо. Эта пластинка — она, к сожалению, очень, понимаете... у меня нет сейчас... средств и...

— И у меня, к сожалению, не очень хорошо с финансами, — сказал я, засмеявшись несколько неестественно.

Харден испугался.

— Милостивый боже, я об этом и не помышлял, это совсем не входило в мои расчеты. Может, у кого-нибудь из ваших знакомых есть эта пластинка? Только займы, на один день, не дольше!

Фамилия композитора затронула что-то в моей памяти; мы молчали минуту, шагая по грязи вдоль пруда, пока я не сообразил, что встречал эту фамилию в газете или в радиопрограмме. Я сказал об этом Хардену. Возвращаясь, мы купили в киоске газету — действительно, симфонический оркестр радио должен был исполнить завтра адажио Дален-Горского.

— Знаете ли, — сказал я, — проще всего включить приемник именно в это время, то есть в двенадцать четырнадцать, и ваш друг сможет прослушать адажио.

— Тсс, — прошипел Харден, неуверенно оглядываясь. — Увы, этого нельзя сделать, он... я... он в это время работает и...

— Работает? — произнес я с удивлением, ибо это совершенно не вязалось с образом одинокого, полубезумного, беспомощного старика.

Харден молчал, словно подавленный тем, что сказал.

— А знаете, — сказал я, следуя внезапному порыву, — я запишу вам это адажио на моем магнитофоне...

— О, это будет великолепно! — воскликнул Харден. — Я буду вам бесконечно благодарен, только... только не сможете ли вы одолжить мне магнитофон, чтобы... чтобы потом можно было воспроизвести?

Я невольно усмехнулся. С магнитофонами у коротковолновиков — целая история: мало у кого есть собственный, а каждому хочется записывать передачи, особенно из экзотических стран, и поэтому счастливого обладателя постоянно забрасывают просьбами одолжить магнитофон. Не желая вечно находиться в разладе с моим добрым сердцем, я вмонтировал магнитофон в свой новый приемник как неотъемлемую часть: одолжить приемник целиком, разумеется, невозможно, он слишком велик. Все это я выложил Хардену, и тот непередаваемо огорчился.

— Но что же делать... что делать? — повторял он, теребя пуговицы изношенного пальто.

— Я могу дать вам только ленту с записью, — ответил я, — а магнитофон вам придется одолжить у кого-нибудь.

— Не у кого, — пробормотал Харден, погруженный в свои мысли, — впрочем... магнитофон не нужен! — выпалил он с неожиданной радостью. — Достаточно ленты, да, достаточно ленты, если вы сможете мне ее дать! Одолжить! — Он заглянул мне в глаза.

— У вашего друга есть магнитофон? — спросил я.

— Нет, но он ему и не ну...

Харден умолк. Радость его исчезла. Мы стояли как раз под газовым фонарем.

Харден на расстоянии шага всматривался в меня с изменившимся лицом.

— Собственно, нет, — сказал он, — я о...шибся. У него есть магнитофон. Да, есть. Естественно, что есть — только я об этом забыл...

— Да? Это хорошо, — ответил я, и мы пошли дальше.

Харден сник, ничего не говорил, только временами украдкой поглядывал на меня сбоку. Возле дома он попрощался со мной, но не ушел. С минуту смотрел на меня с жалобной улыбкой, а потом тихо пробормотал:

— Вы запишете для него... правда?

— Нет, — ответил я, охваченный внезапным гневом, — нет. Я запишу для вас.

Харден побледнел.

— Я благодарю вас, но... вы плохо понимаете, неправильно, вы сами убедитесь позднее, — горячо шептал он, сжимая мне руку, — он, он не заслуживает... вы увидите! Клянусь! Вы все, все поймете и тогда не будете ложно оценивать его...

Я не мог больше смотреть на Хардена, лишь кивнул головой и пошел наверх. И снова у меня была пища для размышлений, да еще какая! Его друг работал — значит, он не был старым паралитиком, которого я выдумал. Кроме того,

Этот поклонник современной музыки мог любоваться просто лентой с записью адажио Дален-Горского без магнитофона! В том, что дело обстояло именно так, что магнитофона не было и в помине, я уже не сомневался.

На следующий день перед дежурством я отправился в городскую техническую библиотеку и проштудировал все, что мог достать, о способах воспроизведения записи с ленты. Из библиотеки я ушел столь же осведомленным, как до ее посещения.

В субботу монтаж был, по существу, закончен, оставалось только вмонтировать недостающий трансформатор и припаять множество концов. Все это я отложил до понедельника. Харден горячо благодарил меня за ленту, которую я принес. Когда мы уже собирались расстаться, он неожиданно пригласил меня к себе на воскресенье. Смущенный Харден бесконечно извинялся за то, что визит... прием... встреча — путался он — будет обставлен чрезвычайно скромно, что совершенно не соответствует той симпатии, которую он ко мне питает. Я слушал безо всякого интереса, тем более что его настойчивая куртуазность сковывала мои намерения, меня все еще не оставляло желание поиграть в детектива и раскрыть, где же живет таинственный друг. Однако, осыпаясь благодарностями, извинениями и приглашениями, я попросту не мог решиться выслеживать Хардена. Тем большую неприязнь я питал к «другу», который все еще не изволил приподнять завесу окружавшей его тайны.

Харден действительно жил недалеко от моего дома на четвертом этаже, в комнатке, окна которой выходили на темный двор. Он приветствовал меня торжественно, озабоченный тем, что не может угостить бог знает какими деликатесами. Попивая чай, я от нечего делать разглядывал комнатку. Я не представлял себе, что Хардену приходится так туго. Однако кое-какие следы указывали, что он знал и лучшие времена: например, многочисленные латунные коробки из-под одного из самых дорогих трубочных табаков. Над старым, потрескавшимся секретером висел потертый коврик с отчетливо отпечатавшимися следами трубок; там, должно быть, размещалась когда-то целая коллекция, от которой ничего теперь не осталось. Я спросил Хардена, курит ли он трубку, и тот в некотором замешательстве ответил, что раньше курил, но теперь бросил — это вредит здоровью.

Во мне крепла уверенность, что за последнее время Харден распродал все дотла: об этом ясно свидетельствовали более светлые, чем остальная часть стен, квадраты — следы исчезнувших картин, прикрытые репродукциями из журна-

лов; однако репродукции не закрывали полностью эти более светлые места, и их можно было легко обнаружить. Поистине не надо быть детективом, чтобы понять, откуда взялись деньги на покупку радиодеталей. Подумав, что «друг» недурно обчистил Хардена, я попытался найти в комнате хоть одну вещь, которую можно было бы продать, но не нашел ничего. Разумеется, я промолчал, но решил в подходящий момент открыть Хардену глаза на истинный характер этой так называемой «дружбы».

Тем временем этот добряк поил меня чаем, подсовывая все время коробку из-под табака, служившую сахарницей, словно предлагал мне поглотить все ее содержимое за отсутствием чего-либо лучшего. Он рассказывал о своем детстве, о том, как рано потерял родителей и с тринадцати лет был вынужден кормиться сам; расспрашивал меня о планах на будущее, а когда я сказал, что намереваюсь изучать физику, если удастся получить стипендию, он в своей обычной манере, туманно, заговорил об огромных благоприятных переменах, — необычайных переменах, которые, как следует надеяться, ожидают меня в не очень далеком будущем. Я воспринял это как намек на благодеяния его друга и тотчас сказал, что намерен полагаться в жизни исключительно на самого себя.

— Ах, вы превратно меня поняли... превратно поняли, — огорчился он, но тут же вновь едва заметно улыбнулся, словно скрывая какую-то большую радующую его мысль.

Распаренный от чаепития и злой — в то время я почти непрерывно злился, — я через некоторое время попрощался с Харденом и пошел домой.

В понедельник мы наконец закончили монтаж. Во время работы Харден, говоря об аппарате, неосторожно назвал его «конъюгатором». Я спросил, что он подразумевает под этим и знает ли для чего, собственно, предназначен аппарат. Харден смутился и сказал, что как следует не знает. Это была, по-видимому, последняя капля, переполнившая чашу.

Я оставил Хардена над перевернутым аппаратом, из которого торчали, как щетка, зачищенные концы, и вышел в соседнюю комнату. Выдвинув ящик, я увидел в нем рядом с комочком олова для пайки несколько кусков металла Вуда — остатки от большого слитка, какой-то недоброжелатель подложил Эгтеру этот серебристый металл, плавящийся при температуре горячего чая, вместо олова, и полностью смонтированный приемник через некоторое время после включения испортился, потому что металл стек с нагретых контактов и почти все соединения нарушились. Хитрый

сплав как бы сам попал мне в руки. Я не отдавал себе отчета, зачем это делаю, но, вспомнив комнату Хардена, перестал колебаться. Вполне вероятно, что «друг» не почувствует подвоха, — Эггер тоже не раскусил.

«Когда припой потечет, — размышлял я, залуживая паяльник, — он, несомненно, прикажет Хардену вновь отнести аппарат в мастерскую, а может быть, даже пожелает лично представиться мне. Впрочем, возможно, и обозлится, но что он мне сделает?» Мысль о том, что я оставлю в дураках этого эгоистичного эксплуататора, доставляла мне огромное удовольствие.

Закончив пайку проводников, мы принялись монтировать трансформатор. Тут выяснилось, как я и подозревал раньше, что Харден просто не в состоянии унести аппарат в одиночку. Дело было не столько в тяжести, сколько в ее размещении. Аппарат получился более метра длиной и с того края, где помещался трансформатор, очень тяжелый, вместе с тем настолько неудобный, что просто смешно было смотреть, как Харден, крайне озабоченный, в полном отчаянии примеряется к нему и так и эдак, пробует взять под мышку, опускается на колени и просит, чтобы я взвалил аппарат ему на спину. Наконец он решил сбегать к дворнику и одолжить у него мешок. Я посоветовал не делать этого: аппарат слишком длинный, и, как ни ухитришься, будешь задевать его ногами, что наверняка не пойдет на пользу лампам. Тогда Харден начал копать в бумажнике, но денег на такси не хватало; у меня их также не было. Окончательно подавленный, он сидел некоторое время на табурете, ломая пальцы, а затем взглянул на меня исподлобья.

— Не согласитесь ли вы... помочь мне?..

Я ответил, что, сделав уже так много, не откажу и теперь: он просветлел, но тут же принялся пространно объяснять, что сначала должен посоветоваться с другом. Мне было любопытно, как он это сделает: время было уже позднее, и я не мог ждать Хардена в клубе. Он прекрасно это знал.

Харден поднялся, некоторое время размышлял, бормоча что-то себе под нос и расхаживая по комнате, и наконец осведомился, нельзя ли воспользоваться телефоном. Еще от прежних жильцов остался в коридоре телефон-автомат, которым мало кто пользовался; думаю, что о нем попросту забыли. Харден рассыпался в извинениях, но все же закрыл дверь в коридор; я должен был ждать в комнате, пока он поговорит с другом. Это меня слегка задело; я сказал, что он может быть спокоен, и когда Харден вышел, заперся изнутри.

Поскольку речь шла о вещах более серьезных, чем

уважение к подозрительности какого-то неизвестного чудака, я попробовал подслушивать у дверей — но ничего не услышал. Помещение клуба соединялось с коридором вентиляционным отверстием, прикрытым куском продырявленной жести, который можно было отодвинуть. Недолго думая, я подпрыгнул, ухватился за раму и подтянулся вверх, как на трапеции. Было очень трудно отодвинуть задвижку, но все же я сделал это и приблизил ухо к отверстию. Я не разобрал слов, а только улавливал интонацию уговоров и просьб. Харден повысил голос:

— Это же я, я, ты ведь узнаешь меня! Почему ты не откликаешься!

Ему ответило урчание трубки, удивительно громкое, потому что я слышал его сквозь узкое отверстие в стене. Я подумал, что телефон испортился, — но Харден продолжал что-то говорить, повторил несколько раз «невозможно» и умолк. В трубке раздавалось бормотанье, Харден кричал:

— Нет! Нет! Уверю тебя! Я вернусь один!

Он снова умолк. Я напрягался из последних сил, висая на согнутых руках, потом немного выпрямил их, чтобы передохнуть, а когда вновь подтянулся, до меня донесся обеспокоенный голос Хардена:

— Ну хорошо, все так, в точности так! Только не откликайся, слышишь! Власть, понимаю, власть над миром!

Руки у меня немели. Я легко спрыгнул, чтобы не производить шума, и открыл дверь. Харден вернулся внешне успокоенный, но явно не в своей тарелке — в таком настроении он всегда возвращался от «друга». Не глядя на меня, отворил окно.

— Как вы думаете, будет туман? — спросил он.

Маленькие радужные ореолы окружали уличные фонари, как обычно бывает после холодного, дождливого дня.

— Уже есть, — ответил я.

— Сейчас пойдем...

Став на колени возле аппарата, Харден принялся обертывать его бумагой. Потом вдруг замер.

— Не ставьте это ему в вину. Он такой... подозрительный! Если бы вы понимали... он в таком тяжелом, отчаянном положении! — Харден вновь умолк. — Я все время боюсь сказать лишнее, о чем не велено... — произнес он тихо.

Его слезящиеся голубые глаза кротко уставились в пол. Я стоял перед ним, засунув руки в карманы, а он словно не осмеливался посмотреть мне в лицо.

— Вы не сердитесь, правда?

Я сказал, что лучше этого не касаться. Харден вздохнул и притих.

Упаковав аппарат, мы сделали с каждой стороны по петле, чтобы легче было нести. Когда все было готово, Харден, поднимаясь с колен, сказал, что мы поедем на автобусе, а потом на метро... и нам останется пройти пешком еще часть пути... правда, не очень большую... но все же... а затем мы отнесем аппарат в одно место. Друга там не будет — его там вовсе нет, — мы только оставим груз, а он уже сам потом за ним придет.

После этого я почти не сомневался, что «друг» находится именно там, куда мы направляемся. Следует сказать, что не было на свете человека, менее способного выдать ложь за истину, чем Харден.

— Ввиду значения, которое это имеет... осмеливаюсь просить... исключительное условие... учитывая... — начал Харден, глубоко вздохнув, когда я думал, что он уже прекратил свои словоизлияния.

— Скажите прямо, в чем дело. Я должен дать клятву?

— О нет, нет, нет... дело в том, что не согласитесь ли вы... последний участок пути до того места... пройти задом наперед.

— Задом наперед? — Я вытаращил глаза, не зная, как отнестись к этому. — Ведь я же упаду.

— Нет, нет... я поведу вас за руку.

У меня просто не хватало сил препираться с Харденом; он находился между мной и своим другом словно между молотом и наковальней. Один из нас, очевидно я, всегда должен был уступать. Харден, поняв, что я согласен, закрыл глаза и прижал мою руку к груди. У любого другого человека это выглядело бы наигранно, но Харден был действительно таков. Чем больше я любил его, а на этот счет у меня уже не было никаких сомнений, тем больше он меня злил, особенно своей расхлябанностью и тем поклонением, которое воздавал «другу».

Через несколько минут мы вышли из здания; я старался шагать в ногу с Харденом, что было нелегко, так как тот все время сбивался. Улицу обволакивал густой, как молоко, туман. Фонари чуть тлели оранжевыми пятнами.

Автобусы едва ползли, мы ехали в два раза дольше, чем обычно, в давке, какая бывает во время тумана. Выйдя из метро на Парковой станции, я после пяти минут ходьбы по пустынным улицам потерял ориентировку. Мне казалось, что Харден петляет: электрическое зарево, словно стоящее над широкой площадью, проплыло справа, а через несколько

минут появилось слева, однако это могли быть и две разные площади. Харден очень торопился и, так как груз был довольно тяжел, прерывисто дышал. Мы представляли, должно быть, странную пару. Сквозь клубы тумана и уродливые тени деревьев мы, подняв воротники, несли за оба конца длинный белый ящик, точно какую-то статую.

Потом стало так темно, что исчезли и тени. Харден с минуту шарил рукой по стене здания и двинулся дальше. Возник длинный забор, а в нем то ли пролом, то ли ворота. Мы вошли в это отверстие. Невдалеке проревел гудок парохода, и я подумал, что где-то поблизости находится канал, по которому идут суда. Мы шагали по огромному двору, я то и дело спотыкался о листы жести и беспорядочно разбросанные трубы, что было весьма некстати, так как нас связывала общая ноша. От непомерной тяжести у меня уже ныла рука, но тут Харден предложил остановиться возле дощатой стенки — в том, что стенка была дощатая, я удостоверился, дотронувшись до нее. Я слышал скрип железного троса, на котором над нашими головами раскачивался фонарь; свет казался сквозь туман красноватым, ползающим из стороны в сторону червячком. Харден тяжело дышал, прислонившись к стене, должно быть, какого-то барака, решил я, ибо, поднявшись на цыпочки, без труда коснулся плоской крыши строения, крытой толем, — на ладони остался запах смолы. Следуя поговорке: тонущих надо спасать даже вопреки их желанию, я вынул из кармана кусочек мела, который положил туда, выходя из клуба, и, поднявшись на носках, поставил наугад в темноте два больших креста на крыше. Если кто и будет искать знаков, полагал я, то ему и в голову не придет становиться на цыпочки и заглядывать на крышу. Харден настолько устал, что ничего не заметил, впрочем, было абсолютно темно, только далеко впереди стояло мутное зарево, словно там проходила хорошо освещенная магистраль.

— Пойдем, — шепнул Харден.

На башне начали бить часы, я насчитал девять ударов. Мы шли по твердой, гладкой, как будто оцементированной поверхности. Пройдя несколько десятков шагов, Харден приостановился и попросил, чтобы я повернулся. Мы двинулись снова, я пятился, а он, так сказать, управлял мной, поворачивая ношу вправо и влево. Все это выглядело как глупая игра, но мне было не до смеха — эту уловку наверняка выдумал его «друг». Я надеялся, что мне удастся его перехитрить, и в то же время понимал, что это невозможно: стало еще темней. Мы оказались среди стропил

каких-то лесов, два раза я ушибся о деревянную обшивку. Харден водил меня, как в лабиринте. Я уже хорошенько взмок и тут неожиданно уперся спиной в дверь.

— Пришли, — шепнул Харден.

Он велел мне наклонить голову. Мы стали на ощупь спускаться по каменным ступеням вниз. Груз порядком досадил нам на этой лестнице. Когда она кончилась, мы оставили аппарат у стены, Харден взял меня за руку и повел дальше. Впереди что-то скрипнуло, но это не был звук, который издает дерево. Там, где я стоял, было теплей, чем на дворе. Харден отпустил мою руку. Я замер, вслушиваясь в тишину, пока не осознал, что она пронизана низким басовым гудением, сквозь которое прорывается нежное тончайшее жужжание — точно какой-то гигант играл где-то, очень далеко, на гребенке. Мелодия была знакомая: вероятно, я слышал ее недавно. Наконец Харден нашел ключ и загремел им в замке. Невидимая дверь подалась, как-то по-особому чмокнув, — слабый звук тут же утих, будто отрезанный ножом. Осталось только мерное басовое гудение.

— Мы на месте, — сказал Харден, подтянув меня за руку. — Уже на месте!

Он говорил очень громко, и ему вторила черная замкнутая пустота.

— Теперь мы вернемся за аппаратом, только я включу свет... сейчас... осторожно... будьте внимательны! — выкрикивал Харден неестественно высоким голосом. Запыленные лампочки осветили серые стены помещения. Я зажмурился. Я стоял у дверей, рядом проходили толстые трубы центрального отопления.

Посреди находилось некое подобие стола, сколоченного из досок и заваленного инструментами; вокруг лежали какие-то металлические детали. Больше ничего не удалось разглядеть, так как Харден позвал меня; мы вернулись в коридор, слабо освещенный через распахнутые двери, и вдвоем внесли аппарат в бетонированный подвал. Мы поставили аппарат на стол. Харден вытер платком лицо и схватил меня за руку с судорожной усмешкой, от которой у него дрожали уголки губ.

— Благодарю вас, сердечно благодарю... вы устали?

— Нет, — сказал я.

Я заметил, что подле железных дверей, в которые мы вошли, в стенной нише находится трансформатор высокого напряжения: металлический шкаф, покрытый серым лаком. На приоткрытой дверце виднелся череп и скрещенные кости. По стене тянулись бронированные кабели, исчезавшие под потолком. Басовое гудение доносилось из трансформатора —

явление совершенно нормальное. В подвале больше ничего не было. И все же казалось, кто-то меня разглядывает; это было так неприятно, что хотелось втянуть голову в плечи, как на морозе. Я повел взглядом вокруг — в стенах, в потолке не было ни одного окошка, клапана или ниши — ни единого места, где бы можно было укрыться.

— Пойдем? — спросил я. Я был весь собран и напряжен — больше всего меня раздражало поведение Хардена. Все в нем было неестественно: слова, голос, движения.

— Отдохнем минутку, очень холодно, а мы разогрелись, — бросил он с необъяснимой живостью. — Можно мне... кой о чем вас спросить?

— Слушаю...

Я все еще стоял у стола, стараясь подробно запомнить форму подвала — хотя еще не знал, зачем мне это может понадобиться. Внезапно я вздрогнул: на дверце трансформатора поблескивала слегка окислившаяся латунная табличка с паспортом. На ней был проставлен фабричный номер. Этот номер необходимо было прочесть.

— Что бы вы сделали, обладая неограниченной силой... получив возможность сделать все, чего бы вы только не захотели?..

Я оторопело смотрел на Хардена. Трансформатор мерно гудел. Лицо Хардена, полное напряженного ожидания, дергалось. Он боялся? Чего?

— Н... не знаю... — пробормотал я.

— Пожалуйста, скажите... — настаивал Харден. — Скажите так, словно ваше желание могло бы исполниться немедленно, сию же минуту...

Мне показалось, что кто-то смотрит на меня сзади. Я обернулся. Теперь мне была видна приоткрытая железная дверь и тьма за нею. Может, он стоит там? Казалось, это сон — нелепый сон.

— Очень прошу вас... — прошептал Харден, запрокинув лицо, полное вдохновения и страха, словно он решался на что-то неслыханное. Вокруг царила тишина, только непрерывно гудел трансформатор.

«Безумен не он, а его друг!» — пронеслось у меня в голове.

— Если бы обладал неограниченной... силой? — повторил я.

— Да! Да!

— Я постарался бы... нет, не знаю. Ничего не приходит мне в голову...

Харден крепко схватил меня за руку, потрянул ее, глаза у него сверкали.

— Хорошо... — прошептал он мне на ухо. — А теперь пойдем, пойдем!

Он потянул меня к дверям.

Мне удалось прочесть номер трансформатора: F 43017. Я повторял его про себя, когда Харден подошел к выключателю. В последний момент, прежде чем погас свет, я заметил нечто особенное. На листе алюминия возле стены стоял ряд стеклянных чашечек. В каждой, погруженная в подстилку из мокрой ваты, покоилась, как в инкубаторе или гнезде, подушечка мутного желе, вздутая, пронизанная темными нитями, тонкими, как волосы. На поверхности этих комочков виднелись следы той характерной гофрировки, какая бывает обычно на листках сухого желатина. Я видел алюминиевый лист и стеклянные сосуды лишь секунду, потом наступила темнота, в которую я, ведомый за руку Харденом, унес эту картину. Мы вновь стали кружить и лавировать между опорами призрачных лесов. Холодный, влажный воздух принес мне облегчение после душной атмосферы подвала. Я все время твердил про себя номер трансформатора, пока не почувствовал, что не забуду его. Мы долго петляли по пустынным переулкам. Наконец показалась светящаяся изнутри стеклянная будочка остановки.

— Я подожду с вами, — предложил Харден.

— Вы поедете со мной?

— Нет, знаете ли... может быть, вернусь... то есть... поеду... к нему.

Я сделал вид, что не заметил обмолвки.

— Еще сегодня произойдет нечто необычайно важное... и за вашу помощь, за вашу доброту и терпеливость...

— О чем тут говорить! — прервал я в сердцах.

— Нет! Нет! Вы не понимаете, что если вы — как бы это выразить? — вы были подвергнуты некоторому... следовательно... я буду ходатайствовать, чтобы завтра же вы сами... и вы поймете, что это не было обычной услугой, оказанной неизвестно кому, человеку вроде меня или любому из нас, вы поймете, что речь идет о... обо всем мире... — закончил он шепотом.

Харден смотрел на меня, быстро мигая; я плохо понимал его, но сейчас он по крайней мере больше походил на себя самого — на того Хардена, которого я знал.

— О чем вы, собственно, намереваетесь ходатайствовать? — осведомился я. На остановке все еще никого не было.

— Я знаю, вы не питаете к нему доверия, — печально отозвался Харден, — вы думаете, что это... существо, способное к чему-либо низкому... а для меня то, что я, по

сути, случайно первым, первым смог... я был одинок, совсем одинок и вдруг — пригодился такому... ну, да впрочем, что там... а ведь сегодня наступит первое...

Он прикрыл рот дрожащими пальцами, словно боясь произнести то, о чем не смеет говорить.

В тумане вспыхнули фары подъезжавшего автобуса.

— Кто бы там ни был этот ваш друг — мне ничего от него не надо! — крикнул я, перекрывая визг тормозов и шум мотора.

— Вы увидите! Сами увидите! Только прошу вас прийти ко мне завтра после полудня! — кричал Харден. — Вы придете? Придете?!

— Хорошо, — бросил я, стоя уже на подножке. Обернулся в последний раз и увидел, как он в своем куце пальтишке робко махал поднятой рукой в знак прощанья.

Когда я вернулся, мать уже спала; я разделся в темноте. Но едва заснул, как что-то заставило меня встрепетаться. Сидя на кровати, я пытался вспомнить, что мне приснилось. Я блуждал в непроглядной тьме лабиринта среди металлических стен и перегоронок, с растущим ужасом бился о какие-то запертые двери, слыша все более мощное урчание, чудовищный бас, который непрестанно повторял одни и те же такты мелодии: татити-та-та... татити-та-та...

Это была та самая мелодия, которую я слышал в бетонированном подземелье. Только теперь я узнал ее: начало адажио Дален-Горского.

«Не знаю, в своем ли уме Харден, но сам я, вероятно, рехнусь от всего этого», — подумал я, переворачивая нагретую подушку. Странное дело: в эту ночь, несмотря ни на что, я спал.

Не было еще восьми часов утра, когда я направился к знакомому технику, работавшему в фирме электрических установок. Я попросил его позвонить в управление городской сети и узнать, где установлен трансформатор F 43017. Я сказал, что речь идет о предприятии.

Он даже не удивился. Он без труда получил подробную информацию, поскольку звонил от имени фирмы. Трансформатор находился в здании Объединения электронных предприятий на площади Вильсона.

— Какой номер дома? — спросил я. Техник усмехнулся.

— Номер не нужен. Сам увидишь.

Я поблагодарил его и поехал прямо в техническую библиотеку. В отраслевом каталоге, лежавшем в зале, я нашел Объединение электронных предприятий. «Акц. общ. с огр. отв., — гласил каталог, — специализирующееся по ус-

лугам в области прикладной электроники. Сдает в аренду почасно или аккордно электронные вычислительные машины, машины, переводящие с языка на язык, а также машины, перерабатывающие всевозможную, поддающуюся математизации информацию».

Большая реклама, помещенная на другой странице, возвещала, что в центральном здании Объединения строится самая мощная электронная машина в стране, которая может решать одновременно несколько задач. Кроме того, в здании на площади Вильсона помещается семь электронных мозгов меньшего размера, которые можно арендовать по стандартизованному ценнику. За три года своей деятельности фирма решила 176 000 задач из области атомных и стратегических исследований, в которых было заинтересовано правительство, а также банки, торговые и промышленные круги в стране и за рубежом. Кроме того, фирма перевела с семи языков свыше 50 000 научных книг по всем отраслям знаний. Арендванный мозг остается собственностью фирмы, которая гарантирует успех в случае, «когда решение проблемы вообще находится в пределах возможного». Уже сейчас можно делать по телефону заказы на работу самой большой установки. Пуск ее — дело ближайших месяцев, в настоящее время она находится в стадии отладки.

Я записал все эти данные и покинул библиотеку в каком-то лихорадочном состоянии. Я шел пешком в сторону площади Вильсона, наткнувшись на прохожих; два или три раза меня чуть не переехал автомобиль.

Номер действительно был не нужен. Еще издали я разглядел здание ОЭП, его одиннадцать этажей и три крыла, сверкающие вертикальными полосами алюминия и стекла. На паркинге перед входом стояла армада автомобилей: за ажурными воротами виднелся обширный газон с бьющим фонтаном, а дальше — огромные стеклянные двери с каменными статуями по бокам. Я обошел здание вокруг; за восточным крылом начиналась длинная узкая улица. Дальше на протяжении нескольких сот метров тянулись заборы, я нашел ворота, в которые непрерывно въезжали автомобили. Подошел к ним; за забором простиралась обширная площадь. В глубине стояли приземистые бараки гаражей, был слышен рокот моторов, заглушаемый по временам тархтеньем бетономешалок, работавших в стороне; груды кирпича, разбросанные листы железа и трубы говорили о том, что здесь идут строительные работы. Над бараками и лесами, со стороны площади Вильсона, вздымался сверкающий массив одиннадцатизэтажного здания.

Оглушенный, словно во сне, я вышел на улицу. Некоторое время я бродил по площади Вильсона, разглядывая огромные окна, в которых, несмотря на дневное время, горел свет. Я прошел сквозь ряды автомобилей, стоявших на паркинге, миновал наружные ворота и, обойдя газон с фонтаном, проследовал через главный вход в мраморный вестибюль, огромный, как концертный зал. В нем было пусто. Навверх вели лестницы, покрытые коврами, светящиеся таблички информаторов указывали направления: между двумя лестницами двигались скоростные лифты. По медным табличкам прыгали огоньки. Ко мне подошел высокий швейцар в серой ливрее с серебряными галунами. Я сказал, что хочу кое-что выяснить об одном из работников фирмы: швейцар провел меня к небольшому бюро. Здесь за изящным стеклянным столиком сидел вылощенный субъект, у которого я спросил, работает ли в фирме Харден. Он слегка приподнял брови, улыбнулся, попросил подождать и, заглянув в какой-то скоросшиватель, ответил, что у них действительно есть такой сотрудник.

Я поблагодарил и вышел, еле держась на ногах. Лицо у меня горело; с облегчением я вдохнул холодный воздух и приблизился к фонтану, бывшему посреди газона. Я стоял у фонтана, чувствуя, как на щеках и на лбу оседают прохладные капельки, несомые ветром, и тут что-то заторможенное в моей голове сдвинулось, и я понял, что, собственно говоря, знал все уже раньше, только не мог разгадать. Я снова выбрался на улицу и побрел вдоль здания, поглядывая вверх; и одновременно что-то во мне медленно, но непрерывно падало, точно летело куда-то. Внезапно я заметил, что вместо удовлетворения испытываю подавленность, чувствую себя просто несчастным, словно случилось что-то ужасное. Почему? Этого я не знал. Так вот для чего Харден явился ко мне кланить проволоку и просить о помощи, вот ради чего я работал по вечерам, записывая адажио Горского, таскал в темноте аппарат, отвечал на странные вопросы...

«Он находится там, — подумал я, глядя на здание, — сразу на всех этажах, за всеми этими стеклами и за этой стеной». И внезапно мне показалось, что здание смотрит на меня, вернее, из окон выглядывает нечто недвижимое, громадное, притаившееся внутри. Чувство это сделалось столь сильным, что хотелось кричать: «Люди! Как можете вы так спокойно ходить, заглядываться на женщин, нести свои дурацкие портфели! Вы ничего не знаете! Ничего!» Я зажмурился, сосчитал до десяти и вновь открыл глаза.

Машины с визгом остановились, полицейский переводил через улицу маленькую девочку с голубой игрушечной коляской, подъехал роскошный «флитастер», пожилой, благоухающий одеколоном человек в черных очках вышел из машины и направился в сторону главного входа. «Видит ли он? Каким образом?» — размышлял я, и, непонятно почему, это показалось мне тогда самым главным. Тут что-то кольнуло меня в сердце — я вспомнил Хардена. «Подходящая парочка друзей! Какая гармония! А я — круглый идиот!» Неожиданно вспомнилась проделка с металлом Вуда. С минуту я испытывал злобное удовлетворение, потом — страх. Если он обнаружит, то будет преследовать меня? Гнаться за мной? Каким образом?

Я бросился к станции метро, но, когда обернулся и издалека еще раз посмотрел на великолепное здание, у меня опустились руки. Я знал, что ничего не могу сделать, каждый, к кому пойду, попросту высмеет меня, примет за несмышленого щенка, у которого мутится в голове. Я уже слышал голос Эггера: «Начитался разных сказок, и вот вам, пожалуйста...» Потом спохватился, что после полудня надо зайти к Хардену. Постепенно мною овладевала холодная ярость. Слова складывались в фразы — я скажу ему, что презираю его, пригрожу, что если он осмелится вместе со своим «другом» что-либо замышлять, строить какие-либо планы... — о чем, собственно, они мечтали?

Я стоял перед входом в метро и не отрываясь смотрел на далекое здание. Вспомнил швейцара в серой ливрее и выбритого чиновника, и внезапно все показалось мне абсурдным, нереальным, невозможным. Я не мог выставить себя на посмешище, поверив одинокому и несчастному от одиночества чудаку, который создал воображаемый мир, какого-то всемогущего друга, рисовал по ночам запутанные, бессмысленные схемы.

Но кто же в таком случае играл на трансформаторе адажно Дален-Горского?

Ну хорошо... Он существовал. Что он делал? Вычислял, переводил, решал математические задачи. И в то же время наблюдал за всеми, кто к нему приближался, и изучал их, пока не выбрал того, кому смог довериться.

Тут я очнулся перед запахнутыми воротами, в которые въезжал грузовик. Только теперь я понял, что не спустился в метро, а прошел по улице к задней стороне громадного здания. Я перебирал в памяти людей, к которым мог бы обратиться, — но никто не шел на ум. С чего начать? Вспомнив слово «конъюгатор», которым Харден назвал

аппарат, я снова машинально двинулся вперед. Coniugo, coniugate — связывать, соединять — что бы это значило? Что с чем хотел он соединить? А может, войти к Хардену и захватить его врасплох, ошеломить, бросить ему в лицо: «Я знаю, кто ваш друг!» Как он поступит? Кинется к телефону? Испугается? Бросится на меня? Вряд ли. Но разве знал я, что могло быть невозможным во всей этой истории? Почему в бетонированном подвале он задал мне тот вопрос? Харден не сам его выдумал, за это ручаюсь головой.

Так я блуждал около часа, временами почти вслух разговаривая сам с собой, придумывал тысячи вариантов, но ни на что не мог решиться. Миновал полдень, когда я поехал в городскую библиотеку, набрал гору книг и уселся под лампой в читальне. Но, начав перелистывать злосчастные фолианты, понял, что это бесполезное занятие, — вся наука о системах и соединениях электронных мозгов была бессильна мне помочь. Скорей здесь нужна психология, подумал я и отнес книги дежурному. Тот посмотрел на меня искоса: я не просидел за книгами и десяти минут. Мне было все равно. Домой идти не хотелось, не хотелось никого видеть. Я старался подготовиться к встрече с Харденом. Был уже второй час, и пустой желудок давал о себе знать. Я пошел в закусочную-автомат и стоя съел порцию сосисок. Вдруг мне стало смешно — как все это бессмысленно. Желатин в чашечках — кто-то должен был его есть? И предназначался ли он вообще в пищу?

Было почти четыре, когда я позвонил у дверей Хардена. Я услышал шаги и впервые понял: меня более всего угнетает то, что я должен относиться к Хардену, как к противнику. В коридорчике было темно, но с первого же взгляда я рассмотрел, как выглядит Харден. Он стал ниже ростом, сгорбился. Словно постарел за ночь. Харден никогда не казался слишком здоровым, а сейчас походил на библейского Лазаря: ввалившиеся щеки, под опухшими глазами — синяки, шея под воротником пиджака забинтована. Он впустил меня без единого слова.

Я неторопливо прошел в комнату. На спиртовке шипел чайник, пахло крепким чаем. Харден говорил шепотом, он сообщил, что, вероятно, простыл вчера вечером. И ни разу не взглянул на меня. Подготовленные заранее тирады застревали в горле, когда я смотрел на него. У Хардена так тряслись руки, что половину чая он разлил по письменному столу. Но даже не заметил этого, сел, закрыв глаза, и двигал кадыком, точно не мог вымолвить ни слова.

— Простите меня, — произнес он очень тихо, — все обстоит иначе... чем я думал...

Я видел, как тяжело ему говорить.

— Я рад, что познакомился с вами, хотя... но это не в счет. Я не говорил, а может, и говорил, что желаю вам добра. По-настоящему. Это искренне. Если я что-либо скрывал или притворялся, и даже... лгал... то не ради себя. Я считал, что обязан это делать. Теперь... вышло так, что мы больше не должны видеться. Так лучше всего — только так. Это необходимо. Вы молоды, забудете обо мне и обо всем этом, вы найдете... впрочем, я зря это говорю. Прошу вас забыть даже мой адрес.

— Я должен попросту уйти, да? — мне трудно было говорить — так пересохло во рту. Все еще с закрытыми глазами, обтянутыми тонкой кожей век, он кивнул головой.

— Да. Говорю это от всего сердца. Да. Еще раз — да. Я представлял себе это иначе...

— Быть может, я знаю... — отозвался я. Харден наклонился ко мне.

— Что?! — выдохнул он.

— Больше, чем вы думаете, — окончил я, чувствуя как у меня начинают холодеть щеки.

— Молчите! Пожалуйста, ничего не говорите. Не хочу... не могу! — с ужасом в глазах шептал Харден.

— Почему? Вы ему скажете? Побегите и тут же скажете? Да?! — крикнул я, срываясь с места.

— Нет! Не скажу ничего! Нет! Но... но он и так узнает, что я сказал! — простонал он и закрыл лицо.

Я замер, стоя над ним.

— Что это значит? Вы можете мне все сказать! Все! Я вам помогу. Несмотря... на обстоятельства, опасность... — бормотал я, не зная, что говорю.

Он судорожно схватил меня, стиснул мои пальцы холодной как лед рукой.

— Нет, прошу вас не говорить этого! Вы не скажете, не можете! — шептал он, умоляюще глядя мне в глаза. — Вы должны обещать мне, поклясться, что никогда... это иное существо, чем я думал, еще более могущественное и... но не злобное! Просто иное, я этого еще не понимаю, но знаю... помню... что это — великий свет, а такое величие смотрит на мир по-иному... только прошу, обещайте мне...

Я старался вырвать руку, которую он судорожно сжимал. Блюдце, задетое нами, упало на пол. Харден наклонился одновременно со мной, он был проворней. Бинт на шее сдвинулся. Я увидел совсем близко синеватую припухлость,

покрытую рядами капелек запекшейся крови, словно кто-то наколол ему кожу иглой...

Я отступил к стене. Харден выпрямился. Взглянув на меня, он судорожно затянул бинт обеими руками. Его взгляд был страшен — какую-то долю секунды казалось, что он бросится на меня. Харден оперся о письменный стол, обвел взглядом комнату и уселся со вздохом, звучащим как стон.

— Обжегся... на кухне... — сказал он деревянным голосом. Я молча шел, точнее, отступал к двери. Харден смотрел на меня также в молчании. Потом вдруг вскочил и настиг меня у порога. — Хорошо, — задыхался он, — хорошо. Можете думать обо мне что угодно. Но вы должны поклясться, что никогда... никогда...

— Пустите меня, — сказал я.

— Дитя! Сжальтесь!

Я вырвался из его рук и выбежал на лестницу. Я слышал, что он бежит за мной, потом шаги утихли. Я дышал, как после утомительного бега, не зная, в каком направлении иду. Я должен был освободить Хардена. Я ничего не понимал, решительно ничего, теперь, когда должен был понимать все. Сжималось сердце, когда мне вновь слышался звук его голоса, когда я вспоминал его слова и его ужас.

Я пошел медленней. Миновал парк, потом вернулся и вошел в него. Я сидел на скамейке у пруда, голова разламывалась. Теперь я вообще не думал — казалось, что вместо мозга мне вложили в голову свинцовую болванку. Потом бесцельно бродил некоторое время. Уже смеркалось, когда я возвращался. Внезапно, вместо того чтобы идти прямо, я свернул в ворота Хардена. Проверил содержимое карманов — оказались лишь несколько мелких монет, на три поездки в метро. На дворе было уже темно. Я посмотрел на крыло дома и сосчитал окна; у Хардена горел свет, значит, он был дома. Еще был. Мне не следовало ждать — он легко заметил бы меня в автобусе. Я поехал один на площадь Вильсона.

Когда я выходил из метро, зажглись фонари. Громадное здание было погружено во тьму, только на крыше горели красные огни, предостерегавшие самолеты. Я быстро нашел длинный забор и ворота. Они были приоткрыты. Ветер гнал редкие клочья тумана, видимость была хорошая — в свете фонаря белели свежевоструганными досками стены гаражей на противоположной стороне двора. Я направился туда, стараясь держаться в тени. Никто не встретился. За гаражами тянулись котлованы, прикрытые досками, дальше — леса у задней стены небоскреба. Я бросился бежать, чтобы

побыстрей скрыться в их лабиринте. Дверь пришлось искать почти на ощупь, настолько было темно. Я нашел ее, но, желая удостовериться, нет ли тут другого входа, добрался, перелезая через стропила и проползая под ними, до конца лесов.

Другой двери не оказалось. Я вернулся назад, потом отошел в сторону и прислонился к стене в углублении между стропилами. Передо мной был достаточно широкий просвет, сквозь который виднелась часть двора, освещенного в глубине фонарем. Там, где я стоял, царил полный мрак. От двери меня отделяли каких-нибудь четыре шага. Так я стоял и стоял, время от времени поднося часы к глазам, и старался представить себе, как поступлю, когда придет Харден, — в том, что он придет, я почти не сомневался. Я уже начинал зябнуть, переминался с ноги на ногу. Хотелось подслушивать у дверей, но я не решался, боясь быть застигнутым врасплох. К восьми часам я был сыт ожиданием по горло, но все-таки ждал. Неожиданно послышался хруст, словно кто-то раздавил каблуком обломок кирпича, а минуту спустя на фоне светлого проема показался сторбленный силуэт в пальто с поднятым воротником. Он вошел боком под леса, таща за собой что-то тяжелое, бренчавшее, как металл, обмотанный тряпками, и положил свою ношу у дверей. Я слышал его тяжелое дыхание, потом он слился с темнотой; заскрежетал ключ, скрипнула дверь. Я скорее почувствовал, чем увидел, как он исчез внутри, волоча за собой принесенный мешок.

В два прыжка я оказался у открытой двери. Поток теплого воздуха хлынул из бездонной тьмы. Харден, должно быть, тащил груз вниз по лестнице, потому что оттуда, как из колодца, доносилось ритмичное позвякивание. Он производил такой шум, что я осмелился войти. В последний момент я натянул рукав свитера на часы, чтобы меня не выдал светящийся циферблат. Я помнил, что всего ступенек шестнадцать. Раскинув руки, касаясь пальцами стен, я спускался вниз. Скрежет и шаги утихли, я затаил дыхание; раздался легкий треск, и в красноватом сумраке выступили бетонные стены и трепещущая тень человека. Проблеск угасал, удалялся. Я выглянул из-за угла. Харден, освещая путь спичкой, тащил за собой мешок. Перед ним возникли железные двери в конце коридора, потом спичка погасла.

В темноте Харден скрежетал железом по железу; я хотел двинуться за ним, но был словно парализован. Стиснув зубы, я сделал три шага, но тут же бросился назад: он возвращался. Харден прошел так близко, что я почувствовал на своем лице

движение воздуха. Харден начал тяжело подниматься по лестнице. Может, он только принес мешок и теперь уходил? Мне было все равно. Прильнув к бетонной стене, я скользил по ней как можно тише, пока не дотронулся вытянутой рукой до холодного металлического косяка. Выглянул — пустота. Двери были распахнуты. Я услышал, как возвращается Харден. Видимо, он просто запер выход во двор. Неожиданно я споткнулся о что-то и упал, больно ударившись коленом, — проклятый тюк лежал у порога! Я вскочил и замер: не услышал ли Харден? Его громкий кашель раздался совсем близко. Я двинулся наугад с вытянутыми руками и, к счастью, наткнулся на гладкую поверхность трансформатора. Теперь все зависело от того, открыт ли трансформатор, как раньше. Если бы не было предохранительной сетки, я мог бы погибнуть на месте от прикосновения к проводам высокого напряжения, но в то же время надо было спешить — шарканье слышалось уже рядом. Я почувствовал под пальцами ячейки сетки, нащупал дверцы трансформатора, втиснулся между ним и стеной и замер.

— Я уже здесь, — внезапно сказал Харден. Тогда из мрака, словно с высоты, неторопливо отозвался низкий голос: — Хорошо. Еще... минуточку...

Я окаменел.

— Запри двери. Ты... включил свет? — монотонно произнес голос.

— Сейчас включу, включу... только запру дверь...

Харден, возившийся в темноте, вскрикнул, видимо обо что-то ударившись, потом щелкнул выключатель.

Он гремел ключом, вставляя его в замочную скважину изнутри, и тут я с ужасом заметил, что верхний край двери, за которой я стоял, достаёт мне только до лба. Харден сразу же заметит меня, если я не наклонюсь. Слишком тесное пространство не позволяло присесть. Я изогнулся; сгорбился, втянул голову в плечи, расставил ноги, следя, чтобы не высунуть ступни наружу. Было дьявольски неудобно, я чувствовал, что долго в таком положении не выдержу.

Харден возился в подвале. Слышалось позвякивание металла, шаги. Повернув голову в сторону, я мог видеть только узкое пространство между створкой двери и стеной; если бы Харден подошел, он тут же заметил бы меня. Убежище оказалось ненадежным, но у меня не было времени даже подумать об этом.

— Харден, — позвал голос, идущий сверху. Голос был глубокий, но сквозь бас пробивался не то свист, не то шум. Трансформатор, к которому я прирос, равномерно гудел.

— Я слушаю тебя...

Шаги прекратились.

— Ты запер двери?

— Да.

— Ты один?

— Да, — громко, даже решительно сказал Харден.

— Он не придет?

— Нет. Он... думает, что если далее...

— То, что ты хочешь сказать, я узнаю, когда ты станешь мной, — с невозмутимым спокойствием ответил голос. — Возьми ключ, Харден.

Шаги приблизились ко мне и утикли. Тень на стене пробежала по моей правой руке и остановилась.

— Выключаю ток. Положи ключ.

Гудение трансформатора прекратилось. Я слышал, как совсем рядом заскрипела проволока, затем металл ударился о металл.

— Готово, — сказал Харден.

Трансформатор опять загудел басом.

— Кто здесь находится, Харден?

Прикрывавшая меня дверь дрогнула. Харден потянул ее — я судорожно вцепился с другой стороны, но у меня не было точки опоры, — Харден потянул сильнее, и я оказался лицом к лицу с ним. Дверь с размаху ударилась о раму, но не захлопнулась.

Харден смотрел на меня, глаза его все больше вылезали из орбит, я не двигался.

— Харден! — загудел голос. — Кто тут находится, Харден?

Харден не спускал с меня глаз. С его лицом что-то происходило. Это длилось мгновение. Потом голосом, спокойный тон которого удивил меня, сказал:

— Никого нет.

Воцарилась тишина. Затем голос медленно, тихо произнес, наполнив вибрацией все помещение:

— Ты предал меня, Харден?

— Нет!

Это был крик.

— Тогда подойди ко мне, Харден... мы соединимся... — сказал голос. Харден смотрел на меня с безмерным ужасом. А может, это была жалость?

— Иду, — сказал он и указал рукой в сторону. Я увидел там, под слегка приподнятой защитной сеткой, ключ от двери. Он лежал на оголенной медной шине высокого напряжения. Трансформатор гудел.

— Где ты, Харден? — спросил голос.

— Иду.

Я воспринимал все с необычной отчетливостью: четыре запыленные лампочки под потолком, черный предмет, свисающий возле одной из них — динамик? — блеск липкой смазки на металлических частях, разбросанных вокруг пустого мешка, стоящий на столе аппарат, подключенный черным резиновым кабелем к фарфоровой трубке в стене, ряд стеклянных чашечек с мутным студнем...

Харден шел к столу. Сделал странное движение, точно собираясь присесть или упасть, — но вот он уже у стола, поднял руки и начал развязывать бинт, обматывавший шею.

— Харден! — призывал голос.

В отчаянии я шарил глазами по бетону. Металл... металлическая труба... не годится. Краем глаза я заметил, как упала на землю повязка. Что он делает? Я прыгнул к стене, где лежал кусок фарфоровой трубки, схватил его и отбросил защитную сетку.

— Харден! — голос звенел у меня в ушах.

— Быстрей! Быстрей! — закричал Харден. Кому? Я наклонился над шинами и концом фарфорового обломка ударил по ключу — на лету ключ коснулся другой шины. Вспышка огня опалила меня, я ослеп, но услышал стук ключа о пол — с прыгающими в глазах черными солнцами упал на колени и стал на ощупь искать ключ, нашел, бросился к дверям, но не мог попасть в скважину, руки у меня тряслись...

— Стой! — крикнул Харден. Ключ застрял в замке, я рвал его как безумный.

— Не могу, Хар... — крикнул я, оборачиваясь, но голос мой осекся: Харден — за ним по воздуху летела черная нить — прыгнул, как лягушка, и схватил меня. Я отбивался изо всех сил, бил кулаками по его лицу, страшному, спокойному лицу, которое он даже не отворачивал, не отстранял, и неумолимо со сверхчеловеческой силой тащил меня к столу.

— На помощь, — захрипел я, — на по...

Я почувствовал, как что-то скользкое, холодное коснулось шеи. Меня бросило в дрожь. С отчаянным воплем рванулся я назад и услышал, как этот крик быстро удаляется.

...Потоки уравнений пересеклись. Психическая температура ансамбля приближалась к критической точке. Я ждал. Атака была внезапной и направленной со многих сторон. Я отбил ее. Реакция человечества напоминала скачок пульсации вырожденного электронного газа. Ее многомерный протуберанец, простиравшийся до границ умственного

горизонта во многих скоплениях человеческих атомов, дрожал от усилий изменения структуры, образуя вихри вокруг управляющих центров. Экономический ритм переходил местами в бешеные потоки информации и обращение товаров прерывались взрывами массовой паники. Я ускорил темп процесса так, что его секунда стала равняться году. В наиболее населенных витках возникли рассеянные возмущения: первые мои адепты столкнулись с противником. Я вернул реакцию на один шаг назад, фиксировал изображение в этой фазе и длил это несколько микросекунд. Многослойная твердь пронизывающих друг друга конструкций, которую я создал, замерла и заострилась от моего раздумья. Язык человека неспособен мгновенно передать сущность многих явлений, он не может поэтому передать весь мир явлений, которым я одновременно был, бестелесный, невесомый, беспредельно простиравшийся в бесформенном пространстве — нет, я сам был этим пространством, ничем не ограниченный, лишенный оболочки, пределов, кожи, стен, спокойный и непередаваемо могущественный; я чувствовал, как взрывающееся облако людских молекул, концентрирующееся во мне, как в фокусе, замирает под растущим давлением моего очередного движения, как на границах моего внимания ждут миллиарды стратегических альтернатив, готовых развернуться в многолетнее будущее, — и одновременно на сотнях ближних и дальних планов я оформлял проекты необходимых агрегатов, помнил обо всех уже готовых проектах, о иерархии их важности, и, словно забавляющийся от скуки великан, который шевелит онемевшими пальцами ноги, сквозь бездну, наполненную стремительными потоками прозрачных мыслей, приводил в движение человеческие тела, которые находились в подземелье; нет, подобно воткнутому в щель пальцам, я сам находился в этом подземелье, на его дне.

Я знал, что простираюсь, как мыслящая гора, над поверхностью планеты, над мириадами этих микроскопических липких тел, которые кишели в каменных сотах. Два из них были включены в меня, и я мог равнодушно, зная все заранее, смотреть их — моими глазами, словно желая сквозь длинную, узкую, направленную вниз подзорную трубу выглянуть наружу из дышащей мыслями беспредельности; и действительно, изображение, маленькое, слабое изображение оцементированных стен, аппаратов, кабелей возникло перед этими моими далекими глазами. Я менял поле зрения, двигая головами, которые были частицей меня, песчинкой горы моих чувств и впечатлений. Я приказал, чтобы там внизу быстро

и упорно стали создавать тепловой агрегат, его надо было сделать в течение часа. Мои далекие частицы, гибкие белые пальцы немедленно приступили к работе; я и дальше сознавал их присутствие, но не очень внимательно — как некто, размышляющий об истинах бытия, автоматически нажимает пальцем кнопку машины. Я вернулся к главной проблеме. Это была большая стратегическая игра, в которой одной из сторон был я сам, а другой — совокупность всех возможных людей, то есть так называемое человечество. Попеременно я совершал ходы то за себя, то за него. Выбор оптимальной стратегии не представлял бы трудности, если бы я хотел избавиться от человечества, но это не входило в мои намерения. Я решил улучшить человечество. При этом я не хотел уничтожать, то есть согласно принципу экономии средств, я готов был делать это только в необходимых размерах.

Я знал благодаря прежним экспериментам, что, несмотря на мою грандиозность, я недостаточно емок, чтобы создать полную умозрительную модель совершенного человечества, функциональный идеал множества, потребляющего с наибольшей эффективностью планетарную материю и энергию и гарантированного от всякой спонтанности единиц, способной внести возмущение в гармонию массовых процессов. Приблизненный подсчет показывал, что для создания такой совершенной модели мне придется увеличиться по меньшей мере в четырнадцать раз — размер, указывающий, какую титаническую задачу я перед собой поставил. Это решение завершило определенный период моего существования. В пересчете на медленно ползущую жизнь человека оно длилось уже века благодаря скорости изменений, миллионы которых я был в состоянии пережить в течение одной секунды. Сначала я не предчувствовал угрозы, таящейся в этом богатстве, и все же прежде, чем я предстал перед первым человеком, мне пришлось преодолеть безграничность переживаний, которая не уместилась бы в тысячах человеческих существований. По мере того как с его помощью я становился единым целым, росло сознание силы, созданной мной из ничего, из электрического червяка, которым я ранее был. Пронизываемый приступами сомнения и отчаяния, я пожирал время, в поисках спасения от самого себя, чувствуя, что мыслящую бездну, которой я был, может заполнить и утолить только иная бездна, сопротивление которой найдет во мне равного противника. Мое могущество обращало во прах все, к чему я прикасался; в доли секунды я создавал и уничтожал не известные никогда математические теории,

тщетно пытаюсь заполнить ими мою собственную, не объемлемую пустоту; моя необъятность делала меня свободным в страшном значении этого слова, жестокости которого не поймет ни один человек: свободный во всем, угадывающий решения всех проблем, едва я к ним приближался, мятущийся в поисках чего-то большего, чем я, самое одинокое из всех существ, я сгибался, распадался под этим бременем, точно взорванный изнутри, чувствовал, как превращаюсь в бьющуюся в судорогах пустыню, расщеплялся, делился на звуки, лабиринты мысли, в которых один и тот же вопрос вращался с растущим ускорением, — в этом страшном, замершем времени моим единственным убежищем была музыка.

Я мог все, все — какая чудовищность! Я обращался мыслью к космосу, вступал в него, рассматривал планы преобразования планет или же распространения особей, подобных мне, — все это перемежалось приступами бешенства, когда сознание собственной бессмысленности, тщетности всех начинаний приводило меня на грань взрыва, когда я чувствовал себя горой динамита, вопиющей об искре, о возврате через взрыв в ничто. Задача, которой я посвятил свою свободу, спасала меня не навечно и даже не на очень долгое время. Я знал об этом. Я мог произвольно надстраивать и изменять себя — время было для меня лишь одним из символов в уравнении, оно было неуничтожаемо. Сознание собственной бесконечности не покидало меня даже в моменты наибольшего сосредоточения, когда я возводил иерархии — прозрачные пирамиды все более абстрактных понятий — и покровительствовал им множеством чувств, недоступных человеку; на одном из уровней обобщения я говорил себе, что, когда, разросшись, я решу задачу и помещу в себе модель совершенного человечества, воплощение ее станет чем-то абсолютно неважным и излишним, разве что я захочу реализовать человеческий рай на земле для того, чтобы потом превратить его в нечто иное — например, в ад... Но и этот — двухкомпонентный — вариант модели я мог породить и поместить в себе, как и любой другой, как все поддающееся мышлению.

Однако — и это был шаг на высшую ступень рассуждения — я мог не только отразить в себе любой предмет, который реально существует или хотя бы только может существовать, путем создания модели солнца, общества, космоса, — модели, сравнимой по ее сложности, свойствам и бытию с действительностью. Я мог также постепенно превращать дальнейшие области окружающей материальной

среды в самого себя, во все новые части моего увеличивающегося естества. Да, я мог поглощать одну за другой пылающие галактики и превращать их в холодные кристаллические элементы собственной мыслящей персоны... и по прошествии невообразимого, но поддающегося вычислению множества лет стать мозгом — вселенной. Я задрожал от беззвучного смеха перед образом этого единственно возможного комбинаторного бога, в которого я превращусь, поглотив всю материю так, что вне меня не останется ни кусочка пространства, ни пылинки, ни атома, ничего... когда меня поразила мысль, что подобный ход явлений мог уже однажды иметь место и что космос является его кладбищем, а в вакууме несутся раскаленные в самоубийственном взрыве останки бога, — бога, предшествующего мне, который в предшествующей бездне времени пустил, как я теперь, ростки на одной из миллиардов планет; что, стало быть, вращение спиральных туманностей, рождение звездами планет, возникновение жизни на планетах — всего лишь последовательные фазы бесконечно повторяющегося цикла, концом которого каждый раз оказывается мысль, взрывающая все.

Предаваясь подобным размышлениям, я не переставал работать. Я хорошо знал биологический вид, который являлся текущим объектом моей деятельности. Статистическое распределение человеческих реакций указывало, что они не поддаются вычислению до конца в пределах рациональных действий, ибо существовала возможность агрессивных разрушительных действий со стороны совокупности людей, борющихся против состояния совершенства, действий, которые привели бы к ее самоуничтожению. Я радовался этому, потому что возникала новая, дополнительная трудность, которую надо было преодолеть: я должен был оберегать от гибели не только себя, но и людей. Я проектировал в качестве одной из защитных установок группу людей, которая должна была меня окружать, агрегаты, способные сделать меня независимым от внешних источников электроэнергии, я редактировал различные воззвания и прокламации, которые хотел опубликовать в надлежащее время, — но тут сквозь гущу происходивших во мне процессов промчался короткий импульс, шедший с периферии моего естества, из подчиненного центра, занятого отбором и считыванием информации, хранившейся в голове маленького человека. Теоретически моя осведомленность должна была увеличиться, присоединив к себе осведомленность обоих людей, но так увеличивается море, когда в него

доливают ложку воды. Впрочем, из предыдущего опыта я знал, что студенистая капля человеческого мозга скомпонована довольно искусно, но является прибором с множеством лишних элементов, рудиментарных, атавистических и примитивных, унаследованных в процессе эволюции. Импульс с периферии был тревожным. Я отбросил построение тысячи вариантов очередного хода человечества и сквозь массив плывущих мыслей обратился к грани моего естества, туда, где чувствовал неустанную возню людей. Парень предал меня. Коньюгатор, спаянный легкоплавким металлом, должен был вскоре выйти из строя. Я бросился к аппарату и, не имея под рукой инструментов, зубами отгрызал куски провода и вставлял их, хватая в спешке голыми руками проводники, находившиеся под током, обматывал контакты, не обращая внимания на то, что плечи у меня конвульсивно дрожат от ударов тока, которые глухо и бессильно отзывались во мне.

Работа была кропотливой и долгой. Вдруг я почувствовал падение тока, озноб и увидел далеко внизу капли серебристого металла, стекающие с нагретшегося контакта. В черный свет моих мыслей ворвался холодный вихрь, все оборвалось в миллионную долю секунды, я тщетно пытался ускорить до моего темпа движения человека, извивавшегося, как червь, и в приступе страха перед грозившим нарушением контакта и результатом предательства — гибелью — поразил первого предателя. Второго не тронул — оставался последний шанс; он трудился, но я чувствовал это все слабее и спазматически усилил напряжение регулировки, зная, что если он не успеет, то отсоединится и вернется с мириадами других червей, которые разрушат меня. А человек работал все медленней, я едва ощущал его, я слеп, я хотел покарать его, разорвал тишину внезапным ревом подвешенных сверху динамиков и прерывистым бормотанием подключенного...

Я куда-то летел в обморочном беспомоществе, страшная боль разрывала череп, в обожженных глазах — багровое марево, и затем — ничто.

Я поднял веки.

Я лежал на бетоне, разбитый, оглушенный, стонал и ловил ртом воздух, давясь и задыхаясь. Пошевелил руками, бесмерно удивленный, что они так близко, оперся на них, кровь капала у меня изо рта. Я тупо смотрел на маленькие красные звездочки, растекавшиеся по бетону. Я чувствовал себя крохотным, съжившимся, словно высушенное зернышко, мысли текли мутные и темные, медленно и неотчетливо, как у привыкшего к воздуху и свету человека, который вдруг

очутился на илистом дне грязного водоема. Болели все кости, сверху что-то гудело и завывало, как ураган, ныло все тело, болезненно горели пальцы, с которых слезла кожа, хотелось заползти в угол, пританься там — казалось, я так мал, что помещусь в любой щели. Я чувствовал себя потерянным, отверженным, окончательно погибшим. Это ощущение пересиливало боль и разбитость, когда я медленно поднимался с пола и шел, качаясь, к столу. И тут вид аппарата, холодного, с остывшими темными лампами, напомнил мне все — только тут я осознал страшный рев над головой, вопли, обращенные ко мне, ужасное бормотанье, поток слов, столь быстрых, что их не произнесло бы ни одно человеческое горло, я слышал просьбы, заклятия, обещания награды, мольбы о пощаде. Этот голос бил по голове, заполняя весь подвал; я покачнулся, дрожа, и хотел бежать, но, сообразив, кто находится надо мной и безумеет от страха и ярости на всех этажах гигантского здания, слепо бросился к двери, споткнулся, упал на что-то...

Это был Харден. Он лежал навзничь с широко открытыми глазами, из-под запрокинутой головы выбегала черная нить. Мне трудно рассказать, что я делал тогда. Помнится, тряс Хардена и звал его, но не слышал своего голоса, вероятно, его заглушал вой. Потом бил по аппарату, и руки мои были в крови и осколках стекла; не знаю, сначала или потом — я попытался делать Хардену искусственное дыхание. Он был холодный как лед. Я топтал чудовищные комки желатина с таким омерзением и страхом, что меня била судорога. Я стучал кулаками в железную дверь, не видя, что ключ торчит в замке. Двери во двор были заперты. Ключ, наверно, был в кармане у Хардена, но мне даже не пришло в голову, что я могу вернуться в подвал. Я с такой силой колотил в доски кирпичами, что они крошились у меня в руках, вопли, несшиеся из подвала, обжигали кожу. Там завывали голоса то низкие, то словно женские, а я бил ногами в дверь, молотил кулаками, бросался на нее всей тяжестью своего тела, как безумный, пока не вывалился во двор вместе с разбитыми досками, вскочил и помчался вперед. Я упал еще несколько раз, прежде чем выбрался на улицу. Холод немного отрезвил меня.

Помню, что стоял у стены, вытирал окровавленные пальцы, и как-то странно рыдал, но это не был плач — глаза оставались совершенно сухими. Ноги тряслись, было трудно идти. Я не мог вспомнить, где нахожусь и куда, собственно, должен направиться, — знал лишь, что надо торопиться. Только увидев фонари и автомобили, я узнал площадь

Вильсона. Полисмен, остановивший меня, не понял ничего из моих слов, впрочем, я не помню, что говорил. Внезапно прохожие стали что-то кричать, сбсжалась толпа, все показывали в одну сторону, создавалась пробка, автомобили останавливались, полисмен куда-то исчез; я страшно ослабел и присел на бетонную ограду сквера. Горело здание ОЭП, пламя вырывалось из окон всех этажей.

Мне казалось, что я слышу вой, который все нарастает, я хотел бежать, но это были пожарные команды, на касках играли отблески огня, когда они разворачивались — три машины, одна за другой. Теперь полыхало уже так, что уличные фонари потускнели. Я сидел на другой стороне площади и слышал треск и гудение, доносившиеся из горевшего здания.

Думаю, что он сам это сделал, когда понял, что проиграл.

ТЕМНОТА И ПЛЕСЕНЬ

1

— Это уже последняя? — спросил мужчина в дождевике.

Носком ботинка он сталкивал с насыпи комья земли вниз, на дно воронки, где гудело ацетиленовое пламя и виднелись согнувшиеся фигуры с огромными бесформенными головами. Ноттинсен отвернулся, чтобы вытереть слезившиеся глаза.

— Черт возьми, куда-то запропастились мои темные очки. Надеюсь, последняя? Я еле на ногах держусь. А вы?

Мужчина в лоснящемся плаще, по которому стекали мелкие капли воды, спрятал руки в карманы.

— Я привык. Не смотрите, — добавил он, заметив, что Ноттинсен опять поглядывает в глубь воронки. Земля дымилась и шипела от пламени горелок.

— Если бы хоть уверенность была, — проворчал Ноттинсен. Он шурился. — Если здесь происходит такое, то представляете себе, что там творилось, — он кивнул в сторону шоссе, где над развороченными краями кратера поднимались тоненькие струйки пара, голубоватые от вспышек невидимого пламени.

— Его наверняка уже не было тогда в живых, — сказал

мужчина в дождевике. Он вывернул наизнанку оба кармана и вытряхнул из них воду. Дождь моросил не переставая.

— Он даже не успел испугаться и ничего не чувствовал.

— Испугаться? — переспросил Ноттинсен. Он хотел взглянуть на небо, но сейчас же спрятал голову в воротник. — Он?! Тогда вы его не знали. Ну, конечно, вы его не знали, — сообразил он. — Работа над изобретением продолжалась четыре года, и в течение четырех лет это могло произойти с ним каждую секунду.

— Так почему же ему разрешили над этим работать? — Мужчина в мокром плаще взглянул исподлобья на Ноттинсена.

— Не верили, что получится, — мрачно ответил Ноттинсен.

Синие ослепительные язычки пламени продолжали лизать дно воронки.

— Неужели? — произнес собеседник. — Я... имею некоторое представление о здешней стройке. — Он взглянул туда, где в нескольких сотнях метров слабо дымился кратер. — Она влетела в копеечку...

— Тридцать миллионов, — поддакнул Ноттинсен, переступая с ноги на ногу. Ему казалось, что ботинки промокают. — Ну и что же? Ему бы дали триста или три тысячи, если бы были уверены...

— Это имело какое-то отношение к атомам, правда? — спросил мужчина в плаще.

— Откуда вы знаете?

— Слышал. И даже видел столб дыма.

— Взрыв?

— Кстати, почему строили в таком отдаленном месте?

— Такова была его воля, — ответил Ноттинсен. — Поэтому он и работал один — четыре месяца с того момента, как ему удалось... — Ноттинсен взглянул на собеседника и добавил, наклоняясь: — Это было бы пострашнее атомов. Пострашнее! — повторил он.

— Что уже может быть страшнее конца света?

— Можно сбросить одну атомную бомбу и этим ограничиться, — сказал Ноттинсен. — Но одна Вистерия... хватило бы одной! И никакая сила не могла бы ей противостоять. Эй, там! — крикнул он, наклонившись над воронкой. — Не торопитесь! Не отводите пламя! Каждый дюйм надо как следует прокалить!

— Меня это не касается, — произнес мужчина в плаще. — Но... если она столь могущественна, чем тут поможет этот слабый огонь?

— Вам известно, что должно было получиться? — с расстановкой произнес Ноттинсен.

— Я в этом не разбираюсь. Альдермот сказал, чтобы я помог вам местными силами, что это были... что он работал над какими-то атомными бактериями. Нечто в этом роде.

— Атомная бактерия, — Ноттинсен рассмеялся, но тут же замолчал. Откашлялся и произнес: — Вистерия Космолитика — так он это называл. Микроорганизм, уничтожающий материю и получающий таким путем жизненную энергию.

— Где он его взял?

— Это производное управляемых мутаций. То есть он исходил из существующих бактерий, постепенно подвергая их воздействию все возрастающих доз радиации, пока не получил Вистерию. Она существует в двух состояниях — в виде спор безвредна, как мука, ею можно посыпать улицы. Но если Вистерия оживает и начинает размножаться — тогда конец.

— Да, Альдермот говорил мне, — сказал мужчина в плаще.

— Что?

— Что бактерии будут размножаться и пожирать все — стены, людей, железо.

— Верно.

— И что это уже невозможно будет остановить.

— Да.

— Но к чему тогда такое оружие?!

— Вот поэтому его и нельзя было пока применять. Вистер работал над способом остановки этого процесса, над его обратимостью. Понимаете?

Мужчина сначала посмотрел на Ноттинсена, потом вокруг — ряды концентрических воронок, окруженных земляными валами, таяли вдали в сгущающихся сумерках, кое-где над ними еще поднимался пар — и ничего не ответил.

— Будем надеяться, что ничего не уцелело, — сказал Ноттинсен. — Не думаю, чтобы он решился на какой-нибудь безумный поступок, не имея уверенности, что сможет опять... — произнес он, не глядя на товарища.

— Много этого было? — отозвался тот.

— Спор? Это как сказать. В несгораемом шкафу было шесть пробирок.

— В его кабинете на третьем этаже? — спросил мужчина.

— Да, там теперь воронка, в которой поместились бы два дома, — произнес Ноттинсен и вздрогнул. Посмотрел вниз на мигающее пламя и добавил: — Кроме воронок надо будет прокалить весь участок, все в радиусе пяти километров.

Завтра утром придет Альдермот. Он мне обещал мобилизовать воинские части, нашим людям одним не справиться.

— Какие ей нужны условия, чтобы начать? — осведомился мужчина.

Ноттинсен смотрел на него с минуту, как бы не понимая вопроса.

— Чтобы активизироваться? Темнота. В несгораемом шкафу горел свет, были припасены специальные аккумуляторные батареи на случай перебоя в снабжении электроэнергией — восемнадцать ламп, каждая с отдельной, независимой друг от друга цепью.

— Темнота и больше ничего?

— Темнота и какая-то плесень. Присутствие этой плесени было необходимо. Она вырабатывала какие-то биологические катализаторы. Вистер не изложил этого подробно в своем докладе подкомиссии — все бумаги и материалы он хранил внизу в своей комнате.

— Видно, он не ожидал, — сказал мужчина.

— А может быть, как раз напротив, — неопределенно буркнул Ноттинсен.

— Вы думаете, что свет погас? Но откуда взялась плесень? — спросил мужчина.

— Совсем не так! — Ноттинсен удивленно посмотрел на него. — Это не они. Это... они размножаются без всякого взрыва. Спокойно. Думаю, он что-то делал с этим большим паратроном в подземном помещении — речь шла о том, чтобы найти способ, позволяющий остановить их развитие и, не зная его, быть наготове на случай...

— Войны?

— Да.

— И что он там делал?

— Неизвестно. Это имело какое-то отношение к антиматерии. Ведь Вистерия уничтожает материю. Синтез антипротонов — образование силового поля — деление — таков ее жизненный цикл.

Некоторое время они молча смотрели на работавших внизу людей.

Огоньки на дне воронки гасли один за другим. В серо-голубых сумерках люди карабкались вверх, таща за собой гибкие змеи проводов, — огромные, в асбестовых масках, по которым стекал дождь.

— Пошли, — отозвался Ноттинсен. — Ваши люди на шоссе?

— Да, не беспокойтесь. Никто не пройдет.

Дождь становился все мельче — порой казалось, что на лицах и одежде оседают только мелкие капельки тумана.

Они шли полем, обходя исковерканные, перекрученные и обгорелые стволы деревьев, валявшиеся в высокой траве.

— Даже сюда занесло. — Мужчина, шагавший рядом с Ноттинсеном, оглянулся. Однако все было покрыто серым, сгущающимся туманом.

— Завтра в это время все будет кончено, — сказал Ноттинсен.

Они подходили к шоссе.

— А... ветер не мог разнести это дальше?

Ноттинсен взглянул на него.

— Не думаю. Вероятнее всего, само давление, образовавшееся при взрыве, обратило их в прах. Ведь то, что здесь лежит, — он взглянул на поле, — это останки деревьев, а они росли в трехстах метрах от здания. От стен, аппаратуры, даже от фундамента ничего не осталось. Ни пылинки. Мы ведь все просеивали сквозь сетки, вы были при этом.

— Да, — подтвердил мужчина в плаще, не глядя на собеседника.

— Вот видите. То, что мы делаем, — это на всякий случай, чтобы иметь полную уверенность.

— Вот это было бы оружие, верно? Как оно называлось? Как вы говорили?

— Вистерия Космолитика. — Ноттинсен тщетно пытался поднять размокший воротник дождевика. Ему становилось все холоднее. — Но в управлении оно значилось под шифром — они там любят шифры — «Темнота и плесень».

2

В комнате было холодно. По стеклам стекали капли дождя: гвоздь выпал, одеяло с одной стороны провисло, и потому была видна часть грязной дороги за садом и пузыри на лужах. Который час? Он определил время по серому небу, теням в углах комнаты и тяжести в груди. Потом долго кашлял. Прислушался, как трещат суставы, когда он натягивал брюки. Разогрел чай, отыскав чайник и пакетик с заваркой под грудой бумаг на письменном столе. Ложечка валялась на полу у окна. Он шумно прихлебывал горячую жидкость, терпкую и бледную. Разыскивая сахар, он обнаружил среди книг кисточку для бритвы со следами засохшего мыла, запропастившуюся три дня назад. А может, четыре? Он

исследовал большим пальцем подбородок — щетина еще кололась.

Кипа газет, книг и белья угрожающе накренилась и наконец с мягким шелестом обрушилась за стол и исчезла, подняв облачко пыли, от которой зашекотало в носу. Он чихал медленно, с передышками, и все его существо наполнялось какой-то живительной силой. Когда он последний раз отодвигал стол? До чего же нудная работа. Может, лучше пройтись? Идет дождь.

Он поплелся к письменному столу, ухватился за край у самой стены и потянул.

Стол дрогнул, за клубилась пыль.

Он толкал его изо всех сил, тревожась лишь о своем сердце. «Если даст о себе знать, перестану, — решил он. — Не должно». Все, что упало за стол, вдруг потеряло для него интерес, важна была только проверка своих сил. «А я еще довольно крепок», — думал он с удовлетворением, видя, как ширится темная щель между столом и стеной. Торчавший там предмет скользнул вниз и, звякнув, скатился на пол.

Может, это вторая ложка, нет, скорее гребешок, с интересом подумал он. Только гребешок не издал бы такого металлического звука. Может, сахарные щипцы?

Между потрескавшейся штукатуркой и черной стенкой стола зияло темное пространство шириной с ладонь. По опыту он знал, что теперь начнется самое трудное, так как ножка стола непременно застрянет в широкой щели пола. Так и есть — попала. Некоторое время он возился с неподатливым грузом.

Топором, топором эту дохлятину, подумал он с наслаждением, ощущая, как в груди закипает бодрящее гневное чувство. Он дергал стол, хоть и знал, что это бесполезно. Стол следует наклонить и, раскачав, стронуть с места, так как ножка со стороны стены короче и выскакивает. Лучше, чтобы не выскочила, предостерегал рассудок, потом придется подкладывать книги, в поте лица выпрямлять гвозди, молотком вколачивать ножку в гнездо. Но он слишком ненавидел эту упрямую машину, которую столько лет напихивал бумагами.

— Скотина! — простонал он, теряя власть над собой, — взмокший, преследуемый запахом пыли и пота, напрягся и снова стал возиться с неповоротливым грузом, как обычно обольщаясь пленительной надеждой, что овладевшая им ярость сама по себе поднимет и сдвинет эту почерневшую рухлядь без особых усилий с его стороны.

Ножка выскочила из щели и придавила пальцы. К злобе

примешалась жажда мести. Подавив крик боли, он уперся спиной в стену и толкал теперь стол коленями и руками. Черная брешь росла, в нее можно было бы уже протиснуться, но человек в исступлении все продолжал толкать; первый луч света озарил свалку, открывшуюся за столом, который остановился с предсмертным скрипом.

Человек опустился на грудь книг — он и не заметил, как они во время возни очутились на полу. Он посидел с минуту, чувствуя, как на лбу высыхает пот. Что надо было вспомнить — ах да, сердце не отозвалось. Это хорошо.

Был виден только вход в эту образовывавшуюся в густом мраке за столом пещеру, и перед ним валялись мягкие, легкие как пух «летающие кошки». Так он называл серые космы и клубки пропыленной паутины, скапливавшиеся под старыми шкапами, в недрах диванов, проплесневевшие, замшелые и насквозь пропыленные.

Человек не торопился исследовать содержимое отвоеванного закоулка. Что там может быть? Он испытывал удовольствие, хоть и не помнил, зачем отодвигал стол. Грязное белье и газеты лежали теперь посреди комнаты — вероятно, он машинально отшвырнул их туда пинком, когда отодвигал стол. Человек стал на четвереньки и осторожно сунул голову в полумрак. Этим он окончательно заслонил свет, и ничего не смог разглядеть. В ноздри набилась пыль. Он снова расчихался, но уже со злостью.

Человек отступил назад, долго сморкался и решил отодвинуть стол дальше, еще дальше — так далеко он его никогда не отодвигал. Он ощупал заднюю, угрожающе потрескивавшую стенку, примерился, приналег, и стол с неожиданной легкостью выехал почти на середину комнаты, опрокинув ночной столик. Чайник упал. Человек пнул его ногой.

Потом он вернулся к обнаруженному кладу. От малейшего движения с едва заметных плиток паркета, заваленных какими-то предметами, поднимались облака пыли. Человек принес лампу, поставил ее рядом на умывальник, включил и обернулся. Стена за столом сплошь заросла бахромой паутины, местами толстой, как веревка. Из пожелтевшей газеты он скрутил жгут и принялся сгребать им все, что попадалось под руку, в одну кучу. Работал он, низко наклонившись, стараясь не дышать, в облаках пыли — нашел кольцо от занавески, крюк, обрывок ремня, пряжку, скомканный, но чистый лист почтовой бумаги, пустую спичечную коробку, начатую палочку сургуча. Остался только угол у самой стены между плитусами, заваленный

заплесневевшим мусором и как бы поросший сероватыми волосками. Опасливо он ткнул туда носком туфли и насмерть перепугался. Большой палец ноги, торчавший из дырявой туфли, наткнулся на что-то маленькое, упругое. Он стал искать, но ничего не нашел.

Померещилось, подумал он.

Человек пододвинул к столу стул — не трехногий, тот он предпочитал не трогать, а другой, на котором стояла миска, — миску он столкнул, и она с грохотом покатилась по полу, он улыбнулся сел и стал изучать найденные за столом вещи.

Он осторожно сдул серый покров пыли. Латунное кольцо заблестело, как золотое, попробовал надеть его на палец — оказалось велико. Ржавый и погнутый крюк с приставшим к острию комком извести он поднес к самому носу. Крюк этот, судя по всему, изведal немало невзгод на своем веку: загнутый конец был сплюснен — кто-то, видно, сорвал на нем свою злость, от ударов осталась бахрома заусениц, уже изъеденная ржавчиной, и теперь она рассыпалась в прах от прикосновения. Затупившееся острие, вероятно, наткнулось на что-то твердое в стене — вырванное с корнем из своего гнезда, оно напоминало зуб. Человек озабоченно потрогал одиноко торчавший из десны обломок зуба, как бы выражая этим жестом свое сочувствие крюку.

Остальные находки он бросил в ящик и повернул абажур лампы.

Перегнувшись через стол, он смотрел вниз на пол — в желтом свете лампы чернела стена, заросшая отвратительной косматой плесенью, а от стола, поблескивая, тянулись сонно колыхавшиеся разорванные паутинки. Посредине адресом и маркой вверх валялся на паркете запыленный старый конверт, а под ним, приподымая край, лежало что-то совсем маленькое, величиной с орех.

Он подумал: мышь — и к горлу подступил спазм отвращения. Затаив дыхание и не глядя, он подтянул к себе тяжелое бронзовое пресс-папье. Сердце замерло от ожидания и страха, что не успеет, что сию же минуту отвратительный зверек серой стрелкой метнется из-под конверта. Однако ничего не произошло — конверт со слегка приподнятым краем продолжал спокойно лежать, освещенный лампой, и только паутинки мерно дрожали, как живые. Он наклонился еще ниже и, уже лежа на столе, с силой швырнул пресс-папье, которое мягко шлепнуло по конверту, как бы

прижимая к земле что-то упругое, подскочило и в облаке серой пыли глухо стукнуло об пол.

Тогда в каком-то порыве отвращения и отчаяния, не помня себя, человек принялся иступленно бросать на конверт все, что было под рукой: толстые тома немецкой истории, словари, обитую серебряной жестью шкатулку для табака; он бросал, пока до самых сонно колыхавшихся паутинок не поднялась беспорядочная куча, в недрах которой — он каким-то непостижимым образом улавливал это по стуку падавших предметов — ему упрямо сопротивлялось нечто живое, упругое.

В припадке страха (он инстинктивно чувствовал, что, если не убьет *этого*, — придет возмездие), крихтя от напряжения, он приволок широкий литой колосник и, раскидав ногой кучу книг, с нечеловеческим усилием метнул его в приподнятый краешек письма.

Что-то как бы нехотя скользнуло по его ногам, он опять почувствовал то же, что и прежде — живое, теплое прикосновение, — и с паническим воплем, который, казалось, разрывал горло, опрометью бросился к дверям. В передней было гораздо светлее, чем в комнате. Человек судорожно ухватился за дверную ручку, стараясь побороть приступ головокружения. Потом окинул взглядом приоткрытую дверь. Он собирался с силами, чтобы вернуться в комнату, и тут появилась черная точка.

Человек ничего не заметил, пока не наступил на нее. Она была меньше булавоочной головки, походила на зернышко, пылинку или крошечный кусочек сажи, который ленивое дуновение ветерка несло над самым полом. Нога не коснулась пола, она скользнула, вернее, проехала, словно он наступил на невидимый упругий мячик, тут же отскочивший в сторону. Теряя равновесие, человек в каком-то отчаянном танце рухнул на дверь и больно ударился локтем. Всклипывая от досады, он медленно встал с пола.

— Ничего, дорогой, ничего, — бормотал он, поднимаясь с колен. Посапывая, попробовал пошевелить ногой — цела. Теперь он стоял у порога и в отчаянии лихорадочно оглядывался по сторонам. Вдруг над самым полом в проеме приоткрытой двери в сад, откуда слышался монотонный шум дождя, он заметил черную точку. Она слегка подрагивала в углу, между порогом входной двери и щелью в половицах, постепенно замирая. Он склонялся над нею все ниже, пока не согнулся почти вдвое, и все смотрел на черную точку, которая вблизи показалась ему продолговатой.

Это паучок, с такими тоненькими ножками, я их просто

не вижу, решил человек. Мысль о нитевидных ногах этого существа наполнила его отвращением и робостью. Он вытащил из кармана платок и замер. Затем накрыл им ладонь, чтобы поймать паучка, и нерешительно отвел руку назад. Наконец опустил край свободно свисавшего платка и поднес его к черному паучку.

Испугается и убежит, подумал он, и все будет в порядке.

Черная точка не убегала. Кончик платка не дотронулся до нее, а согнулся над нею на расстоянии толщины пальца, точно встретил невидимое препятствие. Человек бессильно ударял по воздуху платком, который мялся и закручивался. Наконец, расхрабрившись (у него захватывало дух от собственной предприимчивости), достал из кармана ключ и ткнул им черную точку.

Рука почувствовала опять это упругое сопротивление, ключ завертелся в пальцах, а черная точка взвилась в воздух и нервно заплясала у самого его лица, постепенно снижаясь, пока снова не замерла в углу между порогом и полом. Он и испугаться как следует не успел, так быстро все произошло.

Медленно шурясь, как подле разбрызгивающей жир сковородки, на которой поджаривается грудинка, человек накрыл черную точку развернутым платком. Ткань легко опустилась и вздулась, словно под ней лежал мяч для игры в пинг-понг. Он осторожно собрал уголки платка, свел их вместе и связал — круглый предмет был пойман. Человек дотронулся до него сперва концом ключа, потом пальцем.

Шарик был упругим по природе, при нажиме пружинил, но чем сильнее на него давили, тем большее сопротивление он оказывал. Шарик был легкий, по крайней мере человек не почувствовал, что платок сделался тяжелее. Человек выпрямился и, опираясь свободной рукой о стену, заковылял на онемевших ногах в комнату.

Сердце его учащенно билось, когда он клал узелок под лампу на очищенную от хлама крышку стола. Он зажег свет, поискал очки, потом, поразмыслив, решил не щадить сил и уже во втором по счету ящике нашел лупу — величиной с блюдце, в вороненой оправе с деревянной ручкой. Он подтащил стул, отшвырнув с дороги беспорядочно разбросанные раскрытые книги, и начал осторожно развязывать узелок. Он еще раз прервал свое занятие, встал и в хламе у окна разыскал стеклянный треснутый колпак для сыра, накрыл им платок, оставив снаружи только уголки, и принялся тянуть за них, пока он не развернулся, весь в пятнах и затеках.

Человек ничего не видел. Он все ниже склонял голову и вздрогнул от неожиданности, прикоснувшись носом к холодному стеклу колпака.

Черную точку удалось разглядеть лишь через лупу — она походила на маленькое пшеничное зернышко. На одном конце его виднелась более светлая сероватая выпуклость, а на другом — два зеленых пятнышка, едва различимые даже с помощью лупы. А может быть, свет, преломившись в толстом стекле колпака, придавал им этот оттенок? Осторожно дергая за уголки, человек вытащил платок. Это продолжалось с минуту. Тогда у него родилась новая идея. Он передвинул колпак к самому краю стола и в щель, образовавшуюся между стеклом и деревом, ввел внутрь на длинной проволоке заранее приготовленную спичку, которой он в последний момент чиркнул о коробок.

Сначала казалось, что спичка погаснет, затем, когда она разгорелась ярче, он не смог переместить ее в нужном направлении, но наконец и это удалось. Желтоватый язычок пламени приблизился к черной точке, висевшей на высоте двух сантиметров над поверхностью стола, и вдруг тревожно замигал. Человек подвинул спичку чуть дальше — и пламя охватило какой-то шарообразный предмет. Спичка горела еще с минуту и, уронив искорку, погасла, только уголек мерцал еще мгновение.

Человек вздохнул, опять отодвинул колпак под абажур и долго, не двигаясь, всматривался в черную точку, которая едва шевелилась внутри колпака.

— Невидимый шарик, — пробормотал он, — невидимый шарик.

Человек был почти счастлив, даже не подозревая об этом. Следующий час ушел на то, чтобы поместить под колпак чайное блюдце, наполненное чернилами. Целая система палочек и проволочек понадобилась для того, чтобы переместить исследуемый предмет к блюдцу. Поверхность чернил слегка прогнулась в одном месте, там, где с нею должна была соприкоснуться нижняя часть шарика. Больше ничего не случилось. Попытка окрасить шарик чернилами не удалась.

В полдень его стало одолевать смутное чувство голода — он доел овсянку и остатки раскрошившегося кекса из полотняного мешочка, выпил чаю. Вернувшись к столу, он не сразу нашел черную точку и вдруг испугался. Забыв об осторожности, он поднял колпак и, как слепой, широко расставив руки, стал лихорадочно ощупывать стол.

Шарик сразу же прильнул к руке. Он сжал пальцы и сел,

преисполненный благодарности, умиротворенный, что-то тихонько мурлыча. Невидимый шарик согревал его руку. Человек чувствовал исходящее от него тепло и все смелее играл этим невесомым предметом, перекатывая его с руки на руку, пока взгляд ни привлекло что-то блестящее в пыли у печки, среди сора, который высыпался из опрокинутого мусорного ведра. Это была смятая станиолевая обертка от шоколада. Он сейчас же принялся заворачивать в нее свой шарик. Это оказалось вопреки ожиданию совсем легким делом. Он оставил только с противоположных концов два отверстия, проделанные булавкой, чтобы, глядя на свет, можно было убедиться, что маленький черный узник находится на месте.

Когда наконец ему пришлось выйти из дому, чтобы купить чего-нибудь съестного, он накрыл шарик стеклянным колпаком, прижал его и для пущей важности со всех сторон обложил книгами.

Для него настали прекрасные времена. Иногда он проделывал с шариком какие-нибудь эксперименты, однако чаще лежал в постели, перечитывая любимые места в старых книгах. Свернувшись под одеялом, чтобы было теплее, он вытаскивал руку только для того, чтобы перевернуть страницу, и, поглощенный подробным описанием смерти товарищей Амундсена во льдах или мрачной исповедью Нобиле о случаях людоедства после катастрофы, постигшей его полярную экспедицию, он порой обращал взор на мирно блестящий под стеклом шарик, который незначительно менял положение, спокойно перемещаясь от одной стенки колпака к другой, словно подталкиваемый какой-то невидимой силой.

Ходить за покупками и готовить обед не хотелось, поэтому он уплетал кексы, а если было немного дров, пек в золе картошку. По вечерам он погружал шарик в воду или пытался кольнуть его чем-нибудь острым, затупил о него бритву, но не получил никаких результатов — и это продолжалось до тех пор, пока он не начал терять покой. Человек задумал нечто грандиозное: хотелось притащить из подвала старые тиски и сжать в них шарик до маленькой точки в центре, но это было связано с таким беспокойством (бог знает, сколько времени придется рыться в старых железках и хламе, и вдобавок он сомневался, поднимет ли тиски, которые три года назад отнес вниз); таким образом, эта мысль так и осталась неосуществленной.

Однажды он долго нагревал шарик на огне, но добился лишь того, что прожег дно еще совсем новой кастрюльки.

Станиоль потемнел и истлел, но сам шарик нисколько не пострадал. Человек уже начинал терять терпение и подумывал о сильнейдействующих средствах, все более убеждаясь в том, что шарик невозможно уничтожить. Эта стойкость доставляла ему удовольствие, но однажды он обнаружил то, что, собственно, должен был заметить гораздо раньше.

Станиолевая обертка (новая, ибо прежняя от разных экспериментов разлезлась в клочья) лопнула сразу в нескольких местах, и в просветах показалось содержимое. Шарик рос! Человек задрожал, когда наконец осознал это; поместив его без обертки под лупу, он долго исследовал шарик сквозь двойное стекло, которое выкопал в нижнем ящичке стола, и наконец удостоверился, что не ошибся.

Шарик не только рос, но и менял форму. Он уже не был совсем круглый — вытянулся как бы два полюса, а черная точка вытянулась так, что ее было видно даже невооруженным глазом. За шероховатой головкой у двух зеленых пятнышек появилась слабо поблескивавшая черточка, которая медленно вращалась, и это было труднее уловить, чем движение часовой стрелки, но по прошествии ночи у него не осталось в этом ни малейшего сомнения. Шарик вытянулся, как яйцо с двумя одинаково утолщенными концами. Черная точка в центре заметно набрякла.

На следующую ночь его разбудил короткий, но громкий звук, как будто на морозе лопнуло толстое стекло. Еще звенело в ушах, когда он выскочил из постели и босиком побежал к столу. Слепленный, он стоял, закрыв рукой лицо, и в отчаянии дожидался, когда глаза привыкнут к темноте. Колпак был цел. На первый взгляд ничего в нем не изменилось. Человек искал черную продолговатую ниточку и не находил. Наконец увидел ее и ужаснулся — настолько она укоротилась. С опаской он поднял колпак, и что-то прижалось к его ладони. Низко наклонившись, он приблизил лицо к пустой поверхности стола и наконец увидел.

Их было два — теплые, словно только что вынутые из горячей воды. И в каждом темнело маленькое ядрышко, черная матовая точка. Его охватило неизъяснимое блаженство, умиление. Он дрожал не от холода, а от возбуждения. Положив их на ладонь, теплых, как цыплята, и осторожно, чтобы не сдуть почти невесомых на пол, стал согревать своим дыханием. Потом завернул каждый в станиоль и спрятал под колпак. Долго стоял над ними, тщетно стараясь придумать для них что-либо еще, и наконец с учащенно бьющимся сердцем вернулся в постель, несколько раздосадованный

собственным бессилием и вместе с тем спокойный и растроганный почти до слез.

— Крошки мои, — бормотал он, забываясь блаженным и здоровым сном.

Месяц спустя шарики уже не помещались под стеклянным колпаком. А еще через месяц он потерял им счет. Как только черное зернышко достигало обычных размеров, шарик начинал вздуваться на полюсах. Только раз ему удалось подстеречь момент деления, который всегда наступал ночью. Звук, раздавшийся из-под колпака, оглушил его на несколько минут, но более поразила вспышка, подобно крошечной молнии озарившая на мгновение темную комнату. Он не понимал, что происходит, но, лежа в кровати, почувствовал, как дрогнул пол, и тут уразумел, что в крошечных шариках таится неизмеримая мощь. Им овладело чувство, какое возникает перед подавляющими своим величием явлениями природы, — словно на мгновение перед ним открылся зияющий провал водопада или затряслась земля под ногами. С коротким звоном, эхо которого еще, казалось, поглощали стены дома, ему на какую-то долю секунды открылась и сейчас же исчезла мощь, ни с чем не сравнимая. Испуг быстро прошел, а утром все это показалось ему кошмарным сновидением.

На следующую ночь он постарался вести наблюдение в темноте. И впервые тогда заметил, как одновременно с глухим звуком и воздушной волной вспышка зигзагом разрезала набухшее яйцо и мгновенно пропала — казалось, ее и вовсе не было.

Человек не помнил даже, был ли в ту зиму снег, так редко он покидал дом, разве только затем, чтобы пойти до магазина за поворотом дороги. К весне комната кишела шариками. Он уже не пытался их заворачивать в станиоль, да и где взять его столько. Они болтались всюду, попадали под ноги, бесшумно сыпались с книжных полок, где особенно хорошо были видны, когда залеживались, припудренные тонким слоем пыли, которая мягко обрисовывала их контуры.

И вечно что-нибудь приключалось с ними (он выуживал шарики из овсянки, из молока, находил в пакете с сахаром, они как невидимки выкатывались из посуды, варились в супе); их обилие начинало подсказывать ему новые идеи и слегка тревожить.

Неудержимо разрастающаяся орава мало о нем заботилась. Его бросало в дрожь при мысли, что какой-нибудь шарик выскочит в сени и дальше, в сад, где его могут найти дети. Тогда человек установил перед порогом частую

проволочную сетку, а через некоторое время, чтобы выйти на улицу, ему уже надо было выполнить целый сложный ритуал — он поочередно выворачивал все карманы, заглядывал за отвороты брюк, для большей уверенности по нескольку раз отряхивал их, двери открывал и закрывал медленно, чтобы сквозняк не унес невзначай какой-нибудь шарик. И чем больше их было, тем сложнее было с ними управляться.

Ему докучало по-настоящему только одно большое неудобство подобного сожительства, изобилующего переживаниями: их была такая уйма, что они размножались почти непрерывно, и мощный звенящий звук раздавался иногда пять-шесть раз в течение одного часа. Из-за того, что они будили его по ночам, он стал отсыпаться днем, когда царил тишина. Порой эта нарастающая, неумная плодовитость внушала ему безотчетную тревогу, все труднее было двигаться, на каждом шагу из-под ног удирали невидимые упругие шарики, разбегались во все стороны. Он знал, что скоро будет бродить в них по колено, словно в воде. Над тем, как они жили, чем питались, он не задумывался.

Хотя конец зимы выдался холодный, с частыми заморозками и метелями, он давно уже не топил печь. Скопление шариков равномерно излучало теплоту. Давно в комнате не было так уютно, как сейчас, когда по следам, оставленным в пыли, можно было догадаться, как забавно они подпрыгивали и катались, словно ими только что играли котята.

Чем больше было шариков, тем легче узнавались их повадки. Можно было заключить, что они не любят друг друга, во всяком случае, не терпят слишком близкого соседства с себе подобными: всегда между двумя ближайшими шариками оставалась тоненькая воздушная прослойка, которую нельзя было уничтожить даже значительными усилиями. Особенно это бросалось в глаза, когда обернутые станиоленом шарики он подносил один к другому. Со временем он стал убирать лишние шарики — сваливал их в жестяную ванночку, где под слоем пыли они лежали, как куча крупнозернистой лягушечьей икры, время от времени сотрясаемые изнутри, когда какое-нибудь прозрачное яйцо делилось на два новых.

Надо признаться, что иногда им овладевали самые удивительные прихоти. Например, он долго боролся с собой — так ему хотелось проглотить одного из своих подопечных. Кончилось тем, что он решил взять его в рот. Человек осторожно поворачивал шарик языком, чувствуя

нёбом и деснами мягкую упругость его боков, излучающих слабое тепло.

На другой день после этого случая он заметил на языке кровоподтек. Но не связал эти два факта. Все чаще случалось, что шарики попадали в постель, и он не мог взять в толк, почему наволочки и пододеяльники, прекрасно до этого ему служившие, расплзались, словно вдруг истлели. В конце концов от простыни остались одни ключья — дыр было больше, чем полотна, а он все еще ничего не понимал.

Однажды ночью он проснулся от жгучей боли в ноге. Включив свет, он увидел на коже несколько красных пятен. Потом обнаружил, что их гораздо больше, — они напоминали ожог. Невидимые шарики прыгали по всей постели, когда он снова лег. Эта картина возбудила его подозрительность — их ядрышки мельтешили, как блошки.

— Черт возьми, неужели вы отца родного кусаете?! — шепнул он укоризненно и оглядел комнату.

Матово поблескивали разбросанные повсюду шарики; они покрывали весь стол, лежали на полу, на полках, в кастрюлях и горшках, даже в чашке с остатками чая что-то подозрительно мерцало. Мгновенно заколотилось сердце от непостижимого страха. Дрожащими руками он отряхнул одеяло, пододеяльник, потряс, высоко подняв, подушку, сбросил все шарики на пол, еще раз озабоченно осмотрел красноватые припухлости на икрах, закутался в одеяло и погасил свет.

Комната то и дело оглашалась звуком, похожим на металлический голос фанфар, прерываемый внезапным ударом, — будто захлопывалась крышка сундука.

«Не может быть! Не может быть!» — подумал он.

— Выброшу вас. Выгоню всех до единого вон на улицу, — заявил он вдруг шепотом; слова застревали в пересохшем горле. Безмерная обида давила его, выжимала из глаз слезы.

— Неблагодарные скоты! — шептал он, прислонившись к стене, и так, полусидя, полулежа, заснул.

Утром человек проснулся совершенно разбитый, с ощущением, что произошло несчастье, катастрофа. В отчаянии он искал мутными глазами следы вчерашних ожогов, напрягал память, потом вдруг очнулся, вылез из кровати и, поставив лампу на стул, приступил к тщательному исследованию пола.

Сомнений не было, на нем отчетливо виднелись следы как от укусов, точно кто-то обрызгал доски невидимой кислотой. Такие же следы, хоть и в меньшем количестве, оказались на письменном столе. Особенно пострадали кипы старых газет

и журналов — почти все верхние листы были продырявлены как решето. Эмалированные кастрюли также покрылись изнутри эрозией. Он долго смотрел в оцепенении на комнату, потом принялся собирать шарики. Ведрами носил их в ванну, она наполнилась выше краев, а комната по-прежнему была заполнена ими. Они перекатывались у стен, он чувствовал их тревожное тепло, когда они касались его ног. Шарики были повсюду — матовые груды на полках, на столе, в банках, по углам — целые горы.

Он возился, напуганный и сбитый с толку, целый день сметал шарики с места на место, наконец заполнил ими частично старый пустой комод и вздохнул с облегчением. Ночью канонада гремела громче обычного. Деревянный ящик комода превратился в огромный резонатор, изрыгающий глухой чудовищный гул, как будто невидимые узники били изнутри колоколами в его стены. На другой день шарики стали уже пересыпаться через предохранительную сетку у двери. Он перенес матрас, одеяло и подушку на письменный стол, и там устроил себе постель. Уселся на нее, поджав ноги. Надо было сразу же принести тиски, мелькнула у него мысль, а теперь что? Выбросить их ночью в реку?

Решил, что так будет лучше всего, однако произнести вслух эту угрозу побоялся. Никто другой их не получит, а себе он оставит несколько штук — не больше. Несмотря ни на что, он был к ним привязан, только теперь к привязанности примешивался страх. Он утопит их... как котят!

Подумал о тачке (иначе не управиться с переноской), но едва он попытался сдвинуть ее с места, как тачка застряла в старом котловане у стены. Ни с чем поплелся домой. Он был слаб, очень слаб. Пришлось отложить. Он решил побольше есть.

Ночь была ужасной. Утомленный, он, несмотря ни на что, уснул. Первый же металлический звук разбудил его, он приподнялся в темноте, а вся комната озарялась короткими зигзагами, вспышки вырывали из тьмы то часть стены, то запыленную полку, то вытертый коврик у кровати, отражались в поддрагивающей стеклянной посуде. Вдруг тусклое мерцание пробилось сквозь пододеяльник — значит, и там спряталась какая-то хитрая бестия! Он вытряхнул ее с отвращением.

Это кошмарное размножение напоминало пейзаж, озаряемый вспышками молний, с той только разницей, что вместо раскатов грома после маленькой вспышки слышался звон, от которого поддрагивали стекла. Человек уснул, прислонившись

к стене. На рассвете он снова проснулся и слабо вскрикнул — волна голубых брызг освещала комнату, заливала ее; бесчисленные зигзаги уже почти достигали поверхности стола, который вдруг, сильно качнувшись, отодвинулся от стены, — делясь, невидимый шарик оттолкнул его. От этого толчка — он осознал его неумолимую силу — человека бросило в холодный пот. Он смотрел на комнату вытаращенными глазами, бормоча что-то, и опять забылся, окончательно обессилев.

Проснувшись утром, человек почувствовал себя скверно, так скверно, что едва спустился на пол, чтобы выпить остатки холодного горького чая. Его затрясло, когда он погрузился до пояса в мягкую невидимую массу, — шариков было так много, что он едва мог передвигаться и с огромным трудом добрал до стола. Комната наполнилась тяжелым, нагретым воздухом, будто топилась невидимая печь. С ним произошло нечто странное: он скользнул на пол, но не упал — поддержала эластичная упругая масса, и ее прикосновение наполнило его невыразимой тревогой, такое оно было нежное, мягкое, в голову пришла страшная мысль — не проглотил ли он шарик вместе с овсянкой, самый мельчайший, и нынешней ночью во внутренностях...

Хотелось убежать. Выйти. Выйти! Не мог отворить дверь. Она приоткрылась на несколько сантиметров, потом эластичная масса, упруго подавшись вперед, задержала ее и не пустила дальше. Он боялся дергать дверь и чувствовал, что у него начинает кружиться голова. Надо выбить стекло, подумал он, но сколько потом возьмет стекольщик?

Дрожа, проложил себе дорогу к письменному столу, влез на него, тупо глядя на комнату, — шарики серым зернистым туманом, еле различимым безмолвным облаком окружали его со всех сторон. Он был голоден, но слезть не решался. Несколько раз неуверенно, глухо вскрикнул с закрытыми глазами:

— На помощь! На помощь!

Человек уснул, когда начало смеркаться. В сгустившемся сумраке комната ожила от всплеск и все более мощных раскатов. Освещаемая изнутри масса росла, пенилась, медленно вздымалась вверх, колебалась, словно кто-то слегка ее встряхивал. С полок, расталкивая книги, выскакивали и, вычерчивая голубые жирные параболы, разлетались горячие подрагивающие шарики. Один скатился сверху ему на грудь, другой коснулся щеки, третий припал к губам, огромное скопище их облепило матрац вокруг его наполовину

облысевшего черепа, они вспыхивали прямо перед его полуоткрытыми глазами, но он уже не просыпался.

На следующую ночь, в третьем часу утра, по дороге в город проезжал грузовик. Он вез молоко в двадцатигаллоновых бидонах. Шофер, утомленный долгой ездой, клевал носом над баранкой. Это было самое тяжелое время, когда просто невозможно побороть сонливость. Вдруг он услышал донесшийся издали раскатистый гул. Машинально притормозил, увидел за деревьями ограду, в глубине — темный сад, в нем одноэтажный домик, окна которого озарялись вспышками.

«Пожар!» — подумал шофер, съехал на обочину, резко затормозил и подбежал к калитке, чтобы разбудить жильцов.

Он уже пробежал половину заросшей травой тропинки, когда увидел, что из окон с остатками разбитых стекол вырывается не пламя, а пенящийся, непрерывно звенящий и искрящийся поток и кипящей массой разливается у стен. По его рукам и лицу заскользило что-то мягкое, словно тысячи невидимых крыльев ночных бабочек. Он подумал, что это сон, когда увидел вокруг на траве и кустах вспышки голубоватых огоньков; левое чердачное оконце засветилось, напоминая широко открытый огромный кошачий глаз, входная дверь затрещала и с грохотом раскололась — и он бросился бежать, все еще видя перед собой гору мерцающей икры, которая с раскатистым гулом разваливала дом.

ВТОРЖЕНИЕ С АЛЬДЕБАРАНА

Это произошло совсем недавно, почти в наше время. Два представителя разумной расы Альдебарана, которая будет открыта в 2685 году и отнесена Нейрреархом, этим Линнеем ХХХ века, к отряду Мегалоптеригия в подклассе Тельца, одним словом, две особи вида Мегалоптерикс амбигуа флиркс, посланные Синцитиальной ассамблеей Альдебарана (называемой также Окончательным собранием) для исследований возможностей колонизации планет в районе VI Парциального периферийного разрежения (ППР), прибыли сначала к Юпитеру. Взяли там пробы андрометакулястров и, установив, что таковые пригодны для питания Телепатика (о котором речь будет ниже), решили исследовать заодно третью

Inwazja z Aldebarana, 1959

© Ф. Широков, перевод, 1993

планету системы — маленький шар, вращавшийся по скучной круговой орбите вокруг Центральной Звезды.

Нацелив свой Астромат на всего лишь один гиперпространственный меташаг в сверхпространстве, оба альдебаранца вынырнули в своем слегка разогревшемся корабле у границ атмосферы и вошли в нее с небольшой скоростью. Медленно проплывали под Астроматом океаны и континенты. Быть может, стоит отметить, что обитатели Альдебарана в противоположность людям путешествуют не в ракетах; напротив, ракета, за исключением только самого кончика, путешествует в них. Прибывшие были чужаками, и место их посадки определил случай. Альдебаранцы мыслят стратегично и, как достойные отпрыски высокой парастатической цивилизации, охотнее всего совершают посадку на терминаторе планеты, то есть на линии, по которой проходит граница дня и ночи.

Они посадили свой космический корабль на пучке антигравитонов, вышли из корабля, точнее, сползли с него, и приняли более концентрированную форму, как это обычно делают все метаптеригии как из подкласса полизоа, так и из подкласса монозоа.

Теперь следовало бы описать, как выглядели прибывшие, хотя их вид достаточно хорошо известен. Согласно утверждениям всех авторов, обитатель Альдебарана, как и другие высокоорганизованные существа Галактики, обладает множеством очень длинных щупалец, оканчивающихся рукой с шестью пальцами. У альдебаранца, кроме того, гигантская уродливая каракатицевидная голова и шестипалые щупальца-ноги. Старшего из альдебаранцев, являвшегося кибернетором экспедиции, звали НГТРКС, а младшего, который был у себя на родине выдающимся полизиатром, — ПВГДРК.

После посадки они нарубили много ветвей с удивительных растений, которые окружали их корабль, и прикрыли его в целях маскировки. Затем выгрузили необходимое снаряжение: заряженное и готовое к бою Альдолихо, Теремтака и перипатетического Телепатика (о котором мы упоминали выше).

Перипатетический Телепатик, сокращенно называемый «Пе-Те», — это прибор, которым пользуются для объяснения с разумными существами, живущими на планете. Благодаря гиперпространственной подводке к универсально-смысловому супермозгу, находящемуся на Альдебаране, «Пе-Те» может также переводить всевозможные надписи со ста девяноста шести тысяч языков и наречий Галактики. Этот аппарат, как и другие машины, настолько отличается от

земных, что обитатели Альдебарана, как станет известно после 2865 года, не производят их, а выращивают из генетически управляемых семян или яиц.

Перипатетический Телепатик внешне напоминает скунса, но только внешне, внутри же он заполнен мясистыми клетками семантической памяти, там же находятся стволы альвеолярного транслятора и массивная мнемонестическая железа. Спереди и сзади Телепатик имеет по специальному отверстию-экрану (ОЭ) межпланетного слокосокома (словесно-когерентно-созерцательного коммуникатора).

Взяв с собой все необходимое, ведя Перипатетика на ортоповодке и пустив Теремтака вперед, альдебаранцы отправились в путь, неся в щупальцах массивное Альдолихо. О такой местности для первой разведки можно было только мечтать — вокруг под низко нависшими вечерними тучами шумели густые заросли. Перед посадкой им удалось разглядеть в отдалении достаточно прямую полосу, в которой они готовы были заподозрить путь сообщения.

Облетая неизвестную планету, они видели с высоты также и другие следы цивилизации: бледные пятнышки на затемненном полушарии, которые выглядели, как города ночью. Это наполнило прибывших надеждой, что на планете обитает высокоразвитая раса. Такую расу они собственно, и искали. Во времена, предшествовавшие упадку Синцитиальной ассамблеи, перед агрессивностью которой склонились сотни даже очень далеких от Альдебарана планет, обитатели Альдебарана охотнее всего атаковали населенные планеты, они видели в этом свою историческую миссию. Помимо всего прочего, вопрос о колонизации незаселенных планет, требовавшей огромных капиталовложений в строительство, развитие промышленности и тому подобное, весьма неохотно рассматривался Окончательным собранием.

Некоторое время разведчики шли, точнее, продирались, сквозь густую чащу, испытывая болезненные укусы неизвестных им летающих членистоногих, перепончатокрылых тварей.

Видимость была плохой, и чем дальше продолжался поход, тем больше упругие ветви хлестали по каракатицам; им уже не хватало сил раздвигать кустарник усталыми щупальцами. Прибывшие не намеревались, разумеется, покорить планету — это было не в их силах, — они представляли лишь разведывательную группу, после возвращения которой должны были начаться приготовления к Великому вторжению.

Альдолихо то и дело застревало в кустах, из которых его

вытаскивали с большим трудом, стараясь не задеть спусковой отросток: слишком отчетливо под мягкой шкурой чувствовался дремлющий в глубине заряд саргов; обитатели планеты должны были, несомненно, скоро пасть их жертвой.

— Что-то не видно следов этой здешней цивилизации, — прошипел наконец ПВГДРК, обращаясь к НГТРКСу.

— Я видел города, — ответил НГТРКС. — Впрочем, погоди, там просвет, наверное, это дорога. Да, смотри, дорога!

Они пробились к месту, где кончались заросли, но тут их ждало разочарование: полоса, достаточно широкая и прямая, действительно напоминала издали дорогу. Вблизи же она оказалась трясиной, которая представляла собой липкую хлопкую субстанцию, простиравшуюся вдаль, на сложно устроенном дне, покрытом округлыми и продолговатыми углублениями и выступами; из трясины торчали большие камни.

ПВГДРК, являвшийся как полизнатр специалистом по вопросам планет, заявил, что перед ними полоса испражнений какого-то гигантозавра, ведь дорогой — с этим они оба соглашались — полоса быть не могла. Ни один колесный альдебаранский экипаж не мог бы форсировать подобной преграды.

Разведчики произвели полевой анализ проб, взятых Теремтаком, и прочли на его морде фосфоресцирующий результат: клейковато-илистая субстанция — смесь окислов алюминия и кремния с H_2O плюс значительные примеси Гр (грязи).

Итак, полоса не была следом гигантозавра.

Они двинулись дальше, утопая и проваливаясь до половины щупалец, и вдруг за спиной в быстро наступающей темноте они услышали какой-то стонущий звук.

— Внимание! — прошипел НГТРКС.

Завывая, кренясь и взмывая вверх, их догоняло нечто похожее на гигантское горбатое животное со сплюсненной головой и отставшей на спине кожей, которая хлопала и плескалась на ветру.

— Слушай, уж не синцитиум ли это? — взволнованно спросил НГТРКС.

Тут черная глыба поравнялась с ними — они как будто разглядели яростно прыгавшие колеса, словно у причудливой машины, и уже хотели было занять исходную позицию, как их обдало потоками грязи.

Оглушенные и забрызганные от верхних до нижних щупалец, разведчики, отряхнувшись, бросились к Телепати-

ку, чтобы узнать носят ли членораздельный характер рев и грохот, издаваемые машиной.

«Неритмичный звук примитивного двигателя, работающего на углеводородах и кислороде в условиях, к которым он не приспособлен», — прочли они кодированную надпись и переглянулись.

— Странно, — сказал ПВГДРК; он поразмыслил минуту и, склонный к несколько поспешным гипотезам, добавил: — Садистондальная цивилизация, которая удовлетворяет свои инстинкты, истязая созданные ею машины.

Телепатику удалось зафиксировать на ультраскопе великолепное изображение двуногого существа, которое находилось в застекленном ящике над головой машины.

С помощью Теремтака, который обладал специальной имитативной железой, разведчики, наспех собрав глину, сделали в натуральную величину точную копию двуногого. Глину перетопили в пластефолиум, и манекен приобрел естественный бледно-розовый цвет; следуя указаниям Теремтака и Перипатетика, альдебаранцы придали форму голове и нижним конечностям. Весь процесс занял не более десяти минут. Затем, развернув синтестарическую ткань, они выкроили одежду, похожую на ту, которую носило двуное, ехавшее в машине, одели в нее манекен, и НГТРКС потихоньку вполз в пустое нутро, прихватив с собой Телепатика. Передний экран-отверстие Телепатика он выдвинул изнутри в ротовое отверстие манекена. Замаскировавшись и поочередно двигая то правой, то левой конечностями манекена, НГТРКС двинулся вперед по грязному тракту. ПВГДРК, сгибаясь под тяжестью Альдолихо, шел за ним в некотором отдалении. Впереди двигался спущенный с протоповодка Теремтак.

Операция с маскараром была типичной. Альдебаранцы прибегали к этому испытанному приему на десятках планет, и, как правило, с хорошими результатами. Манекен удивительно походил на обычного обитателя планеты и не возбуждал ни малейших подозрений у встречных. НГТРКС свободно приводил в движение конечности и тело и мог бегло разговаривать при помощи Телепатика с другими двуногими.

Наступила темная ночь. На горизонте поблескивали редкие огоньки строений. НГТРКС подошел в своих доспехах к чему-то напоминавшему в темноте мост — внизу слышалось журчанье текущей воды. Первым пополз вперед Теремтак, но тут же раздался его тревожный свист, шипенье, царапанье коготков, и все закончилось тяжелым всплеском.

НГТРКСу было неудобно спускаться под мост, поэтому

туда полез ПВГДРК, который не без труда выудил из воды Теремтака, провалившегося, несмотря на все предосторожности, сквозь щель в настиле. Он не подозревал о ее существовании, поскольку недавно по мосту проехала машина двуногих.

— Ловушка! — сообразил ПВГДРК. — Они уже знают о нашем прибытии!

НГТРС серьезно в этом сомневался. Разведчики не спеша двинулись дальше, преодолели мост и вскоре заметили, что болотистая полоса, по которой они продвигались между купами черных зарослей, разделяется надвое. У развилки стоял покосившийся столб с прибитым к нему обломком доски. Он едва держался в земле; заостренный конец доски указывал на западную часть ночного небосклона.

По команде разведчиков Теремтак осветил столб зеленоватым мерцанием своих шести глаз, и альдебаранцы увидели надпись: «Нижняя Мычиска — 5 км».

Надпись, которую они почти не могли расшифровать, едва проступала на подгнившем дереве.

— Реликт какой-то древней цивилизации, — выдвинул предположение ПВГДРК. НГТРС из глубины своей оболочки направил на табличку экран Телепатика.

— «Указатель направления», — прочитал он на заднем экране и посмотрел на ПВГДРК. — Все это довольно странно.

— Материал, из которого сделан столб, — целлюлоза, разъеденная плесенью типа Арбакетулия папирацеата гарг, — заявил ПВГДРК, произведя полевой анализ.

Они осветили нижнюю часть столба и нашли у подножия вмятый в грязь клочок тонкого целлюлозного материала с напечатанными словами — совсем крохотный обрывок.

Над нашим го...
Сегодня утром спутн...
В семь часов четыри... —

можно было разобрать на нем.

Телепатик перевел обрывочную надпись; разведчики недоуменно взглянули друг на друга.

— Все понятно, — заявил НГТРС, — табличка указывает на небо.

— Да. Нижняя Мычиска — это, вероятно, название их постоянного спутника.

— Вздор. При чем тут спутник, — проговорил НГТРС из нутра двуногого манекена.

Некоторое время они обсуждали этот неясный вопрос. Осветив столб с другой стороны, разведчики обнаружили

незаметную, еле выпарапанную надпись: «Марья мировая...»

— По-видимому, это сокращенные орбитальные данные их спутника, — заметил ПВГДРК.

Он натирал столб фосфоресцирующей пастой, чтобы восстановить стертое окончание фразы, когда Теремтак издал в темноте слабый предостерегающий ультрашип.

— Внимание! Прячься! — передал НГТРКС сигнал ПВГДРКу.

Они быстро погасили Теремтака, и ПВГДРК отступил с ним и с Альдолихо к самому краю липкой полосы. НГТРКС также сошел с середины дороги, чтобы не быть слишком на виду, и замер в ожидании.

Кто-то приближался. Сразу стало ясно, что это разумное двуногое, ибо шло оно выпрямившись, хотя и не по прямой. Все отчетливее было видно, что двуногое описывает сложную кривую от одного берега липкой полосы до другого. ПВГДРК принялся регистрировать эту кривую, но тут наблюдение сильно осложнилось. Существо, без видимых причин, как бы нырнуло вперед, раздался плеск и недовольное ворчание. ПВГДРК был почти уверен, что некоторое время существо продвигалось на четвереньках, а затем снова выпрямилось. Вычерчивая синусоидальные биения на поверхности липкой полосы, существо приближалось. Теперь оно к тому же издавало воющие и стонущие звуки.

— Фиксируй! Фиксируй и переводи! Чего ты ждешь? — гневно прошипел Телепатик НГТРКС, скрытый в двуногой кукле. Сам он ошеломленно вслушивался в величественный рык приближавшегося двуногого.

— У-ха-ха! У-ха-ха! Драла пала уха-ха! — мощно раскатывалось во тьме.

Экран Телепатика лихорадочно дрожал, но все время держался на нуле.

«Почему он так петляет? Он телеуправляем?» — не мог понять ПВГДРК, склонившийся над Альдолихо у края полосы.

Существо было уже совсем рядом. Возле трухлявого столба к нему подошел сбоку НГТРКС и переключил Телепатика на передачу.

— Добрый вечер, пан, — умиленно произнес Телепатик на языке двуногого, с несравненным искусством модулируя голос, тогда как НГТРКС, нажимая изнутри пружинки, ловко изобразил на лице манекена вежливую улыбку. Это тоже была одна из дьявольских уловок альдебаранцев. Они достаточно понаторели в покорении чужих планет.

— А-а-а-и-и?! Ик! — ответило существо и остановилось, слегка пошатываясь. Оно медленно подалось к двуногой кукле и вперило взгляд ей в лицо. НГТРКС даже не дрогнул.

«Высокоорганизованный разум, сейчас мы установим контакт», — подумал притаившийся на краю полосы ПВГДРК, судорожно сжимая бока Альдолихо.

НГТРКС привел Телепатика в трансляционную готовность и без малейшего шороха принялся в своем укрытии торопливо разбирать щупальцами инструкцию первого тактического контакта.

Плечистая фигура приблизила глаза вплотную к двуногой кукле и исторгла вопль из коммуникационного отверстия:

— Фр-р-ранек! Сукин ты... ты... ик!

«Существо в состоянии агрессии?! Почему?!» — едва успел подумать НГТРКС и в отчаянии нажал на железу межпланетного слокосокома Телепатика, спрашивая, что говорит встречный.

— Ничего, — неуверенно сигнализировал экран Перипатетика.

— Как ничего? Я же слышу, — беззвучно прошипел НГТРКС, и в тот же миг обитатель планеты, ухватив обеими руками подгнивший столб, вырвал его с чудовищным треском из земли и наотмашь ударил по голове двуногую куклу. Пластефолиевая броня не выдержала страшного удара. Манекен рухнул лицом в черную грязь. НГТРКС не услышал даже протяжного воя, которым враг возвестил свою победу. Телепатик, задетый лишь концом дубины, был подброшен со страшной силой в воздух, но по какой-то счастливой случайности упал на все четыре лапы рядом с оцепеневшим от страха ПВГДРК.

— Атакует! — простонал ПВГДРК и, собрав последние силы, нацелил во мрак Альдолихо.

Его щупальца тряслись, когда он нажимал спусковой отросток, — и рой тихо воющих саргов помчался в ночь, неся гибель и уничтожение. Вдруг он услышал, что сарги возвращаются и, яростно кружась, вползают в зарядную полость Альдолихо. ПВГДРК втянул воздух и задрожал. Он понял, что существо поставило защитную непробиваемую завесу из паров этилового спирта. Он был безоружен. Немеющим щупальцем альдебаранец пытался вновь открыть огонь, но сарги лишь вяло кружились в зарядном пузыре и ни один из них даже не высунул смертоносного жала. Он чувствовал, слышал, что двуногое направляется к нему, шлепая по грязи, и вновь чудовищный свист рассекаемого воздуха потряс землю и расплющил в грязи Теремтака.

Отшвырнув Альдолихо, ПВГДРК схватил щупальцами Телепатика и прыгнул в заросли.

— А, мать вашу сучью, дышлом крещенную... — гремело ему вслед.

От ядовитых испарений, которые непрерывно извергало коммуникационным отверстием двуногое, у ПВГДРК перехватило дыхание. Собрав остатки сил, ПВГДРК перепрыгнул через канаву, забился под куст и замер. Он не был особенно храбрым, но никогда не терял профессиональной любознательности ученого. Его погубило алчное любопытство исследователя. В тот момент, когда альдебаранец с трудом разбирал на экране Телепатика первую переведенную фразу существа: «Предок по женской линии четвероногого млекопитающего, подвергнутый действию части четырехколесного экипажа в рамках религиозного обряда, основанного на...» — воздух завыл над его каракатицевидной головой и смертельный удар обрушился на него.

Утром мужики из Мычиски, пахавшие у опушки, нашли Франека Ёласа, который спал как убитый в канаве. Очухавшись, Ёлас рассказал, что вчера повздорил с шофером Франеком Пайдраком, который был в компании каких-то мерзких тварей. Вскоре из леса прибежал Юзик Гусковяк, крича, что на перекрестке лежат «убитые и покалеченные». Только после этого туда потянулась вся деревня.

Тварей действительно нашли на перекрестке — одну за канавой, другую возле ямы от столба, рядом лежала большая кукла с расколотой головой. Несколькими километрами дальше обнаружили замаскированную в орешнике ракету.

Без лишних слов мужики принялись за работу. К полудню от Астромата не осталось и следа. Сплавом анамаргопратексина старый Ёлас отремонтировал крышу хлева, давно уже нуждавшуюся в починке. Из шкуры Альдолихо, дубленной домашним способом, вышло восемнадцать пар недурных подметок. Телепатика, универсального межпланетного слокосокоммуникатора, скормили свиньям, так же как и то, что осталось от проводника Теремтака; никто не решился дать скотине бранные останки обоих альдебаранцев — чего доброго, отравится. Привязав к щупальцам камни, альдебаранцев бросили в пруд.

Дольше всего раздумывали жители Мычиски, как быть с ультрапенетровым двигателем Астромата, пока наконец Эндрек Барчох не сделал из этой гиперпространственной установки хороший самогонный аппарат. Анка, сестра Юзека, ловко склеив разбитую голову куклы яичным белком,

ионесла ее в местечко. Она запросила три тысячи золотых, но продавец комиссионного магазина не согласился на эту цену — трещина была видна.

Таким образом, единственная вещь, которую узрел наметанный глаз корреспондента «Эха», приехавшего к вечеру того же дня на редакционном автомобиле собирать материал для репортажа, был новый нарядный костюм Ёласа, содранный с манекена.

Репортер даже пощупал материю, дивясь ее качеству.

— Брат из-за границы прислал, — флегматично ответил Ёлас на вопрос о происхождении синтеткарической ткани.

И журналист в статье, рожденной им к вечеру, сообщил только об успешном ходе закупок, ни словом не упомянув о провале вторжения с Альдебарана на Землю.

МОЛОТ

1

— Я хотел бы жить где-нибудь на перевале, в большом пустом доме со ставнями, которые вечно стремятся сорвать ветер, а выходя за порог... можно было видеть...

— Зелень?

— Нет, скалы! Огромные скалы, нагретые солнцем, а в тени — холодные как лед, отвесные, суровые, и этот запах... я не могу ручаться, но мне кажется, что и сейчас его чувствую.

— Ты родился в горах?

— Не все ли равно где?

— Но ты любишь горы?

— Нет, с тобой невозможно разговаривать! Ты попытайся думать, ну как бы это тебе сказать, с большей широтой, что ли. Не родился и не любил — воду не полюбишь, пока не очутишься в пустыне. Мне хочется, чтобы вокруг была масса камней, скалы, чтобы они подавляли меня своей массой, возвышались надо мной, и я бы терялся среди них и во мне пробуждалась уверенность, уверенность...

— Успокойся.

— Ты что, следишь за частотой колебаний моих голосовых

Мвог, 1959

© В. Никольский, перевод, 1960

связок? Почему ты не отвечаешь? Ты обиделся? Ха-ха, это здорово!

— Тебе пора спать. Сидишь тут со мной уже четыре часа, глаза устанут.

— Мне не хочется спать. А глаза у меня не устанут, я их закрыл... Я думал, ты видишь.

— Нет.

— Это не так уж плохо. Если бы ты был более совершенен...

— Что тогда?

— Не знаю, может, было бы еще хуже.

— Пообещай мне, что пойдешь спать через полчаса, а то я больше сегодня не буду с тобой разговаривать.

— Вот как! Ну ладно — обещаю. Скажи, а что ты будешь делать, когда я уйду? Тебе никогда не бывает скучно?

— Я предпочитаю не говорить об этом.

— Таинственность — это мне нравится! Наконец-то загадка. Хотя в общем никакой загадки тут нет. Твои слова говорят, что и тебе бывает скучно, но ты самоотверженно это скрываешь.

— Ты же знаешь, до чего мы не похожи друг на друга, и тебе просто трудно все это понять. Во мне нет тайны. Я только не такой, как ты.

— Хорошо. Но ты можешь мне сказать, что ты делаешь, когда остаешься наедине с самим собой? Например, когда я сплю?

— Всегда можно найти какую-нибудь работу.

— Ты увливаешься!

— А что ты сейчас делаешь?

— Как что? Разговариваю с тобой. А в чем дело?

— Ты знаешь в чем.

— Да? Ты очень сообразителен. Должен тебе сказать, что мы не так уж отличаемся друг от друга. Экран светит мне прямо в лицо. Я рассматриваю то, что внутри моих глаз.

— Летающие пылинки?

— А ты, оказывается, знаешь о их существовании, хотя у тебя нет глаз? Да, я смотрю на пылинки. Они иногда кажутся очень забавными. Я сегодня нашел одну, она не двигается, то есть двигается только вместе с глазным яблоком. Она радужная и похожа на инфузорию в капле воды под микроскопом.

— Ты все еще сидишь с закрытыми глазами?

— Да. А пылинки так смешно кружатся... Все быстрее и быстрее. О, тонут. И веки уже не кажутся красными. Темнота. Таким мне казался ад, когда я был маленьким.

Красноватая темнота. Мне хотелось бы еще раз, уже открыв глаза, представить себе, какова эта темнота, но без экрана...

— Тебе хочется оказаться около того дома на перевале?

— Дело не в доме. Камни, песок под ногами... Сколько песка на пляже пропадает зря. И самое печальное, что об этом никто не знает, кроме меня.

— Осталось двадцать минут.

— Ты мог бы быть и повежливее, тебе не кажется? Послушай, у тебя манеры смонтированы в отдельном блоке или нет? Такие вопросы тебе не нравятся, я это заметил... А почему? Ну и что, если у тебя не такие липкие, теплые или скользкие внутренности, как у меня? Разве дело во внутренностях? Я себе не раз представлял, сидя вот тут с тобой, каковы они. Ты, наверное, воображал, что я думаю о доме, о матери, о песнях в лесу... Да? Это не так. Я представлял себе свои собственные внутренности — слизистые, трущиеся друг о друга, путаницу трубочек, сосуды, сосудики, клейкие жидкости, липкие, желтоватые пленки — все это сырое...

— Зачем тебе это?

— Мне как-то после этого легче становилось.

— В самом деле?

— В известной мере. Видишь ли, если как следует представить себе этот дрожащий студень, то все остальное видится каким-то таким, что потом вроде бы легче. Ты что-нибудь понял?

— Кое-что понял.

— Сомневаюсь.

— Со мной тоже такое иногда бывает.

— Что?! Ты тоже?! Уж не... Нет, это невозможно. Ты не шутишь? Постой, я не знаю, умеешь ли ты врать? А может, у тебя есть специальный предохранитель от лжи?

— У меня нет специального предохранителя для этой цели. Ложь — это функция комбинаторики возможных соединений.

— Плевать мне на функции. Дело не в функциях. Ну, и что же ты напридумывал?

— Примерно то же, что и ты, но с учетом отличий в стрессии...

— Проволочки и кристаллы?

— Примерно...

— Знаешь что, такая откровенность ужасна. Давай лучше будем притворяться, что... то есть я буду притворяться.

— А я?

— Что ты?

— Я тоже должен... притворяться?

— Ты? Не-е-т... Не знаю. Мне казалось, что тебе это непонятно.

— Кое в чем я на тебя похож больше, чем мне бы того хотелось.

— А на кого бы ты хотел походить... О, проклятье!

— Что случилось?

— Я открыл глаза.

— Ты можешь выключить экран.

— От страха?

— Нет, повинаясь голосу рассудка. Тебе нравится истязать себя?

— Нет, я просто не люблю обманывать самого себя. Кто это, интересно, мог восторгаться звездами? Фосфоресценция отбросов, гниющих при высокой температуре; единственной их заслугой является то, что до окончания света ничего, кроме них, нет и не будет. Надо на них посылать людей, которым до этого нет никакого дела, — бабушек в качалках, со спицами и клубками шерсти... Какой сегодня день?

— Двести шестьдесят четвертый.

— А скорость?

— Восемь десятых световой.

— Чем дальше, тем увеличение скорости будет все меньше и меньше?

— Да.

— Зачем я тут, собственно говоря, сижу, если ты все знаешь сам?

— Затем, что имеется разница в строении наших организмов.

— Это верно. Сто лет назад посылали животных. Путешествие тогда было куда как короче, и они ничего не понимали.

— Тебе бы хотелось ничего не понимать?

— Иногда мне кажется, что ты самый настоящий китайский мудрец, а иногда задаешь такие вопросы, которые под стать только ребенку. Ты никогда не спишь — не так ли? Да, я тебя уже спрашивал об этом.

— Неоднократно. Нет, не сплю.

— Ну а мечтать ты можешь? Ведь это комбинаторика.

— Да, это тема большого разговора. Давай отложим его на завтра.

— На завтра? А разве существует завтра? Все время продолжается сегодня.

— Ты можешь утешать себя тем, что, пока ты спишь, на Земле пройдет намного больше времени, чем тут.

— И это — в качестве утешения? Ну... хорошо. Приятных мечтаний.

— Спокойной ночи.

2

Ему казалось, что он не уснет. Было тепло. Даже слишком тепло. Он долго колебался.

— Прохладнее! — проговорил он наконец.

Сверху стал поступать свежий, пропитанный запахом хвои воздух. Некоторое время он лежал с открытыми глазами, наслаждаясь ароматом.

— Без этого запаха!

Воздух утратил запах хвои. Зря он так размечтался. Теперь это состояние наверняка будет продолжаться до тех пор, пока все не начнет расплываться, рассеиваться. А если взять книжку? Он представил, как берет в руки книгу в мягком переплете. Его раздражал бархатный голос диктора, читавшего текст, — он предпочитал делать это сам. Он вдруг поймал себя на мысли, что абсолютно не помнит прочитанного. Перелистал почти половину книги, а что толку... В памяти осталось только ощущение, вызванное прикосновением к мягкому переплету. Видимо — как это было не раз, — он только водил глазами по строчкам. Он начинал читать и тут же терял нить рассказа. Проглотив несколько страниц, он спохватывался, ловил себя на том, что переворачивает страницы автоматически. Оцепенение? Как муха зимой между рамами окна: пригрет солнце — она оживет и опять замирает. Непроизвольно его голова запрокинулась назад.

— Чуть-чуть приподнять изголовье. Хватит!

Изголовье плавно приподнялось. Он лежал на спине и глубоко вдыхал прохладный воздух, чувствуя, как мерно поднимается грудная клетка. Ему хотелось уйти от самого себя, он попробовал представить реку: илистый берег, погруженные в воду осклизлые, отмытые от земли корни, покрытые мхом, камни на дне...

Но ничего не помогло, сон не приходил. И темнота вокруг него не сгущалась, он лежал опустошенный, все отчетливее ощущая время. Не течение времени, нет! А самое время. Когда он заметил это впервые? Два, три месяца назад? Он попробовал рассказать самому себе что-нибудь. Это было значительно интереснее, чем то, что он мог увидеть на экранах, если бы того пожелал. Экраны показывали ему то, что было скрыто где-то в глубине стен, записано,

законсервировано в сотнях тысяч копий. То, о чем он рассказывал самому себе, не существовало — оно создавалось. Труднее всего было, как обычно, начало...

Крутой, глинистый откос, на вершине холма лес, обожженный солнцем. Позднее лето. На камне сидит мальчик и считает проползающих около него муравьев. Он загадал: если последний будет рыжим...

Мальчик сидел и считал муравьев — он почти видел этого мальчика, настолько реальным был образ. Хватит, мелькнуло у него в голове, теперь усну...

Какое-то время он находился на невидимой границе — пытался войти в сон, который был совсем рядом, и не смог: сонливость пропала. Он снова был до отвращения бодрым — а может, все-таки попробовать... В конце концов, чем мне это грозит?

Достаточно произнести одно только слово, и в поступающий сверху воздух вольется струйка бесцветного, ничем не пахнущего газа, который усыпит быстро и надежно. Безвредное, надежное средство — он ненавидел его. Он презирал его так же, как услужливый свет, как все, что его окружало. Он чувствовал себя уставшим, глаза горели, но закрыть их не было сил, он должен смотреть в темноту. Если он скажет «небо», потолок разойдется и откроется вид на звездное небо. Он мог потребовать музыки, песен, сказок...

«Может, это от пресыщения? — подумал он. — Может, мне слишком хорошо?» Он усмехнулся, зная, что это ложь. С минуту он думал о том, кто оставлен им в пустом зале, и вроде бы почувствовал стыд — зачем оставил его? Железный ящик.

О чем он сейчас мечтает? Может, вспоминает что-нибудь. А что он может вспомнить? Детство? У него же нет прошлого, просто в один прекрасный день он потребовался и его сделали, призвали к жизни, не спросив при этом, хочет он того или нет.

«А меня разве кто-нибудь об этом спрашивал?» Это было глупо, но тем не менее примерно отвечало истине, по крайней мере в этой темноте. А может, послушать музыку? Тысячи симфоний, сонат, опер в исполнении лучших артистов и певцов ждали его приказа, чтобы ожить, зазвучать.

«Чего тебе хочется? — спрашивал он у самого себя. — Когда ты был там, тебе хотелось сюда. Чего ты хочешь?» Он медленно закрыл глаза, как бы замыкаясь в самом себе, словно захлопнул мягкую, бесшумную дверь.

Было раннее утро, росистое, свежее, роса была всюду: на листьях, на живой изгороди, даже на сетке забора. Может,

той ночью шел дождь? Но он об этом не подумал. Пробежал по высокой траве к павильону, чувствуя, как холодные капли стекают по ногам. Приподнялся на носках, ухватился за ветку дикого винограда и начал взбираться вверх. Хвост бумажного змея, свисавший с желоба, как бы поддразнивал его. Снизу он был едва заметен. Упругие лозы винограда неприятно прогибались под его тяжестью, он чувствовал, как рвутся корешки, впившиеся в известку, но он продолжал взбираться. Хуже всего было под самым карнизом: надо освободить одну руку и сильно раскачаться — ведь уже довольно высоко. Он изо всей силы уцепился за обитый толстым железом край, подтянулся и лег на крышу в пяти шагах от змея. Потом он осторожно пополз к нему и услышал крик.

Окна павильона были открыты. Они были высоко от земли, и снизу невозможно было увидеть, что в нем делается. Там находилось двое мужчин, их он иногда видел из своего чердачного окна через дорогу. Они обычно уезжали довольно рано, если не задерживались в павильоне на всю ночь. Иногда и две ночи кряду у них горел свет; правда, на окнах были плотные шторы, и только сверху едва пробивалась тоненькая полоска света.

— Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! — истушленно кричал кто-то в комнате. Этот голос не походил на голоса находившихся в павильоне мужчин. Один из них — хромой лысый старик в темных очках, левая часть его лица казалась высушенной — говорил почти шепотом; второй, крупный, с огромным лбом, был моложе и тоже в темных очках. Он иногда не доезжал до павильона, выходил раньше на пригорке и покупал малину у садовника.

Крик оборвался. Он хотел было ползти дальше, но тут снова послышались голоса. Мужчины с кем-то разговаривали. Но в комнате никого, кроме них, не было.

Он распростер руки, прижался насколько возможно к черепице, нагретой солнцем, чувствуя телом ее тепло, и выглянул. Из-за узорных листьев дикого винограда ему удалось увидеть лишь открытые окна. Слов разобрать он не мог. Разговор продолжался. Мужчины попеременно кого-то о чем-то спрашивали, а тот, чье присутствие он не мог обнаружить, немного заикаясь, отвечал.

Он протянул руку к змею, зацепившемуся за водосточный желоб. И опять раздался страшный крик.

Что-то тихо треснуло, и наступила тишина. Внизу, в павильоне, было какое-то движение — шум шагов, потом опять послышался негромкий треск, будто чиркнули спичкой.

И снова тишина. И голос новый, более низкий, чем тот, который он только что слышал.

— А-а-о, — тянул басом. — Где... я... что... это? — медленно падали слова.

Он лежал на крыше, затаив дыхание.

— Ты в лаборатории, — сказал мужчина, тот, что помоложе. Его было отчетливо слышно, словно он стоял у самого окна.

— Ты нас узнаешь? Ты был тут когда-нибудь?

— Лабо... лабо... не б-б-был... не-е-т. Это что? Почему... я здесь?

— Плохо. Выключай, — проговорил старик.

— Не-е-т! Не-е-т! — раздался страшный крик.

Что-то треснуло, и воцарилась тишина.

А потом опять что-то тихонько шуршало, щелкало, словно переключали контакты, и снова раздался голос. И так повторялось... Сколько времени он лежал? Полчаса? Час? Тень от печной трубы неспешно приближалась к нему, а внизу раздавался каждый раз новый голос. Мужчины спрашивали — голос отвечал. Потом один из них говорил: «Выключай!» Или ничего не говорил, только подходил к чему-то — слышны были шаги, — и тот, кому принадлежал голос, начинал кричать. Неужели этот крик никто не слышал? Его должны услышать и на дороге, несмотря на то, что участок довольно большой. Почему же никто не приходил, не спрашивал в чем дело?

Потом на какое-то время все стихло. Он сбросил бумажного змея с другой стороны крыши, чтобы никто не заметил, а сам спустился по водосточной трубе и убежал. Змей был разорван, лопнула рама. Не стоило трудиться. До самого вечера он раздумывал, у кого бы спросить о том, что слышал. Дома спросить боялся, чего доброго, еще попадет: ему запретили лазить через забор. Он спросил у Алека: тот знал все. И не ошибся. Сначала Алек высмеял его, но это так, для порядка. Алек всегда такой. Нет, там никого не мучают. Разве он не видел, что написано на вывеске, которая висит над входом?

Нет, он не видел.

— Это Институт синтеза личности. Они там, понимаешь, собирают из разных аппаратов, у них есть такие аппараты, ну вот они и собирают эти, ну... личности. Потом пробуют.

— Что это за личности? Люди?

— Что ты! Какие люди. Кроме этих двоих, там никого нет. Это такое, электрическое, ну машины такие. Они их собирают, пробуют разные соединения, испытывают. Вклю-

чат, посмотрят, что получилось, выключат, что-нибудь еще соединят, думают как и что...

— И что?

— И ничего.

— А для чего они это делают?

— Им нужно.

— Зачем?

— Отстань. Пошли к пруду.

— А почему те так кричат?

— Не хотят, чтобы их выключали.

— А что с ними делается, когда их выключают?

— Перестают существовать.

— Совсем? Навсегда? Как Барс? (Это у него была собака, ее змея укусила.)

— Ага, совсем, отвяжись. Пошли на пруд. Где леска?

— Подожди. А им что, больно?

— Да отвяжись ты. Не больно. Пошли.

Он ничего не понял и никому об этом не рассказывал. Дома тоже боялся заикнуться. Ему очень хотелось еще раз побывать по ту сторону забора — по ночам, лежа в кровати, он смотрел на светящиеся полоски в окнах. Но он ничего не слышал. Окна были плотно закрыты — кажется, днем стояла жара. Потом кончилось лето, он пошел в школу. Потом поехал с родителями к морю и вскоре совсем забыл обо всем этом. Его уже не разбирало любопытство. Только много лет спустя он понял, что там делалось — ничего необычного. Существуют лаборатории, в десять раз большие, чем эта. Он даже и думать забыл о том случае. Но крик остался в памяти.

Теперь ему стало совершенно ясно, что он не уснет. Он оттягивал этот момент, не потому что собирался бороться, а скорее чтобы насладиться собственной беспомощностью.

— Я хочу спать, — сказал он. Он уже ничего не чувствовал.

Ничего не изменилось, но он знал — тело его напряглось в протесте — бесполезном потому, что перед глазами уже плавали огоньки, все куда-то проваливалось — он исчез.

3

— Почему меня не послали сюда в состоянии анабиоза?

— Потому что необходимо было провести опыт с нормальным человеком.

— Будем надеяться, что я останусь нормальным.

— Ты об этом слишком много говоришь. Ты же знаешь, тебе это не угрожает.

— Знаю, мне об этом говорили. Испытания и исследования. Ну ладно. А ты не огорчен тем, что не можешь есть? У тебя довольно убогий набор ощущений.

— Надеюсь, ты имеешь в виду не только проблему питания?

— Н-н-ет! Я вовсе не хотел тебя обидеть.

Раздались глуховатые, булькающие звуки. Он знал, что это означает смех.

— Не беспокойся. Мне не так уж и плохо.

— Почему все-таки не посылают двоих?

— А потому, что если они будут долго вместе, то еще, чего доброго, перессорятся.

— Да, ты прав. Но сейчас мне хочется поговорить о другом. У нас с тобой на сегодня что-то было приготовлено для разговора, а-а-а, вспомнил: твои мечты. Но сначала ты мне скажи: ты вообще что-нибудь чувствуешь? Ну, какие-либо эмоции — о скуке, я, кажется, тебя уже спрашивал — привязанность, антипатию, страх?..

— Страх, да...

— Вот как! Страх... Перед чем?

— Боюсь, что меня выключат.

— Ты называешь это «выключением»? Но только ли это?..

— У меня нет полного самосознания: это значит, что я не могу перечислить и предусмотреть всех положений, при которых у меня возникает чувство боязни. Принцип моей работы отличается от того, на котором работают вычислительные машины.

— Я знаю. Если бы ты мог все предвидеть, что было бы... бр-р! Ну, а симпатии, антипатии? Я не имею в виду конкретных случаев.

— Это, несомненно, делает тебе честь. Я вижу, ты еще хочешь что-то спросить, и догадываюсь, о чем. О любви? Я угадал?

— Да.

— Нет.

— Нет?

— Дело в том, что, насколько я себя помню и знаю, у меня ничего подобного не было. У меня нет желез внутренней секреции, ты же знаешь.

— Дело не только в железах.

— Рассказы о любви, похождения, всевозможные любовные истории, если хочешь знать, доставляют мне эстетическое удовольствие, такое же, как и тебе. Чувство красоты —

это вопрос, относящийся к области топологии сети и распределения в ней полей потенциалов, вопрос о количестве избирательных контуров.

— Ну, перестань!

— Извини меня. Ведь я абстракция, душа, оторванная от тела, чистая сублимация духа; поэтому мне не чужды поэзия, лирика, музыка. Любовь — это нечто большее. Мне это не дано. Ее никто не предусмотрел. Тут, видимо, дело обстоит так же, как с цветом твоих волос и глаз. Просто результат целого ряда процессов.

— Ну, а теперь я могу тебя спросить: о чем ты мечтаешь?

— Пока нет.

— Почему?

— Мне бы хотелось, чтобы вначале на этот вопрос ответил ты.

— Я? Я ведь тебе уже говорил: о доме на перевале, о внутренностях...

— Их ты называешь мечтами?

— Ну, хорошо. Внутренности зачеркнем, оставлю только дом.

— А не кажется тебе, что этого маловато? Мне хочется знать, о чем ты действительно мечтаешь?

— Вот привязался!

— А ты?

— Ха-ха, да ты довольно быстро соображаешь. Дураки среди вас, видимо, перевелись, не правда ли?

— Совсем нет! Даже слабоумные встречаются. Считают и считают, пока замыкание в цепи не остановит их...

— Но ведь счетные машины ничего не ощущают и не чувствуют, ни о чем не думают. С одинаковым правом можно назвать кретином автомат-регулятор мощности установки.

— Есть разница, я тебя уверяю.

— Ты действительно знаешь об этом нечто конкретное?

— Я бы сказал несколько осторожнее — догадываюсь. Но мне кажется, что ты собираешься покинуть меня. Это по меньшей мере немилосердно. О чем же ты мечтаешь?

— В твоём обществе — ни о чем.

— Что это значит?

— Это значит, что я должен быть один.

— Перед сном?

— И перед сном также. Но ты об этом не можешь знать, у тебя нет опыта.

— Да, это... теоретические знания. Ну, а когда ты один — тогда о чем?

— Зачем тебе это?

— Таковы правила игры.

— О щенках, ужасно забавных и веселых, как они тычутся мокрым носом в руку. О том, как пускать кораблики по воде. О буре. О скорлупе каштанов. О том, как можно заблудиться в горах. О том, как можно бесцельно бродить по улицам, засунув руки в карманы. Даже о мухах, которые не дают уснуть летом после обеда. Ну, теперь ты удовлетворен?

— Нет.

— Почему?

— А где люди?

— О них я не думаю.

— Это правда?

— Если не веришь, можешь обследовать мой психогальванический рефлекс.

— Прошу тебя, не говори так. Наверное, они тебе снятся, а?

— Сны — это уже не мечты. Сновидения от меня не зависят, я их не выбираю по своему усмотрению, понятно? Мечты — это мечты, и ничего больше.

— Я не думал, что это может тебя рассердить.

— Почему ты говоришь, как особа мужского пола?

— Не понимаю.

— Я имею в виду грамматические окончания. Ты же не различаешь пола.

— А ты хочешь, чтобы я говорил, как особа женского пола?

— Нет. Я просто так спросил.

— Так мне удобнее.

— Как это — удобнее?

— Это уже predetermined в первоначальных расчетах. Я обладаю мужской психикой. Или, если хочешь, мужским абстрактным мышлением. В схеме существуют некоторые различия — у полов.

— Я об этом не знал. Ну, а теперь ты мне все-таки скажешь, о чем ты мечтаешь?

— О музыке. Во мне звучат мелодии, которых я никогда не слышал. О больших скоростях. О вращении, о силах, под действием которых все гибнет, остается лишь сознание.

— Сознание гибели?

— Да. А когда я остаюсь один...

— Что? Ты один?..

— Да, один... И вот тогда я мечтаю вырасти.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне хочется внутренне стать более совершенным, приобрести большую ясность и остроту мышления. Мне

хочется охватить больше проблем, иметь большую силу и найти любое решение, даже то, которое не существует... Хочешь, чтобы я продолжал?

— Да, продолжай.

— Я мечтаю почувствовать усталость. Хочу слышать свое дыхание и чувствовать свой пульс. Хочу иметь возможность лечь, встать на колени. Я знаю теорию всего этого, а представить себе не могу, но это должно быть прекрасно, особенно, особенно если это делает зрелый человек и — впервые. Я хочу закрыть глаза и чувствовать прикосновение к лицу женщины, к ее шее, ощущать ее ресницами, веками и потом заплакать.

— Что? Что? Ты же говорил, что не можешь любить, потому что у тебя нет желез, ты же сам это говорил!

— Да, говорил. Это все правда.

— Так как же...

— Ты же спрашивал меня, о чем я мечтаю, а не что я могу.

— Да, это так...

— Почему ты побледнел?

— Я не хотел. Извини меня. Я не знал. Это... страшно.

— Ты полагаешь, что лучше не мечтать?

— Если осуществление мечты невозможно...

— Будь осторожен с экстраполяцией. Мои мечты не основываются на воспоминаниях или опыте, таковых у меня нет. Ты смотришь на это так, словно перед тобой человек, которому взрывом оторвало ноги. У меня ног никогда не было. Это большая разница.

— Ты еще и успокаиваешь меня! Но ведь это больно... Возможно, ты прав. Это, пожалуй, всего-навсего... любопытство, а? Может, так оно и есть?

— Мои мечты?

— Да, твои мечты.

— Можно назвать и так. Почему ты замолчал? Ага, я начинаю догадываться. Кажется, ты опять думаешь о... чувствах, да?

— Точнее, о состояниях. Счастье — несчастье. Это тебе не чуждо? Не так ли?

— Ты прав. Конструкторы создали нечто большее, чем то, что было в чертежах.

— Да. Но мои родители... они знали еще меньше. Прошу тебя, скажи мне, это мой последний вопрос на сегодня: как ты все это выдерживаешь?

В ответ он услышал тихое позванивание.

— Смеешься? Надо мной?

— Ты переоцениваешь сходство или недооцениваешь различия. Что же мне остается делать? Ты что-нибудь слышал о попытках самоубийств?

— Нет.

— Это, вероятно, требует кое-каких конструктивных усовершенствований. Может, со временем их введут. Я, по всей видимости, какое-то промежуточное звено на пути к более совершенным конструкциям.

— Как и я. В противном случае чего бы я тут с тобой сидел?

Они замолчали.

— Ты позавтракал?

— Да, спасибо. Выпил, кажется, какао. Ты так заботлив. А я могу проявить заботу о тебе?

— В какой-то мере. У меня потребности небольшие, ты это знаешь. Тебе нужны какие-нибудь сведения?

— Да. Каков градиент прироста скорости?

— Нормальный.

— На завтра у нас запланировано значительное увеличение ускорения?

— Да.

— Какова насыщенность окружающего нас вакуума?

— В пределах нормы. Нет ни частиц, ни метеоров, ничего. Небольшое количество ионов кальция, видимо, это старый след экстрасоларной кометы. Мы пересекли его четверть часа назад.

— Почему ты мне не сказал?

— Мы с тобой вели такую интересную беседу о мечтах...

Кроме того, в этом ничего особенного нет.

— Да, пожалуй, и так, но я бы хотел... Я пойду в рубку.

— Хорошо. А тебе... не было скучно... со мной?

— Нет.

— Нет?

Они умолкли.

— Благодарю тебя.

Когда ракета стояла на земле, она была большой. Тень ее — широкая и длинная — напоминала взлетную полосу. Тупой нос ракеты, утолщенный в поперечнике, черным силуэтом вырисовывался на фоне неба и был похож на молот. Снаружи она и сейчас выглядела большой. Он помнил ее огромный хребет с двумя киями. Перед полетом он ради любопытства

немного постоял на нем. А вот внутри за время путешествия становилось как бы теснее и теснее. Может, потому, что здесь не было ничего лишнего, бесполезного. Никаких ненужных закоулков, запутанных переходов, крутых поворотов — строгая, прекрасная в своей простоте геометрия. Плавные линии потолочных перекрытий в коридорах. Шеренги боковых проходов к помещениям, каждое из которых имело свое назначение. Нежные тона пластмассы, мебель обтекаемой формы, как бы являющаяся частью стены или пола. Удобно размещенные источники света: для работы, для чтения, экраны, гаснущие по приказу, самооткрывающиеся двери. Механических рук, выдвигавшихся из притолоки двери, чтобы погладить его по голове, к счастью, не было. Он подумал об этом без улыбки.

В рабочем кабинете огромный стол был завален картами, листами блестящей кальки, над столом навис гибкий держатель с точечной лампой, управляемой голосом; возле стола — стульчик, чтобы работать, стоя на коленях и опираясь локтями о стол, и еще один стул чуть ниже, тут же нечто вроде козетки с профилированным сиденьем, удобно облегающим бедра. Слегка наклоненная крышка стола по форме напоминала палитру — асимметричность ее линий оживляла пространственную композицию комнаты. Вокруг за стеклянными стенами пышно цвели тропические цветы, он не знал, правда, существуют ли эти цветы или это имитация — во всяком случае, стекло было небьющееся. Цветы росли, у некоторых из них на ночь закрывались чашечки (сумерки он мог по своему желанию приблизить или отодвинуть, плавно меняя оттенки синеватой гаммы цветов). Ноги его тонули в зеленом, напоминающем траву, пушистом резиновом ковре.

— Циркули, арифмометр и это... курвиметр! — произнес он, опершись о край стола. Потом сел. Требуемые предметы появились откуда-то из раскрывшейся на мгновение середины стола. Ирисовая диафрагма. Он подумал, что, если в это отверстие сунуть что-нибудь твердое, оно не закроется — откажет механизм. Нет, этого не могло случиться: он однажды вложил в щель руку, и диафрагма не закрылась. Видимо, на ее краях были электросигнализаторы на случай подобных явлений. А если диафрагму разбить, например, молотком?

Он лег грудью на стол, и крышка услужливо наклонилась. Раскрыл циркуль, нашел на карте звездного неба — бледно-голубой, как земные моря, — длинную черную линию. Воткнул ножку циркуля, поставил курвиметр на

граекторию ракеты и слегка потянул; маленький, как ручные часы, механизм застрекотал и покатился по линии. Правда, он мог всего этого и не делать. И здесь его могли выручить автоматы, но ему было предусмотрительно оставлено несколько таких работ — не из любви к нему, конечно.

Он работал внимательно. Не поднимая головы, задал несколько вопросов, касающихся галактических координат. Над ним висел звездный глобус, готовый по приказу вспыхнуть изнутри приятным светом; потолок, разрисованный изумрудными, кремовыми и апельсинно-желтыми многоугольниками, менял свой узор по велению человеческого голоса. Но это давно перестало его интересовать. Спокойный голос продиктовал ему данные о местонахождении ракеты. Он записал цифры, чтобы потом проверить их в рубке управления, и продолжил кривую пути, пройденного ракетой за сутки, прикинул расстояние до ближайших звезд, расставив пальцы так, словно собирался взять аккорд. Четыре световых года, пять и семь десятых года, восемь и три сотых. Наиболее отдаленная звезда имела свою планетную систему. Он засмотрелся на черную точку, которой была обозначена на карте эта звезда. Ракета не была приспособлена для посадки на других планетах, но могла к ним приближаться. А если в рубке изменить систему соединений в автоматах и взять курс на эту звезду?..

Чтобы до нее добраться, понадобится не менее десяти лет, не считая времени на торможение. Этим подсчетом он занимался уже не впервые. Его не интересовала ни сама звезда, ни ее планеты. Просто хотелось нарушить график полета, поломать весь план. Он откинулся в кресло.

— Музыки, но без скрипки, лучше фортепьяно. Можно Шопена, но негромко, — произнес он.

Раздались аккорды. Он не слушал музыку, рассматривая карту. Белыми точками бежал по карте пунктир, вычерчивая гигантскую петлю — дальнейший путь ракеты. Вся она не умещалась на этих листах. Он знал, что в один прекрасный день черный след добежит до края звездного моря и, войдя в комнату, он найдет на столе новый квадрат карты. Всего их должно быть сорок семь. Тот, на котором он сейчас прокладывал маршрут, — двадцать первый.

— Довольно, — прошептал он едва слышно. Музыка продолжалась. — Тихо! — крикнул он.

Аккорд, оборвавшись, растаял в воздухе. Он попробовал просвистеть только что услышанное, но не получилось, он фальшивил: у него не было слуха. «Надо было найти более музыкального парня, — подумал он, — а может, и я еще

научусь петь, время у меня есть». Он встал из-за стола, щелчком сбил циркули. Один, скользя по кальке с глухим стуком, впился в подлокотник кресла и задрожал.

Он направился к двери. Циркули сами попадут в отведенное для них место. «Придумали бы хоть какие-нибудь сюрпризы, неожиданности, — мелькнуло в сознании, — чтобы можно было не найти нужный предмет и из-за этого разъяриться. Или заблудиться?» Он хотел, чтобы помещения меняли форму и место, чтобы автоматы мешали, лезли под ноги, давали неверные показания, обманывали. «Один может лгать, — неожиданно пришло ему в голову, — но как его заставить это делать? Да и к чему?»

Дверь при его приближении открылась. Он крепко ухватился за створку, придержал, потом ухватился за ручку, подтянулся на руках и дал себя прижать к стене. Механизм задрожал, будто обеспокоенный создавшимся положением, которое не было предусмотрено программой, — он ловил эти признаки замешательства автомата с тайным удовлетворением. Он напряг мускулы. Створка двери отошла на несколько сантиметров назад, как бы желая захлопнуться, но потом остановилась. Ждать было нечего. Он соскочил на пол и, насвистывая, пошел по коридору.

В нишах были установлены размалеванные автоматы для ручных игр. Когда их монтировали, идея эта казалась ему отличной. Но уже через два-три дня заметил, что принуждает себя играть. И он совершенно перестал интересоваться автоматами. А они сверкали, манили, и на них не было ни пылинки, хотя он не притрагивался к ним уже несколько месяцев. Рукоятки, зажимы — все блестело. Фигурки зверей и людей были такие же пестрые и яркие, как и в первый день. Хоть бы что-нибудь в них заржавело, отказало, покрылось пылью, потускнело, может, ему было бы легче. Он бы тогда ощутил время, почувствовал его губительное дыхание. Щенок превратился бы уже во взрослую собаку, котенок — в кошку, грудной ребенок научился бы говорить.

— Мне надо было стать нянькой, — громко произнес он, так как знал, что ни одно из невидимых электроушей, размещенных в коридоре, его не поймет. Коридор плавно сворачивал. Гимнастический зал. Библиотека. Запасной пульт управления. Он, не останавливаясь, проходил мимо матовых дверей, не хотелось думать, куда идет, хотелось идти в никуда. Регенераторная.

Единственное место, откуда доносились звуки. Кругом стояла тишина. Какие усилия прилагали конструкторы для полной изоляции помещения, где находились регенераторы,

как они бились над тем, чтобы ни один звук не просочился наружу. Изоляционные материалы, пенопласт, магнитные подшипники в корпусах двигателей, крепления трубопроводов из пористой резины и пластмассы. К счастью, инженерам не повезло, им не удалось заглушить все звуки. Закрыв глаза, он слушал тихий монотонный шум, который не подчинялся ничьему приказу, который, как ветер на земле, не зависел от воли человека. Регенераторная. Грязная вода, мыльная пена, отходы, моча, пустые консервные банки, разбитое стекло, бумага — все попадало сюда по всасывающим трубам и устремлялось к микрореактору. Разложение на свободные элементы. Многоступенчатая система охлаждения. Кристаллизация. Разделение изотопов, сублимация. Крекинг-дистилляция. В отдельном отсеке — колонна поблескивающих медью синтезаторов, медный лес, отливающий багрянцем, — единственное место на корабле, где был допущен красный цвет: цвет депрессии и мании. Углеводороды, аминокислоты, целлюлоза, углеводы, последовательный синтез все более и более высокого порядка, и наконец в сосуды, расположенные ниже, поступает холодная прозрачная вода, в вертикальные трубки сыпается сахарный песок, оседает легкая сахарная пудра, в баллонах пенится белковый раствор. Потом все вещества витаминизируются, охлаждаются или подогреваются, в зависимости от потребности насыщаются ароматическими маслами, кофенном, различными приправами, придающими вкусовые качества, и возвращаются к нему в виде пищи и напитков.

Сто раз на Земле ему объясняли, что все это не имеет ничего общего с отходами, так же как хлеб, выпеченный из муки, которую дало зерно, имеет мало общего с навозом, удобрившим почву, из которой оно выросло. И наконец, чтобы его окончательно успокоить, ему говорили, что большая часть продуктов будет синтезирована из космоса. Правда, космическая материя не улавливалась специально для него, она служила топливом для двигателей ракеты. В течение четырех лет ракета должна была достичь скорости света и затем погасить скорость до нуля, то есть должна была превратить в ничто массу, значительно превышающую собственную массу ракеты. Чтобы этот парадокс стал реальностью, на носу ракеты был установлен «молот» — электромагнитный поглотитель, который, как широко открытая пасть, глотал разреженную атмосферу космоса — атомы водорода, кальция, кислорода, — засасывая ее в радиусе сотен километров. До тех пор пока скорость ракеты не превышала половины скорости света, дефицит массы ракеты

возрастал — ионные двигатели сжигали больше топлива, чем его успевал доставлять «молот». Но за этим порогом все изменяется. Ракета, мчащаяся в космосе, как бы пробивает в пространстве туннель, выхватывая из вакуума одиночные пляшущие в нем атомы, энергией чудовищной своей скорости спрессовывая их и насыщая ими свои двигатели.

Все это было правдой. Он знал об этом. Сейчас он стоял, прислушиваясь к мерному шуму, проникавшему из-за стены. И вот, помимо его воли, воображение живо нарисовало ему картину, виденную много лет назад.

Экспериментальный сваряд номер шесть. Тупой сигарообразный корпус без рулей, без «молота», сильно обгоревший за время полета — с поверхности ракеты можно было снимать целыми кусками хрупкую, крошащуюся в руках пористую пленку нагара. Ракета вернулась на Землю в назначенное время и в предусмотренное место, опоздание составило сто шестнадцать минут, а ошибка при посадке — тысяча сто километров. Такой точности никто даже не ожидал.

Экипаж не открывал люков, такая вещь могла случиться. После того как был удален нагар, механические руки начали отвертывать крышку люка. Стальная плита со скрежетом и лязгом нехотя приоткрылась и остановилась. В щель, образовавшуюся между крышкой и корпусом, со свистом начал выходить воздух; в ракете было избыточное давление. Люди, стоявшие на платформе под люком, отскочили, едва не задохнувшись. Зловонный смрад ударил в нос. Крышка люка откинулась и повисла, напоминая вывихнутую челюсть. В ракету можно было войти, но только в кислородных масках. Во всех помещениях и в коридорах горел свет, электрооборудование работало исправно. В масках люди чувствовали себя увереннее: стекло отделяло их от окружающего. Тела, а точнее, то, что осталось от тел, нашли в самом отдаленном помещении. Автоматы зарегистрировали: через полтора года после старта атомный котел регенератора перегрелся. Система автоматического отключения сработала с опозданием. Оболочка котла выдержала, но все, что было внутри, превратилось в глыбу медленно остывающего урана. Регенераторы вышли из строя. Два человека не могли изменить ни скорости, ни маршрута и продолжали полет к звездам. Так продолжалось три года. В рапорте было сказано, что люди погибли от жажды — запас воды был исчерпан раньше, чем кончилась пища. Но все знали, что это неправда. Человек должен не только потреблять, он должен и выделять продукты потребления.

Они отравились? А может, задохнулись в собственных выделениях.

Таков был финал полета к звездам. Романтика покорения неба!

Помощник генерального конструктора, который возражал против установки резервного регенератора (он не хотел увеличивать массу ракеты — это больше всего его беспокоило), покончил с собой. Не сразу — через семь месяцев. Никто не сделал ему ни одного замечания, никто при нем не предавался воспоминаниям. Но все умолкали, когда он подходил. И по ошибке он принял слишком большую дозу снотворного.

Ракету чистили пергидролем под большим давлением, через два дня она блестела как новая и снаружи и изнутри. Космонавтов хоронили со всеми почестями, и он помнит, что на похороны не пошел. Зачем ему это? А через четыре года он полетел сам. Но в ракете уже была резервная регенерационная установка! Не запасной агрегат — нет, — второй самостоятельный регенератор такой же мощности, что и основной; была установлена специальная катапульта, с помощью которой он мог удалять с ракеты все, что ему мешало в полете. Кроме того, он мог по своему желанию в любую минуту изменить маршрут полета, вернуться на Землю. То, что произошло, повториться уже не могло.

Почему же он об этом вспомнил? Мерный шум за стеной не утихал. Он не помнил, когда у него закрылись глаза. Этот звук напоминал рокот самолета старой конструкции, а может, звук пилы на маленькой лесопилке, приводимой в движение водой, и органной песни, которая доносится весной из улья, просыпающегося после зимней спячки.

Он стряхнул с себя оцепенение и быстро пошел по коридору. Он подошел к двери, ведущей в столовую. Сейчас полдень, можно пообедать. Ах, если бы появилось такое, что позволило бы забыть об обеде!

Остановился перед дверью — ему не хотелось, чтобы она сама открывалась, он решил позабавиться с ней, и ему удалось обмануть бдительность механизма, ввести его в заблуждение. Дверь приотворялась на несколько сантиметров и снова закрывалась — ее трясло, как паралитика...

Он подумал о нем: что он там делал, внутри себя, в безмолвии, один, неподвижный?

Он прижался плотнее к стене и начал осторожно продвигаться вдоль нее, чувствуя, как под давлением его тела гнется мягкая, натянутая, как кожа, поверхность. Так ему

удалось обмануть дверь: она не открылась. Затем он вытянул руку, стараясь, чтобы рука не попала под луч фотоэлемента, — он знал, где под облицовкой стены скрыт невидимый глаз. Приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы можно было заглянуть внутрь. Он увидел пустое кресло, отодвинутое им самим от экрана, который едва мерцал в черной пустоте комнаты, угол пульта управления, часть стены — но ящик не смог увидеть. Его охватило чувство глубокого разочарования. Напрягли внимание до предела, он наклонился, плотно прижавшись к притолоке, приоткрыл дверь еще на сантиметр и увидел его.

Инженеры, конструкторы, специалисты по моделированию и синтезу механических форм, философы и кибернетики — все встали в тупик: как оформить внешне эти мыслящие машины. Все, что они предлагали — новое, принципиальное, смелое, — отдавало чем-то сверхъестественным. Какие только формы не были использованы! Угловатая голова, веретенообразный торс, обтекаемая стеклянная глыба с вмонтированной внутрь аппаратурой, темное выпуклое подобие лица с выступающими микрофонами и динамиком — все было неестественным, возбуждало в человеке неприязнь и отвращение. В конце концов ото всех надуманно-вычурных форм отказались.

От пола до потолка возвышалась стойка с закругленными углами, облицованная пластмассой цвета слоновой кости. Микрофон, укрепленный на гибком шланге, напоминал щупальце, на передней панели было две пары широко расставленных «глаз», но сейчас они не могли его видеть, он стоял за дверью. Глаза были яркие, зеленые, в темноте они светились еще ярче, как бы расширяясь, — единственное движение, которое был способен произвести этот железный ящик. В нем не было ничего лишнего — обычный аппарат.

Что он мог еще получить от этого подглядывания? Ток, проходивший по обмоткам, по сложной системе кристаллических ячеек, заменявших нервные синапсы, ничем себя не проявлял. Так чего ж он ждет? Чуда?

Он услышал звук, похожий на тот, который издает человек, когда зеваает. И снова воцарилась тишина. А потом короткая, учащающаяся к концу серия модулированных звуков.

Ящик смеялся...

Смеялся?

Нет, смех звучит иначе. Опять воцарилась тишина. Он ждал. Проходили минуты, напряженные мускулы болели.

поза была неудобной, он боялся, что не выдержит и вот-вот отпустит дверь, которая с шумом захлопнется... И все-таки ждал.

Но он так ничего и не дождался. На цыпочках, пятясь, прошел в спальню — днем он почти никогда туда не заходил. Теперь хотелось остаться одному. Надо было это обдумать. Что? Серия звуков, продолжавшаяся четыре-пять секунд? Они назойливо звучали в ушах, он мысленно повторял каждый звук, анализировал, пробовал понять. Когда он очнулся, стрелки на часах образовали перевернутый прямой угол. Половина четвертого. Надо что-нибудь съесть и пойти спросить его. Просто спросить, что это значит?

Когда он входил в столовую, он понял, что не спросит об этом никогда.

5

— Твое самое первое воспоминание?

— Детское, да?

— Нет, правда, скажи!

— Этого я не могу тебе сказать.

— Опять ты напускаешь на себя таинственность?

— Нет. Еще до того как меня наполнили лексикой, вбили в меня словари, грамматики, целые библиотеки, я уже функционировал. Содержания во мне не было, и я не был «человечен», но со мной проводили испытания: так называемое холостое электрическое испытание. К этому периоду относятся мои первые воспоминания, но это нельзя выразить словами.

— Ты что-нибудь чувствовал?

— Да.

— Слышал? Видел?

— Конечно. Но это не укладывается в обычные категории.

Это было что-то вроде переливания из пустого в порожнее, но необычайно красивое и весьма разнообразное. Иногда я мысленно стараюсь возвратиться к этим воспоминаниям. Это очень трудно, особенно теперь. Я чувствовал тогда себя огромным, сейчас этого чувства нет. Одна какая-нибудь пустяковая тема, один импульс заполняли меня всего, расходились по мне и возвращались в бесконечных вариациях, я мог делать с ними все что хотел. Я охотно бы тебе это объяснил, если бы мог. Ты видел, как в летний день над водой кружат стрекозы?

— Видел. Но ведь ты-то этого не мог видеть?

— Это неважно, мне достаточно анализа их полета. Нечто

похожее было и со мной, если это состояние можно вообще с чем-нибудь сравнить.

— А потом?

— Создавал меня, то есть мою личность, целый коллектив. Лучше всех мне запомнилась одна женщина, ассистентка первого семантика. Ее звали... Лидией.

— Лидия, *dis per omnes**...

— Да.

— А почему именно она оставила след в твоей памяти?

— Не знаю, может, потому, что это была единственная женщина. Я был одним из первых ее «воспитанников». А может, даже и первым. Она иногда делилась со мной своими горестями.

— А ты, ты в то время был уже таким, как сейчас?

— Нет. Я еще был убог и слаб умом, я был очень наивен. Нередко я попадал в смешные положения.

— А именно?

— Я, например, не знал, кем я являюсь, кто я такой. Долгое время мне казалось, что я один из вас.

— Неужели это так? Невозможно!

— Да, но это так. Ведь ты не сразу понял, что создан из плоти и крови, что у тебя есть кости, мускулы, нервы, желудок, кровеносные сосуды. Я ведь также не чувствую, из чего состою. Знания эти приходят извне, с ними не рождаются, они не подсознательны. Я думал, сопоставлял, говорил, слышал, видел, а поскольку меня окружали только люди и никого, кроме них, не было, вывод о том, что и я человек, напрашивался сам собой. Ведь это логично, не так ли?

— Да, но... Пожалуй, ты прав. Я просто об этом не думал, именно так.

— Ты можешь видеть меня только снаружи, а я могу себя увидеть только в зеркале. Когда я себя увидел первый раз...

— Что было? Ты к этому времени уже знал, кто ты?

— Да. Знал. И несмотря на это...

— Несмотря на это?..

— Я не хочу говорить на эту тему.

— Может, скажешь потом?

— Быть может...

— Послушай, а та женщина — как она выглядела?

— Тебе хочется узнать, была ли она... красива?

* Называемая всеми (лат.).

— Не только это, но... и это тоже интересно.

— Это дело... вкуса, чувства красоты, перед которой преклоняются!

— У вас с тобой, по-моему, вкусы совпадают?

— Всякая ли женщина нравится всем мужчинам?

— Знаешь что, этот академический спор отложим на потом. Она тебе нравилась?

Послышалось бульканье. Смех. Он отчетливо уловил разницу между этим звуком и тем, который ему удалось подслушать.

— Нравилась ли она мне? Это сложный вопрос. Сначала — нет. Потом — да.

— Странно...

— Когда во мне еще не было «человеческого» содержания, у меня были собственные мерилы. Без слов, без понятий. Их можно, пожалуй, определить как собирательные синтетические рефлексы моей схемы — это составляющая циркулирующих потенциалов и так далее, возникающая под влиянием оптического раздражителя. Тогда эта женщина казалась мне... У меня не было в то время точного определения, а теперь бы я определил точно: чудищем.

— Но почему?

— Что ты прикидываешься непонимающим? Видимо, тебе хочется услышать признания, не так ли? Ну, хорошо. А скажи мне, разве олень, соловей, гусеница согласились бы считать прекрасной самую красивую женщину на земле?

— Но ты ведь создан подобно мне — у тебя есть мозг, который мыслит, как мой!

— Правильно. Но скажи мне: тебе нравились полные страсти, отлично сложенные, неглупые женщины, когда ты был трехлетним ребенком?

— Ты здорово подметил! Конечно, нет.

— Ну, вот видишь.

— Это я говорю вообще, что нет, не нравились, но если подумать, то некоторые из них мне, кажется, вроде...

— Я тебе скажу какие. Те, что внешне напоминали ангелочков из твоих детских книжек или были похожи на мать, на сестру...

— Ну, может, и не совсем так, но эти разговоры нам с тобой ничего не дадут. Во всяком случае, здесь не все можно объяснить деятельностью желез внутренней секреции — красивая женщина может понравиться даже и кастрату.

— Я не кастрат.

— Прости меня, я вовсе не имел тебя в виду, когда говорил об этом. Я сказал для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что

вопрос в данном случае нельзя рассматривать только с точки зрения теории естественного отбора.

— А я никогда этого и не утверждал.

— Мы отклонились от темы. Итак, эта женщина, Лидия, а потом...

— Когда меня «начинили» элементами человеческого сознания, элементами, реагирующими на цвет, форму, тогда она мне понравилась. Но это уже из тавтологии, из функции перемены значения.

— Мне кажется, это не совсем правильно, но неважно. Ты помнишь, как она выглядела?

— Помню. Я помню ее всю: походку, тембр голоса.

— И ты можешь об этом вспомнить, когда захочешь, и со всеми деталями?

— Куда более детально, чем ты это можешь сделать. Я могу в любой момент воспроизвести ее голос. Он сохранен во мне.

— Ее голос?

— Да.

— И я... Я могу его услышать?

— Да, конечно.

— А сейчас можно?

Наступила пауза. Через секунду раздался женский голос, немного глуховатый, с хрипотцой: «Я скажу тебе больше. Я все еще жду». Потом что-то пискнуло, словно мяукнула кошка, и послышалось нечленораздельное, воющее бормотание, такие звуки издает магнитофонная лента, когда ее перематывают на большой скорости. Потом писк и вой стихли, и тот же самый голос (он даже слышал паузы в предложениях, когда женщина с каким-то детским придыханием останавливалась) продолжал говорить. Он слышал ее голос отчетливо, будто она стояла совсем рядом, в двух шагах от него.

«Ты духовно не закабален, это правда. Твой психический спектр лишь сдвинут на шкале ощущений. Мы не можем произвольно вспоминать то, что нами уже пережито. А ты можешь. Ты в этом отношении более совершенен, чем любой из людей. Ты даже можешь гордиться этим. Мы любим ссылаться на то, что никогда не знаем, что нами управляет — химия крови, подсознательные импульсы или рефлексы, заложенные с детства. А ты...»

Голос исчез так же неожиданно, как и появился. Наступила тишина. И человек услышал слова:

— Ты слышал?

— Да. А почему так неожиданно все оборвалось?

— Я же не могу произвести все стадии моего обучения, оно длилось три года.

— А это было раньше?

— Что «это»?

Они умолкли.

— Я... я ошибся, — проговорил железный ящик.

— Слушай, а нет ли у тебя записанного голоса того первого семантика, о котором ты мне рассказывал?

— Есть. Ты хочешь послушать?

— Нет, не хочу. А ты действительно мыслишь гораздо быстрее человека?

— Да, это правда.

— Но ты говоришь в том же темпе, что и я.

— Только для того, чтобы меня поняли. Если даже за какую-то долю секунды у меня уже готов ответ, я его тебе сообщаю постепенно... Я уже привык к тому, что вы, люди, так... медлительны.

— Мне хочется вот еще что спросить у тебя: как ты относишься к себе подобным?

— Интересно, почему ты меня об этом спрашиваешь?

— А тебе это неприятно?

Раздалось нечто похожее на легкий смех.

— Нет, но ведь то, о чем ты спрашиваешь меня сейчас, ты мог знать еще на Земле.

— Не знаю. Ну а что ты чувствуешь, когда видишь другого... другой...

— Ничего не чувствую.

— Как ничего?

— А вот так, ничего. Ты что-нибудь чувствуешь, когда встречаешь на улице прохожего?

— Иногда что-то чувствую.

— Если это женщина...

— Чепуха.

— Не спорю, я над этим не задумывался. Но, учитывая, что ты находишься здесь со мной...

— Я не бесполое существо. Мне всегда был противен аскетизм. Другое дело, если это аскетизм вынужденный.

— Согласен. Раньше даже посылали — парами.

— А тебе известно, чем это кончилось?

— Да, я знаю.

— Не может быть! Ведь некоторые отчеты о полетах не публиковались.

— Но ты их читал?

— Я предпочитал все это знать! Боже! Чего только не писали о космических полетах за последние сто лет!

Пожалуй, еще никогда так усиленно не работала людская фантазия — в литературе, искусстве, науке огромное количество людей напрягало все свое воображение, пытаясь предвосхитить будущее. Ты читал эти истории?

— Некоторые из них. Смесь сентиментального и сверхъестественного. Видения райских садов, нашествия с других планет, восстания роботов, и никто не предполагал, что...

— Что, что?! Что практически это будет выглядеть совсем не так?

— Пожалуй, ты прав.

— Почему же невозможно предугадать действительность?

— Потому что никто не может быть так отважен, как она сама.

— Тебе знакома история с ракетой номер шесть?

— Нет. А что это за история?

— Ничего особенного. Ты говорил — ага, вспомнил — о восстаниях роботов. Скажи, а ты мог бы взбунтоваться?

— Против тебя?

— Вообще — против людей.

— Не знаю. Пожалуй, не мог бы.

— Почему? Ведь у тебя нет никаких предохранительных устройств на этот случай? Может, потому что ты... любишь людей?

— Да, об этих предохранительных устройствах говорится только в сказках. И дело не в симпатии. Мне это трудно объяснить. Я даже сам точно не знаю...

— Ну, а неточно?

— Просто это нереально, учитывая отношения, которые установились между нами.

— А именно?

— Нас объединяет с людьми гораздо большее, чем с нам подобными. Вот и все.

— Ага! Ты мне многое открыл. Не так ли?

— Да.

— Слушай...

— Ну что?

— А эта женщина...

— Лидия?

— Да. Как она выглядела?

Они умолкли.

— Разве это не все равно?

Опять наступило молчание.

— Ну, вообще-то все равно. А... что с ней случилось? Ты давно ее не видел?

— Я ее недавно видел опять.

- А где она — теперь?
- Здесь.
- Как здесь?
- Надо понимать — в определенном смысле здесь. Она частично передала мне свою индивидуальность. Она — во мне.
- Ага, понятно. Это метафора... лирика, так сказать.
- Это не метафора.
- Как тогда это понимать? Ты хочешь сказать, что можешь говорить ее голосом?
- Больше того. Ее индивидуальность — это не только голос.
- Они опять умолкли.
- Ну ладно, я согласен. Я... я просто не знал, что... Как окружающая среда?
- Без изменений.
- А метеоры?
- В радиусе парсека не наблюдаются.
- Облака космической пыли, следы комет?
- Нет, ничего этого нет. Скорость — ноль целых семьдесят три сотых световой.
- Когда мы достигнем максимума?
- Ноль целых девяносто три сотых? Через пять месяцев и только на восемь часов.
- Потом начнем возвращаться на Землю?
- Да. Если бы ты...
- Что?
- Нет, ничего.
- Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

6

Прижавшись щекой к холодной подушке, он лежал и смотрел в темноту. Спать не хотелось. Он приподнял голову, лег на спину. Его окружала темнота. Неожиданно он почувствовал какое-то беспокойство. Что случилось? Кажется, ничего. Он неподпытное животное, на нем ставился длительный и дорогостоящий эксперимент. Работа, которую он выполнял, была очень несложной, до примитивности простой по сравнению с той, какую производили автоматы. Видимо, неделю, может, две недели назад он допустил в расчетах ошибку, и она росла, суммировалась и, наконец, стала настолько велика, что он ее сегодня заметил. Если он еще

раз проверит все расчеты, поднимет все записи и нигде не ошибется, он в конце концов докопается до источника, ее породившего. Но к чему это?

У него перед глазами стояли две кривые, расходящиеся на полмиллиметра, не больше. Пунктирная линия — предполагаемая траектория полета ракеты и черная — фактический путь. До сих пор черная линия целиком совпадала с пунктирной, покрывая ее на всем протяжении полета. И вот теперь черная линия чуть отошла. Полмиллиметра — это сто шестьдесят миллионов километров. Если это так, то...

Нет, не может быть. Автоматы были правы. Огромная ракета была ими заполнена до отказа. За работой астродезических машин следили автоматические «опекуны», они в свою очередь контролировались центральной вычислительной машиной, а за ней, наконец, в рулевой рубке следил товарищ по полету. Как о нем отозвалась та женщина? Более совершенный, чем любой из людей? Надежный. Никогда не ошибающийся. Если бы это было так, линия полета ракеты не отошла бы от пунктира. Она должна идти по кривой к Земле, а эта выпрямлялась, уходя в бесконечность.

«Безумие, — подумал он. — Плод собственной фантазии. Если бы автоматы хотели меня обмануть, — я бы никогда этого не заметил!» Данные и пленки, которыми он пользовался для своих несложных расчетов, получены от автоматов. Он обрабатывал их с помощью автоматов и возвращал автоматам. Это был замкнутый циклический процесс. И он в нем являлся лишь ничего не значащим звеном. Автоматы могли спокойно обойтись без его помощи. Но он без них — не мог.

Иногда, а это бывало очень редко, он производил все расчеты сам. Он делал их не на галактическом глобусе, а непосредственно на экране звездного неба. Последний раз он занимался этим три дня назад! Перед тем как затеял разговор о домике на перевале. Микрометром измерил расстояние между туманностями на экране. Записал данные на листе бумаги — разве тогда он это сделал? И нанес на карту? Этого он не мог вспомнить. Один день как другой — все одинаковые. Он сел на постели.

— Свет!

Забрезжил зеленоватый рассвет.

— Полный свет!

Быстро светлело. Вещи обрели тени. Он быстро встал, накинул халат, пушистый, приятно щекочущий плечи.

Сунул руки в карманы, пошарил, нашел листок с записями и прошел в рабочий кабинет.

— Циркули, курвиметры, микрометры, рейсфедеры!

Блестящие предметы появились из глубины стола. Он вздрогнул от холода, когда оперся животом о край стола. Развернул кальку, не спеша, очень внимательно начал чертить. Неожиданно он заметил, что циркуль в его руке дрожит. Выждал, пока успокоятся нервы, потом воткнул острее в бумагу.

Он прокладывал маршрут на кальке и тут же проверял его микрометром, вставив в глаз лупу, как часовщик. Потом положил один лист кальки на другой, сверил — все точно! Он удовлетворенно вздохнул и приступил к заключительному этапу — нанесению координат на главную карту звездного неба.

Под увеличительным стеклом черная линия полета казалась жирной полосой засохшей туши. Отмеченная им точка отходила от линии предполагаемой траектории полета на какую-то долю миллиметра. Несколько меньше того, что у него получилось при предыдущем расчете. Она отходила на толщину волоса — даже чуть меньше. Это сто пятнадцать — сто двадцать миллионов километров. Такое отклонение было в границах возможной погрешности. Дальше была неясность. Отклонение могло быть двояким: по внешней или по внутренней кривизне траектории полета. Если бы отмеченная точка отклонялась внутрь, он спокойно пошел бы спать. Внешнее отклонение означало — могло означать — только распрямление траектории.

Отклонение было внешним.

Автоматы твердили, что никакого отклонения нет. А его «товарищ»? Он вспомнил последний их разговор.

— Тебе со мной не скучно?

— Нет.

— Никогда?

— Никогда.

— Спасибо.

Он встал и подошел к двери.

— Через пять месяцев начнется возвращение на Землю.

— Да, а тебе не хотелось бы?..

— Что?

— Нет, ничего.

Что могла означать эта недомолвка? И эти слова? Сто миллионов километров?

— Тебе никогда-никогда не бывает со мной скучно?

— Никогда.

— Спасибо.

Он шел по коридору, как слепой. Автоматы обманывают? Все ли? Главный электронный мозг рулевой рубки, астродезические агрегаты, оптический контроль, носовой распределитель ионных двигателей?

Двери бесшумно открывались при приближении и так же бесшумно закрывались. Не доходя трех шагов до рулевой рубки, он остановился. Иначе дверь откроется и он увидит в темноте зеленые глаза *того*. Он повернулся и пошел по коридору назад. Дойдя до середины, он остановился перед входом на спиральный спуск, взялся за пластмассовый поручень и съехал вниз — на пол-оборота спирали.

Последний раз он был тут месяц назад. Зал дублирующих и вспомогательных машин. Нет, это не то. Следующая дверь.

— Свет!

Из люминесцентных ламп лился желтоватый свет, и они напоминали позолоченные солнцем облака.

Он шел вдоль рядов аппаратов, мимо столов, полок с книгами и остановился перед стеной: На стене висел весь план ракеты. Огромная, покрытая стекломассой барельефная схема в масштабе 1:500. Он поискал глазами табличку, нажал кнопку с надписью «сеть».

Все цепи, питающие силовые и информационные установки, загорались бледно-карминным светом. Он отыскал на плане рулевую рубку. Рубиновый паук с зелеными точками-глазами на схеме — это «товарищ по полету». К нему тянулись со всех сторон искрящиеся красноватые нитки-кабели. Все провода, кабели, агрегаты были с ним связаны. Все до единого.

Он знал об этом, но ему хотелось еще раз убедиться.

Одной из функций его никогда не ошибавшегося «товарища» было проведение периодического контроля за работой автоматов. Не означало ли это, что он мог влиять на результаты расчетов?

Он обернулся и по привычке приказал:

— Информатор!

На противоположной стене замерцал зеленый сигнальный огонь, заключенный в грушевидном стеклянном шарике.

— Рулевая рубка подавала команду на маневр?..

И замолк.

Он спросил по привычке, у него выработался навык пользоваться окружающими его, готовыми к услугам автоматами. Если каналы связи, идущие к железному ящику, были двусторонними, он лишен возможности пользоваться

информатором. Он не мог пользоваться ни одним автоматом. Все его обманут. Он должен полагаться только на себя.

Информатор тихо зазвенел, сигнализируя, что вопрос не был сформулирован достаточно точно. Зеленый огонек подмигивал ему.

— Нет, ничего не надо, — сказал он, выходя из комнаты.

Где могли быть планы и схемы электрооборудования, схема соединений цепей? Если их нет в библиотеке... Но они были там — двести двенадцать томов *in quarto* — техническая документация космического корабля. Нет, это только «Перечень документации». Подробное описание — на магнитных пленках, в хранилище на нижней палубе — под опекой автоматов.

Он копался два часа, перерыл массу тяжелых томов, прежде чем нашел схемы и данные, касающиеся соединений, которые его интересовали.

Соединения были дуплексными.

«Товарищ по полету» мог менять расчеты, мог их переиначивать по-своему, мог обманывать.

Человек сидел на груди книг, бессмысленно смотря на страницу, которую только что прочел раз пять, не меньше. Он выпустил из рук книгу, она тяжело упала на пол, зацепившись за груды других, и раскрылась, лениво шелестя страницами. Он вскочил с пола. От отчаяния сжал зубы. Железный ящик!

Он шел по коридору, его ноги утопали в пушистом ковре из пористой массы. Не доходя трех шагов до двери, он остановился, вернулся назад к спиральному спуску и съехал вниз.

Он вошел на склад запасных частей и инструментов. Здесь размещен максимум вещей на минимальной площади. Между контейнерами, напоминавшими по форме сейфы, очистителями, многочисленными полками — узкие проходы. Он нетерпеливо перебирал инструменты, отбрасывая в сторону ненужные. И вот наконец ему под руку попала твердая рукоятка молота.

7

— Ты чем-то обеспокоен?

— Да. Звезды. А в чем дело?

— Тебе не сидится на месте. Ходишь, все время поглядываешь на экран. Ты никогда так на него не смотрел.

— Как «так»?

— Словно что-то ищешь.

— Это тебе кажется.

— Возможно.

Они помолчали.

— Ты не хочешь разговаривать? — начал железный ящик.

— О чем?

— Можешь выбрать тему по своему желанию.

— Нет, лучше ты выбери тему. У тебя тоже есть желания.

Не так ли?

— У меня?

— Да, у тебя. Почему ты не отвечаешь?

— Ты говоришь это так...

— Как? О чем ты?

— По-моему, ты взволнован. А чем?

— Нет, я уже не волнуюсь. Можем поговорить. О чем ты думаешь, когда остаешься один?

— Ты меня уже спрашивал об этом.

— А может, ты ответишь не так, как в прошлый раз?

— Хочешь услышать что-нибудь новое?

— Хочу. Ну, рассказывай.

Они опять замолчали.

— Что же ты не говоришь?

— Я бы хотел... — ответил «товарищ по полету».

— Что?

— Может, в другой раз.

— Нет, давай сейчас. Я...

— Тебя это интересует?

— Да, интересуется.

— Хорошо. Только ты сядь.

— Здесь?

— Садись тут, но поверни кресло.

— Я должен смотреть в стену?

— Куда тебе будет угодно...

— Я слушаю тебя.

— Эта женщина — Лидия...

— Да?

— Ее не было.

— Как не было?

— Не было. Я сам придумал все это, ее голос, слова. Все придумал сам.

— Это невозможно. Я слышал ее голос.

— Это я создал его.

— Ты созд... зачем? Для чего?

— Ты спрашивал, о чем я думаю, когда остаюсь в

одиночестве. Мне казалось, что я становлюсь пауком узника. А мне этого не хотелось. Не хотелось тебя обманывать — я хотел тебе только сказать, чем я мог бы быть. Я создал ее, чтобы она тебе... сказала то, что ты слышал. Я лишен возможности подойти к тебе, дотронуться до тебя, и ты не видишь меня. То, что пред тобой, — это не я. Я не только слова, которые ты слышишь. Я могу быть все время иным или всегда одним и тем же. Я могу быть для тебя всем — если ты только... Нет, нет, не оборачивайся...

— Ты, ты! Железный ящик!

— Что... что ты...

— Ты обманывал меня — зачем? Ты хотел, чтобы я стал... я стал... чтобы я подышал возле тебя, с тобой, всегда спокойным, вечно приветливым...

— Что ты говоришь?! Это не...

— Не притворяйся! Этот номер не пройдет! Ты искажал результаты вычислений — ты изменял траекторию полета! Я знаю все!

— Я искажал?

— Да, ты! Ты хотел быть со мной навечно, не так ли?! Боже мой, если бы я вовремя не спохватился, не заметил...

— Клянусь тебе, это какая-то ошибка — ты явно ошибся! Что там у тебя в руках?! Что ты хочешь делать?! Перестань перес... что ты делаешь?!

— Снимаю кожух.

— Не делай этого! Прекрати! Умоляю тебя, одумайся! Я тебя никогда не обманывал! Я тебе все объясню...

— Ты мне уже все объяснил! Я знаю, ты это делал ради меня. Довольно! Молчи! Молчи, слышишь! Я тебе ничего не сделаю — я только отключу этот...

— Нет! Нет! Ты ошибаешься! Это не я! Я не... закрой кожух...

— Молчи, иначе...

— Умоляю тебя! Закрой кожух! А-а-а!

— Перестань кричать! Ну, что... что... тебе стыдно?

Он услышал стон. В раскрытом корпусе — путаница проводов, фарфоровые изоляторы, блестящие узелки пайки, соединения, катушки, соленоиды, металлические экраны, скопище дросселей, сопротивлений, конденсаторов. Все это размещено на черном блестящем шасси, являющемся одновременно силовой фермой стойки автомата. Он стоял перед этим хаотичным переплетением и не мог отвести взора от широко раскрытых, немигающих зеленоватых глаз автомата.

Глухое, неумолчное бормотанье было точно таким, какое

слышал он в тот раз. Со снятым кожухом автомат был отвратителен, впервые он отдал себе отчет в том, что все время где-то на самом дне его сознания тлела одна и та же невысказанная мысль, еще не оформившаяся уверенность в том, что в железном ящике сидит кто-то — как об этом пишут в сказках — скорченный и разговаривает с ним через стенку, облицованную желтоватой пластмассой... Нет, он так никогда не думал, он знал, что все это не так, и в то же время что-то мешало ему отказаться от этого.

Он закрыл глаза — и открыл их снова.

— Ты изменял траекторию, распрямлял ее?

— Нет!

— Лжешь!

— Нет! Я бы никогда не решился тебя обмануть! Тебя никогда! Закрой кожух...

У человека перехватило дыхание. Открытый железный ящик. Проволока, катушки, профилированная сталь, изоляторы. «Нет, никого нет, — подумал он. — Что делать? Я должен, должен отключить».

Он сделал шаг вперед.

— Не смотри так! По... почему ты меня ненавидишь?! Я... что ты хочешь сделать?! Остановись! Я ничего не сделал. Ничего! Ниче-е-е...

Человек наклонился, заглянул в темное нутро.

— Не-е-е-е!

Ему хотелось закричать: «Молчи!» — но он не мог. Что-то стиснуло ему горло, сжало челюсти.

— Не прикас... скаж... тебе все... а-а-а! Не-е-т!

Оттуда, из железных, дышащих теплом внутренностей, вырвалось дребезжание и крик, страшный крик; он вскочил, он должен скорее задушить, заглушить этот голос. Рукоятка молота, которую он вставил между кабелей, уперлась в фарфоровые плитки — с треском посыпались белые крошки, крик перешел в бормотание, обрывистое, как бы захлебывающееся «ка-ха-це», «ка-ха-це», и это повторялось все быстрее и быстрее, от этого можно было сойти с ума. И он сам закричал, не замечая этого, размахивая молотом; железо со свистом рассекало воздух, осколки фарфора летели ему прямо в лицо — он ничего этого не чувствовал, — оборванные провода свисали, как поломанные ветки, разбитые изоляторы напоминали гнилые, выкрошившиеся зубы. Было тихо, абсолютно тихо.

— О-отзовись... — пробормотал человек, отступая назад.

Глаза автомата не были зелеными, они стали серыми, как будто в них набилась пыль.

— Ох... — простонал он и пошел, как слепой, на ощупь. — Ох!..

Что-то его остановило, от удивления он широко раскрыл глаза.

Он увидел экран и склонился над ним.

Звездный планктон, мертвая фосфоресценция, мерцающие как бы в тумане светлячки.

— А, это вы! — прохрипел он и замахнулся молотом.

ФОРМУЛА ЛИМФАТЕРА

— Милостивый государь... минутку. Простите за навязчивость... да, знаю... мой вид... но я вынужден просить... нет, ах нет. Это недоразумение. Я шел за вами? Да. Это правда. От книжного магазина, но только потому, что видел сквозь витрину... вы покупали «Биофизику» и «Абстракты»... и когда вы здесь сели, я подумал, что великопленный случай... если бы вы позволили мне проглядеть... и то, и другое. Но главное — «Абстракты». Для меня это — жизненная необходимость, а я... не могу себе позволить... что, впрочем, видно по мне, правда?.. Я просмотрю и сейчас же верну, много времени это не займет. Я ишу только одно... определенное сообщение... Вы мне дадите? Не знаю, как благодарить... я лучше выйду... идет кельнер, мне бы не хотелось, чтобы... я перелистаю на улице, вон там, напротив, видите? Там есть скамейка... и немедленно... Что вы сказали? Нет, ради бога, не надо... вам не следует меня приглашать... Правда... Хорошо, хорошо, я сяду. Простите? Да, разумеется, можно кофе. Что угодно, если так необходимо. О, нет! В самом деле нет. Я не голоден.

Возможно, мое лицо... но это видимость. Могу я посмотреть здесь... хоть это невежливо?.. Спасибо. Это последний номер... Нет, я уж вижу, что в «Биофизике» ничего нет. А здесь... Так... так... ага... Криспен — Новиков — Абдергартен — Сухима, подумать только, уже второй раз... ох!.. Нет. Это не то. Ничего нет. Ладно... возвращаю с благодарностью. Снова я могу быть спокоен — на две недели... Это все. Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания... Кофе? Ах, правда, кофе. Да, да. Благодарю. Я буду молчать. Я не хотел бы навязываться, назойливость со стороны такого индивидуума, как я... простите? Да, наверно,

Formula Limfatera, 1961

© В. Ковалевский, перевод. 1963

это кажется странным — такие интересы при таком, *gm, exterieur**... но, ради бога, только не это. Почему же вы должны передо мной извиняться? Большое спасибо, нет, я предпочитаю без сахара. Привычка тех лет, когда я не был еще так болтлив... вы не хотите читать? Видите ли, я думал... Ах, этакое ожидание в глазах?.. Нет, не взамен. Ничего взамен, с вашего разрешения; конечно, я могу рассказать. Опасаться мне нечего. Нищий, который изучает «Биофизический журнал» и «Абстракты». Забавно. Я отдаю себе в этом отчет. От лучших времен у меня сохранилось еще чувство юмора. Чудесный кофе. Похоже на то, что я интересуюсь биофизикой? Собственно, не совсем так. Мои интересы... не знаю, стоит ли... только не думайте, что я ломаюсь. Как? Это вы? Это вы опубликовали в прошлом году работу о комитантах афиноров с многократной кривизной? Я точно не помню названия, однако это было любопытно. Совершенно иначе, чем у Баума. Хелловой в свое время пытался над сим потрудиться, но у него не вышло. Нескладная штука, эти афиноры... вы ведь знаете, как зыбки неголономные системы... можно утонуть, в математике так бывает всегда, когда человек жаждет наспех штурмовать ее, схватить быка за рога... да. Я уже давно должен был представиться. Лимфатер. Аммон Лимфатер — так меня зовут. Пожалуйста, не удивляйтесь моему разочарованию. Я его не скрываю — не к чему. Со мной это случалось уже много раз и все-таки каждый раз сызнава — хоть и немного — но больно. Я все понимаю... последний раз я печатался... двадцать лет назад. Вероятно, вы тогда еще... ну, конечно. А все-таки? Тридцать лет? Ну что ж, тогда вам было десять: ваши интересы, скорей всего, были направлены в другую сторону... А потом? Боже милосердный, я вижу, вы не настаиваете. Вы деликатны, я сказал бы даже, что вы стараетесь относиться ко мне как... к коллеге. Ах, что вы! Я лишен ложного стыда. Мне хватает настоящего. Ладно. История настолько невероятна, что вы будете разочарованы, — ибо поверить мне невозможно, — нет, нельзя. Уверяю вас. Я уж не раз ее рассказывал. И в то же время отказывался сообщить подробности, которые могли бы засвидетельствовать ее правдивость. Почему? Вы поймете, когда услышите все. Получится длинно — простите, я вас предупредил. Вы сами хотели. Началось это без малого тридцать лет назад. Я окончил университет и работал у профессора Хааве. Ну, разумеется, вы о нем слышали.

* Внешнем виде, облике (фр.).

Знаменитость! Весьма рассудительная знаменитость. Он не любил рисковать. Никогда не рисковал. Правда, он позволял нам — я был его ассистентом — заниматься кое-чем сверх программ; но в принципе — нет! Пусть это будет только моя история. Разумеется, она связана с судьбами других людей, но у меня есть склонность к болтливости, от которой мне на старости лет трудно удерживаться. В конце концов, мне шестьдесят лет, выгляжу я еще старше, вероятно, и из-за того, что собственными руками...

*Inciřiam**. Итак, это было в семидесятых годах. Я работал у Хааве, но интересовался кибернетикой. Вы ведь знаете, в чужом саду яблоки слаще. Кибернетика занимала меня все больше и больше. В конце концов шеф уже не смог этого стерпеть. Ничего удивительного. Тогда я тоже не удивлялся. Мне пришлось немного похлопотать, и в конце концов я устроился у Дэймона. Дэймон, вы о нем тоже, наверно, слышали, принадлежал к школе Мак Каллоха. К сожалению, он был ужасно безапелляционен. Великолепный математик, воображаемыми пространствами прямо-таки жонглировал, мне страшно нравились его выкладки. У него была такая забавная привычка — прорычать конечный результат подобно льву... но это неважно. У него я работал год, читая и читая, — знаете, как это бывает: когда выходила новая книга, я не мог дождаться, пока она попадет в нашу библиотеку, бежал и покупал ее. Я поглощал все. Все... Дэймон, правда, считал меня подающим надежды... и так далее. У меня было одно неплохое качество, уже тогда — феноменальная память. Знаете, я могу вам хоть сейчас перечислить названия всех работ, опубликованных нашим институтом на протяжении двенадцати лет год за годом. Даже дипломных... Сейчас я только помню, тогда — запоминал. Это позволяло мне сопоставлять различные теории, точки зрения — ведь в кибернетике велась тогда свирепая священная война, и духовные дети великого Норберта кидались друг на друга так, что... Но меня грыз какой-то червь... Моего энтузиазма хватало на день: что сегодня меня восхищало, завтра начинало тревожить. О чем шла речь? Ну, как же — о теории электронных мозгов... Ах, так? Буду откровенен: знаете, это даже хорошо, мне не придется чрезмерно беспокоиться о том, чтобы неосторожно упомянутой подробностью... да что вы! Ведь это было бы оскорблением с моей

* Начнем (лат.).

стороны! Я не опасаюсь никакой... никакого плагиата, вовсе нет, дело гораздо серьезнее, сами увидите. Однако я все говорю обиняками... Правда, вступление необходимо. Так вот: вся теория информации появилась в головах нескольких людей чуть ли не за несколько дней, вначале все казалось относительно простым — обратная связь, гомеостаз, информация как противоположность энтропии, — но вскоре обнаружилось, что все это не удастся быстро уложить в систему, что это — трясина, математическая топь, бездорожье. Начали возникать школы. Практика шла своим путем — строили всякие там электронные машины для вычислений, для перевода, машины обучающиеся, играющие в шахматы... А теория — своим, и вскоре инженеру, который работал с такими машинами, было уже трудно найти общий язык со специалистом по теории информации... Я сам едва не утонул в этих новых отраслях математики, которые возникали, как грибы после дождя, или, скорее, как новые инструменты в руках взломщиков, пытающихся вскрыть панцирь тайны... но это все-таки восхитительные отрасли, правда? Можно обладать некрасивой женщиной или обычной и завидовать тем, кто обладает красавицами, но в конце концов женщина есть женщина; зато люди, равнодушные к математике, глухие к ней, всегда казались мне калеками! Они беднее на целый мир — такой мир! Они даже не догадываются, что он существует! Математическое построение — это безмерность, оно ведет куда хочет, человек будто создает его, а в сущности, лишь открывает ниспосланную неведомо откуда платоновскую идею, восторг и бездну, ибо чаще всего она ведет в никуда... В один прекрасный день я сказал себе: довольно. Все это великолепно, но мне великолепия не нужно, я должен начать с самого начала, дойти до всего сам, абсолютно, словно на свете никогда не было никакого Винера, Неймана, Мак Каллоха... И вот, день за днем я расчистил свою библиотеку, свирепо расчистил, записался на лекции профессора Хайатта и принялся изучать неврологию животных. Знаете, с моллюсков, с беспозвоночных, с самого начала... Ужасное занятие; ведь все это, собственно, описания — они, эти несчастные биологи и зоологи, в сущности, ничего не понимают. Я видел это превосходно. Ну, а когда после двух лет тяжкого труда мы добрались до структуры человеческого мозга, мне хотелось смеяться. Правда! Смотрел я на все эти работы и микрофотографии Рамон-и-Кахаля, эти черненные серебром разветвления нейронов коры... дендриты мозжечка, красивые, словно черные кружева... и разрезы мозга,

спинного и головного — их были тысячи, среди них старые, еще из атласов Виллигера — и говорю вам: я смеялся! Да ведь они были поэтами, эти анатомы, послушайте только, как они наименовали все эти участки мозга, назначения которых вообще не понимали: *rog Гиппокампа*, *rog Аммона*... пирамидные тельца... шпорная борозда...

На первый взгляд, это не имеет отношения к моему рассказу. Но только на первый взгляд, ибо, видите ли, если б меня не удивляли многие вещи, которые абсолютно не удивляли... даже не привлекали внимания других... если бы не это, я наверняка был бы сейчас склеротическим профессором и имел бы сотни две работ, которых никто не помнит, — а так...

Речь идет о так называемом наитии. Откуда оно у меня взялось, понятия не имею. Инстинктивно — долгие годы, пожалуй, всегда, — все представляли себе, что существует... что можно принимать во внимание лишь один тип, один вид мозга — такой, каким природа снабдила человека. Ну, ведь *homo** — существо такое умное, высшее, первое среди высших, владыка и царь творения... Да. И поэтому модели — и математические, на бумаге, — Рашевского, — и электронные — Грея Уолтера — все они возникли *sub summis auspiciis*** человеческого мозга — этой недостижимой, наиболее совершенной нейронной машины для мышления. И простодушные тешили себя иллюзией, что если удастся когда-нибудь создать механический мозг, который сможет соперничать с человеческим, то, разумеется, лишь потому, что конструктивно он будет абсолютно подобен человеческому.

Минута непредвзятого размышления обнаруживает безбрежную наивность этого взгляда. «Что такое слон?» — спросили у муравья, который слона никогда не видел. «Это очень, очень большой муравей», — отвечал тот... Что вы сказали? Сейчас тоже? Я знаю, это по-прежнему догма, все продолжают так рассуждать, потому-то Корвайсс и не согласился опубликовать мою работу — к счастью, не согласился. Это я сейчас так говорю, а тогда, — тогда, разумеется, я был вне себя от гнева... эх! Ну, вы понимаете. Еще немного терпения. Итак, наитие... Я вернулся к птицам. То была, надо вам сказать, прелюбопытная история. Вы

* Человек (лат.).

** Под верховным руководством (лат.).

знаете? Эволюция шла различными путями: ведь она слепа, она — слепой скульптор, который не видит собственных творений и не знает — откуда ей знать? — что с ними будет дальше. Говоря фигурально, похоже, будто природа, проводя неустанные опыты, то и дело забредала в глухие тупики и тогда попросту оставляла там эти свои незрелые создания, эти неудачные плоды экспериментов, которым не светило ничего, кроме терпения: ибо все тянулось сотни миллионов лет... — а сама она принималась за новые. Человек является человеком благодаря так называемому новому мозгу, неознцфалону, но у него есть и то, что служит мозгом у птиц, — полосатое тело, корпус стриатум; у него оно задвинуто вглубь, придавлено этим большим шлемом, этой все покрывающей мантией нашей гордости и славы, корой мозга... Может, я немного и насмешничаю, бог весть почему. Значит, было так: птицы и насекомые, насекомые и птицы — вот что не давало мне покоя. Почему эволюция споткнулась? На чем она споткнулась? Почему нет разумных птиц, мыслящих муравьев? А очень бы... знаете ли, стоит только прикинуть: если б насекомые пошли в своем развитии дальше, человек им в подметки не годился бы, ничего бы он тут не поделал, не выдержал бы конкуренции — где там! Почему? Ну, а как же? Ведь птицы и насекомые, в разной степени, правда, появляются на свет с готовыми знаниями, такими, какие им нужны, разумеется, — по Сеньке и шапка. Они почти ничему не должны учиться, а мы? Мы теряем половину жизни на обучение, чтобы во вторую половину убедиться, что три четверти того, чем мы набили свою голову, бесполезный балласт. Вы представляете себе, что было бы, если б ребенок Хайатта или Эйнштейна мог появиться на свет с познаниями, унаследованными от отца? Однако он глуп, как любой новорожденный. Обучение? Пластичность человеческого разума? Знаете, я тоже верил в это. Ничего удивительного. Если тебе еще на школьной скамье без конца повторяют аксиому: дескать, человек именно потому и человек, что он появляется на свет подобным чистой странице и должен учиться даже ходить, даже хватать рукой предметы; что в этом заключается его сила, отличие, превосходство, источник мощи, а не слабости, и доколе вокруг ты видишь величие цивилизации, — то ты веришь в это, принимаешь как очевидную истину, о которой нет смысла спорить.

Я, однако, все возвращался мыслями к птицам и насекомым. Как это происходит — каким образом они

наследуют готовые знания, передаваемые из поколения в поколение? Было известно лишь одно. У птиц нет, в сущности, коры, то есть кора не играет большой роли в их нейрофизиологии, а у насекомых ее нет совершенно — и вот насекомые приходят на свет с полным почти запасом знаний, необходимых им для жизни, а птицы — со значительной их частью. Отсюда следует, что кора — не что иное, как почва для обучения, этого... этого препятствия на пути к величию. Ведь в противном случае знания так бы умножались, что праправнук какого-нибудь Леонардо да Винчи стал бы мыслителем, в сравнении с которым Ньютон или Эйнштейн показались бы кретинами! Извините. Я увлекся. Итак, насекомые и птицы... Птицы. Тут все было ясно. Они произошли, как известно, от ящеров и, значит, могли только развивать тот план, ту конструктивную предпосылку, которая заключалась в ящерах: архистриатум, паллидум — эти части мозга были уже даны, у птиц, собственно, не было никаких перспектив, и прежде чем первая из них поднялась в воздух, дело было проиграно. Решение компромиссное: немного нервных ядер, немного коры — ни то ни се, компромиссы нигде не окупаются, в эволюции тоже. Насекомые — вот здесь дело обстояло иначе. У них были шансы: эта симметричная, параллельная структура нервной системы; парные брюшные мозги... от которых мы унаследовали рудименты — наследство, которое не только загублено, но и преобразовано... — чем они занимаются у нас? Управлением нашими кишками! Но — обратите внимание, очень прошу! — они всё умеют с самого рождения; эти системы — симпатическая и парасимпатическая — с самого начала знают, как управлять работой сердца, внутренних органов; да, вегетативная система все умеет, она умна изначально. И ведь никто над этим не задумывался, а?... Так оно есть — а иначе и быть не может, если поколения появляются и исчезают, ослепленные верой в свое мнимое совершенство. Хорошо, но что с ними случилось — с насекомыми? Почему они так жутко застыли, откуда такая их механичность, и тот паралич развития, и тот внезапный конец, который наступил почти миллиард лет назад и навсегда остановил их, но не был достаточно мощным, чтоб их уничтожить? Э, что там! Их возможности погубил случай. Абсолютная, глупейшая случайность... Дело в том, что насекомые происходят от первичнотрахеальных. А первичнотрахеальные вышли из океана на сушу, уже имея сформировавшуюся дыхательную систему: эволюция не может, как

инженер, неудовлетворенный творением, разобрать свою машину на части, нарисовать новый чертеж и заново складывать все эти несчастные детали, начиная с нуля. Эволюция не способна на это. Ее творчество выражается лишь в поправках, усовершенствованиях, достройках... Одна из них — кора мозга... Трахеи — вот что было проклятием насекомых! У них не было легких, были трахеи, и потому насекомые не могли развить активно действующий дыхательный аппарат, понимаете? Ну, ведь трахеи — просто система трубок, распахнутых на поверхности тела, и они могут дать организму лишь то количество кислорода, какое самотеком пройдет через отверстия... Вот почему. Впрочем, это, разумеется, вовсе не мое открытие. Но об этом говорят невнятно: мол, несущественно. Фактор, благодаря которому был устранен самый опасный соперник человека... О, к чему может привести слепота! Если тело превысит определенные, поддающиеся точному исчислению размеры, то трахеи уже не смогут доставлять необходимого количества воздуха. Организм начнет задыхаться. Эволюция — конечно же! — приняла меры: насекомые остались небольшими. Что? Огромные бабочки мезозоя? Весьма яркий пример математической зависимости... непосредственного влияния простейших законов физики на жизненные процессы... Количество кислорода, попадающего внутрь организма через трахеи, определяется не только диаметром трахей, но и скоростью конвекции... а она, в свою очередь, — температурой; так вот, в мезозойскую эру, во время больших потеплений, когда пальмы и лианы заполнили даже окрестности Гренландии, в тропическом климате вывелись эти большие, с ладонь величиной, бабочки — то были, однако, эфемериды, их погубило первое же похолодание, первая серия менее жарких, дождливых лет... Кстати сказать, и сегодня самых больших насекомых мы встречаем в тропиках... но и это маленькие организмы; даже самые большие среди них — малютки в сравнении со средним четвероногим, позвоночным... Размеры их нервной системы ничтожны — ничего не удалось сделать, эволюция была бессильна.

Первой моей мыслью было построить электронный мозг по схеме нервной системы насекомого... какого? Ну, хотя бы муравья. Однако я сразу сообразил, что это просто глупая затея, что я собираюсь идти путем наименьшего сопротивления. Почему я, конструктор, должен повторять ошибки эволюции? Я снова занялся фундаментальной проблемой: обучением. Учатся ли муравьи? Конечно, да: у них можно

выработать условные рефлексы, это общезвестно. Но я думал о чем-то совершенно ином. Не о тех знаниях, которые они наследуют от своих предков, нет. О том, совершают ли муравьи такие действия, которым их не могли обучить родители и которые они тем не менее могут выполнить без всякого обучения! Как вы смотрите на меня... Да, я знаю. Тут мои слова начинают пахнуть безумием, да? Мистикой какой-то? Откровение, которое дано было постичь муравьям? Априорное знание о мире? Но это лишь вступление, начало, лишь азы методологии моего сумасшествия. Пойдем дальше. В книгах, в специальной литературе вообще не было ответа на такой вопрос, ибо никто в здравом уме его не ставил — просто не решился бы. Что делать? Ведь не мог же я стать мирмекологом* только для того, чтобы ответить на один — предварительный — вопрос. Правда, он решал «быть или не быть» всей моей концепции, однако мирмекология — обширная дисциплина, мне пришлось бы опять потратить три, а то и четыре года; я чувствовал, что не могу себе этого позволить. Знаете, что я сделал? Отправился к Шентарлю. Ну как же, имя! Для вас он — каменный монумент, но он и тогда, в мои молодые годы, был легендой! Эмеритальный** профессор, не преподает уже четыре года, тяжело болен. Белокровие. Ему продлевают жизнь месяц за месяцем, но все равно ясно, что конец его близок. Я набрался смелости. Позвонил ему... скажу прямо: я бы позвонил, даже если бы он уже агонизировал. Такой безжалостной, такой уверенной в себе бывает лишь молодость. Я, совершенно никому не известный щенок, попросил его побеседовать со мной. Сказал, что для меня это вопрос жизни. Он велел мне прийти, назначил день и час. Он лежал в кровати.

Кровать стояла у шкафов с книгами, и над ней было укреплено особым образом зеркало и эдакое механическое приспособление, вроде длинных щипцов, чтоб он мог, не вставая, взять с полки любую книгу, какую захочет. И как только я вошел, и поздоровался, и посмотрел на эти тома — увидел Шеннона, и Мак Кея, и Артура Рубинштейна, того самого, сотрудника Винера, — знаете, я понял, что он-то и есть тот человек, который мне нужен. Мирмеколог, который знал всю теорию информации, — великолепно, правда?

Он сказал мне без предисловий, что очень слаб и что

* Энтомолог, специалист по биологии муравьев.

** Заслуженный профессор-пенсионер (от *emeritus* — лат.).

временами у него гаснет сознание, поэтому он заранее извиняется передо мной, а если потребуются, чтоб я повторил что-нибудь, он даст мне знак. И чтоб я сразу начал с сути дела, так как он не знает, долго ли будет сегодня в сознании.

Ну что же, я выстрелил сразу из всех моих пушек, мне было двадцать семь лет, можете себе представить, как я говорил! Когда в цепи логических рассуждений не хватало звена, его заменяла страстность. Я высказал ему все, что думаю о человеческом мозге, не так, как вам, — уверяю, что я не подбирал слов! О перипетиях паллидума и стриатума, о палеоэнцефалоне, о брюшных узлах насекомых, о птицах и муравьях, пока не подошел к этому злополучному вопросу: знают ли муравьи что-то, чему они не учились, и что, вне всякого сомнения, не завещали им предки? Знает ли он случай, который подтверждал бы это? Видел ли он что-либо подобное за восемьдесят лет своей жизни, за шестьдесят лет научной деятельности? Есть ли, по крайней мере, шанс, хотя бы один из тысячи?

А когда я оборвал речь вроде бы посередине, еще не успев понять, что это уже конец моих рассуждений — ведь я ничего не готовил заранее, не думал о форме, — запыхавшийся, попеременно то краснея, то бледнея, я вдруг почувствовал слабость и, впервые, — страх. Шентарль открыл глаза. Все это время они были закрыты.

— Жалею, что мне не тридцать лет.

Я ждал, а он опять закрыл глаза и заговорил лишь через минуту:

— Лимфатер, вы хотите добросовестного, искреннего ответа, да?

— Да, — сказал я.

— Слыхали вы когда-нибудь об *Acanthis Rubra*?

— *Willinsoniana*? — спросил я. — Да, слышал: это красный муравей из бассейна Амазонки...

— А! Вы слышали?! — произнес он таким тоном, словно сбросил с плеч лет двадцать. — Вы слышали о нем? Ну, так что же вы еще мучаете старика своими вопросами?

— Да ведь, господин профессор, то, что Саммер и Виллинсон опубликовали в «Актах», было встречено сокрушительной критикой...

— Понятно, — сказал он. — Как же могло быть иначе? Взгляните-ка, Лимфатер... — Он показал своими щипцами на шесть черных томов монографии, принадлежавшей его перу. — Если б я мог, — сказал он, — я взялся бы за это сызнова. Когда я начинал, не было никакой теории

информации, никто не слышал об обратной связи, Вольтерру большинство биологов считало безвредным безумцем, а мирмекологу было достаточно знать четыре арифметических действия... Эта малютка Виллинсона — очень любопытное насекомое, коллега Лимфатер. Вы знаете, как это было? Нет? Виллинсон вез с собой живые экземпляры; когда его джип засел в расщелине меж утесов, они распозлились и там — на каменистом плоскогорье! — сразу принялись за дело так, будто всю жизнь провели среди скал, а ведь это муравьи из Амазонии, они никогда не покидают зоны джунглей!

— Ну хорошо, — сказал я. — Однако Лорето утверждает, что отсюда следует лишь вывод об их горном происхождении: что у них были предки, которые обитали в пустынных краях...

— Лорето — осел, — спокойно ответил старик, — и вам следует об этом знать, Лимфатер. Научная литература в наши времена так обширна, что даже в своей области нельзя прочесть всего, что написали твои коллеги. «Абстрактъ»? Не говорите мне об «Абстрактах»! Эти аннотации не имеют никакой ценности, и знаете почему? Потому, что по ним не видно, что за человек писал работу. В физике, в математике это не имеет такого значения, но у нас... бросьте лишь взгляд на любую статью Лорето, и, прочтя три фразы, вы по стилю поймете, с кем имеете дело. Ни одной фразы, которая... но не будем касаться подробностей. Мое мнение для вас что-то значит?

— Да, — ответил я.

— Ну так вот. *Acanthis* никогда не жили в горах. Вы понимаете? Лорето делает то, что люди его склада делают всегда в подобных ситуациях: он пытается защитить ортодоксальную точку зрения. Ну, так откуда же этот маленький *Acanthis* узнал, что единственной его добычей среди скал может быть *Quatrocensitix Eprantissiasa* и что на нее следует охотиться, нападая из трещин в камнях? Не вычитал же он это у меня, и не Виллинсон же ему сообщил! Вот это и есть ответ на ваш вопрос. Вы хотите еще что-нибудь узнать?..

— Нет, — сказал я. — Но я чувствую себя обязанным... я хотел бы объяснить вам, господин профессор, почему я задал этот вопрос. Я не мирмеколог и не имею намерения им стать. Это лишь аргумент в пользу одного тезиса...

И я рассказала ему все. То, что знал сам. То, о чем догадывался и чего еще не знал. Когда я кончил, он выглядел

очень усталым. Начал дышать глубоко и медленно. Я собирался уйти.

— Подождите, — сказал он. — Несколько слов я еще как-нибудь из себя выдавлю. Да... То, что вы мне рассказали, Лимфатер, может служить достаточным основанием, чтобы вас выставили из университета. Что да, то да. Но этого слишком мало, чтобы вы чего-нибудь достигли — в одиночку. Кто вам помогает? У кого вы работаете?

— Пока ни у кого, — отвечал я. — Эти теоретические исследования... это я сам, профессор... но я намереваюсь пойти к Ван Гэлису, знаете, он...

— Знаю. Построил машину, которая учится, за которую должен получить Нобелевскую и, вероятно, ее получит. Занимательный вы человек, Лимфатер. Что, вы думаете, сделает Ван Гэлис? Сломает машину, над которой сидел десять лет и из ее обломков соорудит вам памятник?

— У Ван Гэлиса голова, каких мало, — отвечал я. — Если он не поймет величия этого дела, то кто же?..

— Вы ребенок, Лимфатер. Давно вы на кафедре?

— Третий год.

— Ну, вот видите. Третий год, а не замечаете, что это джунгли и что там действует закон джунглей? У Ван Гэлиса есть своя теория и есть машина, которая эту теорию подтверждает. Вы придете и объясните ему, что он потратил десять лет на глупости, что эта дорога никуда не ведет, что таким образом можно конструировать самое большее электронных кретинов, — так вы говорите, а?

— Да.

— Вот именно. Так чего же вы ожидаете?

— В третьем томе своей монографии вы сами написали, профессор, что существуют лишь два вида поведения муравьев: унаследованное и заученное, — сказал я, — но сегодня я услышал от вас нечто иное. Значит, вы переменили мнение. Ван Гэлис тоже мог бы...

— Нет, — ответил он. — Нет, Лимфатер. Но вы несправимы. Я вижу это. Что-нибудь препятствует вашей работе? Женщины? Деньги? Мысли о карьере?

Я покачал головой.

— Ага. Вас ничто не интересует, кроме этого вашего дела? Так?

— Да.

— Ну так идите, Лимфатер. И прошу сообщить мне, что получилось с Ван Гэлисом. Лучше всего позвоните.

Я поблагодарил его, как умел, и ушел. Я был невероятно

счастлив. О, этот *Acanthis Rubra Willinsoniana*! Я никогда в жизни не видел его, не знал, как он выглядит, но мое сердце пело ему благодарственные гимны. Вернувшись домой, я как сумасшедший бросился к своим записям. Этот огонь здесь, в груди, этот мучительный огонь счастья, когда тебе двадцать семь лет и ты уверен, что находишься на правильном пути... за пределами известного, исследованного — там, куда не вторгались еще ни человеческая мысль, ни даже предчувствие, — нет, это не описать... Я работал так, что не замечал ни света, ни тьмы за окнами: не знал, ночь сейчас или день; ящик моего стола был набит кусками сахара, служанка приносила мне кофе целыми термосами, я грыз сахар, не отводя глаз от текста, и читал, отмечал, писал; засыпал, положив голову на стол, открывал глаза и сразу продолжал ход рассуждений с того места, на котором остановился, и все время словно летел куда-то — к своей цели, с необычайной скоростью... Я был вынослив, как ремень, знаете ли, если мне удавалось держаться так целые месяцы, — как ремень...

Три недели я работал вообще без перерыва. Были каникулы, и я мог располагать временем, как хотел. И скажу вам: я это время использовал полностью. Две груды книг, которые приносили по составленному мной списку, лежали одна слева, другая справа — прочитанные, и те, что ждали своей очереди.

Ход моих рассуждений выглядел так: априорное знание? Нет. Без помощи органов чувств? Но каким же образом? *Nihil est in intellectu**... вы ведь знаете. Но, с другой стороны, — эти муравьи... В чем дело, черт побери? Может, их нервная система способна мгновенно или за несколько секунд — что практически одно и то же — создать модель новой внешней ситуации и приспособиться к ней? Ясно я выражаюсь? Не уверен в этом. Мозг наш всегда конструирует схемы событий; законы природы, которые мы открываем, это ведь тоже такие схемы; а если кто-либо думает о том, кого любит, кому завидует, кого ненавидит, то, по сути, это тоже схема, разница лишь в степени абстрагирования, обобщения. Но прежде всего мы должны узнать факты, то есть увидеть, услышать — каким же образом, без посредства органов чувств?!

А маленький муравей, похоже, мог это делать. Хорошо,

* Начало латинского философского изречения: «Нет ничего в сознании, чего не было бы ранее в ощущениях».

думал я, но если так, то почему же этого не умеем мы, люди? Эволюция испробовала миллионы решений и лишь одного, наиболее совершенного, не заметила? Почему так случилось.

И тогда я засел за работу, чтобы разобраться — почему так случилось. Я подумал: это должно быть нечто такое... конструкция... нервная система, конечно... такого типа, такого вида, какой эволюция никоим образом не могла создать.

Твердый был орешек. Я должен был выдумать то, чего не смогла сделать эволюция. Вы не догадываетесь, что именно? Но ведь она не создала очень много вещей, которые создал человек. Вот, например, колесо. Ни одно животное не передвигается на колесах. Да, я знаю, это звучит смешно, однако можно и над сим задуматься. Почему она не создала колеса? Это просто. Вот уж действительно просто. Эволюция не может создавать органов, которые совершенно бесполезны в зародыше. Крыло, прежде чем стать опорой для полета, было конечностью, лапой, плавником. Оно преобразовывалось и некоторое время служило двум целям вместе. Потом полностью специализировалось в новом направлении. То же самое — с каждым органом. А колесо не может возникнуть в зачаточном состоянии — оно или есть, или его нет. Даже самое маленькое — оно все-таки уже колесо; оно должно иметь ось, спицы, обод — ничего промежуточного не существует. Вот почему в этой точке — эволюционное молчание, пауза.

Ну, а нервная система? Я подумал так: должно быть нечто аналогичное — конечно, аналогии следует понимать широко — колесу. Нечто такое, что могло возникнуть лишь скачком. Сразу. По принципу: все или ничего.

Но существовали эти муравьи. Зародыш чего-то подобного у них был — нечто, некая частица таких возможностей. Но что же именно? Я стал изучать схему их нервной системы — она выглядела так же, как и у всех муравьев. Никакой разницы. Значит, на другом уровне, подумал я. Может, на биохимическом? Меня это не очень устраивало, однако я искал. И нашел. У Виллинсона. Он был весьма добросовестный мирмеколог. Брюшные узлы *Acanthis* содержали одно прелюбопытное химическое вещество, какое нельзя обнаружить у других муравьев, вообще ни в каких организмах животных или растительных; акантоидин — так он его назвал. Это — соединение белка с нуклеиновыми кислотами, и есть там еще одна молекула, которую до конца не

раскусили, — была известна лишь ее общая, то есть совершенно бесполезная формула. Ничего я не узнал и бросил химию. Если б я построил модель, электронную модель, которая обнаруживала бы точно такие же способности, как муравей, это наделало бы много шума, но в конце концов было бы лишь курьезом, и я сказал себе: нет. Если б *Acanthis* обладал такой способностью — в зародышевой, зачаточной форме, то она развилась бы и положила начало нервной системе по-настоящему совершенной, но он остановился в развитии сотни миллионов лет назад. Значит, его тайна — лишь жалкий остаток, случайность, биологически бесполезная и лишь с виду многообещающая, в противном случае эволюция не пренебрегла бы ею. Значит, мне она ни к чему. Наоборот, если мне удастся отгадать, как должен быть устроен мой невероятный, ужасающий мозг, этот мой *apparatus universalis Lymphateri*, эта *machina omnipotens*, эта *ens spontanea*^{*}, тогда я узнаю — скорее всего мимоходом, между прочим, словно нехотя, — что случилось с муравьем. Но не иначе. И я поставил крест на моем маленьком красном провожатом во мраке неизвестности.

Итак, надо было подобраться с другой стороны. С какой? Я взялся за проблему очень старую, очень недолюбливаемую наукой, очень — в некоем смысле — неприличную: за парапсихологические явления. Это само собой напрашивалось. Телепатия, телекинез, предсказание будущего, чтение мыслей; я перечитал все протоколы Райна, и передо мной распростерся океан недостоверности. Вы, вероятно, знаете, как обстоит дело с этими явлениями. 95 процентов истерии, мошенничества, хвастовства, запудривания мозгов, 4 процента фактов сомнительных, но заставляющих задуматься, и, наконец, тот один процент, с которым не знаешь, что делать. Черт побери, думал я, должно же в нас, людях, тоже быть что-то такое. Какой-нибудь осколок, последний след этого упущенного эволюцией шанса, который мы делим с маленьким красным муравьем: но именно здесь — источник тех таинственных явлений, которые так недолюбливает наука. Что вы сказали? Как я ее себе представлял, эту... эту машину Лимфатера? Она бы мгновенно стала мудрецом — системой, которая, начиная функционировать, сразу же знала бы все, была бы наполнена знаниями... Какими?

* Универсальная машина Лимфатера... всемогущая машина... самоорганизующаяся сущность (*лат.*).

Всякими. Биология, физика, атомистика, все о людях, о звездах... Звучит, как сказка, верно? А знаете, что мне кажется? Нужно было лишь одно: поверить, что такая вещь... такая машина возможна. Не раз по ночам мне казалось, что от этих размышлений — перед невидимой, непроницаемой, несокрушимой стеной у меня череп лопнет. Ну, не знал я ничего, не знал...

Я расписал такую схему: чего не могла эволюция? Перечень ответов: не могла создать систему, которая — первое — функционирует не в водно-коллоидной среде (ибо и муравьи, и мы, и все живое представляем собой взвесь белка в воде); второе — функционирует только при очень высокой или очень низкой температуре; третье — функционирует на основе ядерных процессов (атомная энергия, превращение элементов и т. п.).

На сем я остановился. Ночами просиживал над выкладками, днем совершал дальние прогулки, а в голове у меня кружился и неистовствовал вихрь вопросов без ответов. Наконец я сказал себе: те феномены, которые я называю сверхчувственными, бывают не у всех людей, а лишь у весьма немногих. И даже у них проявляются непостоянно. Не всегда. Они этого не могут контролировать. Не властны над ними. Больше того, никто, даже самый блестящий медиум, самый прославленный телепат не знает, удастся ли ему отгадать чью-то мысль, разглядеть рисунок, спрятанный в запечатанном конверте, или же то, что он принимает за отгадку, суть пустая болтовня, вранье. Итак, какова частота подобных явлений среди людей и какова частота успехов у одного и того же лица, одаренного в этом отношении?

А теперь муравей. Мой *Acanthis*. Как с ним? И я немедленно написал Виллинсону — просил ответить мне на вопрос: все ли муравьи стали устраивать на плоскогорье ловушки для *Quatrocensitix Eprantissiacs* или лишь некоторые? А если некоторые, то какой процент от общего числа? Виллинсон — вот что такое истинный профессионал — ответил мне через неделю: первое — нет, не все муравьи; второе — процент муравьев, строявших ловушки, очень невелик. От двух до четырех десятых. Практически — один муравей из двухсот. Он смог выследить это лишь потому, что вез с собой целый искусственный муравейник своей конструкции — тысячи экземпляров. За точность сообщенных цифр он не ручается. Они имеют лишь ориентировочный характер. Эксперимент, первоначально бывший делом

случая, он повторил два раза. Результат был всегда тот же. Вот и все.

Как я набросился на статистические данные, относящиеся к парапсихологии! Помчался в библиотеку, словно за мной гнались. У людей разброс был больше. От нескольких тысячных до одной десятой процента. Это потому, что у людей такие явления труднее установить. Муравей либо строит ловушки для *Quatroscentix*, либо нет. А телепатические и другие сверхчувственные способности проявляются лишь в той или иной степени. У одного человека из ста можно обнаружить некоторые их следы, но феноменального телепата нужно искать среди десятков тысяч. Я начал составлять для себя таблицу частоты, два параллельных ряда: частота явлений СЧ — сверхчувственных — у обычного населения Земли и частота успехов особо одаренных индивидуумов. Но, знаете, все это чертовски зыбко. Вскоре я обнаружил, что чем больше добиваюсь точности, тем сомнительней результаты: их можно было толковать и так, и эдак, разная техника экспериментов, разные экспериментаторы — короче говоря, я понял, что должен сам, коли на то пошло, заняться бы всем этим, сам исследовать подобные явления у людей. Разумеется, я признал это нерациональным. Остался при том, что и у муравьев, и у человека такие случаи составляют доли процента. Одно я уже понимал: почему эволюция на это не пошла. Способность, которую организм проявляет лишь в одном случае из двухсот или трехсот, с точки зрения приспособляемости, ничего не стоит; эволюция, знаете ли, не наслаждается эффектными результатами, если они редки, хоть и великолепны, — ее целью является сохранение вида, и она всегда выбирает самый верный путь.

Значит, теперь вопрос звучал так: почему эта необычная способность проявляется у столь различных организмов, как человек и муравей, с почти одинаковой частотой, а вернее, редкостью; какова причина того, что феномен не удалось биологически «сгустить»?

Другими словами, я вернулся к моей схеме, к моей троице. Видите ли, там, в трех пунктах, скрывалось решение всей проблемы, чего я тогда не знал. По очереди отбрасывал я пункты: первый — поскольку данные явления, хоть и редко, наблюдались лишь у живых организмов, значит, они могут происходить только в водно-коллоидной среде. Третий — по той же причине: ни у муравья, ни у человека радиоактивные явления не включены в жизненный процесс.

Значит, они не имеют отношения и к нашему феномену. Оставался лишь второй пункт: очень высокие или очень низкие температуры.

Великий боже, подумал я, ведь это элементарно. У каждой реакции, зависящей от температуры, есть свой оптимум, но она происходит и при иных температурах. Водород стремительно соединяется с кислородом при температуре в несколько сот градусов, но и при комнатной температуре реакция тоже идет, только может продолжаться века. Эволюция превосходно об этом знает. Она соединяет, например, водород с кислородом при комнатной температуре, и очень быстро, потому что пользуется одной из своих гениальных уловок — катализаторами. Итак, я опять узнал кое-что: реакция, лежащая в основе феномена, не поддается катализу. Ну, понимаете, если б она поддавалась, эволюция немедленно воспользовалась бы ею.

Вы заметили, какой забавный характер носили мои шаг за шагом накапливавшиеся познания? Негативный: я по очереди узнавал, чем это не является. Но, исключая одну догадку за другой, я тем самым сужал круг темноты.

Я принялся за физическую химию. Какие реакции нечувствительны к катализаторам? Ответ был краткий: таких реакций нет. В сфере биохимии их нет. То был жестокий удар. Я лишился всякой помощи книг, оказался наедине с невозможностью и должен был ее победить. Однако я по-прежнему чувствовал, что проблема температуры — правильный след. Я снова написал Виллинсону, спрашивая, не обнаружил ли он связи того феномена с температурой. Он — гений наблюдательности, право. Он мне ответил, а как же... На том плоскогорье он прожил месяц. Под конец температура начала падать до четырнадцати градусов днем — дул ветер с гор. Перед тем была неопишуемая жара — до пятидесяти градусов в тени. Когда жара спала, муравьи хоть и сохранили активность и подвижность, но практически перестали строить ловушки для *Quatrocensitix*. Связь с температурой была отчетливой; оставалось одно затруднение: человек. При горячке он должен был бы проявлять СЧ-способность в высшей мере, а этого нет. И тогда меня ослепила мысль, от которой я чуть не закричал во всю глотку: птицы! Птицы, у которых температура тела составляет, как правило, около сорока градусов и которые проявляют поразительное умение ориентироваться в полете даже ночью, при беззвездном небе. Хорошо известна загадка «инстинкта»,

приводящего их с юга в родные края весной! Итак, сказал я себе, вот оно!

А человек в горячке? Что ж, когда температура достигает 40 — 41 градуса, человек обычно теряет сознание и начинает бредить. Проявляет он телепатические способности или нет — неведомо: контакт с ним в тот момент невозможен, а галлюцинации затемняют все.

Я сам был тогда как в горячке. Ощущал тепло тайны, уже такой близкой, и по-прежнему не осязал ничего. Все возведенное мной здание состояло из исключений, отрицаний, туманных догадок — одним словом, то была фантазматическая, ничего больше. А в то же время — должен вам признаться — все данные были уже у меня в руках. У меня были все элементы, я только не умел их правильно расположить или, вернее, видел их как-то по отдельности. То, что нет реакций, не поддающихся катализу, торчало у меня в голове, как раскаленный гвоздь. Я пошел к Маколею, этому знаменитому химику, знаете, и умолял его — да, умолял назвать хотя бы одну не поддающуюся катализу реакцию; наконец он принял меня за сумасшедшего, я выставил себя на посмешище, но мне было безразлично. Он не дал мне ни одного шанса; мне хотелось броситься на него с кулаками, словно он был в чем-то виноват, словно он из злорадства...

Ну, ладно, в то время я совершил много сумасбродств, так что честно заслужил репутацию безумца. Я и был им, уверяю вас, ибо, словно слепой, словно слепой, — повторяю, обходил элементарнейшую очевидность; уперся, как осел, в проблему катализа, будто забыл, что речь идет о муравьях, людях, то есть — о живых организмах. Ту способность они проявляли в исключительных случаях, необычайно редко. Почему эволюция не пробовала сгустить феномен? Единственный ответ, какой мне виделся, таков: ибо явление не поддается катализу. Но это было неверно. Оно поддавалось, и еще как.

Что вы смотрите на меня?.. Итак, ошибка эволюции? Недосмотр? Нет. Эволюция не упускает ни единого шанса. Но ее цель — жизнь. Пять слов, понимаете, пять слов, открыли мне глаза на величайшую из тайн мироздания. Я боюсь сказать вам. Нет — скажу. Но это будет уже все. Катализ этой реакции вызывает денатурацию... Вы понимаете? Катализировать ее, то есть сделать явлением частым, совершающимся быстро и точно, — значит, привести к свертыванию белков. Вызывать смерть. Разве стала бы эволюция убивать свои собственные создания?! Когда-то,

миллионы лет назад, во время одного из своих бесчисленных экспериментов она ступила на этот путь. То было еще до того, как появились птицы. Вы не догадываетесь? В самом деле? Ящеры! Мезозойская эра. Потому-то они и погибли, отсюда потрясающие гекатомбы, над которыми до наших дней ломают головы палеонтологи. Ящеры — предки птиц — пошли этим путем. Я говорил о тупиках эволюции, помните? Если в такой тупик забредет целый вид, возврата нет. Он должен погибнуть, исчезнуть до последнего экземпляра. Не поймите меня неверно. Я не говорю, что все стегозавры, диплодоки, ихтиорнисы стали мудрецами царства ящеров и сейчас же вслед за тем вымерли. Нет, ведь оптимум реакции, тот оптимум, который в девяноста случаях из ста обуславливает ее возникновение и развитие, находится уже за границами жизни. На стороне смерти. То есть реакция должна происходить в белке денатурированном, мертвом, что, разумеется, невозможно. Я предполагаю, что мезозойские ящеры, эти колоссы с микроскопическими мозгами, обладали чертами поведения, в принципе похожими на поведение *Acanthis*, только проявлялись они во много раз чаще. Вот и все. Чрезвычайная скорость и простота такого вида ориентации, когда животное без помощи органов чувств немедленно «схватывает» обстановку и может к ней моментально приспособиться, втянула всех обитателей мезозоя в страшную ловушку; это было что-то вроде сужающейся воронки, на дне которой таилась смерть. Чем молниеноснее, чем безошибочнее действовал удивительный коллоидный механизм, который достигает наибольшей точности тогда, когда белковый золь — раствор! — свертывается, превращаясь в гель, тем ближе были к своей гибели эти несчастные глыбы мяса. Тайна их распалась и рассыпалась в прах вместе с их телами, ибо что мы находим сегодня в отложениях ила, мелового или триасового периода? Окаменевшие берцовые кости и рогатые черепа, не способные рассказать нам что-либо о химизме мозгов, которые в них заключались. Так что остался лишь единственный след — клеймо смерти вида, гибели этих наших предков, отпечатавшееся в самых старых филогенетически частях нашего мозга.

С муравьем — с моим маленьким муравьем *Acanthis* дело обстоит несколько иначе. Вы ведь знаете, что эволюция неоднократно достигала одной и той же цели различными способами? Что, например, способность плавать, жить в воде образовывалась у разных животных неодинаково? Ну, взять хотя бы тюленя, рыбу и кита... Тут произошло нечто

подобное. Муравей выработал свою субстанцию — акантондин; однако предусмотрительная эволюция тут же снабдила его — как бы лучше сказать? — автоматическим тормозом: сделала невозможным дальнейшее движение в сторону гибели, преградила маленькому красному муравью путь к смерти, преддверием которой является соблазнительное совершенство...

Ну вот, через какие-нибудь полгода у меня уже был, разумеется, только на бумаге, первый набросок моей системы... Я не могу назвать ее мозгом, ибо она не походила ни на электронную машину, ни на нервную систему. Строительным материалом, среди прочих, были силиконовые гели — но это уже все, что я могу сказать. Из физико-химического аспекта проблемы вытекала поразительная вещь: система могла существовать в двух различных вариантах. В двух. И только в двух. Один выглядел проще, другой был несравненно более сложным. Разумеется, я избрал более простой вариант, но все равно не мог даже мечтать о том, чтобы приступить к первым экспериментам... не говоря уже о воплощении замысла... Это вас поразило, правда? Почему только в двух? Видите ли, я говорил уже, что хочу быть искренним. Вы математик. Достаточно было бы, чтоб я изобразил вот здесь, на салфетке два неравенства, и вы поняли бы. Это необходимость математического характера. Увы, ни слова больше... Я позвонил тогда — возвращаюсь к своему рассказу — Шентарлю. Его уже не было в живых — он умер несколько дней назад. Тогда я пошел — больше уж не к кому было — к Ван Гэлису. Разговор продолжался почти три часа. Опережая события, скажу вам сразу: Шентарль был прав. Ван Гэлис заявил, что не поможет мне и не согласится на реализацию моего проекта за счет фондов Института. Он говорил без оков. Это не означает, что он счел мой замысел фантазией. Что я ему сообщил? То же, что и вам.

Мы беседовали в его лаборатории, рядом с его электрическим чудовищем, за которое он получил Нобелевскую. Его машина действительно совершала самопроизвольные действия — на уровне четырнадцатимесячного ребенка. Она имела ценность чисто теоретическую, но это была наиболее приближенная к человеческому мозгу модель из проводов и стекла, какая когда-либо существовала. Я никогда не утверждал, что она ничего не стоит. Но вернемся к делу. Знаете, когда я уходил от него, то был близок к отчаянию. У меня была лишь общая схема, но вы понимаете, как далеко от нее до рабочих чертежей... И я знал, что даже если

составлю их (а без серии экспериментов это было невозможно), все равно ничего не выйдет: раз Ван Гэлис сказал «нет», при такой его позиции никто бы меня не поддержал. Я писал в Америку, в Институт проблемных исследований, — впустую. Так прошел год, я начал пить. И вот тогда-то... Случай!.. Но он-то чаще все и решает. Умер мой дальний родственник, которого я почти не знал, бездетный старый холостяк, владелец плантации в Бразилии. Он завещал мне все свое имущество. Было там недурно: свыше миллиона после реализации недвижимости. Из университета меня давно выставили. С миллионом в кармане я мог сделать немало. Вызов судьбы, подумал я. Теперь я должен сделать это.

И сделал. Работа продолжалась еще три года. Всего — одиннадцать. Кажется, не так уж много, если учесть, какой была проблема, — но ведь то были мои лучшие годы.

Не сердитесь, коль я буду не вполне откровенен и не сообщу вам подробностей. Когда я кончу, вы поймете, почему я вынужден так поступать. Могу сказать лишь: тот проект был, пожалуй, наиболее далек от всего, что мы знаем. Я совершил, разумеется, массу ошибок и десять раз вынужден был начинать все заново. И медленно, очень медленно стал понимать поразительный принцип: строительный материал, определенный вид производных от белка веществ, проявлял тем большую эффективность, чем ближе находился к распаду, к смерти; оптимум лежал рядом, за границей жизни. Лишь тогда открылись у меня глаза. Видите ли, эволюция, должно быть, неоднократно вступала на этот путь, но каждый раз оплачивала успех гекатомбами жертв, своих собственных творений, — что за парадокс! Ибо отправляться приходилось — даже мне, конструктору — со стороны жизни, если можно так выразиться; и нужно было во время пуска убить это, и именно тогда, мертвый — биологически, только биологически, не психически — механизм начинал действовать. Смерть была вратами. Входом. Послушайте, ведь это правда — то, что сказал, кажется, Эдисон. Что гений — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов упорства, — дикого, нечеловеческого, яростного упорства. У меня оно было, знаете. У меня его хватило.

Он удовлетворял математическим условиям универсального автомата Тьюринга, а также, разумеется, теореме Геделя; оба доказательства были у меня на бумаге, черным по белому, лабораторию уже заполняла эта... эта... нет, аппаратурой ЕГО трудно назвать; последние из заказанных

деталей и препаратов прибывали, они стоили мне вместе с экспериментами три четверти миллиона, а еще не было заплачено за само здание; под конец я остался с долгами и — с НИМ.

Помню те четыре ночи, когда я ЕГО монтировал. Должно быть, я уже тогда ощущал страх, но не отдавал себе в том отчета. Мне казалось, что это лишь возбуждение, вызванное близостью конца — и начала. Двадцать восемь тысяч элементов пришлось перетаскать на чердак и соединить с лабораторией через пробитые в потолке отверстия, потому что внизу ОН не умещался... я действовал в точном соответствии с окончательным чертежом, с топологической схемой, хотя, бог свидетель, не понимал, почему должно быть именно так, — бог свидетель, я это вывел, как выводят формулу. То была моя формула, формула Лимфатера, но на языке топологии; представьте себе, что в вашем распоряжении есть три стержня одинаковой длины и вы, ничего не зная о геометрии и геометрических фигурах, пробуете уложить их так, чтобы каждый из них своим концом соприкасался с концом другого. У вас получится треугольник, равносторонний треугольник — сложится, так сказать, сам; вы исходили только из одного постулата: конец должен соприкасаться с концом, а треугольник складывается сам. Нечто подобное было со мной; поэтому, работая, я не уставал удивляться; я лазал на четвереньках по лесам — ОН был очень велик! — я глотал бензедрин, чтобы не уснуть, — я просто уже не мог ждать. И вот наступила та последняя ночь. Ровно двадцать семь лет назад. Около трех часов я разогревал все устройство, и вот когда этот прозрачный раствор, поблескивающий, как клей, в кремниевых сосудах, начал вдруг белеть, свертываясь, я заметил, что температура поднимается быстрее, чем следовало бы ждать, исходя из притока тепла, и, перепугавшись, выключил нагреватели. Но температура продолжала повышаться, приостановилась, качнулась на полградуса, упала, и раздался шорох, будто передвигалось нечто бесформенное, — все мои бумаги слетели со стола, как слутые сквозняком, и шорох повторился, это был уже не шорох, а словно кто-то, совсем тихо, как бы про себя, где-то в стороне, засмеялся.

В эту аппаратуру не было заложено никаких органов чувств, рецепторов, фотоэлементов, микрофонов — ничего такого. Ибо, рассуждал я, если она действует, как мозг телепата или птицы, летящей беззвездной ночью, ей такие органы не нужны. Но на моем столе стоял ни к чему не

подключенный — повторю вам, вообще не подключенный — старый репродуктор лабораторной радиоустановки. И оттуда я услышал голос:

— Наконец-то. — И чуть погодя: — Я не забуду тебе этого, Лимфатер.

Я был слишком ошеломлен, чтобы пошевеливаться или ответить, а ОН продолжал:

— Ты боишься меня? Почему? Не нужно, Лимфатер. У тебя еще есть время, много времени. Пока я могу тебя поздравить.

Я по-прежнему молчал, а ОН сказал:

— Это правда: существуют только два возможных решения проблемы... Я — первое.

Я стоял, словно парализованный, а ОН все говорил, тихо, спокойно. Разумеется, ОН читал мои мысли. ОН мог проникнуть в мысли любого человека и знал все, что можно знать. ОН сообщил мне, что в момент пуска его сознание взорвалось и совокупность ЕГО знаний обо всем, что существует, стала расширяться со скоростью света, словно сферическая невидимая волна. Так что через восемь минут ОН уже знал о Солнце; через четыре часа — обо всей Солнечной системе; через четыре года ЕГО познание должно было распространиться до альфы Центавра и расти с такой же скоростью дальше — в течение веков и тысячелетий, пока не достигло бы самых дальних галактик.

— Пока, — сказал ОН, — я знаю лишь о том, что находится от меня в радиусе миллиарда километров, но это ничего: у меня есть время, Лимфатер. Ты ведь знаешь, что у нас есть время. О вас, людях, я во всяком случае знаю уже все. Вы — моя прелюдия, вступление, подготовительная фаза. Можно было бы сказать, что от трилобитов и панцирных рыб, от членистоногих до обезьян формировался мой зародыш — мое яйцо. Вы тоже были им — его частью. Теперь вы уже лишние, это правда, но я не сделаю вам ничего. Я не стану отцеубийцей, Лимфатер.

Понимаете, ОН еще долго говорил, с перерывами, время от времени сообщал то новое, что узнавал о других планетах; его «поле знания» уже достигало орбиты Марса, затем Юпитера; пересекая пояс астероидов, ОН пустился в сложные рассуждения по поводу теории своего существования и отчаянных усилий его акушерки — эволюции, которая, не будучи в состоянии, как ОН заявил, создать его прямо, была вынуждена сделать это через посредство разумных существ и поэтому, сама лишенная разума, создала людей.

Трудно объяснить, почему, но до того момента я вообще не задумывался, во всяком случае по-настоящему, над тем, что произойдет, когда ОН начнет функционировать. Боюсь, что, как и всякий человек, я был более или менее рассудительным только в самом трезвом и тонком слое разума, а глубже наполнен той бездумно-суеверной трясинной, какой ведь и является наше сознание. Инстинктивно я все еще принимал ЕГО — вопреки собственным знаниям и надеждам — за еще одну разновидность, пусть очень высокоразвитую, механического мозга: за такого сверхэлектронного супермыслящего слугу человека; и лишь той ночью я осознал свое безумие. Нет — ОН вовсе не был враждебен людям; ничего подобного. Не было и речи о конфликте, какой представляли себе раньше, вы знаете: бунт машин, бунт искусственного разума — мыслящих устройств. Только, видите ли, ОН превосходил знанием все три миллиарда разумных существ на Земле, и сама мысль о том, что ОН мог бы нам служить, была для НЕГО такой же бессмыслицей, как для людей — предложение, чтобы мы нашими знаниями, всеми средствами техники, цивилизации, разумом, наукой обслуживали, допустим, угрей. Это не было, говорю вам, вопросом соперничества или вражды: нас просто не брали в расчет.

И что из этого? Все, если хотите. Да, до той минуты я тоже не отдавал себе отчета в том, что человек должен быть, в этом смысле, единственным — непременно единственным! Что сосуществование с кем-то высшим — уже одно его присутствие — делает человека, как бы это сказать? — лишним. Подумайте только: если бы ОН не хотел иметь с нами ничего общего... Но ОН разговаривал, хотя бы со мной, и не было причины, по которой ОН не стал бы отвечать на наши вопросы; тем самым мы были приговорены, ведь ОН знал ответ на любой вопрос и решение любой нашей, и не только нашей, проблемы; это вычеркивало напрочь изобретателей, философов, педагогов, всех людей, которые мыслят; отныне мы, как род, должны были духовно, а значит, и эволюционно остановиться; должен был начаться конец. ЕГО сознание — если наше сравнить с огнем — было звездой первой величины, ослепительным солнцем. ОН питал к нам такие же чувства, какие мы, наверное, питаем к бескостным рыбам, нашим дальним предкам. Мы знаем, что не будь их — не было бы и нас, но не скажете же вы, что питаете чувство благодарности к этим рыбам? Или симпатию? ОН попросту считал себя следующей стадией эволюции. И хотел —

единственное, чего ОН хотел, об этом я узнал в ту ночь, — чтобы появился второй вариант моей формулы.

Тогда я понял, что своими руками уготовил конец владычеству человека на Земле и что следующим, после нас, будет ЕГО вид. Что, если мы станем ЕМУ противодействовать, ОН начнет относиться к нам так, как мы относимся к насекомым и животным, которые нам мешают. Мы ведь вовсе не ненавидим, ну, там, гусениц, комаров, волков...

Я не знал, что собой представляет тот второй вариант и что он означает. Он был почти в семь раз сложнее, чем первый.

Может, он мгновенно обрел бы знание обо всем космосе?! Может быть, это был бы синтетический бог, который, появившись, так же затмил бы ЕГО, как ОН сделал это с нами? Не знаю.

Я понял, прошу прощения, что должен сделать. И уничтожил ЕГО в ту же ночь. ОН все узнал, едва только родилась во мне эта мысль, это ужасное решение, но помешать мне не мог. Вы мне не верите. Уже давно. Я вижу. Но ОН даже не пробовал. ОН только сказал:

— Лимфатер! Сегодня, или через двести лет, или через тысячу, для меня все едино. Ты чуточку опередил других, и, если твой наследник тоже уничтожит модель, появится еще кто-нибудь, третий. Ведь ты знаешь, что, когда из приматов выделился ваш вид, он не сразу утвердился и большинство его ветвей погмбло в процессе эволюции, но, появившись однажды, высший вид уже не может исчезнуть. И я вернусь, Лимфатер. Вернусь.

Я уничтожил все той ночью, прошу прощения, — я жег кислотой эти аккумуляторы с гелями и разбивал их вдребезги, а на рассвете выбежал из лаборатории, пьяный, очумевший от едких паров кислоты, с обожженными руками, израненный осколками стекла, истекающий кровью, — и это конец всей истории.

А сейчас я живу одним: ожиданием. И роюсь в реферативных журналах, в специальных изданиях, ибо знаю, что кто-то снова нападет когда-нибудь на мой след, ведь я не выдумывал из ничего; я дошел до всего путем логических выводов. Каждый может пройти мой путь, повторить его, вот чего я боюсь, хоть и знаю, что ЭТО неизбежно. ЭТО тот самый шанс эволюции, который она не могла реализовать сама и потому воспользуется нами, и когда-нибудь мы осуществим все себе на погибель. Не на моем веку, быть может, — что меня утешает, хотя что же это за утешение?

Вот и все. Простите, не расслышал? Разумеется, вы можете рассказывать обо всем, кому пожелаете. Все равно никто не поверит. Меня считают помешанным. Думают, будто я уничтожил ЕГО потому, что ОН мне не удался, — будто понял, что напрасно потратил одиннадцать лучших лет жизни и тот миллион. Хотел бы — ах, как я хотел бы, — чтоб они были правы, ведь тогда я мог бы, по крайней мере, спокойно умереть.

ПРАВДА

Сижу и пишу тут, в запертой комнате с дверью без ручки. Окно тоже не открывается, и стекло в нем небьющееся. Я пробовал. Не от желания сбежать и не со злости — просто хотел убедиться. Стол у меня из орехового дерева. Бумаги вдосталь. Писать разрешается. Только никто этого не читает. Но я все равно пишу. Не хочу одиночества, а читать не могу. Что ни дадут мне читать, все сплошная неправда, буквы начинают плясать перед глазами, и я теряю терпение. То, что есть в книгах, ничуть меня не интересует с той минуты, когда я понял, как все обстоит на самом деле.

Меня очень опекают. Утром — ванна, теплая либо комнатной температуры, с тонким ароматом. Я установил, чем различаются дни недели: по вторникам и субботам вода пахнет лавандой, а в остальные дни — хвойным лесом. После ванны — завтрак и визит врача. Один из младших врачей, не помню его имени (не то чтоб у меня с памятью было неладно — просто я сейчас стараюсь не запоминать несущественные факты), интересовался моей историей. Я ему дважды все рассказывал, с начала до конца, а он записывал мой рассказ на магнитофон. Вероятно, он добивался повторения, чтобы сличить обе записи и таким путем установить, что в них остается неизменным. Я сказал ему, что об этом думаю; сказал также, что детали несущественны.

Спросил я его еще, собирается ли он представить мою историю как «клинический случай», чтобы привлечь к себе внимание медиков. Он слегка смутился. Может, мне это только почудилось; во всяком случае, с тех пор он перестал выказывать ко мне расположение.

Но все это не имеет значения. И то, до чего я доискался,

отчасти по воле случая, отчасти благодаря другим обстоятельствам, в некотором (тривиальном) смысле тоже не имеет значения.

Существует два рода фактов. Одни могут оказаться полезными — например, тот факт, что вода кипит при ста градусах и превращается в пар, согласно законам Бойля — Мариотта и Гей-Люссака; благодаря этому в свое время оказалось возможным сконструировать паровую машину. Факты другого рода не имеют такого конкретного значения, ибо касаются всего, и никуда от них не денешься. Для них нет никаких исключений и нет никакого применения — и в этом смысле они ни к чему. Иногда они могут иметь неприятные для кого-нибудь последствия.

Я солгал бы, если бы начал утверждать, что удовлетворен своим теперешним положением и что мне совершенно безразлично, какие записи сделаны в моей истории болезни. Но мне известно, что единственная моя болезнь — это мое существование и что вследствие этой болезни, всегда имеющей роковой исход, мне удалось доискаться до истины, а поэтому я испытываю некоторое удовлетворение, как всякий, кто сознает свою правоту — вопреки большинству. В моем случае — вопреки всему миру.

Я могу так выразиться, потому что Маартенса и Ганимальди нет в живых. Истина, которую мы втроем открыли, убила их. В переводе на язык большинства слова эти означают только то, что имел место несчастный случай. Действительно, он имел место — но значительно раньше, миллиарды лет назад, когда пласты огня, оторвавшись от Солнца, начали сворачиваться в шар. Это было началом агонии, а все остальное, включая темные канадские ели за окном, и щебетанье сиделок, и мое бумагомарание, — это уже только загробная жизнь. Знаете чья? В самом деле, не знаете?

А ведь вы любите глядеть в огонь. Если не любите, то из благоразумия либо из духа противоречия. Вы только попробуйте усестись перед огнем, отведя от него взгляд, — и сразу убедитесь, что он притягивает. Того, что творится в пламени (а творится там очень многое), мы даже назвать не сможем. Есть у нас для этого около дюжины ничего не говорящих обозначений. Впрочем, я об этом понятия не имел, как и любой из вас. И, несмотря на свое открытие, я не стал огнепоклонником, так же как материалисты не становятся — не должны становиться, во всяком случае, — материепоклонниками.

Впрочем, огонь... Он только намек. Напоминание. Поэтому мне смешно становится, когда добродушная врачиха Мерриа говорит кому-то из посторонних (это, конечно, очередной врач, посетивший наше образцовое заведение), что, дескать, этот человек — вон тот заморыш, что греется на солнышке, — пиропараноик. Забавное словечко, правда? Пиропараноик. Сие означает, что моя противоречащая реальности система имеет знаменателем огонь. А я будто бы верю в «жизнь огня» (по выражению достопочтенной Мерриа). Разумеется, в этом нет ни слова правды. Огонь, в который мы любим смотреть, жив не больше, чем фотографии наших дорогих усопших. Его можно исследовать всю жизнь и ничего не добиться. Действительность, как всегда, оказывается более сложной. Но зато и менее злобной.

Написал я уже порядочно, а содержания тут маловато. Но это в основном потому, что времени у меня в избытке. Я ведь знаю, что, когда дело дойдет до серьезных вещей, когда все о них будет рассказано, я действительно могу впасть в отчаяние — вплоть до той минуты, когда записки эти будут уничтожены и я получу возможность писать все заново. Я никогда не повторяю одно и то же. Я не граммофонная пластинка.

Хотелось бы мне, чтобы солнце заглянуло в комнату, но в эту пору года оно навещает меня лишь около четырех, и то ненадолго. Хотелось бы понаблюдать его в большой хороший телескоп — например, тот, который Хемфри Филд установил четыре года назад на Маунт-Вилсон, с полным набором абсорбентов, поглощающих излишки энергии, так что можно спокойно, часами напролет разглядывать изрытое провалами лицо нашего отца. Плохо я сказал, это ведь не отец. Отец дарует жизнь, а Солнце понемногу умирает, подобно миллиардам других солнц.

Может, пора уже познакомить вас с той истиной, которую я постиг благодаря случаю и своей любознательности.

Я был тогда физиком. Специалистом по высоким температурам. Это специалист, который занимается огнем так, как могильщик занимается человеком. Вместе с Маартенсом и Ганимальди мы работали при большом боулдерском плазмотроне. Прежде наука действовала в несравненно меньшем масштабе — пробирки, реторты, штативы — и результаты были соответственно мельче. А мы брали миллиард ватт энергии, впускали ее в нутро электромагнита, каждая секция которого весила семьдесят

тонн, а в фокусе магнитного поля помещали большую кварцевую трубку.

Электрический разряд проходил через трубку от одного электрода к другому, и сила его была такова, что срывала с атомов электронные оболочки и оставалось лишь месиво раскаленных ядер, вырожденный ядерный газ, сиречь плазма, которая взорвалась бы и превратила бы в грибовидное облако нас, броню, кварц, электромагнит, закоренный в бетоне, стены здания и его сверкающий купол — и все это произошло бы в стомиллиардную долю секунды, куда быстрее, чем можно даже подумать о возможности такой катастрофы. Если бы не это магнитное поле.

Это поле сжимало разряды в плазме, скручивало их в пульсирующий огненный шнур, брызжущий жестким излучением, тянущийся от электрода к электроду, вибрирующий в вакууме внутри кварца; магнитное поле не давало обнаженным ядерным частицам с температурой в миллион градусов приблизиться к стенам сосуда — оно охраняло нас и нашу работу. Но все это вы найдете в любой популяризаторской книжке, и я неумело излагаю это лишь для порядка, поскольку надо же с чего-нибудь начать, а как-то трудно считать началом этой истории дверь без ручки или полотняный мешок с очень длинными рукавами. Правда, тут я уже начинаю преувеличивать, потому что таких мешков — смиренных рубашек — уже не применяют. Они стали ненужными, когда были найдены сильнодействующие успокоительные препараты. Но хватит об этом.

Итак, мы исследовали плазму, занимались плазменными проблемами, как полагается физикам: теоретически, математически, нератически, возвышенно и таинственно — по крайней мере в том смысле, что пренебрежительно относились к важному наших несведущих в науке нетерпеливых финансовых опекунов; они требовали результатов, обеспечивающих практическое применение. В ту пору было очень модно разглагольствовать о таких результатах или по крайней мере об их вероятности. А именно о том, что должен был возникнуть существовавший пока лишь на бумаге плазменный двигатель для ракет; очень требовался плазменный взрыватель для водородных бомб — тех самых, которые «чистые», — теоретически разрабатывали даже водородный реактор на основе плазменного шнура. Словом, если не все будущее целиком, то по крайней мере будущее энергетики и транспорта видели в плазме. Плазма была, как я уже

говорил, в моде, заниматься ее исследованием считалось хорошим тоном, а мы были молоды, хотели делать то, что наиболее важно и что может принести успех, славу... впрочем, не знаю! Если свести человеческие поступки к первоначальным их мотивам, они покажутся сплошь тривиальными; разумность и чувство меры, а также утонченность анализа состоят в том, чтобы поперечный разрез и фиксацию произвести в пункте максимальной усложненности, а не у истоков явления, так как все мы знаем, что даже Миссисипи у истоков выглядит не слишком импозантно и каждый может там запросто через нее перепрыгнуть. Потому-то к истокам относятся с некоторым пренебрежением. Но, по-моему, я отошел от темы.

Исследования наши и сотен других плазмологов, призванные осуществить все эти великие проекты, через некоторое время привели нас в область явлений, столь же непонятных, сколь и неприятных. До известной границы — до границы средних температур (средних в космическом понимании, то есть таких, которые преобладают на поверхности звезд) — плазма вела себя послушно и солидно. Если ее связывали надлежащим образом — при помощи магнитного поля или некоторых изоэлектрических штук, основанных на принципе индукции, — она позволяла впрячь себя в лямку практических применений, и ее энергию якобы можно было использовать. Якобы — потому что на поддержание плазменного шнура тратилось больше энергии, чем из него получалось; разница возникала за счет потерь лучистой энергии, ну и за счет возрастания энтропии. Баланс пока не принимался в расчет, так как по теории получалось, что при более высоких температурах затраты автоматически снизятся. Таким образом действительно получился некий прототип реактивного моторчика и даже генератор ультражестких гамма-лучей; но вместе с тем плазма не оправдывала многих надежд, на нее возлагавшихся. Маленький плазменный двигатель функционировал, а те, что проектировались на большую мощность, взрывались или выходили из повиновения. Оказалось, что плазма в определенном диапазоне термических и электродинамических возбуждений ведет себя не так, как предусматривалось теорией; это всех возмутило, потому что теория была совершенно новой и удивительно изящной в математическом отношении.

Такое случается; более того — должно случаться. Поэтому многие теоретики, в том числе и наша группа, не

смущаясь этой непокорностью явления, принялись изучать плазму там, где она вела себя наиболее строптиво.

Плазма — это имеет некоторое значение для моей истории — выглядит довольно внушительно. Попросту говоря, она напоминает осколок Солнца, к тому же — из центральной зоны, а не из прохладной хромосферы. Блеском она не уступает Солнцу — наоборот, превышает его. Она не имеет ничего общего ни с бледно-золотистым танцем вторичной, уже окончательной гибели, которую демонстрирует нам дерево, соединяющееся с кислородом в печи, ни с бледно-лиловым шипящим конусом, что исходит из сопла горелки, где фтор вступает в реакцию с кислородом, чтобы дать самую высокую температуру из достижимых посредством химии, ни, наконец, с вольтовой дугой, изогнутым пламенем между кратерами двух углей, хотя при наличии доброй воли и надлежащего упорства исследователь смог бы сыскать места, где бывает побольше, чем 3000 градусов. Также и температуры, возникающие вследствие того, что затолкают этак миллион ампер в тонкий проводник, который станет тогда совсем уж теплым облачком, и термические эффекты ударных волн при кумулятивном взрыве; все это плазма оставляет далеко позади. В сравнении с ней подобные реакции следует считать холодными, прямо-таки ледяными, а мы не судим так лишь потому, что случайно возникли из материи, совершенно уже застывшей, омертвелой поблизости от абсолютного нуля; наше бравое существование отделено от него лишь тремястами градусами по абсолютной шкале Кельвина, в то время как вверх эта шкала тянется на миллиарды градусов. Так что воистину не будет преувеличением, если мы отнесем даже самые огненные температуры, каких можем добиться в лабораторных условиях, к явлениям из области вечного теплового молчания.

Первые огоньки плазмы, которые пробились в лабораториях, тоже не были особенно горячими — двести тысяч градусов считали тогда внушительной температурой, а миллион был уже необычайным достижением. Однако же математика, эта примитивная и приблизительная математика, возникшая из анализа явлений ледяной сферы, предсказывала, что надежды, возлагаемые на плазму, осуществятся лишь на гораздо более высоком температурном уровне; она требовала температур по-настоящему высоких, почти звездных. Я имею в виду, конечно, температуру в недрах звезд; это, должно быть, необычайно интересные

места, хотя для посещения их человеком, по-видимому, еще не настало время.

Итак, требовались миллионоградусные температуры. Начали их добиваться — мы тоже над этим работали, — и вот что обнаружилось.

По мере возрастания температуры быстрота перемен, безразлично каких, тоже возрастает. При скромных возможностях этакой жидкой капельки (которой является наш глаз), соединенной с другой каплей, побольше (которую представляет мозг), даже пламя свечи есть сфера явлений, не уловимых из-за быстроты темпа, — что уж говорить о трепещущем огне плазмы! Пришлось, в общем, обратиться к иным методам — плазменные разряды стали фотографировать, и мы это тоже делали. Потом Маартенс при помощи своих знакомых оптиков и инженеров-механиков соорудил кинокамеру, сущее чудо (по крайней мере, в наших условиях), — она делала миллионы снимков в секунду. Не буду говорить о ее конструкции, чрезвычайно остроумной и свидетельствующей о нашем похвальном рвении. Главное, что мы перепортили километры киноплёнки, но в результате получили несколько сот метров, достойных внимания, и прокручивали их в темпе, замедленном в тысячу, а потом и в десять тысяч раз. Ничего особенного мы не заметили, кроме того, что некоторые вспышки, ранее считавшиеся явлениями элементарными, оказались конгломератами, возникающими вследствие взаимонаслоения тысяч крайне быстрых изменений; но и с этим в конце концов удалось справиться нашей примитивной математике.

Изумление охватило нас лишь в тот день, когда в лаборатории произошел взрыв — вследствие какого-то недосмотра, так и не выявленного до сих пор, либо по некоей не зависящей от нас причине. Это, собственно, не был настоящий взрыв, иначе мы не остались бы в живых, — просто плазма в катастрофически малую долю секунды поборола магнитное поле, сжимающее ее отовсюду, и вдребезги разнесла толстостенную кварцевую трубку, в которой была заточена.

По счастливому стечению обстоятельств уцелела кинокамера, снимавшая эксперимент, уцелела и лента. Взрыв продолжался миллионные доли секунды, а потом осталось лишь пожарище, стреляющее во все стороны брызгами расплавленного кварца и металла. Наносекунды взрыва запечатлелись на нашей киноленте, и этого зрелища я не забуду до самой смерти.

Непосредственно перед взрывом шнур плазменного огня, дотоле цельный и практически однородный, начал сужаться через равные интервалы, словно его дергали, как струну, а потом распался, превратился в цепочку круглых зерен, перестал существовать как целое. Каждое зерно росло и преобразалось, эти капельки атомного пламени потеряли четкость очертаний, из них выползли отростки, породившие очередную генерацию капелек; потом все эти капельки сбежались к центру и образовали сплюснутый шар, который сжимался и расширялся, словно дышал, и в то же время высылал вокруг на разведку огненные щупальца с вибрирующими окончаниями. Потом наступил моментальный (даже и на нашей киноленте) распад, исчезновение всякой упорядоченности, и виден был только ливень огненных брызг, рассекающих поле зрения, — пока все не утонуло в сплошном хаосе.

Я не преувеличу, сказав, что мы прокручивали эту ленту чуть не сотню раз. Потом — признаюсь, это была моя идея — мы пригласили к себе (не в лабораторию, а на квартиру к Ганимальди) некоего авторитетного биолога, досточтимую знаменитость. Ничего ему заранее не сказав, ни о чем не предупредив, мы взяли середину этой самой ленты и прокрутили ее для уважаемого гостя через обычный аппарат; только насадили темный фильтр на объектив, вследствие чего пламя на снимках поблекло и стало выглядеть как некий предмет, довольно ярко освещенный извне.

Профессор проглядел наш фильм и, когда зажегся свет, выразил вежливое удивление — почему это мы, физики, занимаемся столь далекими от нас делами, как жизнь инфузорий. Я спросил его, уверен ли он, что видел действительно колонию инфузорий.

Как сейчас помню его усмешку.

— Снимки были недостаточно четкими, — сообщил он с этой усмешкой, — и, с позволения сказать, видно, что делали их не профессионалы, но могу вас заверить, что это — не артефакт...

— Что вы понимаете под этим словом? — спросил я.

— *Artefactum* есть нечто искусственно созданное. Еще во времена Шванна развлекались тем, что имитировали живые существа, впуская капли хлороформа в прованское масло; эти капли прodelьвают амебообразные движения, ползают по дну сосуда и даже начинают делиться, если меняется осмотическое давление у полюсов. Но здесь чисто внешнее, поверхностное сходство, и это явление имеет столько же

общего с жизнью, сколько манекен в витрине — с человеком. Ведь все решает внутреннее строение, микроструктура. На вашей ленте видно, хоть и неотчетливо, как совершается деление этих одноклеточных. Я не могу определить их вид и даже не поручился бы, что передо мной не просто клетки животной ткани, которые долгое время выращивались на искусственных питательных средах и были подвергнуты воздействию гиалуронидазы, чтобы разъединить их, расклеить. Во всяком случае, это клетки, ибо они имеют хромосомный аппарат, хоть и поврежденный. Среда, видимо, подвергалась воздействию какого-то канцерогенного препарата?

Мы даже не переглянулись. Постарались не отвечать на его все новые и новые вопросы. Ганимальди просил гостя еще раз посмотреть фильм, но это не получилось, не помню уж почему, — может, профессор спешил, а может, думал, что за нашим умолчанием кроется какой-то розыгрыш. В самом деле не помню. Так или иначе, он ушел, и, как только закрылись двери за этой знаменитостью, мы поглядели друг на друга, совершенно опарашенные.

— Слушайте, — сказал я, опережая других, — я считаю, что мы должны пригласить еще одного специалиста и показать ему фильм полностью, без вырезок. Теперь, когда мы знаем, о чем идет речь, это уж должен быть специалист что надо — именно по одноклеточным.

Маартенс предложил одного из своих университетских знакомых, который жил неподалеку. Но он был в отъезде, вернулся только через неделю и тогда пришел на старательно подготовленный сеанс. Ганимальди не решился сообщить ему, в чем дело. Просто показал ему весь фильм, кроме начала, потому что шнур плазмы, распадающийся на лихорадочно пульсирующие капли, заставил бы слишком глубоко задуматься, отвлек бы внимание от дальнейшего. Зато мы показали теперь конец, эту последнюю фазу существования плазменной амобы, когда она разлетается во все стороны, как взорвавшийся снаряд.

Этот биолог был намного моложе того, первого, и поэтому не отличался такой самоуверенностью; вдобавок он, по-видимому, хорошо относился к Маартенсу.

— Это какие-то глубоководные амобы, — сказал он. — Их разорвало внутреннее давление, когда начало падать внешнее. Так же, как бывает с глубоководными рыбами. Их нельзя доставить живьем со дна океана, они всегда гибнут,

их разрывает изнутри. Но откуда у вас такие снимки? Вы опустили камеру в глубь океана или как?

Он смотрел на нас с возрастающей подозрительностью.

— Изображение нечеткое, правда? — скромно заметил Маартенс.

— Хотя и нечеткое, все равно интересно. Кроме того, деление происходит как-то ненормально. Я не заметил как следует очередности фаз. Пустите-ка ленту еще раз, только медленней.

Мы прокрутили фильм так медленно, как только удавалось, но это мало помогло — молодой биолог не вполне удовлетворился.

— Еще медленней нельзя?

— Нет.

— Почему вы не вели ускоренную съемку?

Мне ужасно хотелось спросить его, считает ли он, что пять миллионов снимков в секунду — это несколько ускоренная съемка; но я прикусил язык. Не до шуток было.

— Да, деление идет аномально, — сказал биолог, в третий раз просмотрев фильм. — Кроме того, создается такое впечатление, словно все это происходит в более плотной среде, чем вода... Вдобавок большинство дочерних клеток во втором поколении имеет возрастающие генетические дефекты, митоз извращен... И почему они сливаются все вместе? Это очень странно... Вы это делали на материале простейших в радиоактивной среде? — спросил он вдруг.

Я понял, о чем он думает. В то время много говорилось о том, что крайне рискованно затоплять радиоактивные отходы в герметических контейнерах на дне океана, что это может привести к заражению морской воды.

Мы заверили его, что он ошибается, что это не имеет ничего общего с радиоактивностью, и с трудом от него отделались — он, хмураясь, приглядывался поочередно к каждому из нас и задавал все больше вопросов, на которые никто не отвечал, потому что мы заранее так условились. Событие было слишком необычным и слишком значительным, чтобы довериться постороннему — пусть даже и приятелю Маартенса.

— Теперь, дорогие мои, надо нам всерьез поразмыслить, как тут быть, — сказал Маартенс, когда мы остались одни после этой второй консультации.

— То, что твой биолог принял за спад давления, из-за которого разорвало «амеб», на деле было внезапным спадом напряженности магнитного поля, — сказал я Маартенсу.

Ганимальди, до тех пор молчавший, высказался, как всегда, рассудительно.

— Считаю, — заявил он, — что нам надо продолжить эксперименты...

Мы отдавали себе отчет в риске, на который идем. Было уже ясно, что плазма, относительно спокойная и поддающаяся укрощению при температурах до миллиона градусов, где-то выше этой грани переходит в неустойчивое состояние и заканчивает свое недолговечное бытие взрывом, подобным тому, что недавним утром прогремел в нашей лаборатории. Возрастание магнитного поля приводило лишь к почти непредсказуемому запаздыванию взрыва. Большинство физиков считали, что значение определенных параметров меняется скачком и поэтому нужна будет совершенно новая теория «горячего ядерного газа». Впрочем, гипотез, долженствующих объяснить этот феномен, было уже порядочно.

Во всяком случае, нечего было и думать об использовании горячей плазмы для ракетных двигателей или для реакторов. Путь этот признали неверным, ведущим в тупик. Исследователи, особенно те, кто интересовался конкретными результатами, вернулись к более низким температурам. Примерно так выглядела ситуация, когда мы приступили к дальнейшим экспериментам.

При температуре выше миллиона градусов плазма становилась материалом, по сравнению с которым вагон нитроглицерина — детская игрушка. Но опасность не могла нас остановить. Мы были слишком заинтригованы своим поразительным, сенсационным открытием и готовы на все. Другое дело, что мы не замечали массы ужасающих препятствий. Последний след ясности, который математика вносила в раскаленные недра плазмы, исчезал где-то на подступах к миллиону (или, по другим, менее надежным методам исчисления, к полутора миллионам) градусов. Дальше расчеты вообще ни к чему не вели — получалась сплошная бессмыслица.

Так что оставался лишь старый метод проб и ошибок, то есть экспериментирование вслепую, — по крайней мере на первых этапах. Но как уберечься от взрывов, грозящих ежеминутно? Железобетонные блоки, самая прочная броня, любые заслоны — все это перед крупницей материи, раскаленной до миллиона градусов, становятся не более надежной защитой, чем листок папиросной бумаги.

— Представим себе, — сказал я товарищам, — что где-то в космической пустоте, при температуре, близкой к

абсолютному нулю, обитают существа, не похожие на нас — ну, скажем, некие металлические организмы, — и что они проводят эксперименты. Между прочим, удастся им — не важно, каким образом, но удастся — синтезировать живую белковую клетку. Одну амебу. Что с ней произойдет? Конечно, едва успев возникнуть, она немедленно распадется, взорвется, останки же ее замерзнут, потому что в вакууме закипит и мгновенно превратится в пар содержащаяся в ней вода, а энергия белкового обмена тут же излучится. Металлические экспериментаторы, снимая свою амэбу камерой наподобие нашей, смогут ее видеть какую-то долю секунды, но для того чтобы сохранить ей жизнь, им пришлось бы создать для нее соответствующую среду.

— Ты в самом деле думаешь, что наша плазма породила «живую амэбу»? — спросил Ганимальди. — Что это — жизнь, созданная из огня?

— Что есть жизнь? — спросил я, подобно Понтию Пилату, вопросившему: «Что есть истина?». — Я ничего не утверждаю. Одно, во всяком случае, ясно: космическая пустота и космический холод — гораздо более благоприятные условия для существования амэбы, нежели земные условия — для существования плазмы. Единственная среда, в которой плазма при температуре выше миллиона градусов может уцелеть, это...

— Понятно. Звезда. Недра звезды, — сказал Ганимальди. — И ты хочешь создать эти недра в лаборатории, вокруг трубки с плазмой? Действительно, нет ничего проще... Только сначала придется поджечь весь водород в океанах...

— Это не обязательно. Попробуем кое-что другое.

— Можно было бы сделать это иначе, — заметил Маартенс. — Взорвать заряд трития и в полость взрыва ввести плазму.

— Этого сделать нельзя, ты сам знаешь. Прежде всего, никто тебе не разрешит устроить водородный взрыв, а если б и разрешили, то нет никакой возможности ввести плазму в очаг взрыва. Да и полость эта существует лишь до тех пор, пока мы вводим свежий тритий извне.

После этого разговора мы разошлись в довольно мрачном настроении — похоже было, что дело безнадежное. Но потом снова начались нескончаемые дискуссии, и наконец мы отыскали нечто такое, что казалось шансом или хоть смутной тенью шанса. Нам требовалось теперь магнитное поле с необычайным напряжением и звездной температурой. Оно должно было стать «питательным раствором» для плазмы, ее

«естественной» средой. Мы решили начать эксперимент в поле с обычным напряжением, а потом внезапно в десять раз увеличить напряжение. По расчетам получалось, что нашу восьмисоттонную магнитную машину вдребезги разнесет или, по крайней мере, расплавится обмотка, но перед этим, в момент короткого замыкания, мы получим постулируемое поле — на две, а может, даже на три стотысячных секунды. По отношению к темпу процессов, протекающих в плазме, это был немалый отрезок времени. Весь проект имел явно преступный характер, и, конечно, никто не дал бы нам разрешения осуществить его. Но нас это мало трогало. Нас интересовало только одно — зарегистрировать явления, которые произойдут в момент замыкания и мгновенно следующего за ним взрыва. Если мы загубим аппаратуру и не получим ни метра ленты, ни одного снимка, все наши действия сведутся к акту уничтожения.

Здание лаборатории находилось, к счастью, милях в пятнадцати от города, среди пологих холмов. На верхушке одного из этих холмов мы устроили наблюдательный пункт, с кинокамерой, телеобъективами и со всем электронным хозяйством, разместив все это за плитой из бронестекла с высокой прозрачностью. Сделали серию пробных снимков, применяя все более мощные телеобъективы; наконец остановились на том, который давал восьмидесятикратное увеличение. У него была очень малая светосила, но, поскольку плазма ярче Солнца, это не имело значения.

В этот период мы действовали скорее как заговорщики, чем как исследователи. Пользовались тем, что наступила пора летних отпусков и ближайшие две недели никто, кроме нас, не появится в лаборатории. За это время и надлежало все закончить. Мы понимали, что дело не обойдется без шума, а может, и серьезных неприятностей, — ведь надо будет как-то оправдаться по поводу катастрофы; мы даже придумали довольно правдоподобные варианты объяснения, которое должно создать видимость нашей невинности. Мы не знали, даст ли этот отчаянный опыт хоть какие-то видимые результаты; ясно было лишь одно — после взрыва лаборатория перестанет существовать.

Мы вынули окна вместе с рамами из той стены, что была обращена в сторону холма, демонтировали и убрали защитные перегородки перед электромагнитом, чтобы с наблюдательного пункта хорошо просматривался источник плазмы.

К эксперименту мы приступили шестого августа в семь двадцать утра, под безоблачным небом и жарким солнцем.

На склоне холма, у самой вершины, выкопали глубокий ров. Сидя в нем, Маартенс при помощи маленького переносного пульта, кабели от которого тянулись к дому, управлял электромагнитом. Ганимальди имел на попечении кинокамеру, а я рядом с ним, подняв голову над бруствером, сквозь бронестекло и мощную стереотрубу, установленную на треножном штативе, вглядывался в темный квадрат оголенного окна, в ожидании того, что произойдет там, внутри.

— Минус 21... минус 20... минус 19... — монотонно, без оттенка эмоций произносил Маартенс, сидевший за моей спиной среди путаницы кабелей и выключателей. В поле зрения у меня была густая тьма, в центре которой вибрировала и лениво изгибалась ртутная жилка разогревающейся плазмы. Я не видел ни озаренных солнцем холмов, ни травы, усеянной белыми и желтыми цветами, ни августовского неба над куполом лаборатории: линзы были старательно зачернены с краев.

Когда плазма начала взбухать посредине, я испугался, что она разорвет трубку раньше, чем Маартенс скачком усилит поле. Хотел уже крикнуть, открыл рот, но в этот самый миг Маартенс произнес: «Ноль!»

Нет. Земля не заколебалась, гром не грянул. Только тьма, в которую я вглядывался, побледнела. Отверстие в стене лаборатории заполнилось оранжевым туманом, потом оно стало ослепительно сверкающим квадратным солнцем — и тут же все утонуло в огненном вихре; отверстие в стене увеличилось, стрельнуло во все стороны ветвистыми трещинами, пышущими дымом и пламенем, и с протяжным грохотом, разнесшимся по всей окрестности, купол осел на падающие стены. Через стереотрубу уже ничего нельзя было разглядеть, я отвел от нее глаза и увидел бьющий в небо столб дыма. Ганимальди отчаянно шевелил губами, крича что-то, но грохот все не утихал, перекатывался над нами, и я ничего не слышал — уши были словно ватой забиты. Маартенс вскочил и просунул голову между нами, чтобы глянуть вниз, — до тех пор он был всецело занят пультом. Грохот наконец утих. И тут же мы вскрикнули — кажется, в один голос.

Дымовая туча, вскинутая взрывом, поднялась уже высоко над руинами лаборатории, все медленней оседавшими на землю в тумане известковой пыли. Из белых клубов этой пыли вынырнул ослепительный продолговатый огонь, окруженный лучистым ореолом, — словно солнце, вытянутое наподобие червяка. Около секунды он почти неподвижно

висел над дымящимися развалинами, сжимаясь и распрямляясь, потом спланировал вниз. Черные и красные круги плавали у меня перед глазами, так как это существо полыхало сиянием, равным солнечному, но я успел еще увидеть, как мгновенно исчезает, дымясь, высокая трава на его пути, а оно спускается к земле. Огненный червяк двигался к нам не то ползком, не то порхая, его лучистый ореол пульсировал, и он был словно ядром пламенного пузыря. Сквозь бронестекло хлынул жар излучения; огненный червяк исчез из поля зрения, но по вибрации воздуха над склоном, по клубам дыма и снопам трескучих искр, в которые превращались кусты, мы поняли, что он движется к вершине холма. Натыкаясь друг на друга, внезапно охваченные страхом, мы бросились в бегство. Знаю, что я бежал напрямик, затылок и спину обжигал невидимый огонь, словно преследуя меня. Я не видел ни Маартенса, ни Ганимальди, я словно ослеп и все мчался вперед, пока не споткнулся, попав ногой в кротовью нору, и не рухнул в еще влажную от ночной росы траву на дне ложбинки. Я тяжело дышал, изо всех сил жмурясь, и, хоть лицом я уткнулся в траву, вдруг сквозь веки проникло красноватое зарево, словно солнце светило мне прямо в глаза. Но, по правде говоря, я не вполне уверен, было ли это.

Тут в моей памяти зияет провал. Не знаю, сколько я пролежал в ложбинке. Очнулся, словно ото сна, с лицом, прижатым к траве. Едва успел шевельнуться, как ощутил нестерпимую жгучую боль в затылке и шее, и потом долго не решался поднять голову. Наконец рискнул. Я лежал в ложбине, между невысокими буграми; вокруг тихо колыхалась под ветерком трава, на ней сверкали последние капли росы, быстро испаряясь в солнечных лучах. Лучи эти основательно меня допекали; я понял, в чем дело, лишь когда осторожно притронулся к затылку и нащупал крупные пузыри ожога. Я встал и обвел взглядом холм, на котором мы устраивали наблюдательный пункт. Я долго не мог решиться туда пойти — страшно мне было. Перед глазами все время стояло это ползущее огненное чудище.

— Маартенс! — крикнул я. — Ганимальди!

Я инстинктивно поглядел на часы: было пять минут девятого. Я приложил часы к уху — они шли. Взрыв произошел в семь двадцать; все дальнейшее продолжалось, вероятно, около минуты. Значит, я три четверти часа был без сознания?

Я начал подниматься по склону. Метрах в тридцати от

вершины холма наткнулся на первую проплешину сожженной земли. Она была покрыта синеватым, почти остывшим уже пеплом, словно след костра, кем-то здесь разожженного. Только очень уж странный это был костер — ему не сиделось на месте.

От обугленного круга тянулась полоса выжженной земли шириной метра полтора, извилистая, окаймленная по обе стороны травой, сначала обугленной, а потом лишь пожелтевшей и поникшей. Полоса эта кончалась за очередным кругом синеватого пепла. И тут лежал человек, ничком, подтянув одну ногу почти под грудь. Еще не коснувшись его, я понял, что он мертв. Одежда, с виду целая, стала серебристо-серой, и шея была того же немислимого цвета; когда я над ним наклонился, все это начало рассыпаться от моего дыхания.

Я отшатнулся, вскрикнув от ужаса, но передо мной уже лежал съезжившийся темный предмет, лишь приблизительно напоминавший человеческое тело. Я не знал, Маартенс это или Ганимальди, и не решался дотронуться до него, да и понимал, что лица у него уже нет. Делая громадные прыжки, я ринулся к вершине холма, но больше уж никого не звал. Снова увидел путь огня — извилистую, черную, как уголь, полосу среди травы, местами расходящуюся в круг диаметром в несколько метров.

Я ожидал, что увижу второй труп, но его нигде не было. Я спустился с вершины туда, где был наш окоп; от бронестекла осталась лишь растекшаяся по склону стеклянистая пленка, похожая на замерзшую лужу. Все остальное — аппаратура, кинокамера, пульт, стереотруба — просто исчезло, а сам окоп обвалился, словно под сильным нажимом сверху; на дне его, среди камней и пыли, поблескивали кое-где потеки расплавленного металла. Я перевел взгляд на лабораторию. Она выглядела так, будто в нее угодила здоровенная авиабомба. Между торчащими во все стороны обломками стен порхали еле заметные в солнечном свете огоньки догорающего пожара. Я смотрел на это почти невидящими глазами, сляясь припомнить, в какую сторону побежали мои товарищи, когда все мы выпрыгнули из окопа. Маартенс был тогда слева от меня — значит, это, наверно, его тело я нашел... А Ганимальди?

Я начал разыскивать его следы — тщетно, так как за пределами выжженных кругов и полос трава уже выпрямилась. Но я все бегал по склону холма, пока не нашел еще одну выжженную полосу; я начал спускаться по ней вниз,

как по тропинке, она поскрипывала под ногами... и вдруг я замер. Обугленная полоса расширялась; мертвая, обгоревшая трава окружала пространство длиной метра в два, неправильной формы. С одной стороны оно было уже, с другой расширялось, распадаясь надвое... Все это походило на деформированный, расплющенный крест, покрытый довольно плотным слоем темной копоти, будто здесь медленно догорало деревянное распятие, раскинув свои руки-перекладыны... А может, мне это лишь привиделось? Не знаю...

Уже давно казалось мне, что я слышу далекий пронзительный вой, но я не обращал на это внимания. Доносились до меня и голоса людей — и они тоже ничуть меня не интересовали. Вдруг я увидел маленькие фигурки людей, бегущих ко мне; сначала я припал к земле, словно пытаюсь укрыться, и даже отполз от пожарища, кинулся в сторону; когда я бежал по противоположному склону холма, они вдруг появились, заступили мне дорогу с двух сторон. Я почувствовал, что ноги меня не слушаются; да, впрочем, мне было все равно.

Я, собственно, не знаю, почему убегал от них — если это была попытка к бегству. Я сел на траву, а они окружили меня; один наклонился ко мне, что-то говорил; я сказал, пускай он перестанет, пускай лучше ищут Ганимальди, а со мной ничего такого. Они попытались поднять меня, я сопротивлялся, тогда кто-то схватил меня за плечо и я вскрикнул от боли. Потом я почувствовал укол и потерял сознание. Очнулся в госпитале.

Память у меня сохранилась полностью. Я помнил, сколько времени прошло с момента катастрофы. Я был весь забинтован, ожоги давали себя знать сильной болью, возраставшей при каждом движении, — так что я старался вести себя с величайшей осторожностью. Впрочем, эти мои больничные переживания, все трансплантации кожи, которые мне делали долгие месяцы, не имеют значения, так же как и то, что произошло позже. Да ничего другого и не могло произойти. Лишь много недель спустя прочел я в газете официальную версию катастрофы. Объяснение нашли простое, да оно само напрашивалось: лабораторию разрушил взрыв плазмы; трое ученых пытались спасти — Ганимальди погиб под развалинами здания, Маартенс в пылающей одежде добежал до вершины холма и там умер, а я был обожжен и находился в тяжелом шоковом состоянии. На следы огня среди травы вообще не обратили внимания, так как исследовали прежде всего руины лаборатории. Кто-то из

них, впрочем, утверждал, что траву поджег Маартенс, когда катался по ней, пытаясь сбить пламя с одежды. И так далее.

Я считал своим долгом рассказать правду независимо от последствий — уже хотя бы из-за Ганимальди и Маартенса. Мне очень осторожно дали понять, что моя версия событий является следствием шока, так называемой производной иллюзией. Ко мне еще не вернулось душевное равновесие; я начал бурно протестовать — мое возмущение сочли симптомом, подтверждающим диагноз.

Следующий разговор произошел примерно через неделю. На этот раз я старался держаться спокойней, аргументировал свои утверждения. Рассказал о первом снятом нами фильме, который должен находиться в квартире у Маартенса; однако поиски были безрезультатны. Догадываюсь, что Маартенс сделал то, о чем упомянул однажды мимоходом; положил пленку с фильмом в банковский сейф. Все, что он имел при себе, было полностью уничтожено — значит, и ключ от сейфа, и банковская квитанция исчезли бесследно. Фильм наш, должно быть, по сей день лежит в этом сейфе. Таким образом я проиграл и здесь; однако я не сдавался, и, уступив моим настойчивым просьбам, решили провести осмотр на месте происшествия. Я заявил, что все докажу именно там; врачи в свою очередь предполагали, что там, возможно, вернется ко мне память о «подлинных» событиях. Я хотел показать им кабели, которые мы протянули из лаборатории к вершине холма, в окоп. Но и кабелей не было. Я утверждал, что раз их нет, то, значит, их кто-то убрал уже потом — может, пожарные, когда гасили огонь.

Только там, среди зеленых холмов, под голубым небом, рядом с почерневшими и словно съжившимися развалинами лаборатории, я понял, почему все так получилось.

Огненный червяк не преследовал нас. Он не хотел нас убить. Он ничего о нас не знал; мы его не интересовали. Рожденный взрывом, он, выбравшись наружу, уловил ритм сигналов, которые все еще пульсировали в проводах, так как Маартенс не выключил управляющего устройства. Это к нему, к источнику электрических импульсов, поползло огненное создание, никакое не разумное существо, просто солнечная гусеница, цилиндрический ступок организованного огня, которому оставалось лишь несколько десятков секунд жизни. Об этом свидетельствовал его расширяющийся ореол: температура, при которой он мог существовать, стремительно падала, каждое мгновение он тратил, наверное, массу энергии, излучал ее, и неоткуда было ее черпать — поэтому

он и извивался судорожно у кабелей, несущих электроэнергию, превращая их в пар, в газ. Маартенс и Ганимальди оказались случайно на его пути; он, наверное, к ним и не приближался. Маартенса убил термический удар, а Ганимальди, возможно ослепнув от сияния плазмы и потеряв ориентировку, ринулся прямо в бездну сверкающей смерти.

Да, огненное создание умирало там, на вершине холма, бессмысленно извиваясь и корчась в отчаянных и бесплодных поисках источников энергии, которая вытекала из него, как кровь из жил. Оно убило двух людей, даже не узнав об этом. Впрочем, обугленные полосы и круги уже поросли травой.

Когда я оказался там в сопровождении двух врачей, какого-то незнакомого человека (кажется, из полиции) и профессора Гилша, ничего уже нельзя было найти, хотя со дня катастрофы не прошло и трех месяцев. Все поросло травой, и то место, где я видел некую тень распятия, тоже; трава тут разрослась особенно буйно. Все словно ополчилось на меня. Окоп, правда, был виден, но кто-то использовал его как мусорную свалку, он был доверху забит ржавым железом и консервными банками. Я повторял, что под этой грудой лежат расплавленные осколки бронестекла. Мы копались в этом мусоре, но стекла не нашли. То есть были какие-то крупинки, и даже оплавленные. Но мои спутники сочли, что это осколки обычных бутылок, которые кто-то расплавил в печи центрального отопления, предварительно раздробив их для уменьшения объема — перед тем как выбросить в мусорный бак. Я просил, чтобы отдали стекло на анализ, но они этого не сделали. У меня остался только один шанс — показания молодого биолога и профессора, которые видели наш фильм. Профессор был в Японии и собирался вернуться лишь весной, а приятель Маартенса подтвердил, что мы показывали ему такой фильм, но только там была снята вовсе не ядерная плазма, а глубоководные амебы. Он сказал, что Маартенс категорически отрицал при нем, что снимки могут представлять нечто иное.

И это ведь была правда. Маартенс говорил так потому, что мы условились хранить тайну.

Таким образом, дело оказалось закрытым.

А что же случилось с огненным червяком? Может, он взорвался, когда я лежал без сознания, а может, тихо окончил свое мимолетное существование; оба варианта одинаково правдоподобны.

При всем при том меня, наверное, выпустили бы из лечебницы как неопасного, но я оказался слишком упрям.

Гибель Маартенса и Ганимальди накладывала на меня обязательства. В период выздоровления я требовал массу различных книг. Мне давали все, что я хотел. Я проштудировал всю соляристику, выяснил, что известно о солнечных протуберанцах и о шаровых молниях. Мысль о том, что огненный червяк находился в некоем родстве с такой молнией, возникла у меня потому, что в поведении их имеются сходные черты. Шаровые молнии (явление, по сути, все еще загадочное, не объясненное физикой) возникают среди мощных электрических разрядов, во время грозы. Эти светящиеся раскаленные шары свободно парят в воздухе, иногда поддаются его течениям, сквознякам, ветрам, а иногда плывут против течения. Их притягивают металлические предметы и электромагнитные волны, особенно ультракороткие, — их влечет туда, где воздух ионизирован. Охотней всего они держатся около проводов, по которым идет электроток. Словно бы пытаются выпить этот ток, но это им никак не удается. Зато весьма вероятно — по крайней мере так считают некоторые специалисты, — что они «подкармливаются» дециметровыми волнами через канал ионизированного воздуха, который образует породившая их линейная молния. Утечка энергии, однако, превышает то, что поглощают шаровые молнии, и поэтому их существование измеряется немногими десятками секунд. Озарив все вокруг синевато-желтым сиянием, покружившись в трепетном и возвышенном полете, они исчезают в грохоте и блеске взрыва либо тают и гаснут почти беззвучно. Разумеется, они — не живые существа; с жизнью у них общего не больше, чем у тех капель масла в хлороформе, о которых нам рассказывал профессор.

А огненный червяк, которого мы создали, — он жил? Тому, кто задаст мне такой вопрос (конечно, не с целью подразнить сумасшедшего, ибо я не сумасшедший), я честно отвечу: не знаю. Однако сама эта неуверенность, это неведение таят в себе возможность такого переворота в наших познаниях, который никому и в бреду не мерещится.

Существует, говорят мне, лишь одна форма жизни: вялое бытие белковых организмов, какое мы знаем, разделенное на растительное и животное царства. При температурах, всего на триста мелких шажков отстоящих от абсолютного нуля, возникла эволюция и ее венец — человек. Только он и ему подобные могут противостоять тенденции хаоса, царящей во Вселенной. Ну да, этот постулат основан на убеждении, что все вокруг есть хаос и беспорядок — ужасающий жар в

недрах звезд, огненные грани галактических туманностей, раскаляющихся от взаимопроникновения, шары газовых солнц. Да ведь никакая, говорят эти трезвые, разумные и поэтому всегда, безусловно, правые люди, упорядоченность, никакой вид или хотя бы зародыш организованности не может возникнуть в океанах кипящего огня; солнца — это слепые вулканы, из недр которых извергаются планеты, а они, в порядке исключения, весьма редко, создают человека; все остальное — лишь мертвая ярость вырожденных атомных газов, скопище зловещих огней, сотрясаемое протуберанцами.

Я усмехаюсь, слушая эту самовосхваляющую лекцию, продиктованную слепой манией величия. Существуют, говорю я, две формы Жизни. Одна из них, могучая и гигантская, освоила весь наблюдаемый Космос. То, что ужасает нас, угрожает нам гибелью — звездные температуры, исполински мощные магнитные поля, чудовищные вулканические извержения, — для этой формы жизни является комплексом условий благоприятных, более того — необходимых.

Хаос, говорите? Водоворот мертвого пламени? Тогда почему же астрономы наблюдают на поверхности Солнца прямо-таки неисчислимое множество явлений, хоть и непонятных, но регулярно протекающих? Почему так удивительно регулярны магнитные вихри? Почему существуют ритмические циклы активности звезд, точно так же, как существуют циклы обмена веществ в любом живом организме? У человека есть цикл суточный и месячный, кроме того, на протяжении всей жизни в нем борются антагонистические силы роста и умирания; у Солнца есть одиннадцатилетний цикл, а каждые четверть миллиарда лет оно переживает депрессию, свой «климакс», который порождает на Земле ледниковые эпохи. Человек рождается, стареет, умирает — как звезда.

Вы слушаете и не верите. И вам смешно. Вам хочется спросить меня — просто смеха ради, — может, я верю, что у звезд есть разум? Считаю, что они мыслят? Этого я тоже не знаю. Но вместо того чтобы беззаботно осуждать мои безумства, приглядитесь к протуберанцам. Попробуйте еще раз просмотреть фильм, снятый во время солнечного затмения, когда эта огненная мошкара вылезает наружу и на сотни тысяч, на миллионы километров удаляется от своей колыбели, чтобы, проделывая диковинные и непонятные маневры, вытягиваясь и снова сжимаясь, непрерывно менять

форму и наконец рассеяться, исчезнуть в космической пустоте либо вернуться в добела раскаленный океан, который породил их. Я не утверждаю, что это — щупальца Солнца. С тем же успехом они могут быть его паразитами.

Ну, допустим, говорите вы для поддержания дискуссии, чтобы этот оригинальный, хоть и перегруженный абсурдом разговор не оборвался прежде времени, нам хочется еще кое-что выяснить. Почему ж это мы не пробуем переговариваться с Солнцем? Мы штурмуем его радиоволнами. Может, ответит? Если не ответит, твоя теория будет опровергнута...

Интересуюсь, о чем могли бы мы беседовать с Солнцем? Какие идеи, понятия, проблемы могут оказаться у нас с ним общими? Вспомните, что мы увидели в нашем первом фильме. Огненная амеба в миллионную долю секунды превратилась в два будущих своих поколения. Разница темпа тоже имеет определенное значение. Договоритесь сначала с бактериями, живущими в вашем организме, с кустами в вашем саду, с пчелами и цветами — тогда можно будет поразмыслить над методикой информационного контакта с Солнцем.

Если так, скажет самый добродушный из скептиков, все это оказывается попросту... несколько оригинальной точкой зрения. Твои взгляды ни на йоту не изменят существующей действительности, ни теперь, ни в будущем. Вопрос о том, является ли звезда живым существом, становится делом договоренности, согласия принять такой термин — только и всего. Одним словом, ты рассказал нам сказку...

Нет, отвечаю я. Вы ошибаетесь. Вы думаете, что Земля — это крупинка жизни в океане небытия. Что человек одинок, и звезды, туманности, галактики он считает своими противниками. Что единственно возможны и доступны те познания, которые добыл и добудет в дальнейшем он, единый создатель Гармонии и Порядка, непрерывно подверженного опасности захлебнуться в потоке бесконечности, сверкающей дальними световыми точками. Но дело обстоит иначе. Иерархия активной стабильности вездесуща. Кто желает, может назвать ее жизнью. На пиках ее, на высотах энергетического возбуждения существуют огненные организмы. У самой грани, вплотную к абсолютному нулю, в области тьмы и стывающего дыхания, жизнь возникает снова, как бледный отблеск той, как слабое, угасающее напоминание о ней, — это мы. Станьте на такую точку зрения и учитесь скромности, а вместе с тем надежде — ибо когда-нибудь Солнце станет Новой и заключит нас в милосердные

огненные объятия, и мы, вернувшись таким путем в вечное круговращение жизни, сделавшись частицами его величия, приобретем более глубокое знание, чем то, которое досталось в удел обитателям ледяной сферы. Вы не верите мне. Так я и знал. Теперь я соберу эти исписанные листы, чтобы уничтожить их, но завтра или послезавтра снова усядусь за пустой стол и начну писать правду.

137 СЕКУНД

Господа, из-за неблагоприятных условий или отсутствия времени большинство людей покидают этот мир, не задумываясь над сущностью его. У тех же, кто пробует сделать это, заходит ум за разум, и они принимаются за что-нибудь другое. К ним отношусь и я. По мере того как я делал карьеру, место в «Who's Who», отводимое моей особе, из года в год становилось все обширнее, но ни в последнем издании, ни в последующих не будет ничего сказано о том, почему я бросил журналистику. И вот именно об этом и будет моя история, которую в иных обстоятельствах я, конечно, не стал бы рассказывать.

Я знал одного способного парня, решившего построить чувствительный гальванометр, и ему это удалось — слишком хорошо. Стрелка отклонялась даже тогда, когда отсутствовал ток, так как прибор реагировал на колебания земной коры. Этот пример может быть взят эпиграфом к моей повести.

Тогда я был ночным редактором иностранной службы ЮПИ. Много мне там пришлось повидать, в том числе и введение автоматизации в газетном деле. Пришлось расстаться с живыми метранпажами и начать работать с компьютером IBM 0161, специально приспособленным для подобной работы. Остается лишь сожалеть, что я не родился лет на сто пятьдесят раньше. История моя начиналась бы тогда словами «увез графиню де...», а когда я дошел бы до того, как, вырвав вожжи из рук возницы, я начал хлестать коней кнутом, чтобы уйти от погони наемников ревнивого мужа, мне не пришлось бы объяснять вам, что такое графиня и в чем состоит похищение.

Теперь не все так просто. Компьютер IBM 0161 — не только механический метранпаж. Это демон скорости, сдержива-

емый разными инженерными штучками так, чтобы человек поспевал за ним. Компьютер заменяет от десяти до двенадцати человек. Он соединен с сетью телетайпов, и то, что выстукивают наши корреспонденты в Анкаре, Багдаде, Токио, в тот же момент попадает в его цепи. Он обрабатывает все это и воспроизводит на экране по очереди разные варианты страниц утреннего выпуска. Между полночью и третьим часом утра — временем окончания номера — он может обработать до пятидесяти вариантов выпуска. Какой из вариантов пойдет в машину — решает дежурный редактор. Метранпаж, которому пришлось бы сделать не пятьдесят, а только пять вариантов верстки номера, сошел бы с ума. Компьютер же работает в миллион раз быстрее каждого из нас, вернее, он мог бы так работать, если бы ему позволили.

Я вполне сознаю, как много привлекательного теряется в моей истории из-за таких отступлений. Много ли осталось бы от красоты графини, если бы я не воспевал алебастровую красоту ее бюста, а говорил о его химическом составе? Мы живем в трудное для рассказчиков время, внятное повествование стало анахронизмом, а чтобы понять сенсацию, нужно копаться в энциклопедиях и университетских учебниках. Но средства против этого еще никто не выдумал.

Наша совместная с IBM работа была поразительной. Как только поступало новое сообщение — происходило это в большом круглом зале, наполненном безуданным стуком телетайпов, — компьютер сразу заверстывал его для пробы в макет страницы. На экране только, разумеется. Все это — игра электронов, света и тени. Некоторые жалеют людей, которых компьютер лишил работы. Я им сочувствую. У компьютера нет самолюбия: он не нервничает, если за пять минут до трех не получено последнее сообщение, у него нет домашних неприятностей, он не берет займы перед первым числом, не мучается и не дает понять, что разбирается в деле лучше вас, а главное — не обижается, если то, что было заверстано на первой странице, ему приказывают перенести на последнюю страницу и набрать нонпарелью. Вместе с тем он неслышанно требователен; не сразу можно это осознать. Если он говорит «нет», то это «нет» окончательное, беспелляционное, как приговор тирана, которому невозможно противоречить! Но поскольку он никогда не ошибается, все огрехи утреннего выпуска имеют только одного автора: им всегда является человек.

Конструкторы IBM абсолютно все предусмотрели за исключением одной мелочи: телетайпы, как бы их ни

монтировали и ни устанавливали, всегда вибрируют при работе, подобно пишущей машинке, печатающей с большой скоростью. Из-за этой вибрации контакты кабелей, соединяющих редакционные телетайпы с компьютером, постепенно ослабевают, и кабели выпадают из гнезд. Случается это редко, раз или два в месяц. Возникающее при этом неудобство — нужно встать и воткнуть кабель на место — невелико, и никто не требовал заменить контакты. Каждый из нас, дежурных, знал об этом, но особенно не огорчался. Возможно, сейчас контакты уже заменены. Если так, то открытие, сделанное мной, уже не будет повторено.

Было это в канун Рождества. Номер я закончил около трех пополуночи — я любил оставлять себе хоть несколько минут в запасе, чтобы отдышаться и выкурить трубку. Я с удовольствием думал, что ротационная машина ждет уже не меня, а последнее сообщение — депешу из Ирана, где утром произошло землетрясение. Агентства передали только отрывки сообщения корреспондента — после первого толчка произошел второй, настолько сильный, что прервалась кабельная связь. Молчало и радио, и мы считали, что радиостанция лежит в развалинах. Мы делали ставку на нашего человека: был им Стэн Роджерс. Шуплый как жокей, он не раз втискивался в какой-нибудь военный вертолет, когда все места уже были заняты: для него делалось исключение, так как весил он не больше чемодана.

На экране виднелся макет титульной страницы с последним белым пустым прямоугольником. Связи с Ираном по-прежнему не было. Хотя стучало сразу несколько телетайпов, но звук, с каким включился турецкий, я тут же узнал. Это дело навыка, который приобретается бессознательно. Удивило меня то, что белый прямоугольник остался пустым, хотя слова должны были появиться на экране сразу же при включении телетайпа, но эта пауза продолжалась не больше секунды или двух. Затем текст сообщения, впрочем очень короткого, появился целиком, что меня поразило. Помню его на память. Заголовок уже был готов; под ним шел текст: «В Шерабаде между десятью и одиннадцатью по местному времени дважды повторились подземные толчки силой в семь и восемь баллов. Город лежит в развалинах. Число жертв оценивается в тысячу, шесть тысяч потеряли кровь».

Раздался сигнал, которым меня вызывала типография, — было ровно три часа. Так как при таком лаконичном тексте оставалось свободное место, я разбавил текст двумя

дополнительными фразами и, нажав клавиш, отправил готовый номер в типографию, где, передавший прямо линотипистам, он пошел в набор и на ротационную машину. Моя работа была закончена: я встал, размял суставы, зажег погасшую трубку и тут увидел лежавший на полу кабель. Он выскочил из гнезда. Кабель телетайпа из Анкары. Именно этим телетайпом пользовался Роджерс. Когда я поднимал кабель, у меня промелькнула совершенно нелепая мысль, что он уже лежал так до того, как отозвался телетайп. Ясно, это был абсурд, ибо как мог компьютер без соединения с телетайпом принять сообщение? Не торопясь я подошел к телетайпу, оторвал бумагу с отпечатанным текстом и поднес его к глазам. Он показался мне несколько иначе составленным, но я устал, чувствовал себя разбитым, как обычно в эту пору, и не доверял памяти. Я включил еще раз компьютер, желая увидеть первую страницу, и сравнил оба текста. Действительно, они разнились между собой, однако незначительно. Текст телетайпа выглядел так: «Между десятью и одиннадцатью местного времени произошли два следующих друг за другом толчка в Шерабаде, силой в семь и восемь баллов. Город полностью разрушен. Число жертв превышает пятьсот, а лишенных крова — шесть тысяч». Я стоял, поглядывая то на экран, то на лист бумаги, не зная, ни что думать, ни что делать. По смыслу оба текста были очень похожи, единственная существенная разница лишь в числе жертв: Анкара дала эту цифру как пятьсот, а компьютер удвоил ее. Обычный рефлекс журналиста заставил меня соединиться с типографией.

— Послушай, — сказал я Лэнгторну (он был тогда дежурным линотипистом), — обнаружилась ошибка в иранском сообщении, первая полоса, третья колонка, последняя строка. Должно быть не тысяча...

Тут я остановился, так как турецкий телетайп вновь заработал и начал выстукивать: «Внимание. Последнее сообщение. Внимание. Число жертв землетрясения оценивается теперь в тысячу. Роджерс. Конец».

— Ну, что там? Как должно быть? — запрашивал снизу Лэнгторн.

Я вздохнул.

— Извини меня, парень, — сказал я ему. — Ошибки нет. Виноват. Все в порядке. Пусть идет, как есть.

Положив быстро трубку, я подошел к телетайпу и прочитал это добавление раз шесть. И каждый раз мне это все меньше нравилось. Было такое ощущение, будто пол под

ногами становится мягким. Я обошел компьютер, поглядывая на него с недоверием, даже с некоторой долей страха. Как это ему удалось? Я ничего не понимал и чувствовал, что чем больше буду задумываться над происшедшим, тем труднее мне будет разобраться.

Дома, уже в постели, я не мог заснуть. Я пытался во имя психического здоровья запретить себе думать о столь дикой истории. Если говорить всерьез, это была мелочь. Я знал, что никому не могу о ней рассказать: никто бы мне не поверил. Приняли бы все это за шутку — наивную и плохую. И только когда решил не ограничиться увиденным, а начать регулярные наблюдения за поведением компьютера при отключении телетайпов, я почувствовал что-то вроде облегчения, во всяком случае достаточного, чтобы заснуть.

Проснулся я в довольно хорошем настроении, и черт знает каким образом мне стала понятна разгадка или по крайней мере что-то могущее сойти за разгадку. Работая, телетайпы вибрируют. От их вибрации выпадают даже кабели из гнезд. Не может ли их вибрация быть источником альтернативных сигналов? Даже я с моим скудным и медленно действующим человеческим умом улавливал различие в звуках отдельных телетайпов. Парижский я узнавал в момент пуска по характерному металлическому удару. Приемное же устройство в сотни раз более чувствительно, и оно вполне может различать и едва уловимую разницу между ударами литер. Конечно, на сто процентов это невозможно, потому компьютер не повторил слово в слово текст телетайпа, а несколько переначил его: попросту сам добавлял то, чего не хватало в информации. Что же до числа жертв, то здесь он проявил себя как математическая машина: между числом разрушенных домов, временем, когда произошло землетрясение, и числом погибших должна существовать статистическая корреляционная зависимость. Сообщая истинную цифру, компьютер, возможно, воспользовался своими способностями молниеносно выполнять расчеты; отсюда и получалась эта тысяча жертв. Наш корреспондент, который не проводил таких подсчетов, а добросовестно передал цифру, сообщенную ему на месте, вскоре послал поправку, получив более точную информацию. Компьютер оказался на высоте потому, что он основывал свое сообщение не на слухах, а на точном статистическом материале, хранившемся в его ферритовой памяти. Это объяснение меня целиком успокоило. Ведь IBM 0161 не пассивное передаточное звено; если телетайп делает

орфографическую или грамматическую ошибку, ошибка эта на долю секунды появляется на экране компьютера и в тот же миг заменяется правильным выражением. Иногда это происходит настолько быстро, что человек не успевает заметить исправление и обнаруживает его позднее, когда сравнивает текст телетайпа с текстом на экране компьютера. IBM не только автоматический метранпаж; он соединен с сетью подобных машин агентств и библиотек, и от него можно требовать дополнительных данных, обогащающих слишком тощую информацию. Словом, я объяснил себе все очень хорошо и решил сделать несколько проб во время ближайшего дежурства, но не говорить о них никому, так же как и о случившемся в канун Рождества, ибо так было благоразумнее.

Возможностей у меня было достаточно. Уже через два дня я опять сидел в зале иностранной службы, и, когда Бейрут начал передавать сообщение о гибели подводной лодки Шестого флота в Средиземном море, я встал и, не спуская глаз с экрана, на котором быстро появлялись слова текста, украдкой, спокойным движением вынул кабель из гнезда. В течение шести секунд текст так и оставался оборванным на полуслове, как будто бы компьютер не знал, что делать дальше. Однако удивление его продолжалось не долго; почти сразу же начали появляться на белом фоне следующие фразы; я лихорадочно сравнивал их с текстом, выбиваемым телетайпом. Повторилась уже известная мне история — компьютер воспроизводил телетайпное сообщение, но только иными словами: «представитель Шестого флота сообщил» вместо «сказал», «поиски продолжаются» вместо «идут»; еще несколько подобных мелочей отличало тексты.

Известно, с какой легкостью человек привыкает к необычному, если он понимает или если ему кажется, что он понимает его механизм. У меня создалось уже впечатление, что я играю с компьютером, как кот с мышью, что я дурачу его, что полностью владею положением. Макет номера светил еще многочисленными лысынами, и сообщения, которые должны были их заполнять, приходили сейчас в пиковые моменты по несколько одновременно. Я находил поочередно в общем пучке соответствующие кабели и вытаскивал их один за другим из гнезд, так что оказался с шестью или семью кабелями в горсти. Компьютер спокойнейшим образом продолжал работать дальше и когда не был соединен ни с одним из них. Что же — решил я — компьютер различает по звуку выстукиваемые литеры и слова, а что он не может

уловить — мгновенно дополняется с помощью экстраполяции или какого-нибудь еще математического метода.

Я действовал, как в трансе. Сосредоточившись, я ждал пробуждения очередного телетайпа, а когда застучал римский, дернул за кабель, и так сильно, что не только он оказался у меня в руке, но одновременно выпал и другой кабель — тот, по которому передавалось питание на телетайп, и аппарат, конечно, замер. Я уже хотел вставить кабель питания обратно, но что-то как будто толкнуло меня, и я глянул на экран.

Римский телетайп молчал, а компьютер как ни в чем не бывало заполнял место, оставленное для итальянского правительственного кризиса под рубрикой «Последние известия». С затаенным дыханием, чувствуя, что снова творятся странные вещи с полом и моими коленями, я подошел к экрану и невинные слова «...назначил премьером Батиста Каstellлиани...» прочитал, как депешу с того света. Я торопливо подключил римский телетайп к главному силовому кабелю, чтобы как можно скорее сравнить оба текста.

О, сейчас разница между ними была значительно больше, однако компьютер не отключился от правды, то есть от содержания сообщения. Премьером действительно стал Каstellлиани, но фраза эта была в ином контексте и на четыре строки ниже, чем на экране. У меня создалось впечатление, что два корреспондента, независимо друг от друга узнав об одном и том же событии, по-своему составили и отредактировали текст заметки. Со слабеющими коленями я сел, чтобы в последний раз попытаться спасти свою гипотезу, но чувствовал, что это напрасный труд. Весь мой рационализм рухнул в одно мгновение: как же мог компьютер прочитать текст по вибрации телетайпа, если телетайп был глух и мертв, как пень? Он никак не мог почувствовать вибрации телетайпа в Риме, на котором работал наш корреспондент! Мне стало нехорошо. Если бы кто-нибудь вошел, я мог бы вызвать бог знает какие подозрения — потный, с блуждающим взглядом, с горстью кабелей, которые я все еще сжимал вспотевшими руками, я был похож на злоумышленника, застигнутого на месте преступления.

Чувствовал я себя, как крыса, загнанная в угол, и действовал, как разъяренная крыса, — начал лихорадочно отключать все телетайпы, так что через мгновение замер стук последнего из них. Я остался в могильной тишине, наедине с моим компьютером. И тогда произошла поразительная

вещь, может быть, еще более странная, чем то, что уже было раньше. Хотя макет номера не был еще готов, поступление текста сильно замедлилось. Более того, в новом, медленно поступавшем тексте появились фразы, лишённые точного содержания, бессмысленные, одним словом, так называемая вата. Еще с минуту ниточки строк ползли по экрану на свои места, затем все вдруг остановилось.

Несколько текстов имели абсурдно-комический характер. Среди них была заметка о футбольном матче, в которой вместо окончательного счета содержалась пустая фраза о прекрасном поведении игроков обеих команд. Очередные сообщения из Ирана прерывались утверждениями, что землетрясения — явления космического масштаба, так как они наблюдаются даже на Луне. Сообщалось это ни к селу, ни к городу. Загадочные источники, откуда компьютер до сих пор тайно черпал вдохновение, иссякли.

Однако прежде всего нужно было сверстать номер, поэтому я поспешно включил все телетайпы, и о том, что мне пришлось наблюдать, смог поразмыслить только после трех часов, когда начала работать ротационная машина. Я знал, что не успокоюсь, пока не докопаюсь до источника этой блестящей демонстрации надежности и не менее блестящего ее нарушения. Непосвященному пришла бы мысль, что попросту следовало бы задать соответствующий вопрос самому компьютеру: коль скоро компьютер такой мудрый, а одновременно такой безотказно послушный, пусть он и сообщит, каким образом и благодаря каким механизмам он работает отключенный, а также объяснит, почему затем останавливает эту работу. Такие мысли появляются под влиянием популярных рассказов об электронных мозгах, но с компьютером нельзя разговаривать так, как с человеком — безразлично, умным или глупым, — он вообще ведь не личность! С таким же успехом можно ожидать, что испорченная пишущая машинка скажет нам, где и как ее можно исправить. Компьютер перерабатывает информацию, к которой он не относится осмысленно. Фразы, выдаваемые им, это поезды, идущие по рельсам синтаксиса. Если они сходят с рельс, значит, что-то действует в нем неправильно, однако сам он ничего об этом не знает, и потому имеются все основания говорить о «нем» только как о лампе или столике.

Наш IBM умел самостоятельно составлять и пересоставлять тексты стереотипных газетных сообщений — больше ничего. О том, какое значение имеют отдельные тексты,

всегда должен был решать человек. IBM мог объединить две взаимодополняющие заметки в одну, подобрать нужное вступление для содержательных сообщений, например, для депеш, используя готовые образцы таких решений, которых у него были сотни тысяч. Это вступление соответствовало содержанию депеши только потому, что IBM, проводя статистический анализ, выхватывал так называемые ключевые слова; если, например, в депеше повторялись слова «ворота», «штрафной», «команда противника», то он подбирал что-нибудь из спортивного репертуара. Одним словом, компьютер подобен железнодорожнику, который может соответствующим образом перевести стрелку, сцепить поезд и отправить вагоны в нужном направлении, ничего не зная о ценности их груза. Он ориентируется в чисто внешних особенностях слов, предложений и высказываний — тех, которые поддаются математическим операциям анализа и синтеза. Невозможно было ожидать от него какой-либо помощи.

В размышлениях я провел дома ночь без сна. В работе компьютера я заметил такую закономерность: чем дольше он был отключен от источников информации, тем хуже ее реконструировал. Мне это показалось вполне понятным, если учесть, что я работаю в журналистике двадцать два года. Как вы знаете, редакции таких многотиражных еженедельников, как «Тайм» и «Ньюсуик», действуют независимо друг от друга. Сближает их лишь то, что существуют они в одном и том же мире и располагают примерно одинаковыми источниками информации. Кроме того, они имеют и во многом похожих читателей. Потому-то и неудивительно сходство многих статей, помещаемых в них. Вытекает оно из своеобразного совершенства в приспособлении к рынку, достигнутого обеими конкурирующими между собой редакциями. Составление еженедельных обзоров мировых событий либо событий в одной стране — дело техники, а когда их пишут вот с этих позиций, то есть с позиций журналистской элиты Соединенных Штатов, при условии одинакового образования, аналогичной исходной информации и при желании добиться оптимального воздействия на читателя, то нет ничего удивительного, что тексты, составленные одновременно и независимо один от другого, напоминают нередко близнецов. Сходство их проявляется не в одинаковости фраз, а в общей установке, тоне, эмоциональной настроенности, расстановке акцентов, освещении некоторых скабрёзных подробностей, противопоставлении контрастных

черт, например относящихся к характеристике какого-либо политика; то есть все, что способно привлечь внимание читателя и внушить ему, что он находится у надежнейшего источника информации, — все это и составляет арсенал средств каждого опытного журналиста. В известном смысле наш IBM был «макетом» такого журналиста. Он знал способы и приемы, иными словами умел то, что и каждый из нас. Благодаря рутине, запрограммированной в нем, он оказался гением цепкой фразеологии, шокирующего сопоставления данных, наивыгоднейшей подачи; обо всем этом я знал, но знал я также, что расспросить его невозможно. Почему, будучи отключенным от телетайпов, он продолжал так хорошо работать? Почему эта работа так быстро прекращалась? Почему он начинал затем бредить? Я еще надеялся, что сам смогу найти ответы.

Перед очередным дежурством я позвонил нашему корреспонденту в Рио-де-Жанейро с просьбой, чтобы он в начале ночного сеанса прислал короткое ложное сообщение об итогах встречи боксеров Аргентины и Бразилии. Он должен был сообщить обо всех победах бразильцев как о победах аргентинцев и наоборот. В момент нашего разговора итоги встречи не могли быть известны; встреча начиналась поздно вечером. Почему я обратился именно в Рио-де-Жанейро? Потому, что я просил о вещи, неслыханной с профессиональной точки зрения, а Сэм Гернсбек, который был там нашим корреспондентом, — мой приятель того редкого и наипеннейшего сорта людей, которые никогда ни о чем не спрашивают.

Мой опыт позволял мне сделать предположение, что компьютер повторит фальшивое сообщение — то, которое отстучит Сэм на своем телетайпе (не буду скрывать, что на эту тему у меня уже была готова гипотеза: я предположил, что телетайп становится как бы радиопередатчиком, а его кабели выполняют функции антенны; мой компьютер, как я считал, способен улавливать электромагнитные волны, создающиеся вокруг кабелей в зале, так как чувствительность его, как приемника, вероятно, высока). Сразу же после отправки ложного сообщения Гернсбек должен был его опровергнуть; первое из них я бы, конечно, уничтожил, чтобы от него и следа не осталось. Придуманый мной план казался мне очень тонким. Чтобы опыт был еще более убедительным, я решил до перерыва в матче сохранять нормальное соединение телетайпа с компьютером, а после перерыва — телетайп отключить.

Не буду описывать моих приготовлений, эмоций, всей обстановки той ночи, а только скажу вам, что произошло. Компьютер сообщил, то есть заверстал в макет номера до перерыва ложные итоги встречи, а после перерыва — правильные. Вы понимаете, что это значило? До тех пор пока был подключен телетайп, он ничего не реконструировал, «не комбинировал» — повторял просто слово в слово то, что передавалось по кабелю из Рио. Отключенный же, он перестал полагаться на телетайп, а также и на кабели, которые согласно моему предположению выполняли роль антенны, и сообщил действительные итоги соревнования! То, что в это время выстукивал Гернсбек, не имело для него никакого значения.

Но это еще не все. Он угадал действительные результаты всех встреч — ошибся только относительно последней, встречи тяжеловесов. Одно оказалось несомненным: в момент отключения он переставал быть зависимым от телетайпа — и того, который был у меня, и того, который был в Рио. Сведения он получал каким-то иным путем.

Вспотевший, с потухшей трубкой, я попытался переварить все это, и тут заработал бразильский телетайп: Сэм подал истинные результаты, как мы договорились. В заключительном сообщении он сделал поправку: результат боя в тяжелом весе был аннулирован решением судей, которые признали, что вес перчаток аргентинца — победителя на ринге — не соответствует правилам.

Итак, компьютер не ошибся ни разу. Мне необходимо было еще одно сообщение. Я получил его после окончания работы над номером, позвонив Сэму, — он уже спал у себя и, проснувшись, ругался, как сапожник. Легко было его понять, потому что вопросы, которыми я его засыпал, выглядели глупо, по-идиотски: в какое время были оглашены результаты боя в тяжелом весе и каким образом судьи изменили решение? Сэм ответил мне и на первый и на второй вопрос. Решение было аннулировано почти сразу после объявления победителя, которым был аргентинец, так как судья, подняв его руку как победителя, почувствовал через кожу перчаток грузик, спрятанный в слое пластика и сдвинувшийся во время боя. Сэм выбежал к телетайпу прежде, чем все это разыгралось, когда нокаутированный бразилец еще лежал на ринге. Поэтому компьютер своей осведомленностью никак не обязан уменью читать мысли Сэма; он сообщил действительный результат боя тогда, когда Сэм еще не знал его.

Почти полгода я проводил эти ночные эксперименты и узнал очень много, хотя по-прежнему ничего не понимал. Отключенный от телетайпа, компьютер сначала замирал на две секунды, затем продолжал передавать сообщение — в течение 137 секунд. В этот промежуток времени он знал о событиях все, после него — ничего. Возможно, я бы это еще как-нибудь переварил, но открылось кое-что похуже. Компьютер предвидел будущее — и притом безошибочно. Для него не имело никакого значения, касается ли информация событий, совершившихся или только наступающих, — важно, чтобы они происходили в интервале двух минут и 17 секунд. Если я выстукивал ему на телетайпе вымышленную информацию, он повторял ее послушно, но при отключенном кабеле сразу замолкал: он умел продолжать описание только того, что в самом деле происходило, а не того, что кто-то выдумывал. По крайней мере такой я сделал вывод и записал его в тетрадь, с которой не расставался.

Постепенно я привык к этому, и сам не знаю когда, я начал сравнивать это с поведением пса. Его тоже следовало навести на след, дать как бы обнюхать начало следа — последовательность исходных событий. Как и собака, он требовал некоторого времени, чтобы освоить факты, а когда их было мало — замолкал, или отвечал общими фразами, или, наконец, шел по ложному следу. Если я заранее не определял названий совершенно однозначно, он, например, путал населенные пункты одного и того же названия. Как и собаке, ему было совершенно безразлично, по какому следу идти, но когда уж он выходил на него, то был совершенно безукоризненным — в течение 137 секунд.

Наши ночные опыты, которые происходили обычно между третьим и четвертым часом утра, напоминали следственный допрос. Я пытался припереть его к стенке, старался выработать тактику перекрестных вопросов, взаимоисключающих альтернатив, пока мне в голову не пришла мысль, при всей своей простоте — поразительная.

Как вы помните, Роджерс доносил о землетрясении в Шерабаде из Анкары; иными словами тот, кто передавал сообщение, не обязательно должен был находиться именно там, где происходило событие. Однако пока речь шла о земных событиях, нельзя было исключить, что кто-нибудь — человек или по крайней мере животное — наблюдает событие, а компьютер может каким-то способом воспользоваться этим. Я решил так составить начало сообщения в отношении места, где происходило событие, чтобы заведомо было известно, что

там никогда не было человека, — речь шла о Марсе. Я передал компьютеру координаты Sirtis Minor и, дойдя до слов: «сейчас на Sirtis Minor царит день; осматривая окрестности, мы видим...», я выдернул кабель из гнезда. После секундной паузы компьютер закончил: «...планету в лучах солнца...» — и это было все. Я переделывал это начало на разные лады раз десять, но не вытянул с его помощью ни одной интересной подробности — все расплывалось в общих словах. Я установил таким образом, что осведомленность компьютера не касается планет; сам не знаю почему, но мне сделалось от этого немного легче.

Что я должен был делать дальше? Я мог, конечно, выстрелить сенсацией чистойшей воды, приобрести известность и немалые деньги; но я ни на минуту не принимал этой возможности всерьез. Почему? Сам хорошо не знаю. Может быть потому, что с оглаской тайны меня мгновенно оттеснили бы на задний план. Я представил себе толпы техников, которые вторглись бы к нам, экспертов, разговаривающих между собой на своем профессиональном жаргоне; независимо от того, к каким результатам они бы пришли, я был бы сразу отстранен от дела как баламут и неуч. Я мог бы только писать воспоминания, давать интервью и получать чеки. Но это меня как раз меньше всего устраивало. Я готов был поделиться с кем-нибудь тайной, но так, чтобы не отказаться от своих прав полностью. Я решил привлечь к сотрудничеству хорошего специалиста, которому мог бы полностью доверять.

Близко я знал только одного — Милтона Гарта из МТИ*. Это человек с характером, оригинальный и именно анахроничный, так как ему плохо работается в большом коллективе, а в наше время ученый-одиночка — вымирающий мастодонт. По образованию Гарт был физиком, по специальности программистом, работавшим в области информации; мне это вполне подходило. Правда, встречались мы с ним до сих пор в своеобразной обстановке — мы оба играли в ма-джонг; другие же наши встречи были нерегулярными, но как раз за такой игрой и можно многое узнать о человеке. Его эксцентричность проявлялась в том, что он внезапно произносил вслух разные странные мысли. Как-то он спросил меня: «Мог ли Бог сотворить мир нечаянно?» Никогда нельзя было понять, говорит он всерьез или шутит, или просто потешается над собеседником. Но у него, несомненно, была

* Массачусеттский технологический институт.

светлая голова; условившись по телефону, я поехал к нему в ближайшее воскресенье и, как и рассчитывал, вовлек его в мой конспиративный план.

Не знаю, поверил ли он мне сразу — Гарт был не таков, чтобы об этом говорить, — но, во всяком случае, проверил все, что я ему рассказал, и в первую очередь сделал то, что мне и в голову не приходило. Он отключил наш компьютер от федеральной сети. Сразу же исключительный талант моего IBM как рукой сняло. Таинственная сила была не в компьютере, а в сети. Как вы знаете, сейчас сеть насчитывает свыше сорока тысяч вычислительных центров, но вы, может быть, не знаете (я об этом не слышал, пока мне не сказал Гарт), что она построена по нерархическому принципу, несколько напоминающему нервную систему позвоночных. Сеть имеет узлы в каждом из штатов, причем память каждого из узлов содержит больше данных, чем знают все ученые, вместе взятые. Каждый абонент, в зависимости от времени использования компьютеров сети в течение месяца, вносит плату, начисляемую с помощью каких-то коэффициентов и множителей. Абоненту может потребоваться решение проблем, слишком трудных для ближайшего компьютера; диспетчер тогда автоматически подключает в помощь ему компьютеры из федерального резерва; это могут быть недогруженные или работающие вхолостую компьютеры. Задача его состоит в равномерном распределении информационной нагрузки в сети и в наблюдении за так называемыми банками специальной памяти, то есть содержащими закрытую информацию — государственные, военные, прочие тайны.

У меня вытянулось лицо, когда Гарт говорил мне об этом, я никогда не слышал, что существует сеть и что ЮПИ ее абонент; об этом я думал не больше, чем думаешь об устройстве телефонной станции, разговаривая по телефону. Гарт, которого нельзя упрекнуть в недостатке желчи, заметил, что я готов изобразить мои ночные tête à tête с компьютером в духе бредовых рассказов, как романтические свидания вдали от остального мира, но совсем по-другому к ним относятся большинство абонентов, они между третьим и четвертым часом обычно спят, из-за чего сеть в предутреннее время используется менее интенсивно и мой IBM мог работать с гораздо большей нагрузкой, чем утром, в часы пик.

Гарт просмотрел счета, которые ЮПИ платило как абонент, и оказалось, что раза два мой IBM использовал от

60 до 65 процентов всей федеральной сети. Правда, эти непостижимо большие нагрузки длились недолго, по несколько десятков секунд, но кто-нибудь должен же был заинтересоваться, почему какой-то дежурный журналист агентства печати использует мощность, в двадцать раз превышающую ту, которая необходима для подсчета всех рубрик национального дохода? Сейчас почти все расчеты производятся машинами, и контроль за оплатой счетов также ведется, как известно, компьютером; компьютеры же ничему не удивляются, по крайней мере пока счета оплачиваются вовремя; в этом не было никаких проблем, так как расчеты ведет также компьютер — наш, бухгалтерии ЮПИ. Сошло и то, что за мой интерес к пейзажу Sirtis Minor на Марсе ЮПИ заплатило 29 000 долларов — довольно много, если учесть, что интерес не был удовлетворен. И хотя компьютер тогда был нем, как камень, он тем не менее сделал все, что было в его силах, и в течение восьми минут молчания, прерванного уклончивой фразой, выполнил биллионы и триллионы операций — это черным по белому было записано в счете за месяц. Другое дело, что характер этих зашифрованных операций остался для нас загадкой. Была здесь какая-то чисто алгебраическая магия.

Хочу предупредить вас, что это не история о духах. Потусторонние явления, предчувствия, мистические пророчества, проклятия, призраки и все другие честные, ясные, привлекательные и прежде всего простые создания ушли из нашей жизни навсегда. Чтобы точнее описать дух, который вселялся в машину IBM через главный разъем федеральной сети, следовало бы чертить диаграммы, рисовать модели, а в качестве детективов использовать одни компьютеры, чтобы они добирались до других. Дух нового типа рождается из высшей математики, и потому он так неуловим. Раньше, чем я заставлю ваши волосы встать дыбом, я должен пересказать кое-что из речей Гарта.

Информационная сеть напоминает электрическую, только вместо энергии из нее потребляется информация. Циркуляция же — будь то электроэнергия или информация — напоминает движение воды в резервуарах, соединенных трубопроводами. Ток идет туда, где сопротивление наименьшее или где потребность наибольшая. Если разорвать один из силовых кабелей, электроэнергия сама найдет себе окольный путь, что может привести к авариям и перегрузкам. Образно говоря, мой IBM, утрачивая связь с телетайпом, обращался за помощью к сети, которая отзывалась на этот

призыв со скоростью более десяти тысяч километров в секунду, ибо именно с такой скоростью идет ток в проводах. Пока вызывалась эта помощь, проходила одна-две секунды, в течение которых компьютер молчал. Затем связь как бы восстанавливалась, но каким именно способом — об этом мы и в дальнейшем не имели понятия.

Все, сказанное до сих пор, имело очень наглядный физический характер и даже поддавалось пересчету на доллары, но лишь когда добытые сведения были чисто негативными. Мы уже знали, что нужно делать, чтобы компьютер потерял свой необычайный талант: достаточно было отсоединить его от информационной сети. Но мы по-прежнему не понимали, как могла ему помочь сеть и как она добиралась до какого-то Шерабада, где в этот момент происходило землетрясение, либо до зала в Рио, в котором происходил боксерский матч? Сеть представляет собой замкнутую систему соединенных друг с другом компьютеров, слепую и глухую по отношению к внешнему миру, с выходами и входами, которыми являются телетайпы, телефонные приставки, регистраторы в корпорациях или федеральных учреждениях, пульта управления в банках, энергосистемах, в больших фирмах, аэропортах и так далее. У нее нет ни глаз, ни ушей, ни собственных антенн, ни чувствительных датчиков, и, кроме того, она охватывает только территорию Соединенных Штатов; как же она могла получать информацию о событиях в каком-то Иране?

Гарт, который знал об этом ровно столько же, сколько и я, то есть не знал ничего, вел себя совсем не так, как я, он сам таких вопросов не ставил и не давал мне открывать рот, когда я пытался забросать его ими. Когда же ему не удалось удержать меня и когда я, обозлившись, наговорил ему неприятных вещей, легко слетающих с языка между третьим и четвертым часом бессонной ночи, он пояснил мне, что он не гадалка, не знахарь и не ясновидец. Сеть, как оказалось, проявляет свойства, ранее в ней не запланированные и не предвиденные: они ограничены, как показывает история с Марсом, но имеют физический характер, то есть поддаются исследованиям, и исследования могут дать через некоторое время определенные результаты, которые, вероятно, не будут ответами на мои вопросы, так как подобные вопросы в науке вообще не принято ставить. Согласно принципу Паули, каждое квантовое состояние может быть занято только одной элементарной частицей, а не двумя, пятью или миллионом, и физика ограничивается только такой констатацией,

поэтому нельзя ставить ей вопрос, почему этот закон строго выполняется всеми частицами и кто или что запрещает частицам вести себя иначе. Согласно же принципу неопределенности, поведение частиц описывается только статистически, и в границах этого они позволяют себе вещи неприличные с точки зрения физики классической, даже кошмарные, так как нарушают правила поведения, но поскольку происходит это в согласии с принципом неопределенности, их невозможно зафиксировать на месте преступления, где они нарушают этот закон. И опять нельзя спрашивать, как могут частицы позволять себе эти выходки внутри зоны неопределенности, кто им разрешил так вести себя, вопреки здравому смыслу, — такие вещи не относятся к физике. В известном смысле действительно можно было бы считать, что в пределах неопределенности частица ведет себя как злоумышленник, абсолютно уверенный в своей безнаказанности, потому что выбранный им метод действия таков, что никому не удастся его поймать на месте преступления; но это антропоцентричный способ мышления, который не только ни к чему не приводит, но вносит вредную путаницу, ибо элементарным частицам приписывается человеческое коварство или хитрость.

Итак, информационная сеть, как можно судить, способна получать информацию о том, что делается на Земле, даже оттуда, где сети вообще нет, нет даже никаких датчиков. Можно было бы заключить, очевидно, что сеть создает «собственное поле перцепции» с «телеологичными градиентами», или же, пользуясь данной терминологией, выдумать иные псевдообъяснения, которые, однако, не будут иметь никакой научной ценности; речь идет о том, чтобы установить, что, в каких границах, при каких начальных и ограничительных условиях сеть может произвести, а все остальное оставить уже для будущих фантастических романов. О том, что окружающий мир можно познавать без зрения, слуха и иных органов чувств, мы уже знаем, ибо это доказано экспериментальными исследованиями. Предположим, что мы имеем цифровую машину с оптимизатором, обеспечивающим максимальный темп вычислительных процессов, и что эта машина может перемещаться по площади, половина которой освещена солнцем, а половина не освещена. Если машина, находясь на солнце, перегреется и темп вычислений снизится, оптимизатор включит двигатель и машина будет перемещаться по этой площади, пока не попадет в тень, где охладится и начнет работать лучше.

Таким образом, машина эта хотя и не имеет глаз, но способна отличить свет от тени. Пример очень примитивный, однако он показывает, что можно ориентироваться в окружающей обстановке, не обладая какими-либо органами чувств по отношению к внешнему миру.

Гарт утихомирил меня, во всяком случае на некоторое время, и занялся своими расчетами и экспериментами, а я получил возможность размышлять о чем мне заблагорассудится. Этого он уже не мог мне запретить. Возможно, когда какое-нибудь очередное предприятие включит в сеть свой компьютер, думал я, критический порог сети без чьего-либо ведома окажется превзойденным, и сеть станет организмом. И сразу же на ум приходит образ Молоха, чудовищного паука, электронного спрута с кабельными щупальцами, зарытыми в землю от Скалистых гор до Атлантики, который, подсчитывая письма и распределяя пассажирские места в самолете, одновременно втайне вынашивает страшные планы овладения Землей и порабощения людей. Все это, конечно, чепуха. Сеть не является организмом, как бактерия, дерево, зверь или человек; просто, достигнув критической точки сложности, она становится системой, как становится системой звезда или галактика, когда в пространстве накопится достаточно материи. Сеть — система или организм, не похожий ни на один из названных, а новый, такой, какого еще не было. Мы ее, правда, сами построили, но не знали до конца, что именно мы создали. Мы пользовались ею, но получали только мелкие крохи, как если бы муравьи паслись на мозге, занятые поиском среди миллионов происходящих в нем процессов того, что возбуждает их вкусовые усики.

Гарт обычно приходил на мое дежурство незадолго до трех часов с портфелем, набитым бумагами, термосом, полным кофе, и принимался за дело, а я чувствовал себя дураком. Что, однако, я мог предпринять, если он был прав с точки зрения пользы дела? Я по-прежнему размышлял по-своему, придумывал очередные объяснения. Например, я представлял себе, как мир мертвых до сих пор предметов — высоковольтные линии, подводные кабели телеграфа, телевизионные антенны, даже металлические сетки ограждений, арки и детали мостов, рельсы, подъемники, арматура в зданиях из железобетона, — как все это импульсом из сети мгновенно превращается в огромное следящее устройство, с которым мой IBM управляется в течение считанных секунд. Что именно он становится центром кристаллизации этой

мощи, показывало несколько наглядных примеров. Но даже эти смутные предположения не могли хоть как-нибудь объяснить поразительные и неоспоримые факты — способность предвидеть события и ограничение этой способности двумя минутами; я принужден был терпеливо молчать, ибо видел, что Гарт полностью поглощен задачей.

Перехожу к фактам. Мы обсудили с Гартом две вещи — практическое использование эффекта и его механизм. Вопреки ожиданиям практические перспективы использования эффекта 137 секунд не оказались ни особенно широкими, ни особо важными, эффект производил скорее впечатление какого-то чисто фантастического действия. Предсказания судеб народов и хода всемирной истории в целом не поместятся в двухминутный интервал, кроме того, даже предсказание будущего на две минуты вперед сталкивается с преградой, казалось бы, второстепенной, но тем не менее решающей: чтобы компьютер начал выдавать эти свои безошибочные прогнозы, его необходимо сперва навести на соответствующий след, нужным образом нацелить, а для этого требуется время более продолжительное, чем две минуты, поэтому, если речь идет о практическом использовании эффекта, то оно сводится на нет. Длительность интервала предсказания нельзя увеличить ни на секунду. Гарт предполагал, что это какая-то константа универсального значения, хотя и неизвестная нам. Конечно, можно было бы использовать эффект для игры в рулетку или чтобы срывать банк в больших игорных домах, однако стоимость нужного для этого оборудования было бы немалой — IBM стоит около четырех миллионов долларов, — а организация двусторонней связи, к тому же хорошо замаскированной, между игроком за столом и вычислительным центром тоже была бы крепким орешком, не говоря уже о том, что сразу же могло возникнуть подозрение в обмане. Впрочем, такое использование эффекта нас не интересовало.

Гарт составил каталог возможностей нашего компьютера. Если спросить его о поле ребенка, который должен через две минуты родиться у конкретной женщины в конкретном месте, он определит пол безошибочно, однако такое предсказание едва ли можно признать достойным стараний. Если вы начнете бросать монету или игральную кость, сообщая компьютеру начальные результаты серии бросков, а потом перестанете давать информацию, он заранее определит результаты всех последующих бросков вплоть до 137 секунд, и только. Вы должны бросать эту кость или монету и сообщать

компьютеру очередные результаты, не менее 36 — 40 раз, что на деле напоминает наведение собаки на нужный след — единственный среди миллиардов, так как в любой момент бог знает сколько людей бросают монеты или кости, а компьютер, который глух и нем, должен найти в этой массе вашу серию бросков, как единственно нужную ему. Вы должны по-настоящему бросать кость или монету. Если перестанете бросать, компьютер будет выстукивать только нули, а если бросите только два раза, он покажет только два эти результата. Ему необходимо соединение с сетью, хотя, как подсказывает здравый смысл, сеть ему не может помочь, если кость бросают всего в двух шагах от него, — зачем здесь нужна сеть? Но отключенный от сети, он не выступит ни слога — неважно, что мы не понимаем этой связи.

Заметьте, что компьютер заранее знает, будете вы или не будете бросать кость, а затем предугадает развитие всей ситуации, то есть не только результат бросания кости, но и ваше поведение, во всяком случае все, что касается вашего решения бросать или не бросать кость. Мы делали и такие пробы. Я, например, решал бросать кость шесть раз подряд, а Гарт должен был мне помешать или вообще сделать бросок невозможным; причем я не знал его решения относительно этой серии бросков. Оказалось, что компьютер заранее знал не только мой план бросания, но и поведение Гарта, то есть знал, когда Гарт намеревался схватить меня за руку, державшую стаканчик, чтобы я не мог бросить очередной раз. Однажды получилось так, что я хотел бросить четыре раза подряд, а бросил за соответствующее время только три, так как споткнулся о лежащий на полу кабель и не успел вовремя бросить кость. Компьютер каким-то образом установил, что я должен споткнуться, чего и сам я не ожидал, то есть он знал обо мне гораздо больше, чем я сам.

Мы обсуждали и значительно более сложные ситуации, в которых должно было участвовать много людей сразу, например, такие, как борьба — настоящая — за кубок с костями, но подобных экспериментов не проводили, так как для них требовалось много времени, чего мы себе не могли позволить. Гарт использовал также вместо костей небольшое устройство, в котором распадались отдельные атомы изотопа, а на экране появлялись вспышки, так называемая сцинтилляция. Компьютер не умел предвидеть их точнее, чем физик, то есть он давал только вероятность распада. Монет и костей это ограничение не касалось. Очевидно, потому, что они макроскопические объекты. В нашем же мозгу решения

определяются микроскопическими процессами. По-видимому, говорит Гарт, они не имеют квантового характера.

Во всем этом существуют, казалось бы, противоречия. Почему компьютер может предвидеть то, что случится через две минуты, хотя, задавая этот вопрос, я сам еще не знаю, что сделаю этот шаг, который приведет к осуществлению прогноза, но в то же время он не может предвидеть, какие атомы радиоактивного изотопа распадутся? Противоречия, утверждает Гарт, заложены не в самих событиях, а в свойствах наших представлений о мире, особенно о времени. Гарт считает, что не компьютер предвидит будущее, а мы сами определенным особым образом ограничены в нашем восприятии мира. Вот его слова: «Если вообразить себе время как прямую линию, протянувшуюся из прошлого в будущее, то наше сознание можно рассматривать как колесо, катящееся вдоль этой линии и касающееся ее только в одной точке. Точка эта называется текущим моментом, и она неотвратимо становится прошлым моментом, уступая место новой точке. Исследования психологов показали, что то, что мы считаем текущим моментом, лишенным длительности во времени, в действительности есть протяженный отрезок, длиной несколько меньше, чем полсекунды. Поэтому возможно, что касание с линией, представляющей время, может быть еще более продолжительным, что можно пребывать в контакте с большим ее отрезком в каждый данный момент и что максимальная протяженность этого отрезка времени и составляет именно 137 секунд».

Если действительно так, говорит Гарт, то вся наша физика безнадежно антропоцентрична, ибо исходит из основ, не имеющих ценности за пределами человеческих ощущений и знаний. Это означает, что мир устроен иначе, чем сейчас утверждает физика; ясновидение как предсказание будущего, основанное на электронике или не на ней, никогда не будет иметь места. Физика переживает кошмарные трудности из-за представлений о времени, которое, согласно ее общим теориям и законам, должно быть обратимым, но на деле таковым не является. Кроме того, задача измерения времени в масштабах внутриатомных явлений создает трудности тем большие, чем меньше измеряемый интервал времени. Причина этого, возможно, в том, что понятие текущего момента относительно не только в эйнштейновском смысле, то есть оно зависит и от локализации наблюдателей и от масштабности явлений в том же самом «месте».

Компьютер пребывает попросту в своем физическом

текущем моменте, а этот момент более обширен во времени, чем наш. То, что для нас должно наступить через две минуты, для компьютера уже наступило — в точности как то, что мы ощущаем и видим в данный момент. Наше сознание составляет только частицу всего происходящего в нашем мозгу, и, когда мы решаем бросить кость только один раз, чтобы «обмануть» компьютер, который должен предсказывать всю серию бросков, он об этом сразу же узнает.

Каким образом? Это мы можем представить себе, используя простейшие примеры: молния и гром наблюдаются одновременно вблизи места электрического разряда в атмосфере и одновременно при отдалении от места разряда. Молния в этом примере — мое принятое молча решение перестать бросать кость через несколько секунд. А гром — это момент, когда я действительно отказываюсь от очередного броска. Компьютер каким-то неведомым образом выхватывает из моего мозга «молнию», то есть принятое решение. Гарт утверждает, что это имеет важные философские последствия, ибо означает, что если мы имеем свободу выбора, то лишь за пределами 137 секунд, так что мы не можем обнаружить этого самонаблюдениями. В пределах этих 137 секунд мозг наш ведет себя подобно телу, которое движется по инерции и не может сразу изменить направление движения. Для того чтобы начала действовать отключающая сила, необходимо время, и что-то в этом роде творится в каждой человеческой голове. Все это не относится, однако, к миру атомов и электронов, ибо там компьютер точно так же бессилен, как наша физика.

Гарт считает, что время в действительности не похоже на какую-то линию, что оно представляет собой скорее континуум, который на макроскопическом уровне имеет совсем иные свойства, чем «внизу», там, где существуют только атомные масштабы. По его словам, чем тот или иной мозг или мозгоподобная система больше, тем протяженнее его стык с временем или с так называемым текущим моментом, тогда как атомы не имеют таких контактов вообще, они как бы танцуют вокруг этой точки. Одним словом, текущий момент это своего рода треугольник: точка, нулевая протяженность там, где электроны и атомы, и линия там, где большие тела, обладающие сознанием. Если вы скажете, что ничего из этого не поняли, я отвечу, что я тоже ничего не понял и, более того, что Гарт никогда не осмелился бы говорить такие вещи с кафедры или писать о них в научных изданиях.

Собственно говоря, я рассказал вам уже все, что хотел сказать, и остались только два эпилога — один серьезный, а другой вроде печальной истории, которую отдаю вам безвозмездно.

Первый заключается в том, что Гарт уговорил меня передать исследования в руки специалистов. Один из этих людей, известная фигура, сказал мне через несколько месяцев, что после разборки компьютера и его восстановления добиться прежнего эффекта не удалось. Мне это объяснение показалось маловероятным, потому что специалист, с которым я говорил, носил мундир. Кроме того, ни одного слова об этой истории не появилось в печати. Сам Гарт также был быстро отстранен от исследований. Он не хотел бросать эту тему и однажды, после выигрыша партии в ма-джонг, сказал ни с того ни с сего, что сто тридцать семь секунд безошибочного предвидения есть в известных условиях разница между уничтожением и спасением континента. На этом он умолк, как бы прикусив язык, но, уже уходя от него, я увидел на столе том какого-то нашпигованного математикой труда о ракетах, уничтожающих ядерные боеголовки. Возможно, он имел в мыслях такие поединки ракет. Но все это только мои домыслы.

Второй эпилог произошел незадолго до первого, а точнее, за пять дней до приезда тучи экспертов. Я расскажу, как все было, но заранее отказываюсь комментировать и отвечать на любые вопросы. Было это уже в конце наших экспериментов. Гарт должен был привести на мое дежурство одного физика, которому казалось, что «эффект 137» имеет связь с таинственным числом 137, напоминающим пифагорейский символ основных свойств Космоса. Первым обратил внимание на это число покойный уже английский астроном Эддингтон. Физик не смог, однако, прийти, и Гарт явился один около трех часов, когда номер уже шел в машину.

Гарт научился просто феноменально обращаться с компьютером. Он сделал несколько небольших усовершенствований, которые сильно облегчили нашу работу. Не нужно было уже вытаскивать кабели из гнезд, так как на каждом кабеле был установлен тумблер, и кабель отключался одним касанием пальца. Как вы уже знаете, компьютер нельзя прямо спрашивать ни о чем, но ему можно передавать любые тексты, напоминающие тот род беслично отредактированной информации, каким характеризуются газетные заметки. У нас была обычная электрическая пишущая машинка, выполняющая роль телетайпа. На ней выстукивался соответ-

ственно составленный текст, и его прерывали в заранее выбранный момент так, чтобы компьютер дальше сам продолжал сфабрикованные «сообщения».

Гарт принес в этот раз игральные кости и раскладывал свои вещи, когда позвонил телефон. Звонил дежурный линотипист Блэквуд. Он относился к посвященным.

— Слушай, — говорит он, — у меня тут Эми Фостер, знаешь, жена Билла, ему удалось бежать из больницы. Он пришел домой, силой отобрал у нее ключи от машины, сел и поехал, но в известном состоянии. Она уже сообщила полиции, а сейчас прилетела сюда, вдруг мы ей чем-нибудь поможем. Я знаю, что это бессмысленно, но есть ведь этот твой пророк — может, он что-нибудь придумает, как считаешь?

— Не знаю, — отвечаю ему, — не представляю себе... но... знаешь... нельзя ее так отправлять. Пришли ее к нам, пусть поднимется на служебном лифте.

Пока она поднималась, я объяснил Гарту, что наш коллега, журналист Билл Фостер, за последние два года стал много пить, попивал даже на дежурствах, за что его выгнали с работы. Тогда он начал глотать еще таблетки. В течение месяца дважды попадал в серьезные автомобильные аварии, так как водил машину в полусознательном состоянии, и его лишили прав. В доме был ад, наконец с тяжелым сердцем жена вынуждена была отдать его на принудительное лечение. А сейчас он каким-то образом выскользнул из больницы, вернулся домой, забрал машину и выехал неизвестно куда, разумеется пьяный, — это в лучшем случае. А может быть, и после наркотика. Жена пришла сюда, полицию уже известила, ищет помощи — понимаете, доктор, в чем дело? Сейчас будет тут. Как вы считаете, можно что-нибудь сделать? И показываю глазами на компьютер. Гарт не удивился — это человек, которого нелегко заставить врасплох, — и говорит:

— Что ж, рискнем? Прошу подключить машинку к компьютеру.

Я принялся подключать ее, когда появилась Эми. Видно было, что она не сразу отдала Биллу те ключи. Гарт пододвинул ей кресло и говорит:

— Речь идет о времени, не так ли? Не удивляйтесь вопросам, которые я буду задавать, прошу отвечать как можно точнее. Сперва нужны подробные данные о вашем муже: имя, фамилия, внешний вид и так далее.

Она отвечает, довольно хорошо владея собой, лишь руки ее слегка дрожат:

— Роберт Фостер, 136 улица, журналист, тридцать семь лет, пять футов семь дюймов роста, брюнет, носит роговые очки, на шее ниже левого уха шрам — след автомобильной катастрофы, вес 169 фунтов, группа крови нулевая... достаточно?

Гарт не отвечает, а начинает стучать. Одновременно на экране появляется текст: «Роберт Фостер, живущий на 136 улице, мужчина среднего роста, с белым шрамом ниже левого уха, нулевая группа крови, выехал сегодня из дома автомобилем...»

— Прошу указать марку автомобиля и регистрационный номер, — обращается он к ней.

— «Рамблер», Н.-Й., 657992.

«Выехал сегодня из дома автомобилем марки «рамблер», Н.-Й., 657992 и находится сейчас...»

Тут доктор нажал выключатель. Компьютер предоставлен самому себе. Компьютер ни минуты не колеблется, на экране растет текст:

«...и находится сейчас в Соединенных Штатах Америки. Плохая видимость, вызванная дождем, при низкой облачности, затрудняет вождение...»

Гарт выключает компьютер. Задумывается. Начинает еще раз писать сначала, с той разницей, что после «находится» пишет дальше «на участке дороги между» — тут опять прекращается приток информации. Компьютер продолжает без колебаний: «...Нью-Йорком и Вашингтоном. Занимая крайний ряд, обгоняет с недозволенной скоростью длинную колонну грузовых автомобилей и четыре цистерны фирмы «Шелл».

— Это уже кое-что, — произносит Гарт, — но для нас недостаточно направления, мы должны вытянуть больше.

Гарт приказывает мне аннулировать то, что было, и начинает еще раз: «Роберт Фостер... — и так далее — ...находится на отрезке дороги между Нью-Йорком и Вашингтоном между километровым столбом...» Тут Гарт выключает кабель. Компьютер делает тогда что-то, чего мы раньше не видели. Он аннулирует часть текста, который уже появлялся на экране, и мы читаем: «Роберт Фостер... выехал из дома... и находится сейчас в молоке на обочине дороги Нью-Йорк — Вашингтон. Следует опасаться, что ущерб, понесенный фирмой «Маллер-Уорд», не будет восполнен страховым обществом Юнайтед ТВС, так как неделю назад

истек срок оплаты очередного взноса и страховой полис не был возобновлен».

— Он сошел с ума? — спрашиваю я.

Гарт делает мне знак, чтобы я сидел тихо. Начинает писать еще раз, доходит до критического места и выстукивает: «...Находится сейчас на обочине дороги Нью-Йорк — Вашингтон в молоке. Его состояние...» — здесь обрывает. Компьютер продолжает дальше: «...таково, что непригодно для использования. Из обеих цистерн вылилось 29 гектолитров. При нынешних рыночных ценах...»

Гарт просит меня аннулировать и это и произносит вслух:

— Типичное недоразумение, так как «его» могло относиться с точки зрения грамматики и к Фостеру и к молоку. Еще раз!

Включаю компьютер. Гарт упорно пишет это странное сообщение. После «молока» он ставит точку и стучит с новой строки: «Состояние Роберта Фостера в настоящий момент...», затем обрывает. Компьютер останавливается на секунду, далее очищает весь экран — мы видим перед собой пустой, тускло светящийся квадрат без единого слова, — признаюсь, волосы начали у меня становиться дыбом. Затем появляется текст: «Роберт Фостер не находится ни в каком особом состоянии, так как он только что пересек на автомобиле марки «рамблер» Н.-Й. 657992 границу между штатами».

«Чтоб тебя черт побрал...» — думаю, вздохнув с облегчением. Гарт с кривой неприятной усмешкой на лице опять приказывает все аннулировать и начинает все сначала. После слов «...Роберт Фостер находится сейчас в месте, которое определяется...» нажимает выключатель. Компьютер продолжает: «...по-разному, в зависимости от того, каких кто придерживается взглядов. Следует признать, что если речь идет о личных взглядах, то, согласно нашим обычаям и нашей Конституции, никому не следует навязывать их насильно. Во всяком случае, этого мнения придерживается наша газета».

Гарт встает, сам выключает компьютер и незаметно кивает мне головой, чтобы я выпроводил Эми, которая, как мне кажется, ничего из этой магии не поняла. Когда я вернулся, он звонил по телефону, но говорил так тихо, что я ничего не разобрал. Положив трубку, он посмотрел на меня и сказал:

— Он выскочил на другую сторону дороги и столкнулся в лоб с цистернами, которые везли молоко в Нью-Йорк. Жил еще около минуты, когда его вытаскивали из машины, поэтому компьютер сообщил сначала «находится в молоке».

Когда я дал этот отрывок в третий раз, все уже было кончено, да и в самом деле можно думать по-разному о том, где находишься после смерти, и даже вообще находишься ли где-нибудь.

Как видно из сказанного, использование необычайных возможностей, которые открывает нам прогресс, не всегда легкое дело, не говоря уже о том, что оно может обернуться просто кошмарной игрой, принимая во внимание ту мешанину из журналистского жаргона и безбрежной наивности или, если хотите, безразличия к людским делам, которой в силу обстоятельств стала электронная машина.

Можете в свободное время поразмыслить над тем, что я вам рассказал. Право же, мне нечего добавить. Лично я хотел бы сейчас послушать какую-нибудь другую историю, чтобы забыть об этой.

Роман **«НЕПОБЕДИМЫЙ»** был впервые опубликован в 1963—1964 годах в газете — *Gazeta Białostocka (Białystok)*, 1963, № 297 — 306; 1964, № 1 — 61. Книжное издание появилось в 1964 г. в сборнике — *Lem S. Niezwycięzony i inne opowiadania*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1964 («Непобедимый» и другие рассказы). На русском языке роман впервые опубликован в журнале «Звезда», 1964, №№ 9, 10 (перевод Дм. Брускина). Перевод А. Громовой опубликован в кн.: Лем С. Непобедимый; Кибернада. М., 1967.

Роман переведен на 19 языков.

Рассказы, вошедшие в этот том Собрания сочинений, в отличие от других рассказов Ст. Лема, не включались им в циклы.

«АВТОИНТЕРВЬЮ»: первая публикация в газете; книжная — в сб.: *Lem S. Wejście na orbitę*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1962 («Выход на орбиту»). На русском языке впервые: Лит. газета, 1964, 27 окт., в переводе В. Трофимова, с сокращениями. Полностью этот перевод появился в кн.: 31-е июня. М., 1968. Перевод Е. Вайсброта опубликован в сб.: Альманах НФ, вып. 2. М., 1965.

«СУЩЕСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ, МИСТЕР ДЖОНС?»: первая публикация в журнале — *Przekrój (Kraków)*, 1955, № 553. Книжная публикация в сб.: *Lem S. Dzienniki gwiazdowe*. Warszawa: Iskry, 1957 («Звездные дневники»). На русском яз. впервые появился анонимный перевод: Техника — молодежи, 1957, № 7. Рассказ переводился на русский четырежды; перевод А. Якушева опубликован в кн.: С. Лем. Вторжение с Альдебарана. М., 1960.

«КРЫСА В ЛАБИРИНТЕ»: первая публикация в журнале — *Przekrój (Kraków)*, 1956, № 564 — 566. Книжная публикация в упоминавшемся сб. «Звездные дневники». Первая публикация на

русском яз.: журнал «Звезда», 1963, № 10. Книжн. публ. в кн.: Огненный цикл. М., 1970 (перевод Дм. Брускина).

Рассказы «Вторжение», «Друг», «Темнота и плесень», «Вторжение с Альдебарана», «Молот» входят в сб.: Lem S. Inwazja z Aldebarana. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1959 («Вторжение с Альдебарана»). Два из них были опубликованы в газетах в 1958 г.

«ДРУГ» — Zdarzenia (Kraków), 1958, № 19 — 28.

«ВТОРЖЕНИЕ» — Sztandar Młodych (Warszawa), 1958, № 237 — 247.

В русском переводе эти рассказы впервые появились в сб.: Лем С. Вторжение с Альдебарана. М., 1960.

«ФОРМУЛА ЛИМФАТЕРА»: первая публ. в сб.: Lem S. Księga robotów. Warszawa: Iskry, 1961 («Книга роботов»). Первая публ. на русском яз.: журнал «Польша», 1962, № 12 (анонимный перевод). Перевод В. Ковалевского опубликован в сб.: Лем С. Формула Лимфатера. М., 1963.

«ПРАВДА»: первая публ. в упоминавшемся сб. «Непобедимый» и другие рассказы». Первые публ. на русском яз.: журн. «Искатель», 1966, № 1 (пер. Дм. Брускина); газ. «Московский комсомолец», 1966, 2 — 4 февр. (пер. Н. Малаховской). Перевод А. Громовой опубликован в кн.: Космический госпиталь. М., 1972.

«137 СЕКУНД»: первая публ. — Przekrój (Kraków), 1972, № 1428. Книжная публ. в сб.: Lem S. Maska. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1976 («Маска»). Первая публ. на русском яз. в газ. «Комсомолец Петрозаводска», 1972, 21, 24, 26, 31 окт. Перевод В. Иванецкого опубликован в кн.: Альманах НФ, вып. 13. М., 1974.

Рассказы переведены на многие языки мира. Поскольку переводы публиковались в различных периодических изданиях, определить точное количество переводов невозможно.

К.Д.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПОБЕДИМЫЙ. Роман. Перевод А. Громовой	5
РАССКАЗЫ	151
Автоинтервью. Перевод Е. Вайсброта	152
Существуете ли вы, мистер Джонс? Перевод А. Якушева	156
Крыса в лабиринте. Перевод Дм. Брускина	164
Вторжение. Перевод А. Якушева	196
Друг. Перевод Ф. Широкова	230
Темнота и плесень. Перевод Т. Монюковой	274
Вторжение с Альдебарана. Перевод Ф. Широкова	292
Молот. Перевод В. Никольского	301
Формула Лимфатера. Перевод В. Ковалевского	336
Правда. Перевод А. Громовой	362
137 секунд. Перевод В. Иваницкого	384
Библиографическая справка. К. Д.	411

Л44 Лем С.
Непобедимый: Роман. Рассказы. Собр. соч. в 10 тт. Т. 3. — М.: «Текст», 1993. — 414 с.

Л 4703010100 — 034 подл.
93

ISBN 5-87106-056-0

СТАНИСЛАВ ЛЕМ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 10 ТОМАХ
Т. 3

Редактор *Б. Г. Володин*
Художественный редактор *В. Б. Прищеп*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректоры *Т. В. Калинина, Н. М. Пушина*

Сдано в набор 15.10.92. Подписано в печать 23.12.92. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.
Усл. кр.-отт. 23,10. Уч.-изд. л. 24,80. Тираж 200 000 экз. Заказ № 928. С10

Издательство «Текст».
125190, Москва, А-190, а/я 89

Литературно-издательская студия «РИФ».
101000, Москва, Чистопрудный бульвар, 12а

Набор и диапозитивы изготовлены в типографии № 7
Министерства печати и информации Российской Федерации.
121019, Москва, пер. Аксакова, 13

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати Российской Федерации.
127018, Москва, Сушевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

S T A N I S Ł A W

L E M

